

О ЦЕРКВИ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

«Горе душамъ тѣхъ, которые
скрываютъ истину».

(Приговоръ VII Всел. Собора).

2-Е ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. остр., 5 лин., 28.

1909.

3871

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Отъ издателя.	VII
Введеніе	1
Глава I. Обзоръ церковныхъ событій съ основанія Церкви до конца III вѣка.	6
Глава II. Обзоръ церковныхъ событій съ IV до конца V вѣка .	30
Глава III. Обзоръ церковныхъ событій съ VI до конца VIII вѣка.	80
Глава IV. Обзоръ церковныхъ событій съ IX до половины XI вѣка.	118
Глава V. О созиданіи христіанскаго ученія вѣры	143
Глава VI. О церковныхъ обрядахъ	182
Глава VII. Афоризмъ св. Викентія Лиринскаго	226
Глава VIII. Возраженія противъ догмата о нешибочности первосѣ- дальника въ вѣрѣ	250
Глава IX. Еще о догматѣ нешибочности и заключеніе.	297

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ:

Настоящая книга, авторъ которой пожелалъ скрыть свое имя, первымъ изданіемъ вышла въ Берлинѣ въ 1888 г. Она сейчасъ же обратила на себя вниманіе нашихъ официальныхъ богословскихъ сферъ и вызвала съ ихъ стороны много возраженій. Къ числу таковыхъ относятся статьи проф. А. Катанскаго, *Православное и римско-католическое понятіе о Церкви* ¹⁾ и рядъ статей проф. Н. Бѣляева, *О католицизмѣ, критическія замѣтки по поводу апологіи папства о Церкви* ²⁾.

Критики эти вполнѣ основательно указали на вѣщніе недочеты книги *О Церкви*: она печаталась на чужбинѣ вдали отъ личнаго наблюденія автора и потому изобиловала опечатками, неточностями въ ссылкахъ и т. п. Но возраженія по существу оказались лишенными всякихъ серьезныхъ основаній. Авторы, желая во что бы то ни стало умалить значеніе приводимыхъ въ книгѣ *О Церкви* доказательствъ въ пользу ученія о преимуществахъ римскаго престола, вынуждены были прибѣгнуть къ такому толкованію историческихъ фактовъ и текстовъ, которое прямо шло въ разрѣзъ со всѣмъ ходомъ церковной жизни первыхъ столѣтій и съ пониманіемъ разбираемыхъ текстовъ Св. Отцами.

Въ то же, приблизительно, время вышли въ свѣтъ и другія

¹⁾ *Церковный Вѣстникъ*, 1889 г.

²⁾ *Православный Собесѣдникъ*, 1889 г.; изданы также отдѣльными брошюрами (Сиб., 1889).

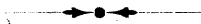
сочиненія по тому же вопросу, а именно: С. Сушкова, *Противъ лжеученія о вселенскомъ главенствѣ римской церкви*, С.-Петербургъ, 1890 г., и прот. А. Лебедева *О главенствѣ папы*, С.-Петербургъ, 1887 г., — сочиненія, отличавшіяся тѣми же особенностями, какъ и „критическія“ возраженія на книгу *О Церкви*.

Все это побудило автора книги *О Церкви* приступить къ дальнѣйшей разработкѣ вопроса, слѣдствіемъ чего явилось капитальное сочиненіе *Церковное Преданіе и русская богословская литература*, вышедшее уже по смерти автора, въ Фрейбургѣ въ 1898 г. Въ этой второй его книгѣ разобраны сочиненія всѣхъ четырехъ названныхъ авторовъ и указаны всѣ отступленія ихъ отъ свято-отеческихъ преданій въ области ученія о Церкви, равно какъ и противорѣчія критиковъ между собою. Кромѣ того многіе вопросы, едва затронутые въ книгѣ *О Церкви*, нашли въ *Церковномъ Преданіи* болѣе полное освѣщеніе.

Въ настоящемъ второмъ изданіи мы старались устранить внѣшніе недостатки перваго изданія книги. Сверхъ того нѣкоторыя мѣста снабжены нами примѣчаніями и болѣе точными указаніями источниковъ.

Читателей мы просимъ объ одномъ. Если имъ нѣкоторыя части книги или отдѣльныя утвержденія автора покажутся не вполне разработанными или недостаточно обоснованными, да не составляютъ окончательнаго сужденія о достоинствѣ настоящаго „очерка“ безъ предварительнаго ознакомленія съ другимъ сочиненіемъ того же автора: *Церковное Преданіе и русская богословская литература*, служащимъ, какъ сказано выше, дополненіемъ и оправданіемъ книги *О Церкви*.

Издатель.

Введеніе.

Ученіе Іисуса Христа и Церковь, имъ основанная для сохраненія, толкованія и распространенія до концевъ земли истинъ божественнаго откровенія, съ самаго своего появленія возбудили противъ себя все, *что отъ міра сего*. Мудрость языческой философіи, ревность народовъ къ своимъ богамъ и государство, само себя боготворившее, соединились въ борьбѣ противъ ученія *не отъ міра сего* и противъ явившагося среди нихъ новаго двигателя, въ силу котораго за чело-вѣкомъ, всецѣло закрѣпощеннымъ государству, выступаетъ образъ духовнаго чело-вѣка, а надъ богами языковъ—Богъ всяческихъ. Церковь знала, что ее ожидаетъ; само обѣтованіе о созиданіи ея предрекло ей борьбу и она сама себя именовала воинствующей до скончанія вѣковъ. И дѣйствительно, борьба противъ нея, либо грубымъ насиліемъ суевѣрія, либо враждебнымъ напоромъ духа отрицанія, никогда не прекращалась. Духъ отрицанія проявляется противъ Церкви то во имя права личнаго толкованія божественнаго откровенія вопреки ей Богомъ данной и во вѣки ей присущей учительской власти, то во имя чело-вѣческаго разума, который въ стремленіи достигнуть истины собственными силами, считаетъ откровеніе завѣсой, заслоняющей ее отъ его взоровъ.

Какъ ни далеки кажутся другъ отъ друга эти два враждебныя христіанству проявленія: „ересь“ и „безвѣріе“, въ христіанскомъ ученіи все такъ тѣсно связано, прочность

вѣрованія въ божественность откровенія стоитъ въ такой зависимости отъ признанія божественности Церкви и непогрѣшимости ея авторитета, что ересь и расколъ, искаженіемъ понятія о той и другой, со временемъ расшатываютъ самое почитаніе откровенія. Отрицаніемъ учительской власти Церкви или посягательствомъ на свободу церковнаго управленія, Богомъ установленной въ обезпеченіе ея вселенскаго учительства, утрачивается вѣра въ божественность Церкви, сознаніе видимаго ея единства и вселенскаго собирательнаго ея призванія. А съ утратой этого духотворящаго сознанія, представленіе о Церкви суживается и грубѣетъ и извращается самый смыслъ христіанскаго ученія; за образомъ духовнаго человѣка опять выступаетъ человѣкъ всецѣло закрѣпощенный государству и надъ Богомъ всяческихъ—боги языковъ. Таковы хотъ и медленныя, но неминуемыя послѣдствія всякаго отступленія отъ здраваго ученія, преданія и свидѣтельства Церкви.

Понятно, что обязательное уваженіе къ этому свидѣтельству зависитъ оттого, считаемъ ли мы Церковь чѣмъ-либо подлежащимъ *мнѣнію* или же *поклоненію*. Въ первомъ случаѣ, мы имѣемъ право распоряжаться ея свидѣтельствомъ и толковать христіанское ученіе по личному усмотрѣнію и выбирать изъ свидѣтельства преданія то, что лучше подходитъ къ даннымъ нашимъ воззрѣніямъ на Церковь. Всѣ толки, возникшіе по почину личнаго разума, развились, такимъ образомъ, внѣ учительства Церкви присоединеніемъ къ нимъ послѣдователей по свободному ихъ выбору и не иначе создались все болѣе или менѣе долговѣчныя христіанскія общества, такъ или иначе проживающія рядомъ съ вселенской Церковью. Во второмъ случаѣ, т. е. когда мы признаемъ Церковь предметомъ вѣры, наши обязанности къ ней совершенно другаго свойства; мы тогда, принадлежа къ ней, являемся душой, умомъ и сердцемъ въ единеніи съ Церковью и мы обязаны блюсти себя отъ всего, что могло бы разобщить насъ съ ней.

Въ виду такой обязанности, сама Церковь поучаетъ, что надо имѣть особенную заботливость о себѣ, когда внутри самой Церкви говорятъ противное ей, т. е. мы должны провѣрить, дѣйствительно ли принадлежитъ ей то, что ставится подъ ея имя, и согласуется ли оно съ живымъ ея свидѣтельствомъ о самой себѣ. Подобное требованіе со стороны Церкви вполне понятно, потому что всякій приговоръ о законности и правильности чего-либо произносится на основаніи того, что считается мѣриломъ разсматриваемаго предмета или вопроса. Въ мѣрѣ вещественномъ мѣриломъ служатъ мѣра и вѣсъ; въ оцѣнкѣ дѣйствій въ области права мѣриломъ являются узаконенія того общества, къ которому они относятся, а въ вопросахъ нравственности—то, что въ данномъ обществѣ считается добромъ и зломъ. Въ обществѣ, не связанномъ божественнымъ откровеніемъ, въ силу преложности всего земнаго, остается непреложнымъ только одно, именно то, что слѣдуетъ поступать согласно понятію добра и зла. Это первичное, присущее человѣку сознание принципа добра и зла, совершенно независимо отъ того, что считается таковымъ, лежитъ основой всего, что человѣкомъ достигнуто собственными силами въ области нравственной. И имъ достигнуто не малое и надо тому воздавать должное, но чѣмъ болѣе мы воздаемъ должное разуму и чѣмъ величавѣе встаетъ передъ нами человѣкъ, тѣмъ яснѣе сказывается несостоятельность всего, имъ самимъ достигнутаго, передъ собственной его природой въ цѣломъ взятой, т. е. передъ совокупностью его душевныхъ стремленій, которыя не находятъ себѣ удовлетворенія ни въ чемъ земнородномъ, потому что самъ земнородный человѣкъ созданъ по образу и подобию Божію. Изъ двойственности его природы вытекаетъ его непоборимое влеченіе къ небу и безсиліе къ достиженію его. Вся судьба человѣчества, вся скорбь человѣка, обусловлена борьбою въ немъ двухъ началъ, высшаго и низшаго, духа и плоти. Примиреніе ихъ совершилось въ лицѣ Богочеловѣка; въ Немъ одномъ, въ воплощенномъ Словѣ и въ Его ученіи,

человѣкъ можетъ найти полноту удовлетворенія; искать ея внѣ совершившагося примиренія его двойственной природы равняется исканію несуществующаго.

Отъ человѣка зависитъ стать общникомъ примиренія или нѣтъ. Когда напряженіемъ всѣхъ умственныхъ силъ онъ доходитъ до предѣла своего и на грани временнаго и вѣчнаго ищетъ смыслъ пройденнаго пути въ обобщеніи добытаго, отъ человѣка зависитъ преклониться предъ божественнымъ откровеніемъ и встать возрожденнымъ, или, отворачиваясь отъ встрѣченнаго свѣта, измѣрить обратный путь усталыми и неровными шагами пытливости и сомнѣнія. Этотъ выборъ—неотъемлемое его право, потому что оно вытекаетъ изъ природы души, созданной по образу и подобию Божію, т. е. свободной и, если Богъ создалъ душу свободной, значитъ, что Онъ ее хочетъ таковой и что отношенія ея къ Создателю должны быть свободныя. По словамъ Отцевъ, Господь не укорялъ оставлявшихъ Его, именно въ доказательство, что Богъ не нарушаетъ того закона, по которому человѣкъ, въ силу своей свободы, идетъ *по собственному праву* къ смерти или спасенію, ибо откровеніе дано свободѣ произволенія, которое можетъ преклоняться по волѣ и на доброе и на злое ¹⁾. Въ силу же этого права и тайны взаимности благодати и свободного произволенія, понятно, что всякое насиліе въ области отношеній души къ Творцу *во имя чего либо земнаго* равносильно вторженію въ мѣсто встрѣчи Бога съ человѣкомъ и святотатственная попытка земнаго—ставить себя въ отношеніи души выше самаго Бога.

Итакъ, вслѣдствіе прирожденной свободы человѣка, отъ него зависитъ вѣрить въ Церковь и тогда, подчиняясь ея авторитету, принимать ее одну за мѣрило правильности того, что ставится подъ ея высокое имя, или не вѣрить въ Церковь и тогда руководиться въ обсужденіи религіозныхъ во-

¹⁾ Киприанъ Каро. Письмо 47 къ Корнилию о Фортунатѣ и Фелициссимѣ, или противъ еретиковъ.—Макарій Вел., Слово VII о свободѣ ума, гл. 3.

просовъ собственными или общественными понятіями о хорошемъ и дурномъ. Православное ученіе преподаетъ, что Церковь, согласно словамъ апостола, „столпъ и утвержденіе истины“, не подлежитъ *мнѣнію*, но *поклоненію*; всякій, стало быть, православно исповѣдующій вѣру, долженъ тѣмъ самимъ подчиняться ученію и свидѣтельству Церкви. Для него понятіе добра и зла изъято изъ области мнѣнія и не можетъ уже зависѣть отъ чего-либо временнаго. Что объявлено Церковью хорошимъ или дурнымъ, является и для него такимъ же непремѣнно, потому что онъ вѣритъ въ Церковь, Богомъ поставленную для раскрытія вѣчныхъ истинъ. Принадлежа къ Церкви, человекъ въ одномъ однако остается нравственно связаннымъ передъ міромъ, наравнѣ со всѣми, а именно: онъ долженъ оставаться вѣренъ своему критерию добра и зла. Итакъ, разъ признавшій Церковь за свой критерій православный христіанинъ, какъ по вѣрѣ, такъ и по разуму, долженъ подчиняться ея ученію и не лжесвидѣтельствовать о немъ, иначе онъ окажется несостоятельнымъ предъ откровеніемъ и Церковью, и передъ разумомъ и обществомъ.

Посмотримъ, на чемъ основывается церковное преподаваніе у насъ, подчиняется ли оно непреложному ученію непогрѣшимой Церкви или преходящимъ требованіямъ мнѣнія, согласуется ли оно съ свидѣтельствомъ Церкви, или находится въ противорѣчій съ нимъ. Для рѣшенія этого вопроса, слѣдуетъ обратиться къ свидѣтельству самой Церкви, къ тому, что она сама о себѣ вѣщаетъ.

ГЛАВА I.

Обзоръ церковныхъ событій съ основанія Церкви до конца III вѣка.

„Вѣрую во единую, святую, соборную и Апостольскую Церковь,
Πιστεύω εἰς μίαν, ἁγίαν, καθολικὴν, καὶ Ἀποστολικὴν Ἐκκλησίαν“¹⁾.

Этими словами, которыми Церковь призываетъ насъ къ вѣрѣ въ нее, она свидѣтельствуетъ о себѣ, какъ объ органическомъ цѣломъ, обладающемъ положительными свойствами и узнаваемомъ по отличительнымъ признакамъ.

Единство, святость, вселенство и Апостольство, вотъ стало быть, свойства Церкви. Если ея свойства таковы, она должна обнаруживать ихъ явными признаками, въ отличіе отъ всѣхъ, когда-либо бывшихъ или могущихъ возникнуть незаконныхъ сборищъ.

Святость Церкви обуславливается самимъ фактомъ основанія ея Господомъ и заключается въ присутствіи въ ней благодати, изліяніи на нее даровъ Духа Святаго, которые она сообщаетъ вѣрующимъ черезъ таинства.

Апостольство состоитъ въ томъ, что Церковь получила начало отъ Апостоловъ, содержитъ ихъ ученіе и продолжаетъ ихъ служеніе и въ апостольскомъ преемствѣ ея пастырей.

Единство обуславливается тѣмъ, что божественный Основатель Церкви препоручилъ ей проповѣдь единой истины

¹⁾ Καθολικὴ Ἐκκλησία = вселенская Церковь. Слово «соборная» принято здѣсь въ смыслѣ «вселенская».

и толкованіе ея въ духѣ единой вѣры; оно выражается іерархической связью и единствомъ вѣры и дѣйствія.

Соборность (т.-е. вселенство), которая обусловлена призваніемъ Церкви привести людей къ спасенію во всякое время и со всѣхъ концовъ земли, вытекаетъ изъ всемірности искупительной жертвы. Церковь Христа Спасителя не можетъ быть ограничена никакими предѣлами какъ времени, такъ и пространства, но должна раскинуться общей для всѣхъ сѣнью спасенія. Что она всегда себя считала вселенской и вѣрующими не мыслилась иначе, о томъ свидѣтельствуеетъ она сама и все историческое ея прошлое.

Приведемъ толкованіе о Церкви св. Кирилла Іерусалимскаго. „Съ того времени, какъ Іудеи по причинѣ злаго умысла противъ Спасителя отвержены отъ благодати, Спаситель создалъ другую изъ язычниковъ христіанскую Церковь, нашу святую Церковь, о которой сказалъ Петру: *И на семъ камени созижду Церковь Мою, и врата адавы не одолѣютъ ей*“ (Матѣ. 16, 18) ¹⁾. „Церковью же (или созваніемъ т.-е. собраніемъ) называется соотвѣтственно самой вещи, поелику всѣхъ созываетъ и вмѣстѣ собираетъ, какъ въ книгѣ Левитъ говоритъ Господь: *И весь сонмъ собери предъ двери скинии свидѣнія* (Левит. 8, 3). Замѣчательно, что слово *собери* въ первый разъ въ Писаніи употреблено тогда, когда Богъ поставилъ Аарона первосвященникомъ. И въ книгѣ Второзаконія говоритъ Богъ Моисею: *Собери ко мнѣ люди, и да слышатъ словеса Моя, да научатся бояться Мене* (Второз. 4, 10). Наименованіе Церкви употребляется также тогда, какъ говорится о скрижаляхъ: *И на нихъ бяху написана вся словеса, яже глагола Господь къ вамъ въ юртѣ изъ среды огня въ день собранія* (Втор. 9, 10). Яснѣе какъ бы такъ говоритъ Моисей: *Въ тотъ день, въ который, бывъ созваны Богомъ, вы собрались*“ ²⁾.

¹⁾ Кириллъ Іерусал., Огласит. слово XVIII, 25.

²⁾ Тамъ же 24.

Итакъ „Церковь называется *вселенскою* потому, что находится по всей вселенной отъ концевъ земли до концевъ ея, что повсемѣстно и въ полнотѣ преподаетъ все то ученіе, которое должны знать люди, ученіе о вещахъ видимыхъ и невидимыхъ, небесныхъ и земныхъ, что весь родъ человѣскій приводитъ къ истинной вѣрѣ, начальниковъ и подчиненныхъ, ученыхъ и простыхъ людей, и что повсемѣстно врачуетъ и исцѣляетъ всѣ роды грѣховъ, душею и тѣломъ содѣлываемыхъ, имѣетъ въ себѣ всякій видъ совершенства, являющагося въ дѣлахъ, словахъ и во всякихъ духовныхъ дарованіяхъ“ ¹⁾. „Поелику же название церкви употребляется въ различныхъ случаяхъ, какъ, на примѣръ, о народѣ, бывшемъ на зрѣлищѣ ефесскомъ, написано: *И сія рекъ распусти собравшійся народъ* (Церковь) (Дѣян. 19, 40); по праву и по истинѣ можно назвать церковію лукавнующихъ сборища еретиковъ, то-есть Маркіонитовъ и Манихеевъ и другихъ: то посему Символь вѣры въ предосторожность теперь научаетъ тебя такъ: *И во едину Святую, Вселенскую Церковь*, дабы ты оныхъ скверныхъ сборищъ убѣгалъ, а пребывалъ бы всегда въ Святой Вселенской Церкви, въ которой ты и возродился. Если когда придешь въ городъ, не просто спрашивай: гдѣ храмъ Господень? ибо и прочіе нечестивые еретики пещеры свои называютъ храмами Господними, и не спрашивай просто: гдѣ церковь? но гдѣ церковь *вселенская*? ибо сіе собственно имя сей Святой и всеобщей Матери нашей Церкви, которая есть Невѣста Господа нашего Иисуса Христа, Единороднаго Сына Божія“ ²⁾. Цари странъ и народовъ имѣютъ предѣлы власти своей, одна святая Вселенская Церковь во всемъ мірѣ имѣетъ безпредѣльную силу“ ³⁾.

Если *единство*, ненарушимое никакими земными обособленіями, и *вселенство*, неограниченное никакими земными подраздѣленіями, составляютъ отличительныя черты Церкви,

¹⁾ Тамъ же, 23.

²⁾ Тамъ же, 26.

³⁾ Тамъ же, 27.

понятно, что она должна ихъ проявлять *видимымъ* образомъ, потому что Христось основаль не призрачную Церковь, а дѣйствительную. Какъ ветхозавѣтная Церковь была видимо и осязаемо обособленная, такъ новозавѣтная Церковь, исполненная обѣтованія всемірнаго искупленія, должна быть видимо и осязаемо вселенская. Какъ въ составъ первой входилъ одинъ народъ, избранный въ блюстители обѣтованія, такъ въ составъ второй должны входить люди, призванные ко спасенію со всѣхъ концевъ земли, для образованія, принадлежностью своей къ единой матери Церкви, соборнаго народа Божія, съ которымъ Церковь на грани времени должна во всемъ вселенскомъ своемъ значеніи предстать предъ Господомъ и соборно вступить въ вѣчность. Если съ одной стороны понятно, что *единство* и *вселенство*—свойства и признаки Церкви, то съ другой понятно также, что они могутъ находиться только въ Церкви, основанной Господомъ на подобіе дома, построеннаго на камнѣ и котораго никакія непогоды не могли поколебать, *потому что онъ основанъ былъ на камнѣ* ¹⁾. Только та церковь можетъ обладать всѣми свойствами Церкви и видимо обнаруживать ихъ, которая не сдвинута съ основы, на коей она была создана и на коей она росла и развилась. Церковь, сдвинутая съ ней въ силу человѣческихъ соображеній или по требованіямъ переходящихъ земныхъ обособленій, не можетъ представлять собой вселенскаго Христова Тѣла уже потому, что на ней не можетъ исполниться обѣтованіе несокрушимости, такъ какъ никакіе подмостки отъ міра сего не могутъ замѣнить твердости камня божественнаго строительства.

„Ты еси Петръ и на семъ камнѣ Я создамъ Церковь Мою и врата ада не одолѣютъ ея. И дамъ тебѣ ключи царства небеснаго и что ты свяжешь на землѣ, то будетъ связано на небесахъ и что разрѣшишь на землѣ, то будетъ разрѣшено на небесахъ“ ²⁾.

¹⁾ Лук. VI, 48.

²⁾ Матв. XVI, 18 - 19.

„Симонъ! Симонъ! се сатана просилъ, чтобы съять васъ какъ пшеницу. Но Я молился о тебѣ, чтобы не оскудѣла вѣра твоя, и ты, нѣкогда обратившись, утверди братьевъ твоихъ“¹⁾. „Паси овцеѣвъ Моихъ; паси овцеѣвъ Моихъ; паси овцеѣвъ Моихъ“²⁾.

Съ этими словами обращался Спаситель къ Петру въ началѣ своего земнаго служенія, передъ крестнымъ довершеніемъ его, и послѣ исполненія закона и пророковъ, передъ самымъ вознесеніемъ на небо.

Какъ понимать смыслъ и значеніе этихъ словъ? Сказаны ли онѣ Иисусомъ Христомъ по человѣчеству или же по божеству? Смотрѣть ли на нихъ, какъ на притчу и дать имъ символическій смыслъ, или же признать ихъ за все-сильное творчески-дѣйственное изреченіе Слова, *Имъ же вся быша?*—Если Сынъ Божій не создалъ Церковь въ силу этого изреченія и согласно съ нимъ, то она Имъ не создана, потому что другихъ церковно-созидательныхъ словъ Онъ не произнесъ; а если Онъ ихъ произнесъ по божеству и создалъ Церковь въ силу ихъ и согласно съ ними, то обѣтованія, которыя въ нихъ содержатся, живы, потому что обѣтованія Божіи не прейдуть.

Однако, чтобы понять настоящій смыслъ и значеніе словъ Спасителя, обратимся къ самой Церкви; поученія Отцевъ откроютъ намъ, въ какомъ смыслѣ она ихъ понимаетъ, а жизнь ея раскроетъ значеніе, которое она имъ придаетъ.

Первый рыбарь, призванный съ моря Галилейскаго въ ловцы человѣковъ, былъ братъ Симона, Андрей, за которымъ осталось имя *Первозваннаго* (*Πρωτοκλήτος*). Тѣмъ не менѣе на спискѣ Апостоловъ въ Св. Писаніи имя его брата стоитъ во главѣ всѣхъ³⁾, и св. Епифаній Кипрскій считаетъ нужнымъ пояснить намъ по поводу призванія сыновъ Іонина: „Пусть никто съ сомнѣніемъ не вдается въ изслѣдованія о семъ, видя, что Андрей первый тогда пришелъ къ Иисусу, а

¹⁾ Лук. XXII, 31—32.

²⁾ Иоанн. XXI, 15—17.

³⁾ Матт. X, 2.

потомъ Петръ и что Петръ былъ призванъ Андреемъ; и пусть не начинается досадовать по этому поводу. Андрей первый встрѣтился съ Господомъ но въ послѣдствіи, когда отреченіе ихъ (т.-е. отъ прежняго образа жизни) сдѣлалось совершеннымъ, дѣло началось съ Петра, ибо онъ предшествовалъ своему брату; а еще потому, что Богъ вѣдаетъ наклонности сердечныя и знаетъ, кто достоинъ быть поставленъ *первымъ*, Господь избралъ Петра быть начало-вождемъ своихъ учениковъ, какъ все доказываетъ это ясно¹⁾. И дѣйствительно, должно быть, считалось, что „все доказываетъ это ясно“, если между первенствующими христіанами даже составилось мнѣніе, будто Апостоль Павелъ противосталъ въ Антиохіи не Петру, а соименному ему Кифъ изъ числа семидесяти²⁾.

Послушаемъ, что говоритъ о главенствѣ Апостола Петра тотъ, котораго Іоаннъ Златоустъ называетъ мечемъ противъ еретиковъ и сосудомъ Св. Духа³⁾, т.-е. св. Ефремъ Сиринъ: „Свѣтильникъ—Христось, восклицаетъ бл. отецъ,—свѣщникъ — Петръ, и елей — раздаяніе Св. Духа. Радуйся Петръ, дверь грѣшниковъ, уста учениковъ, гласъ проповѣдниковъ, око апостоловъ, стражъ небесъ! Радуйся Андрей съ озера переселившійся на небеса, свой неводъ отдавшій въ наемъ благодати и мрежу уступившій Духу, вмѣсто рыбы принесшій Христу Симона; начавшій рыбарство свое уловленіемъ рыбарей апостоловъ, проповѣдниковъ, царей и начальниковъ, потому что всѣмъ этимъ и даже большимъ былъ Петръ!“ Чѣмъ же можетъ Петръ быть еще большимъ всѣхъ тутъ перечисленныхъ, не исключая самихъ апостоловъ? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ тотъ же св. Ефремъ въ словѣ на день Преображенія: „Моисей, говоритъ онъ, увидѣлъ (на Өаворѣ) освященнаго Симона; одинъ разсѣкъ

¹⁾ *Епиф. Кипр.*, ересь 31, по общ. порядку 51, гл. 17.

²⁾ О чемъ повѣствуетъ св. *Климентъ Алекс.* въ 5-ой книгѣ Предначертаній.

³⁾ *Іоаннъ Злат.* Слово противъ еретиковъ.

море, чтобы народъ прошелъ среди волнъ, другой поставилъ сѣнь, чтобы создать Церковь... Гора стала образомъ Церкви и Иисусъ соединилъ на ней два завѣта, какіе приняла Церковь и далъ намъ разумѣть, что Онъ Самъ Податель обоихъ; одинъ принялъ тайны Его, а другой явилъ славу дѣлъ Его. Симонъ же сказалъ: Господи! хорошо намъ здѣсь быть! — Что говоришь ты, Симонъ? если здѣсь останемся, кто исполнитъ слово пророковъ? Кто запечатлѣетъ вѣщанія проповѣдниковъ? Кто совершитъ таинства праведныхъ?.. Если здѣсь останемся, какъ сбудется все то, что сказалъ Я тебѣ, какъ созиждется Церковь на тебѣ ¹⁾ какъ получишь отъ Меня ключи царства небеснаго? Кого будешь вязать, кого будешь разрѣшать? Если здѣсь останемся, безъ исполненія остается все, сказанное пророками. — Еще сказалъ Петръ, сдѣлаемъ здѣсь три кущи! Симонъ посланъ созидать Церковь въ мірѣ, а вотъ творить сѣни на горѣ!“ ²⁾

Симонъ посланъ созидать Церковь въ мірѣ! Вотъ, чѣмъ онъ больше всего великаго, не исключая даже самихъ апостоловъ! Для бл. Отца, слова Христовы не были символическими, и въ его представленіи тотъ, которому Слово сказалъ, что на немъ создана будетъ Церковь, такъ неразрывно связанъ съ нею, что для него, какъ для св. Амвросія, „гдѣ Петръ, тамъ Церковь“ ³⁾ и даже какъ для Іоанна Златоуста, „Петръ, Церковь Божія!“ ⁴⁾ Не иначе говоритъ св. Кириллъ Іерусалимскій, называя Петра „первенствующимъ между апостолами; верховнымъ проповѣдникомъ въ Церкви“ ⁵⁾. Святой Киприанъ Карѳагенскій выражается не менѣе ясно: „Петръ,

¹⁾ Слово «на тебѣ» нѣтъ въ первомъ изданіи. Авторъ цитировалъ Ефрема по русскому переводу, полагаясь на его добросовѣстность. Увы и здѣсь, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, русскіе переводчики не преминули очистить текстъ отъ «латинскихъ» выражений. (Прим. издат.)

²⁾ *Ефр. Сир.*, Слово на Преоб.

³⁾ *Амвр. Мед.* Толк. на 30 псаломъ.

⁴⁾ Іоан. Зл., Слово на 29 іюня.

⁵⁾ *Кирилл. Іер.* Огл. слово XI.

на которомъ Господь основалъ Свою Церковь, говоря одинъ за всѣхъ и *отвѣчая голосомъ Церкви...* и т. д.“¹⁾ Макарій Египетскій сосредоточиваетъ въ немъ святительскую и правящую власть Церкви, выставляя его „преемникомъ Моисеевымъ, когда *встрѣны ему были* новая Церковь Христова и истинное священство“²⁾. Всѣ наконецъ церковные писатели говорятъ о немъ, какъ о томъ камнѣ, на которомъ не только построена была Церковь, но на которомъ она держится: „Петръ, на коемъ *зидается* Церковь Христова не одолѣваемая и вратами ада“³⁾. „Петръ, за превосходство вѣры получившій обѣтованіе, что на немъ созидается Церковь“⁴⁾ и „котораго Христось поставилъ по себѣ Пастыремъ своей Церкви“⁵⁾.

Церковь, стало быть, понимаетъ слова Спасителя, обращенныя Петру, не въ образномъ, а въ настоящемъ, положительномъ смыслѣ и, кромѣ того, не смотритъ на Петра какъ на камень, послужившій къ созиданію ея, но который можно отбросить по окончаніи сооруженія, но какъ на постоянную свою основу. Коль скоро онъ имѣетъ въ глазахъ Церкви такое значеніе, особенное даже отъ значенія верховнаго ему по преизобилію благодати Апостола Павла, значить, главенство его отличается чѣмъ-нибудь особеннымъ: въ немъ сосредоточивается руководящая власть управленія и учительства, т. е. верховное пастырство. „Научите и крестите“ сказано всѣмъ Апостоламъ, „Утверди же братьевъ твоихъ“ и „Паси овецъ Моихъ“—одному Петру.

Если главенство Апостола Петра было таковымъ, оно должно было чѣмъ-нибудь выразиться. Мы дѣйствительно видимъ, что голосъ его считается голосомъ самой Церкви, т. е. не только голосомъ, говорящимъ отъ имени ея власти,

¹⁾ *Кирр. Карв.*, Письмо 47.

²⁾ *Мак. Епип.* Бесѣда 26, 23 (рус. пер. Москва, 1852, стр. 273).

³⁾ *Евсевій Памф.* Церк. исторія VI, 5.

⁴⁾ *Св. Василій Вел.* Противъ Евномія, кн. II.

⁵⁾ Тамъ же, кн. V.

но самъ собой ее являющимъ, а онъ самъ не только пастыремъ простыхъ вѣрующихъ, но и руководителемъ и вождемъ самихъ апостоловъ. Такимъ представляется онъ Отцами и такимъ является на дѣлѣ: послѣ вознесенія Иисуса Христа, въ тѣ дни, когда, ставъ посреди учениковъ, сказалъ имъ, что надо въ замѣнъ Иуды избрать другого изъ ихъ среды въ свидѣтели воскресенія Господа; послѣ сошествія Святаго Духа, когда говорилъ и отвѣчалъ за всѣхъ и первый возвысилъ учительскій голосъ Церкви и, призывая къ вниманію собственнымъ словамъ, положилъ основаніе христіанскому догмату, вѣщая что Иисусъ Назарей, прибитый плотью ко кресту,—распятый и воскресшій Богъ; у притвора храма, съ котораго обратился съ первой всенародной рѣчью Церкви; передъ іудейскимъ судилищемъ, гдѣ на допросѣ вѣрующимъ одинъ отвѣчалъ въ защиту всѣхъ; когда лично произнесъ надъ Ананіемъ и Сапфирой первый приговоръ церковнаго суда, и въ пораженіи Симона Волхва, когда произнесъ первое отлученіе отъ Церкви ¹⁾).

Послѣ всего сказаннаго, возможно ли отрицать главенство Апостола Петра? Не о немъ ли восклицаетъ Церковь: „Сильнѣйшая изъ всѣхъ трубъ Св. Духа; князь, глава апостоловъ, утвержденіе каѳолической Церкви, непоколебимая основа православной вѣры и твердыня догмата?“ Протестанту, конечно, все можно, потому что, отрицая божественность Церкви, онъ самъ себѣ судья въ рѣшеніи вопросовъ вѣры, но содержащему православное ученіе, это непозволительно.

Какое же мѣсто отведено Церковью этому признанному ею верховному значенію Апостола Петра? проходится ли оно молчаніемъ въ послѣдующее время? Сказанное ему относилось ли исключительно къ нему лично, чтобы прекратиться съ его смертію, или же въ силу апостольскаго преемства перешло къ его преемникамъ по каѳедрѣ? Этому опять таки надо искать рѣшенія въ самой Церкви, въ ея жизни и поученіяхъ.

¹⁾ Дѣян. I, 15—22. II, 14—40. III, 12—26. IV, 8—12.

Первенствующая Церковь не представляет, конечно, въ своемъ строѣ ясно очерченныхъ формъ; въ ней, какъ во всемъ начинающемся, жизнь выражается просто. Какъ фактъ дыханія младенца самъ собою доказываетъ присутствіе жизни въ немъ, такъ простой фактъ существованія извѣстныхъ отношеній между составными частями зарождающагося общества, самъ собой—вѣрный признакъ ихъ существованія и достаточное указаніе о взаимномъ ихъ положеніи, даже при отсутствіи всякихъ установленныхъ формъ въ области проявленія этихъ отношеній. О внѣшнемъ строѣ первенствующей Церкви находимъ прекрасное изложеніе у св. Епифанія Кипрскаго, въ его опроверженіи ереси Аэрія. „Аэрій,—пишетъ бл. отецъ,—говоритъ: что такое епископъ въ сравненіи съ пресвитеромъ? Онъ ничѣмъ отъ него не отличается; одинъ чинъ, одна честь и одно достоинство у того и у другого; возлагаетъ руки епископъ, возлагаетъ и пресвитеръ; прощеніе преподаетъ епископъ, преподаетъ и пресвитеръ; домостроительство служенія ¹⁾ совершаетъ епископъ, совершаетъ и пресвитеръ... Для оболещенія себя и своихъ слушателей онъ приводитъ то, что Апостоль пишетъ пресвитерамъ и діаконамъ ²⁾. Значитъ, — толкуетъ Аэрій, — епископъ то же, что пресвитеръ. И этотъ человекъ, не знающій *последовательности истины и не занимавшійся древнѣйшей исторіею*, не понимаетъ, что св. Апостоль писалъ, когда проповѣдь была еще юна! Гдѣ уже были поставлены епископы, онъ писалъ имъ и діаконамъ; апостолы не все могли вдругъ устроить; была нужда прежде всего въ пресвитерахъ и діаконахъ и посредствомъ этихъ двухъ степеней можно было исполнить церковныя обязанности... а по возможности ставили епископовъ; гдѣ некого было ставить во пресвитеры довольствовались однимъ мѣстнымъ епископомъ, а безъ діакона епископу быть невозможно. Поэтому св. Апостоль

¹⁾ т. е. совершаетъ Евхаристію.

²⁾ 1 Тим. IV, 14., Филипп. I, 1.

озаботился, чтобы при епископахъ для служенія были діаконы. Церковь не получила еще полнаго устройства, потому въ то время и было такое положеніе. *Въ каждомъ дѣлѣ не съ начала все есть, но съ теченіемъ времени все устрояется*¹⁾. И вотъ, за то, что Аэрій отрицалъ законность того, что было въ его время, на томъ основаніи, что этого прежде не было, онъ подвергается строгому осужденію св. Епифанія, который называетъ его ученіе „такимъ безумнымъ, что человѣкъ и представить себѣ не можетъ!“ И порицаніе бл. отца вполнѣ заслужено, потому что земная Церковь, хотя и созданная не отъ міра сего, тѣмъ не менѣе создана въ мірѣ, для него и по общимъ законамъ всего сотвореннаго, въ силу чего подлежитъ общимъ условіямъ развитія всего живаго. Какъ Богочеловѣкъ по человѣчеству не былъ чуждъ ничему человѣческому, *кромѣ грѣха*, такъ и сверхземная но земная Церковь Его не чужда ничему земному, *кромѣ разрушенія*; вотъ почему *въ ней, какъ въ каждомъ дѣлѣ, не сначала все есть*. Но если это такъ, то вѣрно также, что каждому живому существу свойственно обладать съ начала же всѣмъ тѣмъ, что оно со временемъ изъ себя явитъ, какъ зерно являетъ изъ себя колось по сокровенной въ немъ силѣ прозябанія. Мы не должны, стало быть, смущаться, если не усматриваемъ въ младенческой Церкви всего того, что видимъ въ ней впослѣдствіи; стало быть, если чего въ ней нѣтъ, не скажемъ, что оно ей по природѣ не присуще, но не будемъ также отрицать, что того не было въ данномъ времени; *наша Мать вѣдь тогда была юна, когда сама проповѣдь еще была юна!* Церковь не могла въ младенствѣ явить полноту возраста своего, какъ не могла и вырасти, оставаясь младенцемъ; не могла лежать неподвижной въ пеленахъ колыбели, какъ подъ саваномъ, но не могла также находиться въ нихъ во всеразвитіи своихъ сокровенныхъ силъ и дарованій. Не будемъ же подражать обратнымъ безуміемъ безумію

¹⁾ Св. Епиф. Кипр., Противъ Аэрія, гл. 3, 4 и 5.

тѣхъ, которые, „не зная послѣдовательности истины“, не хотятъ признавать Церкви, потому что она является имъ съ опредѣленными чертами и развитыми членами зрѣлаго возраста; мы бы встрѣтились въ такомъ случаѣ съ ними у колыбели Церкви, гдѣ они ищутъ ее подъ пеленами, чтобы съ своей стороны уложить ее туда же подъ принесенный ими парчевый саванъ. Не съ малодушнымъ страхомъ должны мы относиться къ Церкви, когда не усматриваемъ сначала того, что хотимъ въ ней видѣть, и не съ враждою духа отрицанія при видѣ того, что она постепенно изъ себя являетъ естественнымъ ходомъ жизни и *послѣдовательностію истины*. Итакъ, возвратимся къ Церкви на зарѣ дней ея, безъ натяжекъ и безъ утаекъ, приличныхъ лицемѣрію и сомнѣнію, а съ твердымъ убѣжденіемъ, что она, какъ истина, правды не боится.

Первые преемники Апостола Петра были Линъ, Клитъ и Климентъ. О послѣднемъ, несмотря на то, что онъ занялъ каѳедру черезъ 25 лѣтъ послѣ кончины Апостола, существовало преданіе, что онъ также былъ рукоположенъ самимъ Петромъ, а по разстоянію его епископства отъ кончины верховныхъ Апостоловъ, принято, на основаніи древнихъ свидѣтельствъ, считать, что Линъ и Клитъ управляли римской церковью при жизни верховныхъ Апостоловъ, и что Климента Петръ рукоположилъ и возвелъ на каѳедру, съ назначеніемъ его заранѣе въ преемники себѣ ¹⁾. Если объ этомъ упоминаютъ подложныя творенія Климента, впрочемъ уже второму вѣку извѣстныя, то этимъ не уменьшается значеніе другихъ свидѣтельствъ о томъ же, какъ Ириней, Тертуллианъ, который прожилъ нѣкоторое время въ Римѣ около 202 г. и др. Святой же Епифаній Кипрскій пишетъ, что не можетъ утвердительно сказать, поставленъ ли Климентъ еще Петромъ и, удалившись, возвратился послѣ Клита, или поставленъ послѣднимъ, „какъ нѣкоторые говорятъ, потому что это не

¹⁾ Кончина верх. Ап. въ 67 г., епископство же св. Климента съ 93—103 г.

совершенно ясно извѣстно“, но во всякомъ случаѣ, онъ— третій епископъ послѣ верховнаго Апостола. Независимо отъ оцѣнки ученыхъ изслѣдованій о времени посвященія св. Климента, для насъ важнѣе всего свидѣтельство Отцевъ и церковныхъ писателей о томъ, что онъ видѣлъ Апостоловъ, жилъ вмѣстѣ съ ними, что ихъ проповѣдь отзывалась въ его слухъ и что ихъ преданія были передъ его взоромъ; нѣтъ, стало быть, сомнѣнія, что Климентъ въ своемъ служеніи руководился ихъ примѣромъ.

Около 96—97 г. (т.-е. 30 лѣтъ послѣ кончины верховныхъ Апостоловъ, 64 года послѣ вознесенія Господа и когда Евангелистъ Іоаннъ былъ еще въ живыхъ) возникло смятеніе въ коринѣской церкви „и благонамѣренные изъ тамошнихъ христіанъ, почли необходимымъ извѣститъ объ этомъ римскую церковь“. Согласно съ ихъ просьбой, Климентъ отправилъ имъ два посланія, одно отъ имени римской церкви, другое отъ своего имени ¹⁾. О томъ, съ какимъ уваженіемъ относились первенствующіе христіане къ посланіямъ римскихъ предстоятелей, видно изъ посланія коринѣскаго епископа, св. Діонисія, къ папѣ Св. Сотиру 169 г.: „Сего дня,—пишетъ онъ ему,—проводили мы святой день Господень и читали посланіе ваше, которое и всегда будемъ читать для нашего наставленія, также какъ и прежде написанное къ намъ Климентомъ“ ²⁾. Посланія послѣдняго, по словамъ древнихъ, были „сильнѣйшія“ и они дѣйствительно написаны властной рукой. Между тѣмъ, апостольскими правилами воспрещается первенствующимъ епископамъ провинцій простираť свои дѣйствія за предѣлы своего очруга и предписывается ничего не творить безъ разсужденія съ подчиненными имъ мѣстными епископами, а послѣднимъ, всему клиру и мірянамъ возбраняется обращаться къ другому епископу,

¹⁾ Первое изъ нихъ, дошедшее до насъ, считается безусловно подлиннымъ; подлинность же второго, хотя и не отвергается, но считается нѣкоторыми менѣе ясно доказанной.

²⁾ *Ессей*, Ц. И. IV, 23.

кромѣ своего начальника. Какимъ же образомъ могли коринѣскіе христіане считать необходимымъ извѣстить о своихъ дѣлахъ римскую церковь? Что значить обращеніе ихъ не просто къ уважаемому Клименту, но къ римской церкви, т.-е. къ римской каѳедрѣ? Что значить почтеніе на разстояніи семидесяти лѣтъ, постоянно оказываемое коринѣскимъ епископомъ римскому? Какимъ образомъ могли коринѣяне, и при томъ самыя благонамѣренные изъ нихъ, относиться съ пренебреженіемъ къ своему епископу, а онъ самъ къ правамъ и достоинству своего сана? Вѣдь Климентъ тогда уже не состоялъ при апостолахъ сопутствующимъ ученикомъ, не былъ болѣе Апостольскимъ мужемъ, странствующимъ для наставленія церквей.—Но это не все; заботы Климента на римской каѳедрѣ никакой чертой не ограничиваются; онъ пишетъ не одной коринѣской церкви, а *всѣмъ церквамъ* и посланія его читаются во всѣхъ ¹⁾. Въ *Апостольскихъ Правилахъ* находятся только два обращенія въ первомъ лицѣ; только два человѣка говорятъ отъ своего имени: Петръ и Климентъ. По поводу получающихъ одну изъ степеней священства за деньги читаемъ тамъ: „Да отлучаются (они), яко Симонъ волхвъ мною Петромъ“, а вслѣдъ за перечисленіемъ книгъ Св. Писанія, обязательныхъ къ принятію (при чемъ упоминаются также два посланія Климента) стоитъ: „И постановленія, вамъ епископамъ, мною Климентомъ изреченныя въ осьми книгахъ, которыхъ однако не слѣдуетъ обнародовать предъ всѣми, ради того, что въ нихъ таинственно“ ²⁾. Итакъ, Климентъ пишетъ всѣмъ церквамъ, издаетъ отъ себя постановленія всѣмъ епископамъ, объявляетъ ихъ къ обязательному почитанію вслѣдъ за каноническими книгами Св. Писанія и, кромѣ того, указываетъ, какъ ими пользоваться, и почему такъ, а не иначе. Откуда подобное дерзновеніе? Что значатъ эти окружныя посланія, читаемыя по всѣмъ церквамъ? Что значить поступокъ коринѣскихъ хри-

¹⁾ *Епиф. Кипр.*, Противъ Евюніанъ, ер. 10 (30).

²⁾ Книга Правиль «Ап. Пр.» 29 и 85.

стіанъ? Одно изъ двухъ: или все сказанное происходило незаконно, или за Климентомъ было *право* дѣйствовать, какъ онъ дѣйствовалъ и подчинявшіеся ему не роняли своего достоинства, а поступали соотвѣтственно признаннымъ отношеніямъ. Вѣдь третьяго объясненія пока еще не можетъ быть; тридцать лѣтъ послѣ смерти верховныхъ Апостоловъ, человѣкъ, въ ушахъ котораго звучалъ ихъ голосъ, передъ очами котораго было ихъ преданіе, не могъ еще подобно своимъ преемникамъ забыть *о братскомъ равенствѣ* епископовъ и обнаруживать „притязанія папскаго властолюбія“. Не могъ онъ также усматривать въ своей скрываемой отъ властителей Рима каедрѣ наслѣдницу всемірнаго владычества Рима; между гоненіемъ Домиціана (92 г.) и Траяна (98 г.) и тогда, когда надъ христіанами еще носился отблескъ отъ свѣточей Нерона, языческой Римъ былъ для нихъ новымъ Вавилономъ и такимъ, въ которомъ не три отрока ввергались въ пещь, а изъ котораго исходило на весь міръ приказаніе истреблять христіанъ и огнемъ и мечемъ, и который на ихъ терпѣніе, мужество и даже вѣрную службу, отвѣчалъ однимъ своимъ непреклоннымъ: „Христіаниномъ быть не велѣно!“ Будущему изгнаннику и узнику, повторившему въ крымскихъ скалахъ Моисеево чудо для утоленія жажды своихъ товарищей по каторгѣ, не могло придти на умъ, что онъ выше другихъ въ качествѣ епископа царственного Рима; этого не могъ бы предвидѣть и патмосскій тайновидецъ, передъ которымъ тогда же проносились грядущіе вѣка. Но зато Климентъ зналъ, что онъ преемникъ Петра по каедрѣ, и дѣйствовалъ въ силу присущей ей власти. Не удивительно, что чуждые Церкви и блуждающіе по ея преданію безъ руководящей нити, изумляясь быстрому росту папской власти, всетаки не находятъ ему удовлетворительнаго объясненія. Дѣло въ томъ, что это явленіе остается неразрѣшимымъ безъ помощи восполненія человѣческихъ познаній, т. е. безъ вѣры. При отсутствіи вѣры въ божественность этого явленія, приходится или пройти молчаніемъ значеніе Петровой ка-

каѳедры съ первыхъ же временъ, какъ это дѣлается у насъ, въ ущербъ цѣльности ученія о Церкви и основательности самихъ историческихъ познаній, или же относиться къ историческому факту первой величины, какъ къ неподдающейся разрѣшенію задачѣ, иначе сказать, какъ къ загадкѣ. Такимъ образомъ смыслъ послѣдующихъ судебъ Церкви и христіанства вообще представляется искомой величиной, потому что нельзя же объяснить главенство римскаго епископа съ самаго зарожденія Церкви рядомъ внѣшнихъ событій и обстоятельствъ, далеко отстоящихъ по времени отъ зари христіанства. Не на нихъ указываютъ Отцы и учителя Церкви втеченіе вѣковъ, предшествовавшихъ этимъ событіямъ, и не вслѣдствіе ихъ правые и неправые взываютъ къ римскому епископу и въ немъ заискиваютъ.

Всякое дѣло доказывается не только прямо, но и косвенно, противъ одной только власти возстаютъ и только ея именемъ злоупотребляютъ и защищаются. Съ самаго начала замѣчается и то и другое со стороны лжеучителей, какъ по отношенію св. Петра, такъ и римскихъ епископовъ. Керинѳъ возмущается противъ верховнаго Апостола и полагаетъ начало своей ереси тѣмъ, что производитъ смятеніе противъ него; Евіоній и его послѣдователи искажаютъ текстъ такъ называемыхъ „*Путешествій Петровыхъ*“¹⁾, чтобы поставить свои заблужденія подъ защиту его имени. Изверженный изъ Церкви Маркіонъ прибѣгаетъ въ Римъ, въ 142-мъ году, искать тамъ прощенія въ ложномъ покаяніи. Если бы общеніе именно съ римскимъ предстоятелемъ не было обязательнымъ и не считалось доказательствомъ принадлежности къ вселенской Церкви, къ чему было ему идти такъ далеко за тѣмъ, что онъ могъ сто разъ найти по дорогѣ изъ Понта въ Римъ? Дѣло въ томъ, что общеніе съ Петровой каѳедрой считалось столь необходимымъ условіемъ воцѣлвленія челоуѣка, что всѣ ереси и расколы приписы-

¹⁾ Описанныя сопутствовавшимъ ему св. Климентомъ.

вались разрыву именно съ ней и неповиновенію одному священнику и судіи, *намѣстнику Христову*, въ Церкви поставленному, потому что, если бы согласно божественному ученію все братство повиновалось ему, то никто никогда не возставалъ бы противъ сонма священниковъ и не раздиралъ бы Церкви, расторгненіемъ единства Христова ¹⁾. Въ-мѣсто того, чтобы упрекать римскихъ епископовъ въ нечестивомъ присвоеніи себѣ наименованія *намѣстниковъ Христовыхъ*, справедливѣе было бы призвать къ отвѣту внушившихъ имъ подобныя мысли. Въ приведенныхъ словахъ св. Кипріана Карѳагенскаго сказывается не только голый фактъ главенства Петровой каѳедры, но и важность этого главенства для единства священства, которое по бл. отцу, неразрывно связано съ ней, такъ что всякій возмущающійся противъ ея сѣдальника, т. е. *противъ занимающаю мѣста Петра и степень святительской каѳедры* ²⁾, не можетъ быть терпимъ, потому что онъ усиливается создать церковь независимо отъ связующаго начала единства Каѳолической Церкви. Сказанное тѣмъ болѣе вѣско, что оно исходитъ отъ человека, который потомъ настойчиво и рѣзко спорилъ съ папой Стефаномъ I о перекрещиваніи еретиковъ. Споръ его приводится доказательствомъ противъ главенства папы; но когда же споръ въ защиту собственнаго мнѣнія или пререканія съ властью, съ цѣлью узаконить свое мнѣніе, служили доказательствомъ непризнаванія власти, а тѣмъ болѣе ея несуществованія? Спорить съ лицомъ предержавшимъ власть не значить оспаривать то начало, въ силу котораго оно властвуетъ. Во всякомъ случаѣ ничего подобнаго нельзя приписать св. Кипріану, такъ какъ онъ упрекалъ папу Корнилія не за превышеніе власти, а за послабленія, не соотвѣтственныя, по мнѣнію Кипріана, церковнымъ началамъ, которыхъ Корнилію, въ качествѣ *намѣстника Христова*, надлежало быть первымъ блюстителемъ, и въ письмѣ своемъ

¹⁾ *Кипріанъ Карѳ.* Письмо Корнилію, Минь, III, 802—803.

²⁾ *Кипр. Карѳ.* Письмо къ Антоніану, Минь, III, 772—773.

о послѣдователяхъ Новата онъ выставяеть съ негодова-
ніемъ, что еретики, поставившіе себѣ епископа, „еще осмѣ-
ливаются плыть чрезъ море съ письмами отъ раскольниковъ
и нечестивцевъ къ каедрѣ Петра и къ Главной Церкви,
откуда произошло священническое единство, не помня, что
это вѣдь суть тѣ римляне, вѣра которыхъ похвалена пропо-
вѣдывавшимъ апостоломъ и къ которымъ вѣроломство не мо-
жетъ имѣть доступа“¹⁾. Человѣкъ, писавшій такимъ обра-
зомъ Корнилію въ 250 г., положительно отвергъ бы всякое
толкованіе переписки своей со Стефаномъ въ 254 г. въ про-
тивномъ смыслѣ. Менѣе чѣмъ четыре года спустя и на раз-
стояніи нѣсколькихъ мѣсяцевъ другъ отъ друга, Стефанъ
и Кипріанъ оба вступили мучениками въ вѣчность. Съ вы-
соты ея, какъ смотрятъ они на наши споры, предпринимае-
мые не только въ оправданіе, но еще за продолженіе рас-
торженія единства Христова? Но мы ушли впередъ.

Въ 157 г. Поликарпъ приходитъ въ Римъ, чтобы усло-
виться съ Аникитой о днѣ празднованія Пасхи, причемъ
римскій епископъ, изъ уваженія къ нему, позволилъ ему
совершать Евхаристію въ своей церкви²⁾. Зачѣмъ было
древнему днѣ Поликарпу путешествовать изъ Азіи въ
Европу? Неужели папа Аникита былъ такой замѣчательный
человѣкъ и пользовался такимъ высокимъ личнымъ автори-
тетомъ, что онъ ставилъ его выше не только смирскаго
его соепископа, но еще чуть ли не послѣдняго оставшагося
въ живыхъ Апостольскаго мужа, возлюбленнаго ученика
того, *его же Иисусъ любяше*? Самъ лично Аникита одинъ изъ
тысячей священно-мучениковъ Церкви Божіей.

Черезъ десять лѣтъ (169 г.) Діонисій Коринѣскій пи-
шетъ, что римскій епископъ Сотерь не только на подкрѣп-
леніе святыхъ прислалъ много денегъ, но и приходящихъ
къ нему братьевъ, *какъ отецъ чадо наставляеть*³⁾.

¹⁾ *Кипр. Карв.*, Письмо къ папѣ Корнилію, Минь III, 818—821.

²⁾ *Евсевій Памф.*, Церк. исторія, кн. IV, гл. 14.

³⁾ *Діонисій Кор.* у *Евсевія*, Церк. Ист., кн. IV, гл. 23.

Въ 170-хъ годахъ, великій и отцами признанный опытнымъ въ преданіи мужемъ, св. Иринея, доказываетъ, что еретиковъ можно посрамить, приводя преданіе, которое имѣетъ отъ апостоловъ величайшая, древнѣйшая и всѣмъ извѣстная Церковь, основанная и устроенная въ Римѣ двумя славнѣйшими апостолами Петромъ и Павломъ. „Ибо съ этой церковью по ея преимущественному первенству необходимо всякой церкви согласоваться, т. е. всѣмъ вѣрующимъ отовсюду, такъ какъ въ ней апостольское преданіе сохранялось всегда“ ¹⁾).

Въ 196 г. папа Викторъ произнесъ отлученіе всѣхъ, которые не соглашались на воскресное празднованіе пасхи. Тутъ не пропускается случай выставить на видъ сопротивленіе многихъ азійскихъ и даже западныхъ церквей. Но гдѣ же на землѣ та власть, противъ которой не возставали? Неужели каждое сопротивленіе должно считаться доказательствомъ незаконности власти? Усматривать въ каждомъ сопротивленіи признакъ незаконности ея или, какъ въ данномъ случаѣ, пользоваться имъ съ цѣлью отрицанія существованія данной власти, въ будущемъ равносильно отри-

¹⁾ Иринея противъ ересей, кн. III, гл. 3, 2.—Въ латинскомъ переводѣ (греческій подлинникъ не дошелъ до насъ) мѣсто это выражается такъ: *Ad hanc enim ecclesiam propter potentiores principatibus necesse est omnem convenire ecclesiam, hoc est omnes qui sunt undique fideles, in qua semper (ab his qui sunt undique) conservata est ea quae est ab apostolis traditio.* Этотъ текстъ создалъ цѣлую литературу. Противники римскаго ученія стараются во что бы ни стало ослабить значеніе текста натянутыми толкованіями. Но текстъ ясенъ самъ по себѣ. Римской Церкви усвоится здѣсь «*potentior principatus*», являющаяся основаніемъ обязанности всѣхъ другихъ церквей «согласоваться» съ нею, или, по другому пониманію, «приходить» къ ней. Однѣ только слова «*ab his qui sunt undique*», взятыя нами въ скобки, представляютъ затрудненіе для экзегета. Самымъ простѣйшимъ способомъ устраненія этого затрудненія было бы согласиться съ новѣйшимъ предположеніемъ I. Боннета, что слова эти не что иное, какъ ошибочное повтореніе копистомъ тѣхъ же словъ въ предъидущей строкѣ, повтореніе, вкравшееся, можетъ быть, на мѣсто другихъ словъ, напр. «*ab his qui ibi praefuerunt*», что отвѣчало бы вполне всему контексту рѣчи Иринея. Предположеніе Боннета признано вѣроятнымъ и ученымъ Морингомъ въ *Révue Benedictine*, octobre, 1908. (Прим. издателя).

цанію всякой власти. Не такъ смотрѣла Церковь на стоявшихъ на своемъ послѣ осужденія ихъ папой Викторомъ! она ихъ обособила названіемъ Четырехдесятниковъ, и они за 130 лѣтъ до вселенскаго разсужденія о пасхѣ считались еретиками, хотя сначала ничѣмъ не отличались вѣрой, а грѣшили только своимъ упорствомъ. Что же касается папы Виктора, никто не думалъ оспаривать въ его лицѣ власть Петровой катедры и никто также не упрекалъ его въ превышеніи власти, а только въ излишней рѣзкости, какъ Кипріанъ упрекалъ Корнилія въ слабости. Впрочемъ, въ то время промежутки между гоненіями были слишкомъ кратки, чтобы давать укореняться враждебнымъ чувствамъ между людьми, твердыми въ исповѣданіи одной вѣры.

Достойно замѣчанія, что церковные писатели, упоминая по очереди объ основаніи разныхъ церквей, когда пишутъ о пребываніи верховныхъ Апостоловъ въ Римѣ, говорятъ, какъ бы въ подтвержденіе вселенскаго значенія Петровой катедры, „что Апостолы, основавъ и устроивъ Церковь, ввѣрили епископство Лину“ ¹⁾. Точно также о предстоятеляхъ каждой другой церкви, постоянно, вездѣ и всѣми говорится, что они управляли такой-то церковью; объ однихъ римскихъ епископахъ безпрестанно встрѣчается выраженіе, что они „управляли Церковью“. Такъ, напр., читаемъ въ Четь-Минеяхъ, что послѣ смерти священномученика папы Анѳира (236 г.), когда сошлись для избранія ему преемника и бѣлый голубь сѣлъ на Флавіана, то всѣ уразумѣли, что Самъ Богъ Духомъ Своимъ Святымъ избралъ его быть Первосѣдателемъ и Пастыремъ Церкви Своей ²⁾. Точно также одной Петровой катедрѣ присвоено названіе *Апостольскаго престола* или *Святительской катедры*, безъ упоминанія даже имени Рима, такъ мало думали гонимые христіане связывать высоту своей вселенской катедры со средоточіемъ владычества своихъ гонителей.

¹⁾ *Ириней*, Противъ ересей, кн. III, гл. 3, 3.

²⁾ Четьи-Минеи 5 августа.

Одного также римскаго епископа обозначали именемъ „Первосвященника“ и „Верховнаго Святителя“ ¹⁾ какъ Тертуллианъ называетъ современнаго ему Калликста, замученнаго въ 222 г. ²⁾.

Въ 252 г. александрійскій епископъ, св. Діонисій Великій, пишетъ папѣ Стефану по случаю вопроса о перекрещиваньи еретиковъ, излагая ему подробно всѣ обстоятельства своей церкви. Въ 254 г., два испанскіе епископа, купившіе себѣ во время Декіева гоненія жертвопожрительныя свидѣтельства и лишенные за то своихъ кафедръ, получили ихъ обратно отъ папы Стефана. Тутъ тоже, въ знакъ того, что власть первосѣдальника неизвѣстна христіанской древности, выставляется на видъ, что они потомъ опять-таки низложены. Совершенно вѣрно, но во-первыхъ, развѣ вторичное низложение состоялось безъ вѣдома Стефана? Во-вторыхъ, что удивительнаго въ отмѣнѣ рѣшенія, состоявшагося по неправому доказательству? Происки вокругъ римскаго епископа, возможность у него одного и не у кого другого домогаться возвращенія кафедры, говорятъ съ большей силой о главенствѣ его, чѣмъ сто рѣшеній, отмѣненныхъ по вторичному разбору дѣла съ его же вѣдома и согласія.

Въ 257 г. упомянутый Діонисій Великій пишетъ Сиксту II, посвящая его подробно въ свои сомнѣнія: „Я дѣйствительно имѣю нужду въ совѣтѣ и прошу твоего, любезный братъ, мнѣнія, боясь, чтобы при такомъ встрѣтившемся мнѣ случаѣ не сдѣлать ошибки“ ³⁾. Почему именно мнѣніе Сикста могло

1) «Sacerdos Magnus»; «Pontifex Maximus».

2) Св. Каликстъ, преемникъ св. Зефирина, не пострадалъ по приговору суда, но погибъ въ порывѣ народнаго гнѣва противъ христіанъ; его выбросили изъ окна дома, гдѣ онъ жилъ въ зарѣчной части города, и потомъ бросили трупъ его въ ближайшій колодець, откуда онъ тайно вынутъ вѣрующими и преданъ погребенію на кладбищѣ св. Калеподія, при Аврелійской дорогѣ, вслѣдствіе чего это кладбище иногда называется «Каликстинскимъ». Собственно же называемое кладбище св. Каликста—третья катакомба по Аліевой дорогѣ, присмотръ за которой былъ ему порученъ въ 202 году, когда папа Зефиринъ назначилъ его діакonomъ надсмотрщикомъ или кардиналомъ.

3) *Евс. Памф.*, Церк. ист., кн. VII, 9. (Рус. пер. СПб., 1858, т. I, стр. 371).

разсѣять сомнѣнія, смушавшія Діонисія, и какимъ образомъ могли его совѣты скорѣе, чѣмъ совѣты кого-либо другаго, оградить отъ ошибокъ, рѣшительно не понятно, если не вспомнить сказаннаго за нѣсколько лѣтъ Кипріаномъ Карѳагенскимъ, *что вѣроломство не можетъ имѣть доступа къ римской кафедрѣ*, а также словъ, произнесенныхъ сто лѣтъ передъ этимъ однимъ изъ величайшихъ мужей первенствующей Церкви, св. Иринеемъ, „что съ римскою церковью должны всѣ согласоваться“. Въ этомъ же 257 г. императоръ Валеріанъ издалъ первый указъ, воспрещавшій христіанамъ входъ въ катакомбы, о которомъ дошли до насъ точныя свѣдѣнія и жертвой котораго, въ слѣдующемъ году палъ папа Сикстъ II ¹⁾. Опять спрашивается, чѣмъ значеніе Петрова Сѣдалища въ глазахъ христіанъ было въ связи съ величіемъ того Рима, который годъ за годомъ вѣнчалъ римскихъ епископовъ мученическимъ вѣнцомъ? Даже въ этомъ вѣнцѣ, единственной почести, тогда міромъ Церкви воздаваемой, нельзя усматривать причину роста Петровой кафедры, потому что онъ повсемѣстно одинаково вѣнчалъ и пастырей и простыхъ вѣрующихъ.

Въ 263 г. Діонисій Великій Александрійскій, пишетъ римскому Діонисію по поводу посланій, отправленныхъ къ нему пентапольскими епископами, съ объясненіемъ на возведенныя ими передъ Первосѣдальникомъ обвиненія будто въ выраженіяхъ, употребленныхъ имъ въ спорѣ противъ Савелія, содержатся новизны ²⁾. Съ 252 г., на Первосѣдальной Кафедрѣ перемѣнились три святителя (Стефанъ I, Сикстъ II и Діо-

¹⁾ Сикстъ II, возведенный на кафедру въ 257 г., послѣ священно-мученика Стефана I, «яко на смерть вѣрную», въ 258 г. схваченъ преторіанцами во время совершенія молитвы въ катакомбѣ Претекстата (такъ называемой по имени владѣльца мѣстности) и послѣ допроса передъ судомъ обезглавленъ на мѣстѣ преступления, т.-е. у входа упомянутой катакомбы. Память его—10 августа. Въ то же время пострадалъ огнемъ великій мученикъ Лаврентій, одинъ изъ семи діаконовъ Сикста II.

²⁾ Римскій епископъ порицалъ употребленное Діонисіемъ Вел. слово «*попѣла*» для выраженія отношеній Слова къ Отцу, и Александрійскій очисти́лся, посылая ему свое *Объясненіе и Защиту*.

нисій); между тѣмъ александрійскій епископъ продолжаетъ обращаться къ этой каѳедрѣ одинаково при каждомъ изъ нихъ; ни одинъ изъ этихъ трехъ епископовъ, однако, кромѣ святости, тогда такъ обильно разлитой въ Церкви, ничѣмъ не отличался, а обращающійся къ нимъ Діонисій Александрійскій прозванъ „великимъ“ и славный его преемникъ Аванасій, отзывается о немъ согласно общему приговору Церкви, какъ о *вселенскомъ учителѣ*. Невозможно, чтобы изъ Азіи, Европы, Африки, со всѣхъ странъ и земель, куда только проникло Евангеліе, всѣ епископы постоянно сносились съ римскимъ и обращались къ нему по каждому дѣлу, еслибъ не было къ тому особенной причины; вѣдь нельзя предполагать, чтобы они всѣ, и при томъ вездѣ и постоянно, были на столько ниже по уму, познаніямъ и опыту, чтобы не быть въ состояніи обходиться безъ совѣтовъ, указаній и рѣшеній римскихъ епископовъ, и это при строгомъ запрещеніи начальствующимъ епископамъ вступаться въ чужія области, а ихъ подвластнымъ обращаться къ кому-либо, кромѣ своего областного епископа. Или, быть можетъ, на римскую каѳедру восходили одни гении? Нельзя относиться къ подобному явленію, какъ къ игрѣ случая и природы, и не признавать въ немъ признаннаго Церковью права. При неочерченности отношеній во всемъ начинающемся трудно найти болѣе рѣзкія указанія на то, что Петрово Сѣдалище было вселенскимъ средоточіемъ Церкви, принадлежность къ которой обуславливалась общеніемъ съ нимъ. Нежеланіе признать этотъ фактъ равняется тому, еслибъ кто желалъ видѣть римскихъ епископовъ въ тѣ времена, „когда не было папы, его же мимо шла чаша страданій“ ¹⁾, окруженными той обрядностью, которая установилась впоследствии. Суть дѣла отъ этого не измѣняется; ясность божественнаго обѣтованія не тускнѣетъ отъ недостатка внѣшняго блеска, какъ и не заслоняется его присутствіемъ.

Ученіе и жизнь Церкви втеченіе трехъ первыхъ вѣковъ

¹⁾ Четьи-Минеи, 10 августа, Память священно-муч. папы Сикста II.

свидѣтельствуя съ такой ясностью о настоящемъ смыслѣ словъ, сказанныхъ Спасителемъ Апостолу Петру при обѣтованіи о созиданіи Церкви и при препорученіи ему верховнаго Пастырства, что тѣмъ самымъ доказывается:

1) дѣйствительное главенство Апостола Петра въ силу словъ Спасителя;

2) переходъ этого главенства къ его преемникамъ по каедрѣ въ силу апостольскаго преемства.

Это въ свою очередь подтверждается тѣмъ, что значеніе Петрова Престола внѣ всякой зависимости отъ внѣшнихъ причинъ, потому именно:

а) что главенство его является, какъ неоспоримый историческій *фактъ*, при условіяхъ, не допускающихъ никакого сродства между нимъ и господствующимъ значеніемъ Рима;

б) что этотъ *фактъ* предшествуетъ всемъ тѣмъ событіямъ, которыми силятся объяснить его существованіе, и

в) что *фактъ*, который существуетъ независимо отъ всякихъ внѣшнихъ причинъ, существуетъ по присущей ему силѣ.

Въ данномъ случаѣ, тѣмъ, кто отрицаютъ божественное происхожденіе власти первосѣдальной каедрѣ, за неимѣніемъ достаточнаго объясненія въ смыслѣ для нихъ желаемомъ о причинахъ существованія *факта*, а одно неугодное объясненіе,—остается: или видѣть въ присущей этому факту силѣ случайность, ничѣмъ не связанную ни на землѣ, ни на небѣ, или принять то одно имѣющееся объясненіе и тогда, преклонясь передъ свидѣтельствомъ Церкви, признать за присущей этому факту силой сверхземное происхожденіе.

Фактъ главенства Петровой каедрѣ существуетъ независимо отъ всего внѣшняго; не онъ, стало быть, вступилъ отъ міра сего въ область и жизнь Церкви, а она съ нимъ утвердилась, въ немъ и съ нимъ вступила въ жизнь. И не могло быть иначе, потому что Церковь не могла утвердиться на землѣ ничѣмъ инымъ, какъ только собственной своей земной основой и главой, согласно обѣтованію ея Божественнаго Основателя и небеснаго Главы.

ГЛАВА II.

Обзоръ церковныхъ событій съ IV до конца V вѣка.

Мы прослѣдили значеніе Апостольской Каѳедры въ теченіи трехъ первыхъ вѣковъ; перейдемъ теперь къ послѣдующимъ вѣкамъ.

Съ принятіемъ христіанства главой имперіи, гоненіе противъ Церкви во имя языческихъ боговъ прекращается и уже больше не возобновляется (если не считать кратковременнаго царствованія Юліана отступника), но зато оно продолжается въ силу языческаго начала, отъ котораго христіанскому обществу не скоро суждено было освободиться. Императоры, проникнутые, за рѣдкими исключеніями, противохристіанскимъ понятіемъ, по которому религія отождествляется съ государствомъ и народностью, относятся къ Церкви согласно съ тѣмъ ученіемъ, котораго сами держатся; кромѣ того являются поползновенія къ нарушенію правильнаго теченія церковной жизни, при чемъ представители Церкви часто подвергаются гоненію не только со стороны власти, увлеченной лжеученіемъ, но даже со стороны православныхъ властителей, когда они почему-либо не благоволили къ тому или другому пастырю. Между тѣмъ, среди происковъ лжеучителей, изгнаній и преслѣдованій, законные пастыри съ неослабнымъ мужествомъ защищаютъ свои паствы отъ козней враговъ и ограждаютъ неприкосновенность церковнаго строя и цѣлость вѣры. Противъ каждой новой ереси они извлекаютъ изъ сокровища божественнаго

откровения новое оружие сопротивления, отвѣчая заблужденію соотвѣтствующимъ догматическимъ опредѣленіемъ и на каждую попытку нарушить неприкосновенность церковнаго управления, отвѣчаютъ дружнымъ отпоромъ, тѣснясь все ближе вокругъ своего Богомъ даннаго Началовождя.

Втеченіе четвертаго вѣка запрещенія областнымъ епископамъ вступаться въ чужія области, мѣстнымъ обращаться ко всякому другому, кромѣ своего начальнаго, постоянно повторяются соборами, а кругъ дѣйствія римскаго епископа все по прежнему никакими предѣлами не ограничивается. Среди болѣе очерченныхъ отношеній упрочивавшагося строя и болѣе сложныхъ опасностей, значеніе первосѣдальника, какъ верховнаго пастыря и учителя, олицетворяющаго собой живое единство вселенской Церкви и средоточіе „высокаго и божественнаго права церковнаго самоуправленія“, выступаетъ все съ большей ясностью. Искать причины этого въ томъ, что римскій епископъ былъ пастыремъ царственнаго города, по меньшей мѣрѣ странно. Не говоря о невозможности такого объясненія по отношенію къ дохристіанскому періоду Рима по самому существу дѣла, стоитъ только припомнить, что ни у кого изъ отцевъ нѣтъ ни малѣйшаго прямаго или косвеннаго о томъ намека и что, говоря о римскихъ предстоятеляхъ, они только упоминаютъ о томъ, что они занимаютъ святительскую степень Петровой кафедры, что они его преемники и въ этомъ качествѣ—Намѣстники Христовы. Для христіанъ, опять повторяемъ, языческій Римъ былъ новымъ Вавилономъ; кромѣ того, въ началѣ римскаго христіанскаго періода мы находимъ прямыя указанія на полное разобщеніе въ глазахъ Церкви между понятіемъ о значеніи Рима, какъ средоточія государства и понятіемъ вселенскаго значенія Петровой кафедры. Такъ, напр., строго запрещается кому-либо изъ епископовъ, или ихъ повѣренныхъ пріѣзжающихъ къ римскому епископу по церковнымъ дѣламъ, входить въ сношенія съ представителями свѣтской власти; мало того, доступъ къ императору безъ предварительнаго разрѣ-

шенія папы возбраняется даже тѣмъ епископамъ, которые имѣютъ къ нему прошенія. Всякія подобныя прошенія, наравнѣ со всякими церковными дѣлами, подвергаются предварительному разсмотрѣнію папы, и только съ его дозволенія и съ присоединенія къ нимъ его предстательства и попеченія, могутъ быть представлены императору. И да не подумаютъ, что такое распоряженіе исходитъ отъ гражданской власти или сдѣлано по ея внушенію; напротивъ, оно всецѣло принадлежитъ Церкви и сдѣлано въ обезпеченіе правъ церковнаго самоуправленія по случаю бывшихъ недавно нарушеній ¹⁾). Если совершенно вѣрно, что Римъ поправился отъ невзгодъ варварскихъ опустошеній и пріобрѣлъ новую славу послѣ нихъ, благодаря присутствію апостольской кафедры, то не менѣе вѣрно, что духовная власть послѣдней не опредѣлилась величіемъ Рима. Церковь видѣла въ Римѣ не источникъ верховныхъ правъ первосѣдальной кафедры, а только мѣстопробываніе ея, и только въ этомъ качествѣ могъ Римъ со временемъ получить цѣну въ глазахъ Церкви. Вотъ почему замышляющимъ объ ереси, какъ и пострадавшимъ отъ козней враговъ, нужно было заручиться опорой римскаго епископа. Такъ около 332 г. Маркеллъ обращается къ папѣ св. Юлію, какъ двѣсти лѣтъ передъ тѣмъ Маркіонъ къ св. Игину ²⁾, и пишетъ ему: „Нѣкоторые, которыхъ я обличилъ на Никейскомъ соборѣ, осмѣлились написать твоему благочестію противъ меня, будто я мыслю несогласно съ Церковью, то я призналъ необходимымъ, отправившись въ Римъ, убѣдить тебя“ и т. д., и св. Епифаній Кипрскій объясняетъ, что изъ этого письма именно открывается, что Маркеллъ мыслилъ невѣрно, „ибо еслибъ онъ не мыслилъ иначе, чѣмъ Церковь, то для чего ему приступать къ защитѣ?“ ³⁾.

¹⁾ Сардикійскаго соб. пр. 7, 8 и 9 и Карфагенскаго пр. 104 и 106.

²⁾ Маркіонъ прибылъ въ Римъ въ 142 г., въ промежутокъ времени между мученической кончиной св. папы Игина и возведеніемъ св. Пія I

³⁾ *Епиф. Кипр.* Противъ Маркелліанъ, гл. 1.

Папа общій судья, общій защитникъ, и поэтому со всѣхъ сторонъ, во время арианскаго гоненія, подвергавшіеся преслѣдованію пастыри взываютъ къ римскимъ епископамъ. Св. Аѳанасій Великій слѣдующимъ образомъ излагаетъ намъ происки еретиковъ при Юліѣ и Либеріѣ: „Сообщники Евсевія, ¹⁾ пишетъ бл. отецъ, какъ скоро узнали, что будетъ церковный судъ (въ Римѣ), на которомъ ни комитъ не присутствуетъ, ни воины не стоятъ у дверей, и дѣла соборныя не совершаются по царскому приказу.... пришли въ такой страхъ, что пресвитеровъ, посланныхъ созвать ихъ, придержали за срокъ.... Подобно обезумѣвшимъ, опутавъ себя оковами нечестія, навлекаютъ на себя еще большее осужденіе, ибо не пощадили Либерія, римскаго епископа, но туда простерли свои неистовства, *не постыдились, что это Апостольскій Престолъ!*... тотчасъ разсудили: *если Либерія склонимъ на свою сторону, то вскорѣ и всѣхъ преодолимъ*, и клеветуютъ они царю ²⁾ и онъ, въ чаяніи черезъ Либерія привлечь къ себѣ всѣхъ, посылаетъ къ нему письмо и дары“.

Папа однако на всѣ ласки и угрозы отказаться отъ защиты Аѳанасія, отвѣчаетъ одинаково: „Кого оправдалъ не только первый, но и второй отовсюду созванный соборъ и кого римская церковь отпустила съ миромъ, того можемъ ли мы осудить? Нѣтъ у насъ такого церковнаго правила, нѣтъ подобнаго преданія отъ отцевъ, которые сами заимствовали у Апостола Петра“ ³⁾.

Какимъ образомъ могло согласіе папы Либерія обезпечить согласіе всѣхъ, еслибы не было у всѣхъ сознанія, что онъ *владыка всѣмъ*? Въ поступкахъ арианствующихъ встрѣчаемъ повтореніе поступковъ еретиковъ I, II и III вѣка, въ

¹⁾ Евсевій Неокессарійскій.

²⁾ «Клеветаютъ», т.-е. говорятъ, будто Либерій за нихъ.

³⁾ *Аван. Вел.*, Исторія арианъ къ монахамъ. Сардикійскій соборъ еще раньше этого посланія говоритъ, что виновность арианствующихъ выяснилась особенно наглядно тѣмъ, что, не смотря на приглашеніе папы Юлія явиться на судъ, они не явились и также изъ словъ самого Юлія, *что, еслибъ* они надѣялись на правоту своихъ поступковъ, то явились бы на судъ.

словахъ св. Аѳанасія—дословное повтореніе сказаннаго столпѣтъ раньше Кипріаномъ Карфагенскимъ, а въ словахъ Либерія—доказательство того, что значеніе римской церкви почитается наравнѣ со значеніемъ соборовъ. Можетъ быть Либерію не повѣрятъ, потому что у насъ идутъ слухи о томъ, будто онъ „еретикъ“, но слова его въ данномъ случаѣ приводитъ столпъ православія, Аѳанасій Великій; кромѣ того Церковь никогда не причисляла еретиковъ къ лику святыхъ; о папѣ же Либеріѣ сказано, что „онъ о правовѣрїи много подвизался, чего ради и изгнаніе подя; изгнанныхъ Аѳанасія и Павла Исповѣдника ¹⁾ съ любовію принявъ, содѣла свои престолы воспрїяти, и т. д. и Богу угодивъ, скончался“ ²⁾.

Апелляція къ римскому епископу со стороны Аѳанасія, мужественнаго поборника церковныхъ правъ, такъ громко говоритъ о томъ, что достоинство Церкви неразрывно связано съ достоинствомъ и властью Апостольскаго Престола, что прибѣгаютъ ко всякимъ ухищреніямъ, чтобы умалить значеніе поступка александрійскаго святителя, выставляя, что апелляція состоялась на основаніи правилъ Сардикійскаго собора, т. е. новыхъ правилъ; точно будто поступокъ Аѳанасія не въ ряду сотни подобныхъ поступковъ и будто онъ могъ въ 341 г. дѣйствовать на основаніи правилъ, изданныхъ въ 347 г. Допустить, что св. Аѳанасій подалъ апелляцію въ 341 г. на основаніи правилъ 347 г., можно лишь съ условіемъ, что они по происхожденію относятся къ болѣе раннему времени, а въ 347 г. получили только новую редакцію, т. е. съ допущеніемъ того именно, что оспаривается.

Достойно вниманія, что 3, 4 и 5 правила Сардикійскаго собора, съ точностью опредѣляющія порядокъ апелляціи, состоялись по предложенію Осїи кордубскаго, предсѣдателя

¹⁾ Павелъ Исповѣдникъ, епископъ константинопольскій.

²⁾ Четь.-Мин., 27 августа, и въ Прологѣ. Четь.-Миней, не смотря на разныя «исправленія», которыя впрочемъ тотчасъ кидаются въ глаза, все-таки еще довольно вѣрный путеводитель церковной старины.

Никейскаго собора отъ имени папы св. Сильвестра, считавшагося патріархомъ соборныхъ предсѣдателей, потому что такъ часто предсѣдательствовалъ на соборахъ, начиная съ Ельвирскаго собора (306 г.) ¹⁾. Неужели такой опытный въ церковной жизни мужъ и славный исповѣдникъ, какъ старый воинъ украшенный рубцами отъ ранъ, полученныхъ въ Христовыхъ бояхъ, ввелъ бы въ Церковь неподобающія новизны? Этого рѣшительно допустить нельзя, и онъ дѣйствительно ничего новаго не предложилъ сардикійскимъ отцамъ, а только установилъ порядокъ производства въ давно обычномъ дѣлѣ.

На Сардикійскомъ соборѣ стѣдитъ приостановиться. Сардикійскіе отцы (числомъ 170), отправляя свои дѣянія, согласно соборному положенію, на утвержденіе папы Юлія I, присоединили къ нимъ посланіе на его имя, въ которомъ сказано между прочимъ, что признано „самымъ прекраснымъ и самымъ настоящимъ дѣломъ, если изъ всѣхъ провинцій священники будутъ относиться къ главѣ, то-есть къ престолу апостола Петра“. Въ русскомъ переводѣ дѣяній „девяти помѣстныхъ соборовъ“ замѣчено, что это посланіе сохранилось только на латинскомъ языкѣ и если не передѣлано, то сильно искажено ²⁾. Положимъ, что такъ; но все таки, если кромѣ латинскаго текста другого не сохранилось и нѣтъ вообще никакихъ извѣстій о поддѣльности его, то какимъ способомъ судить объ искаженіи посланія? Въ области исторической науки при отсутствіи предмета къ сравненію оцѣнка извѣстія производится на основаніи общаго хода жизни того явленія, къ которому оно относится; если извѣстіе противорѣчитъ всему предъидущему и послѣдующему того, къ чему оно относится, не согласуется съ смысломъ жизни его и съ самой сутью дѣла, подложность памятника и несостоятельность извѣстія доказаны. То ли видимъ въ настоящемъ случаѣ? Допустимъ, что посланіе 170 отцевъ,

¹⁾ Ельвирскій соб., первый, котораго письменныя постановленія сохранились до насъ.

²⁾ См. Дѣян. девяти пом. соб., Казань 1877 г., стр. 97 (примѣчаніе).

если не подложно, то сильно искажено, но какимъ образомъ могла Церковь принять постановленія, во всемъ согласныя съ духомъ этого посланія, на равнѣ съ тѣми постановленіями помѣстныхъ соборовъ, которыя она приобщила къ свитку Никейскихъ канонѣвъ, т. е. объявила ихъ общеобязательными? Этимъ само собой падаетъ возраженіе, что Сардикійскія правила касались только западныхъ странъ; не только „искаженное“ посланіе, присоединенное Церковью къ самимъ этимъ правиламъ, говоритъ, что они относятся ко *всѣмъ* церквамъ, но Церковь жизнью своей, какъ прошлой, такъ и послѣдующей, подтверждаетъ то же самое, чѣмъ и опровергается мнимое искаженіе посланія 170 отцевъ.

Пренія о Сардикійскихъ правилахъ не исчерпываются настоящимъ споромъ. Въ 419 г. собрались въ Карфагенѣ 217 африканскихъ отцевъ, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго епископа Аврелія и нумидійскаго митрополита Валентина. Для открытія собора, дожидались, согласно обычаю, прибытія римскихъ уполномоченныхъ, коими были Филиппъ и Аселла пресвитеры и пикенскій епископъ Фавстинъ, мѣстоблюститель Апостольской каѳедры ¹⁾. Послѣдній, согласно соборному положенію, открылъ первое засѣданіе чтеніемъ папскаго „*Наставленія*“ (commonitorium) и сказалъ, что соблюдая принесенныя имъ указанія о томъ, какъ вести разсужденія, присутствующіе отцы заявятъ передъ Апостольскою каѳедрою и докажутъ самому папѣ, что они поступаютъ согласно его внушеніямъ. Тогда писецъ Даніиль, началъ читать *опредѣленія Никейскаго собора* относительно апелляціи епископовъ, но африканскіе отцы отвѣтили, что эти правила не изданы Никейскимъ соборомъ и по справкамъ они дѣйствительно не оказались въ его дѣянїяхъ. Извѣстно, что въ дошедшихъ до насъ памятникахъ перваго вселенскаго собора ничего также не сохранилось касательно празднованія пасхи; между тѣмъ несомнѣнно, что никейскіе отцы постановили

¹⁾ т. е. нарочно уполномоченный на соборѣ представитель каѳедры, или легатъ.

праздновать пасху, какъ рѣшено было 130 лѣтъ передъ тѣмъ папой Викторомъ, т. е. въ первый воскресный день послѣ весенняго равноденствія. Предполагать, что Никейскій соборъ издалъ апелляціонныя правила и что они подверглись одной участи съ его дѣянїями, т. е., что они не дошли до насъ, было бы слишкомъ смѣло и въ то же время слишкомъ слабо. Лучше, потому что оно во всемъ согласно съ истиной, обратить вниманіе на то, что молчаніе тысячей современныхъ епископовъ о нанесенной африканскимъ епископомъ обидѣ „обманомъ“ Фавстина, громче возраженій 217 африканскихъ отцевъ, громче также подчиненія самого Карфагенскаго собора всѣмъ требованїямъ Ап. престола, и наконецъ убѣдительноѣ всего—постоянное исполненіе Сардикійскихъ правилъ съ присвоенїемъ этимъ правиламъ одинаковаго авторитета съ Никейскими канонами. Въ этомъ обстоятельствѣ Карфагенскаго собора есть еще одно затрудненіе: Пикенскій епископъ былъ посланъ отъ папы Бонифація въ качествѣ мѣстоблюстителя катедры и съ тѣмъ, чтобы по окончаніи собора вернуться въ Римъ съ его дѣянїями и представить о немъ отчетъ; дерзость, доходящая до наглаго обмана, довольно трудно вяжется съ такимъ порученїемъ, а заподозрить Бонифація въ намѣренномъ обманѣ не совсѣмъ ловко, потому что онъ причисленъ къ лику святыхъ. Дѣло въ томъ, что свитки правилъ помѣстныхъ соборовъ, объявленныхъ къ общему соблюденію, присоединялись къ свитку Никейскихъ канонѣвъ и составляя одинъ свертокъ съ нимъ, ставились подъ его высокое имя ¹⁾).

Въ половинѣ четвертаго вѣка отпрыски, выросшіе отъ

¹⁾ Нельзя разстаться съ Карфагенскимъ соборомъ, не сдѣлавъ двухъ замѣчаній: въ «Книжѣ Правилъ», изданной на славянскомъ языкѣ, торжественно выставлены *ложь и обманъ* еп. Фавстина, а затѣмъ онъ исчезаетъ; 49-е правило, состоявшееся по его предложенію, согласно указанію Бонифація и по обычному приговору епископовъ, т. е. на вопросъ «угодно ли всѣмъ?» отвѣтомъ: «Справедливо! угодно!» является въ *Книжѣ Правилъ* произведеніемъ неизвѣстно кѣмъ даннаго и неизвѣстно кѣмъ исполненнаго порученія. 103 (по *Книжѣ Правилъ*) правило, начинающееся словами: «Епи-

арианскаго корня, всячески переплетаются и, широко раскидываясь, заглушаютъ церковную почву. То одно, то другое ученіе волнуеъ Востокъ; господство одной ереси смѣняется господствомъ другой, смотря по расположенію власти, и вѣра дѣлается вѣрой времени, а не Евангелія, и среди измѣненій остаются неизмѣнными одни только бѣдствія Церкви,

скопъ Каѳолической Церкви рекъ: и т. д.» сопровождается примѣчаніемъ, что Епископъ Каѳолической Церкви — безъ сомнѣнія Аврелій, епископъ Карѳагенскій, предсѣдательствующій на соборѣ. Это «*безъ сомнѣнія*», поставленное съ цѣлью отвести вниманіе отъ мѣстоблюстителя Петровой каѳедры, драгоцѣнно, но увы, слова безыменнаго епископа слишкомъ сильны, чтобы не узнать, чьимъ голосомъ они сказаны; придуманный отводъ вниманія несостоятеленъ противъ нихъ, какъ возраженія 217 отцевъ оказались несостоятельными противъ наставленія Первосѣдальника. Отцы, выслушавъ по приглашенію «*рекшаго*» преподанное имъ наставленіе о томъ, какъ имъ поступать съ донатистами, въ свою очередь изрекли: «совершенно согласны, да будетъ такъ». Зачѣмъ было прибѣгать къ этому «*безъ сомнѣнія*?» Никого оно не обманеъ, каждый знаетъ, что, какъ скоро стоитъ «Епископъ Каѳолической Церкви» безъ всякаго мѣстнаго указанія, этимъ обозначается Вселенская Петрова Каѳедра, которой одной также приурочено именованіе «*Апостольской*» безъ дальнѣйшаго опредѣленія. Что за надобность на каждомъ шагѣ скрывать ее, какъ предметъ соблазна? Приемъ опасный; скрывать не отводитъ вниманіе отъ того, что стараются скрыть; напротивъ, наводитъ на подозрѣніе чего-то недобраго со стороны укрывателей. Въ русскомъ же переводѣ дѣяній 9 Пом. соб. (Казань, 1877 г.) примѣчаніе гласитъ: *Конечно Карѳагенскій епископъ.* (Прим. автора). Проф. Н. Бѣляевъ («Критич. замѣтки») отстаиваетъ мнѣніе, что подъ названіемъ «Каѳолической» церкви слѣдуетъ понимать церковь карѳагенскую, а не римскую. Но противъ его мнѣнія говоритъ самъ текстъ 103 правила (по «Дѣяніямъ» 92). Епископъ каѳолической церкви, предложивъ собору формулу приглашенія къ донатистамъ, проситъ выслушать оную, включить въ соборные акты, послать къ донатистамъ, а отвѣтъ ихъ «объявить намъ посредствомъ вашихъ актовъ». Съ предложеніемъ, какъ сказано въ концѣ правила, согласились Аврелій, епископъ церкви карѳагенской, и прочіе епископы. Очевидно, что предлагающимъ здѣсь былъ кто-то другой, но вовсе не Аврелій. Нелѣпо было бы съ его стороны извѣявлять согласіе на свое же собственное предложеніе. Нелѣпо было бы также съ его стороны, если бы онъ былъ предлагающимъ епископомъ «каѳолической» церкви, требовать отъ собора, чтобы тотъ о результатѣ посланія къ донатистамъ увѣдомилъ его посредствомъ соборныхъ актовъ, такъ какъ онъ самъ состоялъ предсѣдателемъ собора. Понятнымъ же становится требованіе, если оно произошло отъ легата римской каѳедры, на утвержденіе которой поступали акты и помѣстныхъ соборовъ (*Примѣч. издателя 2-го изд.*).

твердость ея пастырей и непоколебимость Апостольской кафедры. Папа Дамась осуждает по очереди Аполлинарія, Македонія, Аэція и, по выраженію св. Григорія Богослова, „спасительнымъ ученіемъ связуетъ весь Западъ, какъ и должно имѣющему первенство въ мірѣ“¹⁾; а между тѣмъ въ борьбѣ восточныхъ еретиковъ съ православными раздаются первыя дальнія предвѣщанія „*филетизма*“. Великій святитель Григорій Богословъ, какъ бы предвидя всѣ послѣдующія бѣдствія Церкви отъ этой страшной язвы, оцѣниваетъ по достоинству разсужденія македоніанъ и имъ подобныхъ: „Примѣтитъ должно, пишетъ бл. отецъ, какія они приводили причины; пристойно, чтобъ преимущество было отдаваемо Востоку, вопили они, ибо Іисусъ Христосъ благоволилъ родиться на Востокѣ! Слабая причина. Искупленія ради всѣхъ людей воплотился Христосъ, какъ на Западѣ, такъ и на Востокѣ живущихъ. Иной сказалъ бы еще: если Христосъ родился на Востокѣ, такъ на Востокѣ же умеръ, съ Востока значить и воскресеніе и спасеніе!“²⁾ Не мудрено, что св. Григорій возмущается заявленіями лжеучителей и ихъ приверженцевъ, потому что они не состоятельны передъ ученіемъ Церкви и не совмѣстимы съ соблюденіемъ церковнаго вселенскаго единства, обереганіе котораго было постоянно главной заботой отцевъ. Замѣчательно обратное явленіе со стороны лжеучителей, которые не только нарушаютъ, но еще отрицаютъ самый принципъ единства. Поучительно также, до чего всякое отторженіе отъ единства влечетъ за собой помраченіе въ понятіи о немъ, а со временемъ приводитъ къ утратѣ самого сознанія необходимости единства. Святой Григорій Богословъ, возведенный въ 371 г. на константинопольскую кафедру, послѣ осужденія Македонія папою Дамасомъ, въ 381 г. предсѣдательствовалъ на второмъ вселенскомъ соборѣ 150 восточныхъ отцевъ. Этотъ

¹⁾ *Св. Григорій Назіанзинъ, Житіе его, имъ самимъ написанное. С.-Петербург. 1845 г., стр. 30.*

²⁾ Тамъ же, стр. 71.

соборъ, созванный императоромъ Θεодосіемъ Великимъ, согласно письму св. Дамаса, посланному послѣ Аквилейскаго собора, сошелся не въ качествѣ вселенскаго; только черезъ годъ, когда папа возвѣстилъ о своемъ намѣреніи созвать вселенскій соборъ въ Римѣ, рѣшено было придать собору 150 отцевъ значеніе вселенскаго, чтобы этимъ избавить ихъ отъ новаго и болѣе долгаго разставанія съ ихъ паствами, что представлялось крайне неудобнымъ при постоянныхъ проискахъ еретиковъ. Сто пятьдесятъ отцевъ при отправленіи своихъ дѣяній папѣ Дамасу изложили ему причины, по которымъ не было имъ возможно ѣхать въ Римъ, *куда онъ прилашалъ ихъ какъ своихъ членовъ* ¹⁾, и въ силу рѣшенія Дамаса константинопольскій соборъ 150 восточныхъ отцевъ признанъ 2-мъ вселенскимъ.

Извѣстно, что вселенское значеніе собора не зависитъ отъ числа возсѣдающихъ на немъ епископовъ, а обусловлено: 1) созваніемъ собора въ качествѣ вселенскаго; 2) вселенскимъ значеніемъ вопросовъ, предстоящихъ къ разсужденію; 3) законнымъ созваніемъ собора, т. е. по почину верховной духовной власти или свѣтской, по соглашенію съ ней; 4) присутствіемъ на немъ мѣстоблюстителей Апостольской каѳедры, нарочно на то уполномоченныхъ ²⁾.

¹⁾ Дѣянія Всел. Соб. въ русск. пер., т. I, изд. 2, стр. 116.

²⁾ Снабженные, на опредѣленный случай, особымъ полномочіемъ мѣстоблюстители Святѣйшаго Сѣдалища, или легаты, брали верхъ надъ всѣми іерархами; даже въ діаконскомъ санѣ, легаты сидѣли выше всѣхъ епископовъ и патріарховъ, т. е. на первомъ мѣстѣ съ лѣвой стороны, въ римской древности считавшейся почетной. Присутствіе легатовъ было до того необходимымъ условіемъ узаконенія собора въ качествѣ вселенскаго, что 3 всел. соб. (431 г.), созванный папою св. Келестиномъ какъ вселенскій, и который съ перваго засѣданія своего считался таковымъ, все-таки не выставилъ этого именованія въ своихъ дѣяніяхъ до прибытія и присоединенія къ нему легатовъ. Только съ перваго засѣданія въ ихъ присутствіи Ефесскій соборъ наименовалъ себя «Вселенскимъ» въ своихъ дѣяніяхъ, посланіяхъ и всѣхъ вообще исходящихъ отъ него документахъ, изъ коихъ первый, помѣченный именемъ «Вселенскій Соборъ», есть «Посланіе клиру и народу Константинопольскому о изложеніи Несторія», писанное на засѣданіи 11 июля. Дѣянье 3 въ концѣ.

Соборы открывались чтеніемъ высочайшихъ грамотъ, до собора относящихся, и посланія римскаго епископа; подлежащія къ разсужденію вопросы разсматривались на основаніи указаній папы, которыя служили постояннымъ руководствомъ при обсужденіи вопросовъ вѣры и нравственности. Легаты вели пренія; соборы изрекали свои непогрѣшимыя вѣроопредѣленія словами: „благоволися Духу Св. и намъ“, легаты и утверждали соборныя рѣшенія и произносили соборный судъ, въ оправданіе или осужденіе, словами: „Въ силу даннаго намъ полномочія суда... именемъ Петра, князя и главы апостоловъ, столба вѣры, основы Каѳолической Церкви и непоколебимаго утвержденія православной вѣры, силой и властью его каѳедры изрекаемъ... Отселѣ этотъ судъ—судъ вселенскій“. Затѣмъ соборныя дѣянія посылались на утвержденіе Первосѣдальника и по закрѣпленію ихъ его согласіемъ, такъ состоявшееся вѣроопредѣленіе Вселенской Церковью считалось *на всегда и ничѣмъ на свѣтѣ не отмѣняемымъ*. Такъ опредѣлились всѣ догматы, которыми мы живы, Богомъ данной властью ключей царства небснаго (области истины намъ постепенно Церковью раскрываемой) и властью вязать и рѣшать, Богомъ Петру же данной и чрезъ него всему съ нимъ въ общеніи апостольскому лику ¹⁾. Начало такого порядка въ вершеніи суда и учительства Церкви не отмѣчено никакимъ годомъ и никакимъ событіемъ, потому что онъ вошелъ въ жизнь и опредѣлился въ силу основоположнаго начала установленнаго Господомъ — главенства Апостола Петра.

Отъ установленнаго въ Церкви порядка вѣщанія истины и вершенія суда, возвратимся къ внѣшнимъ событіямъ церковной жизни.

¹⁾ Правила церковнаго благочинія, какъ изслѣдованія частныхъ дѣлъ по управленію данной области, рѣшались по окончаніи обсужденій вопросовъ вѣры и догматическаго о нихъ опредѣленія; они часто происходили внѣ присутствія легатовъ и при однихъ апокрисиаріяхъ (или нунціяхъ), т. е. представителяхъ римской церкви, завѣдующихъ текущими дѣлами.

Соборъ 381 г., который открылся чтеніемъ свитка папы Дамаса, посланнаго имъ Павлину антиохійскому послѣ осужденія Македонія, постановилъ, согласно опредѣленію папы, что Духъ Св. не служебное существо, но равенъ и единосущенъ съ Отцемъ и Сыномъ, и для утвержденія сего истиннаго смысла вѣры константинопольскіе отцы закрѣпили никейское исповѣданіе прибавленіемъ къ никейскому символу послѣ словъ: „И въ Духа Святаго“ уяснительныхъ словъ: „Господа животворящаго, исходящаго отъ Отца, вмѣстѣ съ Отцомъ и Сыномъ поклоняемаго и славимаго, изрекающаго чрезъ пророковъ“.

Между соборомъ 150 отцевъ, возведенныхъ папою Дамасомъ на степень вселенскаго, и третьимъ вселенскимъ соборомъ, главныя событія церковной жизни были: осужденіе въ 389 г. папою Сиришемъ Ювиніана, миланскаго пресвитера, который проповѣдывалъ противъ постовъ, покаянія и приснодѣвства Божіей Матери; Толедскій соборъ 400 г., подтвердившій постановленіе Эльвирскаго (306 г.) о безбрачій клира; осужденіе въ томъ же году ученія Оригена папою Анастасіемъ, и, наконецъ, гоненіе, которому подвергся Іоаннъ Златоустъ.

Бывшій проповѣдникъ антиохійской церкви, за которымъ осталось прозваніе „Златоустаго“ (данное ему простой женщиной въ порывѣ безпритворнаго восторга), въ 398 г. вступилъ на константинопольскую кафедру. Общественные нравы и распущенность клира восточной столицы, ничѣмъ не уступали страшной испорченности Рима, о которой бл. Іеронимъ оставилъ намъ страницы, дышашія негодованіемъ. Новый цареградскій святитель принялся за исправленіе нравовъ и кару недостойныхъ священнослужителей, чѣмъ возбудилъ неудовольствіе, которое кончилось, благодаря проiscaмъ виновныхъ, изгнаніемъ Іоанна. Чтобы узаконить преслѣдованіе противъ него, въ 403 г., созванъ былъ соборъ, на которомъ антиіоанниты (какъ называли враговъ Златоуста) хотѣли добиться осужденія его, примѣненіемъ къ нему правилъ антиохійскаго собора 341 г.; но безпристрастные члены собора отвергли примѣненіе этихъ правилъ, отмѣненныхъ римскимъ и

сардикійскимъ соборами, какъ произведеніе полуаріанскаго собора, и когда епископъ Ельпидій сказалъ, что, если присутствующіе хотятъ осудить Златоуста на основаніи карательныхъ пунктовъ, измышленныхъ аріанствующими противъ Аѳанасія Великаго, то пусть они также подпишутся подъ вѣроученіемъ антioxійскаго собора,—всѣ отказались. Тѣмъ не менѣе, клевета за клеветой, святителя изгнали, обвинивъ его даже въ поджогѣ „великой церкви“ ради присвоенія имущества, но вѣрные пресвитеръ и діаконъ ¹⁾ высокаго безсребренника оградили память его, сдѣлавъ опись всему церковному имуществу, которую они въ 405 г. отвезли въ Римъ къ папѣ Иннокентію.

Во время поднятой противъ него бури, отправляясь въ изгнаніе и изъ дальняго заточенія, къ кому взываетъ и на кого надѣется тотъ, котораго Церковь называетъ „безкровнымъ мученикомъ“, и кому пишетъ онъ: „Объяви *Твоей властїю*, что рѣшенія ничтожны, не имѣютъ значенія и падаютъ сами собой; подвергни осужденію тѣхъ, кто произнесъ беззаконіе; *прикажи*, чтобы я былъ возвращенъ своей церкви; борьба, предпринятая тобой, борьба за весь міръ! Твоя любовь убѣжище, охраняющее насъ, пристань, укрывающая насъ“? Онъ пишетъ такъ римскому епископу. Чей голосъ среди общаго молчанія одинъ раздается въ защиту Златоуста? Кто объявляетъ тремъ главнымъ восточнымъ іерархамъ ²⁾, что, если они не внесутъ имени его въ свои диптихи, онъ не останется съ ними въ общеніи?— Римскій епископъ. Все дѣло св. Іоанна Зл. свидѣтельствуется о главенствѣ Петрова преемника; размѣръ настоящаго очерка не позволяетъ остановиться на немъ; скажемъ только, что Іоаннъ принадлежитъ къ мужественнымъ поборникамъ церковнаго единства и къ блаженнымъ миролюбцамъ. Въ 438 г., 27 января, останки его перенесены изъ города Команъ ³⁾ въ

¹⁾ Преподобный Германъ и св. Кассіанъ.

²⁾ Атику конст.; Порфирію іер.; Теофилу алекс.

³⁾ Команы Кап., гдѣ Святитель преставился на пути изъ одного мѣста заточенія въ другое.

константинопольскую „великую церковь“. Когда несшіе раскрытый гробъ его, по возгласу патріарха Прокла: „Прими опять кафедру свою!“ коснулись имъ епископскаго престола, то златоглаголивья уста зашевелились и произнесли еще разъ пастырское слово: „Миръ всѣмъ!“ И съ того часу, гласить преданіе, ночная тишина подъ сводами собора не нарушалась больше стучаніемъ костей Евдоксіи, примиренной съ Церковью ¹⁾.

Однако перенесеніе мощей св. Іоанна Зл. завлекло насъ на десять лѣтъ впередъ отъ предшествовавшихъ ему событій, т. е. новыхъ смутъ константинопольской церкви.

10 апрѣля 428 г. Несторій рукоположенъ въ цареградскіе епископы; осенью того же года Анастасій пресвитеръ и синкеллъ начинаетъ говорить, по внушенію своего епископа, противъ именованія Пресвятой Дѣвы „Богородицей“, а 25 декабря Несторій, находя, что праздникъ Рождества Христова представляетъ удобный къ тому поводъ, самъ излагаетъ свое ученіе съ кафедры „великой церкви“. Православно вѣрующіе просятъ бывшаго ученика Златоуста, Прокла ²⁾, возражать лжеучителю: начинаются пренія, разсужденія, и Несторій изъ опасенія, какъ бы неблагопріятные слухи о немъ не дошли до Первосѣдальника, рѣшается предупредить ихъ, препровождая свои проповѣди папѣ Келестину съ довѣреннымъ лицомъ ³⁾, которому поручилъ объяснить ихъ въ православномъ смыслѣ. Но Келестинъ, вникнувъ въ дѣло, немедленно объявилъ ученіе Несторія еретическимъ и на-

¹⁾ Имп. Евдоксія, супруга имп. Аркадія и главная виновница изгнанія святого. Тѣло ея, похороненное въ соборѣ, говорить преданіе, тряслось въ гробу до возвращенія останковъ Святителя. По поводу судьбы, постигшей враговъ Златоуста, читается въ Чет. Мин.: «*Θεοφίλῳ* Алек., *Ἰννοκέντιο* папѣ скоро представившуся, избысть суда чловѣческаго». (Папа умеръ 28 июля 417 г., *Θεοφίλῳ* — 13 октября 418 г.) Какимъ образомъ могло подобное признаніе верховныхъ судейскихъ правъ Святого Сѣдалища до нынѣ ускользнуть отъ вниманія цензуры?... См. Четьи-Минеи, 13 ноября.

²⁾ Св. Прокль, будущій конст. патріархъ и тогда проживавшій въ Царѣградѣ нареченнымъ епископомъ кизичійскимъ.

³⁾ Съ Антіохомъ, преторіанскимъ префектомъ и другомъ Несторія.

писалъ ему, что, если онъ въ продолженіи *десяти дней* послѣ полученія его посланія не отречется торжественно отъ заблужденія, то подвергнется анаѳемѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, извѣстилъ „какъ своихъ членовъ“, первенствующихъ восточныхъ епископовъ и константинопольскихъ жителей, что онъ отлучаетъ Несторія, если послѣдній не покается; и чтобы не подумали, что судъ его имѣетъ силу только въ отношеніи къ тому, который уже самъ на себя призвалъ судъ Божій, святѣйшій отецъ пишетъ: „Мы властію нашего престола опредѣляемъ и т. д., что всѣ раздѣляющіе мнѣніе Несторія находятся подъ однимъ приговоромъ съ нимъ“. Кромѣ того, папа извѣстилъ всѣ церкви окружнымъ посланіемъ ¹⁾, въ которомъ говоритъ, что какъ скоро онъ узналъ, что его члены *расторгаются* превратнымъ ученіемъ, воспламенился огнемъ отеческой ревности, потому что между церквами, которыя, *идь бы онѣ ни были, составляютъ одинъ чертогъ Христовъ*, какая можетъ быть отдаленность, что можетъ считаться стороннимъ? „Такъ какъ вы наши члены, то мы естественно должны были озаботиться, чтобы вліяніе злого учителя не уклонило отъ пути истины вашу вѣру“ ²⁾.

Однако Несторій продолжалъ упорствовать; созваніе 3-го вселенскаго собора было рѣшено, и папа, „видя, что въ такомъ важномъ дѣлѣ требуется личное его присутствіе“, уполномочиваетъ Кирилла Александрійскаго заступитъ его мѣсто, принявъ на себя усвоенную ему власть... ³⁾.

¹⁾ Здѣсь вкралась неточность. Приводимыя слова принадлежатъ не окружному посланію всѣмъ церквамъ, а посланію къ клиру и народу константинопольскому, доведенному впрочемъ до свѣдѣнія всѣхъ на одномъ изъ засѣданій ефесскаго собора (*Прим. изд. 2-го изд.*).

²⁾ Дѣян. 3-го Всел. соб., посланіе папы Келестина къ клиру и народу константинопольскому.

³⁾ Тамъ же и посланіе къ Кириллу. Текстъ полномочія гласитъ: «Итакъ, ты, принявъ авторитетъ нашего Сѣдалища и заступая насъ и власть, усвоенную нашему мѣсту» (*quamobrem nostrae sedis auctoritate adscita nostraque vice et loco cum potestate usus*), которыя то слова передаются въ нашихъ переводахъ: «Итакъ, ты, принявъ на себя *подобающую власть* (!) и заступивъ наше мѣсто»... Дѣян. Всел. Соб., перев. Каз. Дух. Ак. 1859 г., I, 370.

Собору рѣшено быть въ Ефесѣ. На разсвѣтъ 23 іюня 431 г. 200 отцевъ сошлись для перваго своего засѣданія въ церкви св. Маріи и этой церкви, бывшему храму „Великой Діаны“ суждено было огласиться торжественнымъ опредѣленіемъ присвоить Пречистой Дѣвѣ именованіе „Богородицы“ въ знакъ истиннаго воплощенія предвѣчнаго Слова. Первое засѣданіе прошло въ чтеніи посланія Келестина, переписки его съ Кирилломъ Александрійскимъ и Несторіемъ и въ составленіи доклада на высочайшее имя Θεодосія II и Валентиніана III, въ которомъ ¹⁾ отцы говорятъ, что на основаніи канонѣвъ и посланія Святѣйшаго отца и сослужителя ихъ Келестина, который уже отринулъ мнѣніе Несторія, и, заботясь о безопасности Церкви и вѣры, уже произнесъ на него осужденіе, они *вынуждены* не безъ горькихъ слезъ, ²⁾ произнесъ опредѣленіе противъ Несторія. 10 іюля состоялось первое засѣданіе собора въ присутствіи легатовъ (и второе собора), которое открылось чтеніемъ папскаго посланія. Отцы встрѣтили чтеніе громкими восклицаніями, называя Келестина „Стражемъ вѣры“ и какъ его, такъ и Кирилла „новымъ Павломъ“. Легаты, благодаривъ отцевъ, что они восклицаніями своими соединились съ папой въ духѣ, *какъ святые члены подъ святой главой* ³⁾, вмѣстѣ съ тѣмъ обратили

¹⁾ Собственно, въ самомъ приговорѣ изложенія Несторія, посланномъ императорамъ при докладѣ (*Прим. изд.*).

²⁾ Выраженіе предусмотрено съ цѣлью предотвратить неудовольствіе императора Θεодосія, покровительство котораго Несторій сумѣлъ снискать. Цѣль однако не была достигнута; за произнесенный приговоръ отцы подверглись преслѣдованію.

³⁾ Нельзя тутъ не сдѣлать грустнаго замѣчанія: въ русскомъ переводѣ Дѣян. Всел. Соб. Каз. Дух. Ак. I, 678, стоитъ: «какъ святые члены подъ единой главой (*Христомъ*)». Слово *Христосъ* прибавлено; скобка же имѣетъ цѣлью оградить прибавленіе отъ всякаго подозрѣнія; въ переводахъ, сдѣланныхъ съ греческихъ текстовъ, принято вставлять въ скобкахъ варианты латинскаго текста, въ переводахъ съ латинскаго то же самое дѣлается по отношенію вариантовъ греческаго текста. Приведенное дѣяніе — переводъ съ греческаго; стало быть, разъ прибавка снабжена скобкой, является полная надежда, что она сойдетъ подъ видомъ латинскаго варианта! Пользо-

вниманіе ихъ на самый *тонъ* (τοπος) посланія папы, на то, что онъ увѣщеваеъ святость вашу, не уча васъ, какъ невѣдущихъ, но напоминая какъ знающимъ, чтобы вы, сообразно съ правиломъ вѣры и благомъ каеолоической Церкви, благоволили довести до конца то, что онъ уже прежде изволилъ опредѣлить ¹⁾. На увѣщательный тонъ лицъ, не имѣющихъ права говорить другимъ тономъ, не обращаютъ вниманія, а если клевету самозванной власти вздумается обратить на это вниманіе, то обыкновенно отвѣчаютъ ему, что онъ зазнается. Между тѣмъ ефесскіе отцы только нашли нужнымъ сказать, что „справедливость опредѣленій святого собора Богъ всяческихъ показалъ полученіемъ посланія... Келестина“ ²⁾. Не прямое ли это опять указаніе на неоси- бочность главы Церкви? Впрочемъ, въ другомъ обстоятель- ствѣ этого же собора встрѣчается еще болѣе ясное указаніе на то же: Кириллъ, переписываясь съ папой о предстоявшемъ соборѣ, спрашивалъ, что придется дѣлать вселенскому со- бору въ случаѣ, если Несторій осудить то, чему онъ прежде училъ; можетъ ли тогда соборъ принять его, или судъ, прежде произнесенный надъ нимъ (т. е. единоличный при- говоръ Келестина), долженъ оставаться во всей силѣ? ³⁾ и Келестинъ подробно отвѣчаетъ, какъ надо будетъ собору поступить, и Вселенскій Соборъ выслушиваетъ, внимаеъ и поступаетъ согласно указанному. Чѣмъ объяснить подобную покорность, чего боялись богодухновенные 200 отцевъ. — лишенія кафедръ, заточенія? На первое Келестинъ имѣлъ

ваться святымъ именемъ Спасителя для искаженія правды, не признакъ ли притупленія совѣсти? Этимъ прошлаго не измѣнишь. Кромѣ того, читатель замѣтилъ, что выраженіе «подъ святой главой» перемѣнено на «подъ единой главой» (*Прим. авт.*)—Что здѣсь подъ «главой» надо разумѣть папу, слѣдуетъ изъ контекста рѣчи пресвитера Филиппа: «потому, что имъ не безызвѣстно, что глава всей вѣры и апостоловъ есть блаженный апостолъ Петръ». Ср. Церк. Преданіе и русск. богосл. литер., Фрейбургъ 1898, стр. 320 и Манси IV, 1289. (*Прим. издат.*)

¹⁾ Слова легата, епископа Проекта.

²⁾ Слова Федора, епископа анкирскаго.

³⁾ См. Посланіе Келестина къ Кириллу, послѣ дѣянія 2-го.

право, на второе же, какъ на мѣру гражданскую—нѣтъ, а средствъ принужденія къ тому или другому никакихъ. Кромѣ того, отцы были мужи безстрашные; они знали, что за осужденіе Несторія и за предстоящія догматическія опредѣленія, сильные враги готовили имъ заточеніе и отъ этихъ враговъ отцы находились очень близко, но они были истинно крѣпкими столпами Церкви, они остались ей вѣрны и произнесли приговоръ, внимая голосу безпомощнаго, вдали отъ нихъ живущаго и подверженнаго однѣмъ и тѣмъ же съ ними опасностямъ старца, потому что признавали въ его голосѣ вѣщаніе сильнѣйшей изъ трубъ Святаго Духа.

Соборы внимали утвержденію своихъ опредѣленій отъ представителей Святѣйшаго Сѣдалища словами: „Мы властью Петра, Князя и Главы Апостоловъ, *который живетъ и судитъ въ своихъ преемникахъ*, въ силу даннаго намъ полномочія суда, мы изрекаемъ: неизмѣненъ судъ и т. д., и отсель это судъ всѣхъ церквей“¹⁾, и соборъ за соборомъ, признаніемъ своимъ,

¹⁾ Дѣяніе 3-ье 3 Всел. Соб., рѣчь легата Филиппа. Въ русскихъ переводахъ слова ἐξάρχος (князь) и κεφαλῆ (глава) передаются однимъ словомъ «Предстоятель». «Отсель это судъ» и т. д. переводится: «итакъ это судъ».... Вообще, въ нашихъ переводахъ выраженіе «итакъ»—вѣрный признакъ неточности, и нельзя сказать, чтобы наше обращеніе съ соборными дѣніями и отеческими твореніями отличалось особеннымъ къ нимъ уваженіемъ. Такъ, напр., въ посланіи св. Кирилла къ папѣ св. Келестину читается: «Благоволи письменно изложить свое мнѣніе о томъ, должно ли намъ еще имѣть общеніе съ нимъ (т. е. съ Несторіемъ), или прямо объявить, чтобы никто не входилъ въ общеніе съ нимъ, когда онъ остается съ такимъ образомъ мыслей и такъ учить. *Сужденіе твое мы передадимъ епископамъ Македоніи и всѣмъ прочимъ пастырямъ восточныхъ церквей, которые, считаяо нужнымъ извѣстить тебя, совершенно согласны со мной въ ученіи вѣры и ждутъ только слова одобренія отъ твоего благодетеля, чтобы имѣть въ немъ опору и оружіе, стоять всѣмъ имъ единодушно и единомысленно и подвизаться за правую вѣру, противъ которой открылась брань*». Подчеркнутыя мѣста передаются: «Сужденіе... надобно будетъ письменно передать епископамъ Македоніи и всѣмъ прочимъ». Остальныя же подчеркнутыя слова совсѣмъ пропускаются, а вслѣдъ за «восточныхъ церквей» читается: «Согласно желанію ихъ, мы дадимъ имъ опору и оружіе, чтобы стоять всѣмъ».... а въ чемъ именно состояли *опора и оружіе*, которыхъ епископы Македоніи и другихъ восточныхъ церквей только ждали, объ этомъ осторожно умалчи-

что Петръ, верховный пастырь, живъ и судить въ своихъ преемникахъ, учать насъ тому же. Возможно ли въ одно и то же время преклоняться передъ соборами и издѣваться надъ тѣмъ, передъ чѣмъ они сами преклонялись? Намъ кажется, что это не благочестиво и, кромѣ того, противорѣчить здравому смыслу.

Вскорѣ послѣ открытія вселенскаго собора въ Ефесѣ, открылся тамъ же отступнической соборъ Іоанна Антиохійскаго, мирволившаго Несторію, самолюбіе котораго задѣто было тѣмъ, что отцы приступили къ засѣданіямъ, не дождавшись его прибытія ¹⁾, и всѣ, тайно или явно отклоняшіеся отъ здраваго ученія, присоединились къ Іоанну, и большинство членовъ отступническаго собора (такъ называемые „восточные“), не смотря на троекратное увѣщеваніе вселенскаго собора, не хотѣли къ нему присоединиться. Извѣщенный о томъ Келестинъ писалъ собору: „Гдѣ бы ни явилась зараза, члены нашего тѣла необходимо будутъ терпѣть вредъ; и если мы допустимъ это, образуются члены худшіе прежнихъ... Хотя мы обязаны пешиись о всѣхъ вообще, но преимущественно намъ должно идти на помощь къ погибающимъ антиохійцамъ... Мы должны оказывать помощь всѣмъ тѣмъ, передъ которыми сознаемъ себя должниками по вѣрѣ, къ чему и призваны“ ²⁾. Клиру же и народу константинопольскому, послѣ собора, папа пишетъ: „Мать ощущаетъ радость, когда около нея собираются дѣти... Какія заботы, попеченія, мы употребляли, когда вы находились во вражеской борьбѣ! Мы проводили ночи безъ сна въ это тягостное для насъ время... Вы имѣли дѣло съ человѣкомъ... предателемъ; но

вається. Подобная осторожность весьма опасна, а пренебреженіе *тѣмъ словомъ*, которое признавалось Востокомъ, какъ и Западомъ, надежной опорой и сильнѣйшимъ оружіемъ Церкви, лишило Востокъ единственной общей церковной опоры. (Ср. также «Церков. Пред. и русск. бог. лит.», стр. 322—323).

¹⁾ Іоаннъ Ант. прибылъ съ другими «восточными» дней 5 послѣ открытія собора, т. е. 26—27 іюня.

²⁾ Посланіе папы Келестина къ ефесскому собору. Дѣян. Вс. Соб. въ русск. пер. т. II, изд. 2, стр. 126.

святый апостоль Петръ не оставилъ и здѣсь ревностно потрудившихся... Судь апостольскій рѣшилъ отсѣчь того, который оскорблялъ насъ и желалъ ниспровергнуть Евангеліе... Впрочемъ, теперь прилично *предостеречь васъ нашимъ словомъ*, дабы никто изъ васъ не колебалъ зданія, построеннаго на твердомъ краеугольномъ камнѣ¹⁾. Новому же константинопольскому епископу Максиміану Келестинъ также отправилъ посланіе, въ которомъ, какъ отецъ сына, и какъ начальникъ, похваляетъ и наставляетъ. По утверженіи присланныхъ ему дѣяній собора, торжественно опредѣлившаго, что именованіе святой Маріи „Богородицей“ православно и выражаетъ истинный смыслъ вѣры, папа Келестинъ приступилъ,—по принятому обычаю воздвигать церкви въ память важныхъ церковныхъ событій,—къ сооруженію первой церкви „во имя Пресв. Богородицы“, которая, доконченная уже послѣ его смерти²⁾, была освящена въ 434 году, по сохранившейся современной надписи, преемникомъ св. Келестина, „*Ксистомъ, епископомъ народа Божія*“³⁾.

¹⁾ Его же, посланіе къ клиру и народу конст., тамъ же, стр. 132—137.

²⁾ Св. Келестинъ преставился 6 апрѣля 432 г. Память его 8 апр., въ западныхъ святцахъ—6.

³⁾ Надпись на сводѣ: «*Xsitus Episcopus Plebis Dei*». Въ концѣ XII в. надъ главной входной дверью церкви существовала еще другая, современная постройкѣ надпись:

Virgo Maria, tibi Sixtus nova tecta dicavit
 Digna salutifero munera ventre tuo.
 Tu genitrix ignara viri; te denique foeta
 Visceribus salvis edita nostra salus.
 Ecce tui testes uteri sibi provia portant
 Sub pedibusque jacet passio cuique sua.
 Ferrum, flamma, ferae, fluvius, saevumque venenum
 Tot tamen has mortes una corona manet.

Церковь «*Deipara*» (т.-е. *Богородицы*), о которой тутъ рѣчь, перестроена изъ обветшавшей церкви, сооруженной папою Либеріемъ въ прославленіе Никейской вѣры, во время арианскаго гоненія (352—354 г.), и до нынѣ известна подъ именемъ либерійскаго собора Богородицы. Странно встрѣчать у насъ даже въ весьма ученыхъ сочиненіяхъ утвержденіе, что у латинянъ нѣтъ именованія, соотвѣтствующаго слову «Богородица», между тѣмъ какъ «*Deipara*»—дословное «*Θεοτοκος*».

Въ 433 году Иоаннъ антиохійскій и другіе бывшіе члены отступническаго собора примирились съ Церковью и подписали постановленія ефесскаго собора, о чемъ папа Сикстъ III, извѣщенный Кирилломъ, старавшимся о примиреніи, писалъ ему между прочимъ: „Къ блаженному Апостолу Петру собирается вселенское братство! Вотъ сообразное съ дѣломъ судилище, достойное того, чтобы внимать судьямъ... Ликуй, братъ возлюбленный, ликуй, побѣдитель, собравшій къ намъ братьевъ! Церковь разыскивала ихъ и возвратила ¹⁾... Итакъ мы ожидаемъ клириковъ помянутаго брата нашего Иоанна и желаемъ, чтобы они пришли“ ²⁾. Когда же представители Иоанна антиохійскаго пріѣхали въ Римъ съ грамотой о принятіи въ общеніе, папа отвѣтилъ ему: „Если любовь твоя изволить разсудить о славѣ тѣла церковнаго и его неповрежденности, то вполне поймешь радость нашу... и что печаль наша неожиданною рѣчью святаго брата нашего Кирилла превращена въ радость... Вселенское братство ³⁾, собравшееся ко дню моего рожденія, услышало какъ для блага рода человѣческаго, подъ предсѣдательствомъ моимъ на Апостольскомъ Сѣдалищѣ... ты испыталъ въ настоящемъ дѣлѣ, что значитъ мыслить вмѣстѣ съ нами! Блаженный Апостольскій Петръ передалъ преемникамъ то, что пріялъ. Кто вздумаетъ отдѣлиться отъ ученія того, кого перваго межъ апостолами научилъ самъ Учитель?.. Не мало стоитъ намъ труда и не слишкомъ легко обходится то, чтобы на Церкви Господней не было ни пятна, ни морщины... Если едина, какъ говоритъ Апостоль (Еф. 4, 5), есть вѣра и она покорила побѣдителей, то будемъ вѣрить тому, что должно говорить, и *говорить* то, что должно сохранять“ ⁴⁾.

¹⁾ Въ 5-мъ вѣкѣ, какъ и во 2-мъ, *возвращеніе къ Церкви* выражается возвращеніемъ къ «*матери и владычицѣ встѣхъ церквей*».

²⁾ Посланіе Сикста къ Кириллу. Дѣян. Вс. Соб. въ русск. пер., изд. 2, т. II, стр. 174 и 175.

³⁾ Т. е. епископы.

⁴⁾ Посланіе Сикста Иоанну антиохійскому. Дѣян. Вс. Соб. въ русск. пер., изд. 2, т. II, стр. 176.

Скажемъ съ своей стороны: чтобы знать, что *должно сохранять*, надо знать, что *Церковь говоритъ*. Ея же голосъ съ древней поры говоритъ намъ ясно о томъ, чѣмъ она была, о ея строѣ и жизни; и ея прошлое—не человѣческое, безвозвратное, бывшее, а доказательство того, что ей неизмѣнно присуще и безъ чего Церковь не можетъ быть вселенской Церковью. Повторяемъ, нельзя совмѣстить должное уваженіе къ Церкви съ издѣваніемъ надъ той властью, которую она признавала и нельзя искренно вѣрить въ Церковь и лжесвидѣтельствовать о ней.

Черезъ восемнадцать лѣтъ послѣ ефесскаго собора (т. е. въ 449 г.) брань, поднятая Евтихіемъ противъ опредѣленія о двухъ естествахъ въ лицѣ Иисуса Христа, побудила къ созванію четвертаго вселенскаго собора, для чего снова выбранъ городъ Ефесъ и опять назначенъ въ предсѣдатели александрійскій епископъ. Каѳедру св. Марка занималъ тогда Діоскоръ, племянникъ Теофила (бывшаго врага Златоуста), стяжавшій себѣ одно съ нимъ имя „египетскаго фараона“. Въ предсѣдательствѣ своемъ александрійскій епископъ остался вѣренъ своему прозванію, и соборъ, состоявшійся подъ его вѣдѣніемъ, получилъ имя „разбойничьяго“. Какъ для предыдущихъ соборовъ, такъ и для предстоявшаго, вопросы, подлежащіе разсужденію, были предварительно обсуждены римскимъ епископомъ. Первосѣдальникомъ теперь былъ Левъ I, уже прославленный защитой вѣры противъ манихеевъ, присциліанъ и пелагіанъ; онъ не одобрялъ ни созванія собора, опасаясь новыхъ смуть, ни самого выбора города, въ которомъ онъ имѣлъ состояться,—и опасенія его вполнѣ оправдались. Константинопольскую каѳедру занималъ въ то время св. Флавіанъ, ни долготерпѣніе, ни кротость котораго не могли превозмочь упорства тѣхъ, которые, претыкаясь о буквѣ Писанія, пришли къ ложному смыслу и, усматривая новизну въ выраженіи „*въ двухъ естествахъ*“ о лицѣ Спасителя, отдѣлились отъ Церкви.

Когда папа Левъ былъ извѣщенъ императоромъ о но-

вомъ смятеніи Востока, не зная еще о стараніяхъ Флавіана вразумить Евтихія, онъ написалъ патріарху: „Мы удивились твоему братству, какъ ты могъ молчать передъ нами о томъ, въ чемъ состоялъ этотъ соблазнъ, и не счелъ за лучшее постараться какъ можно скорѣй увѣдомить насъ объ этомъ... Пресвитеръ Евтихій жалуется, что онъ, по обвиненію епископа Евсевія ¹⁾, незаслуженно отлученъ отъ общенія... До сихъ поръ мы не знаемъ, по какой справедливости онъ отлученъ... мы хотимъ знать причину такого твоего поступка, равно какъ хотимъ, чтобы все было доведено до нашего свѣдѣнія, ибо мы, желая, чтобы суды надъ священниками Господа были здравые, но не узнавъ всѣхъ обстоятельствъ, никакого не можемъ постановить опредѣленія въ ту или другую сторону... А посему пусть твое братство извѣститъ насъ подробнѣйшимъ донесеніемъ“ и т. д. ²⁾. Флавіанъ донесъ подробно о всемъ случившемся, и въ отвѣтъ его читаемъ: „Когда шли такимъ образомъ дѣла, мы получили отъ Вашей Святости письма... изъ которыхъ узнали, что тотъ же Евтихій отправилъ къ вамъ просьбы, исполненныя всякой лжи и коварства, утверждая, что онъ во время суда предложилъ апелляціонныя жалобы на меня и на самый этотъ святой соборъ, призывая быть судіею Ваше Святѣйшество,—чего никакъ не было имъ сдѣлано. Онъ солгалъ и въ этомъ дѣлѣ, надѣясь черезъ ложь привлечь къ себѣ благосклонность Вашу“ ³⁾.

Не говоря даже о разницѣ въ обращеніи, объ этомъ „ты“ вопроснаго посланія ⁴⁾ и „Ваше Святѣйшество“ отвѣтнаго, если послѣ всего сказаннаго нужно было еще доказательство о

¹⁾ Епископъ дорилейскій.

²⁾ 1-ое посланіе папы Льва къ Флавіану. Дѣян. Вс. Соб. въ русск. пер. изд. 2, т. III, стр. 13 и 14.

³⁾ Посланіе Флавіана ко Льву. Тамъ же, стр. 16.

⁴⁾ Это то посланіе, которое халкидонскимъ соборомъ названо «Исповѣданіемъ великаго Петра и общимъ столбомъ вѣры». Смотри: 5-ое дѣяніе халкидонскаго собора, послѣ символа 150 отцевъ. Русск. пер., 2 изд. т. IV, стр. 51.

непреложности верховныхъ правъ преемника Петрова, то трудно было найти болѣе сильное доказательство, чѣмъ настоящее письмо святителя царственнаго *новаго* Рима епископу *древняго* Рима, о которомъ тогда же писалось:

Sedes Roma Petri, quae pastoralis honoris
Fucat caput mundo, quicquid non possidet armis
Relligione tenet. . . .¹⁾

Флавіанъ не думаетъ возставать противъ апелляціи, а только ставить на видъ тотъ способъ, какимъ Евтихій пытался обмануть св. Льва. Не много времени, впрочемъ, остается до того дня, когда Флавіанъ самъ обратится къ общему защитнику вѣрующихъ.

Къ концу іюля мѣсяца отцы съѣхались въ Ефесъ и 8-го августа собрались, какъ девятнадцать лѣтъ раньше отцы третьяго вселенскаго собора, въ церкви „Марія“. Но на этотъ разъ ей предстояло огласиться не восторженными восклицаніями ничѣмъ несравнимой радости, что область вѣчныхъ истинъ освятилась на землѣ новымъ лучемъ незакатнаго свѣта, а гнѣвомъ непокорныхъ и стономъ ихъ невинныхъ жертвъ. Когда послѣ прочтенія высочайшихъ грамотъ, относящихся къ собору, легаты хотѣли приступить къ чтенію папскаго посланія, Діоскоръ съумѣлъ два раза отклонить ихъ намѣреніе и приступилъ къ разбору актовъ шестаго засѣданія третьяго вселенскаго собора, на которомъ, по случаю осужденія одного изъ ложныхъ символовъ²⁾, соборомъ запрещено было составленіе новыхъ символовъ. Діоскору нужно было для оправданія Евтихія доказать, что выраженіе „въ двухъ естествахъ“ противорѣчитъ никейскому символу, такъ какъ въ немъ этихъ словъ нѣтъ, и поэтому онъ привелъ вышесказанное запрещеніе, говоря, что оно касается не только смысла никейской вѣры, но и всякаго прибавленія, убавленія, или даже перемѣны выраженій. Напрасно

¹⁾ *Преп. Просперъ аквитанскій. Bibl. max. VIII, 106 а, Veugnot II, 115; in nota.*

²⁾ А именно Теодора мопсузетскаго.

православное меньшинство возражало ему, что ефесскій соборъ никогда не придавалъ своему запрещенію подобнаго смысла, а имѣлъ только въ виду прекратить измышленіе новыхъ символовъ, что уже ясно доказывается утвержденіемъ того же собора о таинствѣ воплощенія, котораго въ никейскомъ символѣ нѣтъ. Діоскоръ на всѣ возраженія отвѣчалъ обычнымъ приемомъ духовной крамолы, т. е. отрицаніемъ присно-живой учительской власти Церкви, и на всѣ доводы православныхъ отвѣчалъ повтореніемъ одного и того же: „Можно ли безнаказанно вводить то, чего нѣтъ въ никейскомъ символѣ?“ На третью же попытку легатовъ прочесть посланіе папы, Діоскоръ разразился приговоромъ низложенія Флавіана и Евсевія дорилейскаго. Тогда Флавіанъ всталъ и, взывая къ Апостольскому Сѣдалищу, обратился къ легатамъ, изъ коихъ одинъ наскоро начертилъ на записной доскѣ „къ тебѣ зываю!“ а другой всталъ и произнесъ отмѣненіе нечестія своимъ могучимъ „Отвергается!“¹⁾ Соборъ пришелъ въ смятеніе, Діоскоровы клеветы напали на православныхъ съ криками и ударами; Флавіанъ упалъ подъ ноги Діоскора, который затопталъ его; дикіе монахи, сбѣжавшіеся въ Ефесъ съ халдейскихъ равнинъ, изъ армянскихъ ущелій и съ устьевъ Нила, ворвались въ церковь, и кровь полилась въ храмъ „Пречистой“. Такъ кончилось первое засѣданіе „ефесскаго разбойничьяго собора“. Православные разбѣжались и спрятались, гдѣ кто могъ; жестоко избитаго Флавіана вынесли недалеко за городъ, гдѣ онъ черезъ два дня умеръ²⁾. Ефесскій разбой положилъ

¹⁾ Знаменитое «*Contradicitur*», произнесенное кардиналомъ-діакономъ Иларіемъ, вполнѣдствіи папой.

²⁾ Достоинно замѣчанія, что не смотря на смятеніе собора и на то, что Діоскоръ выгналъ всѣхъ нотаріевъ, позволяя дѣлать замѣтки только тѣмъ, въ которыхъ былъ увѣренъ, «разб. соб.» всетаки занесъ приговоръ легата на свою дощечку, передавая латинское слово «*Contradicitur*» греческими буквами «*Κοντραδικιτορ*», въ коемъ видѣ оно и осталось въ Дѣянїяхъ Діоскорова собора, прочитанныхъ на 1-мъ Дѣян. халкидонскаго собора, вмѣстѣ съ которымъ оно дошло до насъ. Дѣян. Вс. Соб. въ русск. пер., изд. 2, т. III, стр. 207.

начало двумъ отраслямъ христіанства, которыя, отказавшись ийти дальше за Церковью по жизненному пути ея, замкнулись у верховьевъ Нила, гдѣ они до сихъ поръ живутъ въ духовномъ заглушьѣ ¹⁾.

Предоставляя „разбойничій соборъ“ его дальнѣйшей судьбѣ, перейдемъ къ четвертому вселенскому или халкидонскому собору, на которомъ Діоскорово нечестіе нашло себѣ возмездіе. Высочайшія грамоты, относящіяся къ этому собору, и посланія, которыми обмѣнялись съ папою Львомъ и между собой по поводу его императоры Валентиніанъ III и Θεодосій II, а по смерти послѣдняго Маркіанъ и императрицы Галла Плакидія и Пульхерія (дочь и внучка Θεодосія I, обѣ замѣчательныя правительницы, достойныя своего великаго отца и дѣда), свидѣтельствуютъ о значеніи, которое придавали предстоявшему собору ²⁾.

Въ городѣ Халкидонѣ, 8-го октября 451 г., 630 отцевъ сошлись въ церковь св. великомученицы Евфиміи. По прочтеніи высочайшей грамоты, легаты стали посреди церкви передъ аналоемъ, на которомъ лежало Евангеліе. И Пасхазинъ, мѣстоблюститель, держа свитокъ Апостольскаго Сѣдалища и показывая его, сказалъ: „Блаженнѣйшій и апостольскій епископъ города Рима, главы ³⁾ всѣхъ церквей, далъ намъ повелѣніе, которымъ онъ удостоилъ приказать, чтобы Діоскоръ не присутствовалъ на соборѣ; если онъ попытается сдѣлать это, то былъ бы изгнанъ“. На вопросъ присутствующихъ сановниковъ, согласно уставу судопроиз-

¹⁾ Абиссинцы «*Eotixiane*» и Копты «*Діоскориты*». Если не ошибаемся, какими-то газетами первые были приняты за православныхъ. Редакція вѣроятно обольстилась ихъ глухими иконостасами.

²⁾ Имп. Θεодосій II умеръ 29 іюля 450 г.; императрица Галла Плакидія— 27 ноября того же года.

³⁾ «*Beatissimi atque apostolici viri papae urbis Romae, quae est caput omnium ecclesiarum*». Во многихъ манускриптахъ, вмѣсто *quae*, читается *qui*, относя т. о. наименованіе главы непосредственно къ римскому епископу. Съ этимъ соглашается и греческій текстъ. См. *Mansi, Conciliorum collectio VI, 579*. Впрочемъ сила доказательства при обоихъ чтеніяхъ одинакова. (Прим. изд.).

водства: „Какая его вина“? легатъ Луценцій сказалъ: „Онъ предвосхитилъ лице суди, котораго не имѣлъ, и дерзнулъ составить соборъ безъ авторитета апостольскаго престола, чего никогда не было и быть не должно“¹⁾. Пасхазинъ сказалъ, что идти противъ церковныхъ канонѡвъ и отеческихъ преданій нельзя, и опять Луценцій, что засѣдать не можетъ тотъ, который пришелъ на судъ. Тогда Діоскору велѣно встать со своего мѣста и стать на мѣсто подсудимаго, и Евсевій дорилейскій началъ читать обвинительный актъ. Чтеніе длилось долго, начало темнѣть, пришлось зажечь лампы; когда дорилейскій епископъ дошелъ, въ чтеніи дѣяній „разбойничьяго собора“, до того мѣста, гдѣ сказано, какъ среди смятенія легатъ Иларій произнесъ апостолическое „Отвергается!“, то 630 отцевъ встали и произнесли: „Анаѳема Діоскору! въ этотъ часъ онъ осудилъ, въ этотъ же часъ да будетъ осужденъ!“²⁾ Было восемь часовъ вечера, убійцу Флавіана увели и шестьсотъ тридцать отцевъ вышли изъ церкви св. Евфиміи съ пѣніемъ „Трисвятаго“.

На третьемъ дѣяніи халкидонскаго собора, когда кончилось изслѣдованіе обвинительныхъ записокъ, поданныхъ противъ Діоскора, еп. Пасхазинъ сказалъ; „Пусть соборъ объявитъ собственными устами, чего достоинъ Діоскоръ“? Всел. соборъ сказалъ: „Осужденія, опредѣленнаго канонами противъ непокорныхъ“. На второй вопросъ легата, чего достоинъ порицающій правила? соборъ сказалъ: „того, что требуется канонами“, и послѣ того какъ соборъ отвѣтилъ тѣмъ же на третій вопросъ легата, послѣдній спросилъ: „Прикажетъ ли ваше благочестіе, чтобы мы³⁾, какъ я сказалъ, употребили противъ него церковныя наказанія?“ Святый соборъ сказалъ: „и еще мы согласны“, и епископы обратились къ легатамъ со словами: „Просимъ вашу святость занимающаго или, лучше, занимающихъ мѣсто Святѣйшаго

¹⁾ Дѣян. Вс. Соб. въ русск. пер., изд. 2, т. III, стр. 66.

²⁾ Тамъ же, стр. 207.

³⁾ Т. е. мѣстоблюстители Святѣйшаго Сѣдалища.

архієпископа Льва, произнести надъ нимъ (т. е. надъ Діоскоромъ) приговоръ и опредѣлить ему наказаніе, положенное канонами. Всѣ и весь вселенскій соборъ будетъ согласенъ съ приговоромъ вашей святости“. Епископъ Пасхазинъ, легатъ, отвѣтилъ на это заявленіе вопросомъ: „Что будетъ угодно вашему блаженству“?—на что Максимъ антиохійскій сказалъ: „Что угодно будетъ вашей святости, съ тѣмъ и мы будемъ согласны“. Тогда Пасхазинъ, Луценцій и Бонифацій, занимавшіе мѣсто Святѣйшаго Льва, произнесли: „Изъ прежнихъ изслѣдованій... и изъ нынѣшнихъ дѣяній, сдѣлались извѣстными дерзкіе поступки Діоскора, бывшаго епископа великой церкви александрійской, вопреки порядку канонѣ и церковной дисциплинѣ. Такъ онъ единомышленника своего Евтихія, канонически осужденнаго собственнымъ его епископомъ, святымъ отцемъ нашимъ Флавіаномъ, своевольно, вопреки канонамъ, принялъ въ общеніе прежде совѣщанія съ боголюбезнѣйшими епископами въ Ефесѣ. Но хотя апостольскій престолъ предоставилъ имъ произволь въ томъ, что сдѣлано тамъ помимо ихъ воли, они до сихъ поръ остались въ повиновеніи святѣйшему архієпископу Льву и всему святѣйшему вселенскому собору; поэтому онъ и принялъ въ свое общеніе ихъ, какъ единовѣрныхъ. А этотъ (т. е. Діоскоръ) до сихъ поръ тщеславится тѣмъ, о чемъ должно стѣнать и падать на землю! Кромѣ того, онъ не допустилъ прочитати посланіе блаженнаго папы Льва, писанное имъ къ святой памяти Флавіану (и это тогда, какъ податели многократно просили прочитати его, и онъ съ клятвами обѣщалъ, что оно будетъ прочитано), то святѣйшія церкви всей вселенной потерпѣли соблазнъ и вредъ. Однако, не смотря на такіе дерзкіе поступки его, мы думали было, по первому дѣлу ¹⁾, удостоить его милосердія.... Но такъ какъ онъ превысилъ первое беззаконіе вторымъ, дерзнулъ произнести отлученіе на святѣйшаго и благочестивѣйшаго архієпископа

¹⁾ Т. е. принятію Евтихія въ общеніе.

великаго Рима Льва,—кромѣ того, на него подано святому и великому собору много записокъ, наполненныхъ исчисленіемъ его преступленій.... *Посему святѣйшій и блаженнѣйшій архіепископъ великаго и старѣйшаго Рима Левъ чрезъ насъ и чрезъ настоящій святѣйшій соборъ, вмѣстѣ съ преблагеннѣйшимъ и всехвальнымъ апостоломъ Петромъ, который есть камень и утвержденіе Каѳолической Церкви и основаніе православной вѣры, лишаетъ его епископства и отчуждаетъ отъ всякаго священническаго сана. Пусть этотъ святѣйшій и великій соборъ произнесетъ согласный съ канонами приговоръ объ упомянутомъ Діоскорѣ“* ¹⁾. Всѣ епископы сказали, что они мыслятъ во всемъ одинаково съ апостольскимъ престоломъ и подписали осужденіе Діоскора. Въ посланіи же своемъ къ имп. Валентиніану и Маркіану, соборъ говоритъ, что александрійскій еп. осужденъ: 1) потому что онъ запретилъ прочитатъ посланіе папы; 2) потому что онъ законно низверженному Евтихію возвратилъ священство и при томъ тогда, когда Левъ уже опредѣлилъ должное ему и осудилъ его нечестіе; 3) потому что онъ оскорбилъ Евсевія дорилейскаго; 4) потому что онъ собственною властію принялъ въ общеніе нѣкоторыхъ осужденныхъ разными соборами, тогда какъ святые правила ²⁾ это запрещаютъ ³⁾.

Незачѣмъ излагать засѣданія халкидонскаго собора, ни его вѣроизложенія, состоявшіяся на основаніи посланія папы Льва, о которомъ сложилось преданіе, что оно написано самимъ апостоломъ Петромъ и по выслушаніи котораго весь соборъ всталъ и изрекъ: „Анаѳема тому, кто не такъ вѣруетъ! Петръ чрезъ Льва вѣщаль!“ Скажемъ только, что кому папа присудилъ возвращеніе кѳедры, тому она присуждается, кого онъ лишилъ епископскаго сана, тому онъ не возвращается; только, когда возникли сомнѣнія въ православіи Θεодорита кирскаго, тогда передъ возвращеніемъ

1) Дѣянія Вс. Соб. въ русск. пер., изд. 2, т. III, стр. 266—268.

2) Сардинійскія правила 13 и 16.

3) Дѣян. Вс. Соб. въ русск. пер., изд. 2, т. III, стр. 297.

ему кафедры требуется отъ него предварительно подписаться подъ изложениемъ вѣры Первосѣдальника, и судьи требуютъ его допущенія на соборъ на томъ основаніи, что епископство возвратилъ ему самъ папа Левъ 1).

Перейдемъ лучше къ 28-му халкидонскому правилу, которое, какъ по изданію своему послѣ вѣроопредѣленій и когда отцы уже перешли къ разбору частныхъ дѣлъ по областному управленію, такъ и по содержанію своему—относится къ послѣднимъ и не принадлежитъ, стало быть, къ богодухновеннымъ соборнымъ изреченіямъ; но такъ какъ ему приписывается особенное значеніе въ исторіи Церкви, то мы и приводимъ его цѣликомъ.

28-ое правило читается: „Слѣдуя во всемъ опредѣленіямъ святыхъ отцевъ и признавая недавно прочитанный канонъ стапятидесяти боголюбезнѣйшихъ епископовъ 2), и мы спредѣляемъ и постановляемъ то же самое о преимуществахъ святѣйшей церкви Константинополя, новаго Рима. Ибо и престолу древняго Рима отцы прилично дали преимущества, потому что онъ былъ царствующій городъ. Слѣдуя тому же побужденію и стопятьдесятъ боголюбезнѣйшихъ епископовъ предоставили равныя преимущества святѣйшему престолу новаго Рима, справедливо разсудивъ, чтобы городъ, почтенный царскимъ правительствомъ и синклитомъ и имѣющій равныя преимущества съ древнимъ царственнымъ Римомъ, былъ возвеличенъ, подобно ему, и въ церковныхъ дѣлахъ, будучи вторымъ по немъ. И потому только митрополиты понтійскаго, асійскаго и еракійскаго округа и, кромѣ того, епископы у иноплеменниковъ вышеупомянутыхъ округовъ, да рукополагаются отъ вышеупомянутаго святѣйшаго престола святѣйшей константинопольской церкви; то есть, каждый митрополитъ вышеупомянутыхъ округовъ, съ епископами области, да рукополагаетъ епископовъ епархій, какъ предписано божественными правилами. А (самихъ) митропо-

1) Тамъ же, стр. 69.

2) Т. е. 3-ій канонъ втораго всел. соб. 381 г.

литовъ вышеупомянутыхъ округовъ (должно) рукополагать, какъ сказано, константинопольскому архіепископу, послѣ того какъ сдѣлано, по обычаю, согласное избраніе и представлено ему“¹⁾.

Вотъ то правило, которое, по мнѣнію нѣкоторыхъ, дало восточной церкви возможность „охранять свое достоинство отъ папскаго порабоженія, парализуя однажды навсегда властолюбіе папъ, въ отношеніи къ Востоку“. Въ сравненіи съ этимъ правиломъ, вѣроопредѣленіе халкидонскаго собора, его каноны, его оправданіе невинныхъ, низложеніе недостойныхъ, все—ничто, а въ одномъ этомъ правилѣ „заключается его высокая честь, его громкая слава, его безсмертное имя!“²⁾. Итакъ, подчиненіе константинопольскому престолу трехъ округовъ и подтвержденіе никѣмъ не оспариваемыхъ правилъ 6-го перваго и 3-го втораго вселенскаго собора, а именно: что константинопольскому епископу принадлежитъ второе мѣсто послѣ римскаго *по преимуществамъ чести*, дали ему часть въ верховномъ пастырствѣ, въ верховной учительской власти Петрова преемника! Если это такъ, то халкидонскій соборъ предалъ прошлое Церкви забвенію, онъ объявилъ, что Церковь независима отъ связующаго начала вселенскаго единства, онъ сказалъ „все бывшее до насъ и все преподанное отцами—ложь и обманъ! не въ назиданіе намъ поступили отцы и учителя, внимая нечестивцамъ, которые называли ихъ своими членами и которыхъ они сами называли своей главой; напрасно соборы посылали свои дѣянія властолюбцамъ, воображая, что они нуждаются въ ихъ утвержденіи! Пора своротить съ пути древняго и раздѣленіемъ вселенскаго Христова зданія уйти отъ властолюбца!“ Халкидонскіе отцы ничего подобнаго не сдѣлали; ничему подобному не проложили пути; и они уже потому не могли этого сдѣлать, что утверждаютъ, что вселенскіе отцы бывшихъ соборовъ не отъ себя говорили, но Духомъ

¹⁾ Дѣян. Всел. Соб. въ русск. пер., изд. 2, т. IV, стр. 151.

²⁾ А. Лебедевъ. Всел. соб. IV и V вѣка, Москва 1879 г., стр. 283.

Святымъ, при чемъ, конечно, они не могли признавать надъ собой никакой суетной и нечестивой власти.

Правило, изданное халкидонскимъ соборомъ, вызванное давнишними нестроениями церквей трехъ округовъ, теперь подчиненныхъ константинопольскому престолу, ничего общаго не имѣетъ съ верховной учительской властью Апостольской каѳедры, властью ей присущей и принадлежащей ея сѣдальникамъ въ силу апостольскаго преемства, о чемъ свидѣтельствуемъ общій ходъ церковной жизни, который ничѣмъ не измѣнился послѣ халкидонскаго собора; какъ шестое правило никейское и третье константинопольское ничѣмъ не умалили значеніе Петрова престола, точно также 28-е халкидонское ничѣмъ не затронуло его верховныхъ правъ, потому что въ глазахъ Церкви не было ничего общаго между *преимуществами чести*, ею же распредѣляемыми, и Петромъ отъ Бога полученной благодатной властью верховнаго пастырства. Лучше всего объясняетъ смыслъ и значеніе 28-го правила самъ халкидонскій соборъ, въ своемъ посланіи Первосѣдальнику, посланіе ему же Анатолія, новопоставленнаго константинопольскаго епископа, и посланія самого Льва Великаго отцамъ бывшаго собора и Максиму, епископу антиохійскому. Приведемъ ихъ цѣликомъ, начиная съ посланія собора.

„Исполнишася радости уста наша и языкъ нашъ веселія“ (Псал. 125, 2). Это пророчество благодать приложила, какъ нашу собственность, къ намъ, которыми утверждено возстановленное благочестіе. Что для благодушія выше вѣры? Что для ликованія радостнѣе Владычнаго знанія, которое самъ Спаситель свѣше преподалъ намъ во спасеніе сказавши: „шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще ихъ блюсти вся елика заповѣдахъ вамъ“ (Матѳ. 28. 19, 20), которое *ты самъ, состоя для всѣхъ истолкователемъ голоса блаженнаго Петра, сохранилъ* какъ бы золотую цѣпь, ниспускающуюся, по повелѣнію Законоположника, даже до насъ! Поэтому и мы, употребляя тебя какъ

Началовождя въ добръ для (общей) пользы, показали чадамъ Церкви наслѣдіе истины, не производя наученіе каждый самъ по себѣ, тайкомъ, но сообщая исповѣданіе вѣры въ общемъ духѣ, въ одномъ настроеніи и единомысліи. И мы въ общемъ ликованіи, какъ-бы на царскихъ вечерахъ, услаждались духовными яствами, *которыя Христосъ чрезъ твои граматы приотвилъ пиришествующимъ*, и думали, что видимъ среди себя обращающимся небеснаго Жениха. Ибо, если гдѣ двое или трое соберутся во имя Его, тамъ Онъ обѣщаль быть посреди ихъ, то какую близость показаль Онъ относительно 520 іереевъ, которые познаніе исповѣданія Его предпочли отчизнѣ и труду и которыми *ты, какъ глава членами, являя благомысліе, управляль въ лицѣ занимавшихъ твою мѣсто*. А вѣрные императоры, подобно Зоровавелю и Иисусу (1 Ездр. гл. 3), распорядились относительно устройства Церкви, какъ Іерусалима, желая возстановить зданіе догматовъ. И сталь бы противникъ, какъ звѣрь внѣ овчарни, рычать на самого себя, не имѣя кого поглотить, если бы не бросиль ему въ добычу самого себя прежде бывший предстоятель александрійскій, который, прежде надѣлавши много дурного, предыдущее превзошелъ послѣдующимъ. Такъ онаго блаженнаго, который во святыхъ, пастыря константинопольскаго Флавіана, произнесшаго апостольскую вѣру, и боголюбезнѣйшаго епископа Евсевія, онъ низложилъ вопреки всякому требованію каноновъ; а обвиненнаго въ нечестіи Евтихія опредѣленіями своего тиранства ¹⁾ оправдалъ и возвратиль (ему) достоинство, отнятое (у него) Вашей Святостію, какъ у недостойнаго благодати. И какъ совершенно дикій звѣрь, ворвавшись въ виноградникъ, вырваль растенія, какія нашель самыми лучшими, а внесъ тѣ, которыя, какъ безплодныя, были выброшены: мыслящихъ по пастырски онъ прогналь, а отъявленныхъ волковъ надъ овцами поставиль. И ко всему этому, онъ простеръ свою

¹⁾ Т. е. самозванной власти.

ярость еще и на того, кому предоставлено отъ Спасителя храненіе вертограда, и замышлялъ объ отлученіи того, кто обвѣднѣетъ тѣло Церкви: мы говоримъ о Твоей Святости. И (когда ему) надлежало бы раскаяться въ этомъ, надлежало бы со слезами умолять о милости, онъ радовался этому, какъ доброду, попирая посланіе Твоей Святости и противясь всѣмъ догматамъ истины. Его надлежало тогда же оставить при той сторонѣ, къ которой онъ самъ себя пристроилъ. Но такъ какъ мы проповѣдуемъ ученіе Спасителя, „иже всѣмъ человѣкомъ хоцетъ спастися и въ разумъ истины прійти“ (1 Тим. 2, 4): то мы постарались дѣломъ подтвердить такое къ нему человѣколюбіе. Мы братски звали его на судъ, не съ цѣлю отлучить, но предоставляя ему случай къ защитѣ, для (его) уврачеванія. И мы желали, чтобы онъ оказался лучшимъ сравнительно съ тѣми, которые очернили его различными обвиненіями, дабы мы торжествующіе, торжественно распустивши собраніе, ни въ чемъ не были побѣждены сатаною. Но онъ, нося въ себѣ нелицепріятное обличеніе совѣсти, отказомъ отъ суда усилилъ обвиненія и отвергъ три законныхъ, сдѣланныхъ ему, вызова. Вслѣдствіе этого, приговоръ, который онъ самъ произнесъ противъ себя заблужденіями, мы подтвердили, сколько можно было, снисходительно, снявши съ волка пастырскую одежду, въ которую и прежде онъ былъ облеченъ, какъ оказалось, только по внѣшнему виду. На этомъ остановились наши скорби; и тотчасъ возсіяла благодать добра. Вырвавши одинъ плевель, мы съ радостію наполнили всю вселенную чистою пшеницею; и, какъ получившіе власть искоренять и насаждать, мы отсѣченіе ограничили однимъ, а благоплудіе добра насадили усердно. Ибо дѣйствующимъ былъ Богъ, а увѣнчавшею въ чертогѣ собраніе—добропобѣдная Евѣимія, которая, принявши отъ насъ опредѣленіе вѣры, представила его, какъ собственное исповѣданіе, своему Жениху чрезъ благочестивѣйшаго императора и христіолобивую императрицу, утишивши всякое волненіе противниковъ, укрѣпивши испо-

вѣданіе вѣры, какъ достолюбезное, и въ доказательство подтвердивши опредѣленія всѣхъ и рукою и языкомъ ¹⁾. Вотъ что мы сдѣлали вмѣстѣ съ тобой, который присутствовалъ духомъ и умѣлъ сочувствовать намъ, какъ братьямъ, и почти зримъ былъ въ мудрости твоихъ мѣстоблюстителей. Увѣдомляемъ, что мы, *для благочинія въ дѣлахъ* и упроченія церковныхъ постановленій, опредѣлили и нѣчто другое, будучи увѣрены, что и Ваша Святость, узнавши, приметъ это и утвердитъ. Такъ, издавна имѣвшій силу обычай, котораго держалась святая Божія церковь константинопольская, рукополагать митрополитовъ областей азійской, понтійской и еракійской, и нынѣ мы утвердили соборнымъ опредѣленіемъ, не столько предоставляя что-либо константинопольскому престолу, *сколько упрочивая благочиніе въ митрополіяхъ*; такъ какъ часто, по смерти епископовъ, *возникаетъ много волненій*, когда клирики этихъ областей и міряне остаются безъ правителя и возмущаютъ церковный порядокъ. Это не скрылось отъ Вашей Святости особенно касательно ефессянъ, *которые многократно беспокоили васъ*. Мы подтвердили и правило 150-ти святыхъ отцевъ, собиравшихся въ Константинополь при благочестивой памяти Θεодосіѣ Великомъ, которое опредѣляло: послѣ *Вашего Святѣйшаго и апостольскаго* престола, имѣть преимущество константинопольскому; мы были убѣждены, что, обладая апостольскимъ лучемъ, Вы по обычной попечительности часто простирали его и на церковь константинопольскую, потому что преподаніе собственныхъ благъ ближнимъ у васъ происходитъ безъ зависти. Итакъ, что мы опредѣлили для уничтоженія всякаго замѣшательства *и для упроченія церковнаго благочинія, это благоволи, Святѣйшій и блаженнѣйшій отецъ, признать своимъ*, достолюбезнымъ и приличнымъ для благоустройства. Занимавшіе мѣсто Вашей Святости, святѣйшіе епископы Пасхазинъ и

¹⁾ Сказанное относится къ 5-му дѣянью, происходившему въ «*Мартіріумъ*» или самой «*Исповѣди*», т. е. въ молебни, гдѣ почивала св. Велико-мученица Евфимія.

Луценцій и съ ними боголюбезнѣйшій пресвитеръ Бонифацій, пыгались было сильно противорѣчить такимъ опредѣленіямъ, конечно желая, чтобы и это добро начиналось отъ Вашей попечительности, чтобы исправленіе какъ вѣры, такъ и благочинія было приписано Вамъ. Но мы, повинуюсь благочестивымъ и христіолюбивымъ императорамъ, которымъ это пріятно, знаменитому сенату и всему, такъ сказать, царствующему (городу), признали благовременнымъ утвержденіе за нимъ чести вселенскимъ соборомъ. И какъ оно началось отъ Твоей Святости, то на основаніи всегдашней твоей благосклонности мы и осмѣлились утвердить, зная, что всякое исправленіе, *производимое дѣтьми*, относится къ ихъ собственнымъ отцамъ. И такъ *умоляемъ*, почти твоимъ подтвержденіемъ (нашъ) судъ: какъ мы заявляли тебѣ согласіе въ добромъ, такъ и Твоя Святость, *да воздастъ дѣтямъ* должное. Такимъ образомъ и благочестивые императоры, утверждавшіе судъ Твоей Святости, какъ законъ, будутъ почтены, и константинопольскій престолъ получить возмездіе за то, что онъ всегда прилагалъ всякое стараніе къ дѣлу благочестія для Васъ и въ этой ревности присоединился къ единомыслію съ Вами. А дабы Вы знали, что мы ничего не сдѣлали по угожденію или враждѣ, но были направляемы божественнымъ внушеніемъ, мы всю сущность сдѣланнаго сообщили Вамъ, для нашего успокоенія и для *подтвержденія и согласія на сдѣланное* ¹⁾.

Посланіе Анатолія константинопольскаго патр Льву.

„Ревность Вашего Святѣйшества къ благочинію и попеченіе о правой вѣрѣ, любезныя и угодныя Богу Спасителю всяческихъ, сдѣлались достойны всеобщаго удивленія. Ибо Вамъ, при всемъ величій Вашемъ, свойственно ревновать о правотѣ и полагать въ число собственныхъ заботъ Вашихъ испытанія (постигающія) Христовы церкви. Поэтому Ваше Святѣйшество *не допустили*, чтобы правая вѣра была подры-

¹⁾ Дѣян. Всел. Соб. въ русск. пер., изд. 2, т. IV, стр. 179—180.

ваема нападками непосвященных¹⁾; но, ненавидя творящихъ злая, жестоко сразили ихъ безпощаднымъ для неправоты оружіемъ. Итакъ, поелику благочестивѣйшіе и христіюбезнѣйшіе императоры наши, носители высокой ревности къ благочестію, озабочиваясь вырвать всякій горькій корень, пускающій ростки, дабы не оскверниться отъ него (для того главнѣйше и на царство вступили они, чтобы принести помощь угнетаемой вѣрѣ отцевъ), повелѣли собрать священнослужителей со всѣхъ почти мѣстъ поднебесной, дабы они, подтвердивъ общимъ приговоромъ вѣру блаженныхъ и досточтимыхъ отцевъ и согласное съ оною посланіе Твоего Святѣйшества, разсѣяли всякое нововведеніе чуждыхъ мудрований, искажающее смыслъ благочестія; и поелику представлялось необходимымъ довести до свѣдѣнія Твоего Святѣйшества о всемъ, что затѣмъ послѣдовало, то, посылая отсюда боголюбезныхъ: дрожайшаго брата и соепископа нашего Лукіана и благоговѣйнѣйшаго діакона Василія, мы пишемъ еще разъ, вновь указывая на это, не смотря на то, что боголюбезнѣйшій братъ и соепископъ нашъ Луценцій вмѣстѣ съ благочестивѣйшимъ пресвитеромъ вашимъ Вонифатіемъ и благочестивѣйшимъ діакonomъ Маркіаномъ, уже отправился изъ сего царственного града, получивъ открытыя хартіи, содержащія дѣянія вселенскаго собора. Такъ какъ однако представлялось приличнымъ, чтобы вслѣдъ за ними остальные хартіи, которыя *необходимо должны быть доведены до Вашего свѣдѣнія*, были посланы также чрезъ нашихъ людей, такъ какъ нѣчто было совершено въ отдѣльности нами, то ради этой цѣли, избирая мужа, одареннаго благочестіемъ и разсудительностію и обладающаго прѣстотою въ вѣрѣ, мы послали къ Вамъ въ великій Римъ, вышесказаннаго благоговѣйнѣйшаго епископа и вышерѣченнаго діакона, дабы они, одно открывъ Вамъ чрезъ письма, другое же сообщивъ сами, приличными (дѣлу) и достойными Васъ отвѣтами, съ радостью

¹⁾ «profani».

возвратились къ намъ, прославляя вмѣстѣ со всѣми любовь и благорасположеніе, съ коими Вы, блаженнѣйшій Отецъ, имѣете попеченіе о престолѣ здѣшняго царственного града. Какимъ образомъ святой и вселенскій соборъ тщательно изслѣдовалъ возникшую бурю противъ общаго (состоянія) мира, нашелъ виновника оной (я говорю о Діоскорѣ, который нѣкогда былъ епископомъ александрійскимъ и лишился священства)—объ этомъ изложено съ точностію въ писаніяхъ святаго вселенскаго собора. Ибо подобало изъять изъ собранія того нечестиваго, который міръ весь наполнилъ бурями и непогодами. Мы надѣемся, однако, что и Ваше Святѣйшество, по врожденной Вамъ ненависти къ злочестію, одобрите эти постановленія. Поелику однако, послѣ сужденія о немъ, *надлежало встѣ намъ согласовать наши мнѣнія со смысломъ Вашей правой вѣры* (для каковой цѣли съ величайшею заботливостію созвалъ благочестивый императоръ священный соборъ), то, оставивъ всѣ другія заботы, мы всецѣло отдались сему спасительному дѣлу, съ молитвой и слезами, при духовномъ соприсутствіи Твоего Святѣйшества и твоимъ содѣйствіемъ чрезъ посланныхъ Тобою боголюбивѣйшихъ мужей, имѣя покровительницей святѣйшую и благолѣпнѣйшую мученицу Евфимію; и когда настало время собраннымъ святѣйшимъ епископамъ провозгласить согласное опредѣленіе къ истолкованію и яснѣйшему уразумѣнію исповѣданія о Господѣ нашемъ Иисусѣ Христѣ, то Господь Богъ и неищущимъ Его открывающійся, открывающійся же и не вопрошающимъ Его, открылъ Себя; и хотя нѣкоторые съ самаго начала пытались противодѣйствовать своими спорами, тѣмъ не менѣе, (Господь) явилъ свою истину и устроилъ, что всѣми было обнародовано единодушное и лишенное противорѣчій писаніе, дабы оно съ одной стороны подкрѣпило души вѣрныхъ, съ другой стороны призвало на путь истины всѣхъ тѣхъ, которые отъ истины уклонились. И когда мы, сошедшіеся въ засѣданіе нашего вселенскаго собора у „исповѣди“ оной святой и побѣдоноснѣйшей мученицы Евфиміи,

подписали единодушно такую хартию и, написавъ ее по просьбѣ и къ радости и веселію благочестивѣйшаго и христіюлюбиваго императора нашего Маркіана и благой и передъ всѣми благовѣрнѣйшей и августѣйшей дочери нашей Пульхеріи, написанное нами опредѣленіе, долженствующее подтвердить то, что содержалось въ вѣрѣ отцевъ нашихъ и согласно съ онымъ Вашимъ святѣйшимъ посланіемъ, возложили на святой престолъ, наконецъ мы передали это (опредѣленіе) ихъ благочестію, да получаютъ его такъ, какъ сами просили; они же, пріявъ (его), воздали совмѣстно съ нами славу Господу Христу, разсѣявшему мракъ злочестиваго мнѣнія и въ высшемъ единогласіи проявившему слово истины. И такимъ образомъ, по благодати Спасителя, достигнуто было то, что имѣеть предметомъ церковный миръ и согласіе священнослужителей въ чистой вѣрѣ. Поелику же однако было необходимо разсудить и о другихъ предметахъ, чтобы столь великій соборъ совершилъ все безъ малѣйшаго опущенія, что требовало исправленія, а также одобренія, какъ въ каноническихъ, такъ и въ другихъ церковныхъ правилахъ, то приложена была забота и тѣми, кто всѣмъ управляетъ, и благородными и славнѣйшими судьями, просвѣщеннымъ и славнымъ сенатомъ и всѣмъ клиромъ и народомъ, чтобы съ согласія сего святаго собора святѣйшій престолъ сего царственнаго града Константинополя былъ отличенъ *нѣкимъ прибавленіемъ чести*, согласно правилу 150 святыхъ отецъ, которые были собраны при блаженной памяти великомъ Θεодосіи, бывшемъ константинопольскомъ императорѣ, подъ предсѣдательствомъ Нектарія константинопольскаго (и при участіи) Тимоѳея александрійскаго, Мелетія антиохійскаго, Гелладія епископа Кесаріи каппадокійской, Кирилла іерусалимскаго и прочихъ. И къ этому дѣлу приступили мы, полагаясь, какъ подобаеть, на то, что честь константинопольскаго престола Ваше Блаженство приметъ, какъ свою, ибо давно уже вашъ апостольскій престолъ имѣеть о немъ попеченіе и единодушіе съ нимъ, и, когда представлялась въ

томъ надобность, оказывалъ ему во всемъ обильную помощь. Такъ какъ, слѣдовательно, не было никакого сомнѣнія, что Ваше Блаженство будете радоваться тому, что восхваляемая Вами церковь получитъ славнѣйшую почесть, то (соборъ) съ готовностью приступилъ къ подтвержденію означеннаго канона 150 святыхъ отцевъ, постановившихъ, чтобы константинопольскій епископъ имѣлъ честь и первое мѣсто послѣ римскаго святѣйшаго престола, во вниманіе къ тому, что Константинополь есть Новый Римъ,—а также опредѣлилъ, (чтобы константинопольскій епископъ) самъ совершалъ рукоположеніе митрополитовъ понтійскаго, асійскаго и еракійскаго округовъ; предоставляя тѣмъ же митрополитамъ рукополагать находящихся подъ ихъ властью епископовъ, дабы такимъ образомъ освободить константинопольскій престолъ отъ рукоположенія весьма многихъ епископовъ, что обычно было дѣлать въ теченіи 60 и 70 лѣтъ. Когда же такимъ образомъ всѣ дѣла благополучно подвигались впередъ и разрѣшились ко всеобщему удовольствію, вдругъ благоговѣйные епископы Пасхазинъ и Луценцій и преподобнѣйшій пресвитеръ Вонифатій, хотя и были нами освѣдомлены неоднократно о семъ дѣлѣ, не зная однако намѣреній Вашего Святѣйшества относительно святой константинопольской церкви, послѣ того какъ святой соборъ постановилъ и подлинно утвердилъ сказанное опредѣленіе, отвергли соборъ, привели въ замѣшательство и наполнили смущенія засѣданіе, ни во что не вмѣняя сію каѳедру и дѣлая все, что оскорбительно какъ для меня, такъ и для святой константинопольской церкви. Установлено же было сіе съ одобренія благочестивѣйшихъ нашихъ императоровъ, въ присутствіи благороднѣйшихъ и славнѣйшихъ судей, которые и провозгласили опредѣленіе собора основательнымъ, всѣми силами стремясь къ тому и желая того, что относится къ чести каѳедры, какъ мы сказали, и о чемъ изъ многаго мы лишь нѣчто довели до Вашего свѣдѣнія, дабы не казалось, что мы взводимъ на нихъ обвиненія и уши Ваши утруждаемъ. Мы же и раньше и

послѣ ихъ прибытія заботились обо всемъ, что касается Вашей славы и подобающей Вамъ чести, и свидѣтель Богъ и сами дѣла показываютъ, какъ мы удостоили ихъ ¹⁾ почета и даровъ, и ради почета, который мы Вамъ оказываемъ, святой соборъ послалъ Вамъ сказанное постановленіе, а также и мы, дабы получить отъ Васъ одобреніе и утвержденіе. Умоляемъ же Васъ, о святѣйшій! да будетъ это совершенно Вами. Ибо константинопольскій престолъ имѣетъ отцемъ Вашъ апостольскій престолъ, соединяя себя съ Вами особеннымъ и превосходнымъ образомъ, дабы изъ Вашего о немъ попеченія всѣ уразумѣли, что Вы, давно уже искренно заботившіеся о его благѣ, и теперь имѣете о немъ то же попеченіе. И какъ Вы соблаговолили утвердить все, полезное для церковнаго чина и что было правильно опредѣлено на святомъ и вселенскомъ соборѣ, то мы позаботились послать къ Вашему Святѣйшеству и самое вышесказанное (опредѣленіе) о константинопольскомъ престолѣ, дабы Вы могли узнать, какимъ образомъ Вашими молитвами все было богомудро устроено; (и) усиленно умоляемъ Васъ, дать на каждое отдѣльное предложеніе согласный отвѣтъ, при чемъ все сообщить Вамъ боголюбезный епископъ Лукіанъ, который самъ присутствовалъ на святомъ соборѣ и съ величайшей мудростью изъ всѣхъ силъ трудился вмѣстѣ съ нами въ нашемъ состязаніи ради вѣры; онъ избранъ нами, чтобы онъ хорошо и удачно исполнилъ наше къ Вамъ порученіе, ибо онъ мужъ совершенный и давно уже другъ благочестивѣйшихъ и христоролюбезнѣйшихъ нашихъ императоровъ, и Вы благоволите отослать его къ намъ исполненнаго радости и веселящагося о благодати Вашей. Все съ Вашимъ Блаженствомъ во Христвѣ братство привѣтствую многократно и я, и тѣ, кто со мной. Будь здравъ о Господѣ и молися о насъ, богопріятнѣйшій и блаженнѣйшій Отецъ“ ²⁾.

¹⁾ Т. е. легатовъ.

²⁾ См. *Mansi Conciliorum collectio VI*, col. 171—180.

Посланіе папы Льва къ епископамъ, которые собирались на св. халкидонскомъ соборѣ.

„Епископъ Левъ святому собору, бывшему въ Халкидонѣ. Не сомнѣваюсь, что все ваше братство знаетъ, что опредѣленія святаго собора, который собирався для утвержденія вѣры въ городѣ Халкидонѣ, я принялъ всѣмъ сердцемъ; потому что не было никакого основанія, чтобы я, который скорбѣлъ о томъ, что единство каѳолической вѣры нарушено еретиками, восторженно не возрадовался, что оно снова возвращено къ неповрежденности. Вы можете узнать это не только изъ самого свойства блаженнѣйшаго согласія, но и изъ моихъ посланій, которыя я отправилъ къ предстоятелю города Константинополя послѣ возвращенія моихъ (пословъ), если онъ пожелаетъ объявить вамъ отвѣтъ апостольскаго престола. Чтобы при посредствѣ злонамѣренныхъ толковниковъ не показалось сомнительнымъ, одобряю ли я то, что на халкидонскомъ соборѣ постановлено, съ общаго вашего согласія, относительно вѣры, я посылаю ко всѣмъ братіямъ и соепископамъ нашимъ, бывшимъ на упомянутомъ соборѣ, это писаніе, которое славнѣйшій и милостивѣйшій государь, какъ я просилъ, по любви къ каѳолической вѣрѣ, благоволилъ передать къ вашему свѣдѣнію, дабы и все братство и сердца всѣхъ вѣрующихъ знали, что не только чрезъ братьевъ, которые исполняли мою обязанность ¹⁾, но и чрезъ одобреніе соборныхъ дѣяній, принявъ собственное ваше мнѣніе, именно въ томъ дѣлѣ вѣры (это надобно часто говорить), для котораго, по повелѣнію христіанскихъ государей и съ согласія апостольскаго престола, угодно было собраться вселенскому собору. Если бы осужденные имъ еретики захотѣли исправиться, то не оставалось бы совершенно никакого сомнѣнія объ истинномъ воплощеніи Господа нашего Иисуса Христа. Посему, возлюбленнѣйшіе братія, если кто когда-либо осмѣлится держаться зловѣрія Несторія,

¹⁾ Т. е. чрезъ мѣстоблюстителя кафедры и другихъ прибывшихъ съ нимъ уполномоченныхъ.

или защищать нечестивое учение Евтихія и Діоскора, то пусть отсѣчется отъ общенія православныхъ и не приобщается того Тѣла, истинность котораго онъ отрицаетъ. Также относительно сохраненія постановленій святыхъ отцевъ, которыя на никейскомъ соборѣ утверждены непреложными опредѣленіями, я напоминаю вашей святости о наблюдении, чтобы права церквей пребывали такъ, какъ онѣ опредѣлены тѣми богодухновенными тремястами восемнадцатью отцами. Пусть безчестное домогательство не желаетъ ничего чужаго и пусть никто не ищетъ себѣ прибытка чрезъ лишеніе другаго. Ибо, сколько бы суетное возвышеніе ни устраивало себя на вынужденномъ согласіи и ни считало нужнымъ укрѣплять свои желанія именемъ соборовъ,—все будетъ слабо и ничтожно, что несогласно съ канонами упомянутыхъ отцевъ. Ваша святость изъ чтенія моихъ посланій можетъ узнать, что апостольскій престолъ благоговѣнно пользуется ихъ правилами и что я, при помощи Господа нашего, пребываю стражемъ какъ католической вѣры, такъ и отеческихъ преданій¹⁾.

Посланіе папы Льва къ Максиму антиохійскому.

„Левъ, епископъ католической Церкви, возлюбленнѣйшему брату Максиму, епископу антиохійскому.“

Сколько твоей любви пріятно общее святѣйшее единство вѣры и спокойное согласіе церковнаго мира,—показываетъ текстъ твоихъ посланій, которыя доставили къ намъ наши дѣти, пресвитеръ Мариніанъ и діаконъ Олимпій, и которыя тѣмъ болѣе пріятны намъ, что чрезъ нихъ мы обмѣниваемся взаимными привѣтствіями и болѣе и болѣе дѣлается извѣстною благодать Божія, которою бываетъ то, что во всемъ мірѣ радуются явившемуся свѣту католической истины. Правда,—о чемъ мы много сожалѣемъ,—нѣкоторые доселѣ, какъ показываетъ разсказъ нунціевъ, любятъ свою тьму, и даже нынѣ, когда вездѣ возсіялъ свѣтъ дня, услаждаются

¹⁾ Дѣян. Всел. Соб. въ русск. пер., 2 изд., т. IV, стр. 197--198.

мракомъ своей слѣпоты и, потерявъ вѣру, остаются съ однимъ пустымъ именемъ христіанина, не имѣя смысла распознать заблужденіе отъ заблужденія и отличить богохульство Несторія отъ нечестія Евтихія. Нѣкоторая ихъ ложь не можетъ казаться извинительною ради того, что они въ своемъ нечестіи противники (другъ другу). Ибо, когда ученики Евтихія отвращаются отъ Несторія, а послѣдователи Несторія анаематствуютъ Евтихія,—судомъ православныхъ осуждается та и другая сторона, обѣ ереси вмѣстѣ отсѣкаются отъ тѣла Церкви, *потому что ни та, ни другая ложь не можетъ имѣть съ нами согласія.* Нѣтъ разницы въ томъ, въ силу какого святотатства они не соглашаются съ истиной воплощенія Господня, когда того, что они весьма неправильно думаютъ, ни авторитетъ Евангелія, ни смыслъ таинства не допускаетъ. И посему, возлюбленнѣйшій братъ, твоя любовь должна всѣмъ сердцемъ уразумѣвать, въ управленіи какой церкви предсѣдательствовать тебѣ благоволилъ Господь и должна помнить то ученіе, которое основалъ верховный всѣхъ апостоловъ, святѣйшій Петръ, во всемъ мірѣ—одинаковою проповѣдію, а въ городахъ Антіохіи и Римѣ—особеннымъ учительствомъ, дабы ты понималъ, что онъ преимущественно въ жилищѣ своего прославленія требуетъ (исполненія) тѣхъ постановленій, которыя онъ предалъ, какъ принялъ отъ самой Истины, имъ исповѣдуемой. Никоимъ образомъ не допускай въ восточныхъ церквахъ, и особенно въ тѣхъ, которыя никейскіе каноны святыхъ отцевъ отчислили къ антіохійскому престолу, чтобы Евангеліе подвергалось нападеніямъ отъ нечестивыхъ еретиковъ и чтобы кѣмъ-нибудь было защищаемо ученіе или Несторія, или Евтихія. Ибо, какъ я сказала, „Камень“ католической вѣры, наименованіе котораго получилъ отъ Господа святыи апостоль Петръ, не имѣетъ никакого слѣда того и другаго нечестія, и ясно и очевидно анаематствуетъ и Несторія, который, разъединяя естество Слова и плоти въ соединеніи Пресвятой Дѣвы, и раздѣляя одного Христа на два, хотѣлъ,

чтобы одно лицо было божественное, а другое человѣческое, тогда, какъ совершенно одинъ и тотъ же есть Тотъ, который по вѣчному божеству рожденъ отъ Отца безъ времени, и отъ Матери рожденъ во времени; равнымъ образомъ проклинаеть и Евтихія, который, отрипая въ Господѣ Иисусѣ Христѣ истинность человѣческой плоти, утверждалъ, что самое Слово преобразовалось въ плоть, такъ что родиться, воспитываться, преуспѣвать, страдать, умереть, быть погребѣну и въ третій день воскреснуть свойственно было одному божеству, которое приняло не истинный зракъ раба, но подобіе. Итакъ, тебѣ нужно съ особенною неусыпностію остерегаться, чтобы еретическое заблужденіе не осмѣлилось чего-нибудь присвоить себѣ, тогда какъ тебѣ прилично сопротивляться ему священническою властію и *чаще уведомлять насъ о преуспѣяніи церкви своими донесеніями о томъ, что дѣлается.* Ибо достойно признавать тебя соучастникомъ апостольскаго престола въ этихъ заботахъ и для увеличенія бодрости (признавать) преимущества третьяго престола, такъ чтобы онѣ ничѣмъ честолюбіемъ не были уменьшаемы; потому что я питаю такое уваженіе къ никейскимъ канонамъ, что постановленнаго святыми отцами *не позволялъ и не допущу нарушить никакою новизною.* Хотя заслуши *предстоятелей* иногда бываютъ различны, однако права престоловъ остаются; хотя завистники при случаѣ могутъ производить въ нихъ нѣкоторое замѣшательство, однако они не могутъ уменьшить достоинство (ихъ). Посему, когда твоя любовь увѣрена, что должно сдѣлать нѣчто въ защиту преимуществъ антиохійской церкви, то пусть она постарается изъяснить это собственнымъ посланіемъ, чтобы и мы могли рѣшительно и справедливо отвѣчать на твое сужденіе. А теперь достаточно будетъ объявить на все вообще, что если кѣмъ-нибудь, вопреки постановленіямъ никейскихъ каноновъ, на какомъ-либо соборѣ было что-нибудь или предпринято, или кажется на время вынуждено, это нимало не можетъ причинить предосужденія неизмѣннымъ опредѣленіямъ. И легче будетъ на-

рушить договоръ какихъ нибудь соглашеній, нежели повредить въ какой-либо части правила упомянутыхъ канонѡвъ. Честолюбіе не пропускаетъ случаевъ къ пронырству: и сколько бы разъ, по разнымъ причинамъ, ни составлялось общее собраніе священниковъ, трудно чтобы страсть наглицовъ не усиливалась домогаться чего-нибудь выше своей мѣры. Такъ даже на ефесскомъ соборѣ, который ниспровергъ нечестиваго Несторія съ его ученіемъ, епископъ Іувеналій, для достиженія первенства палестинской области, думалъ, что онъ можетъ поставять (на мѣста) и дерзнулъ утверждать высокомѣрныхъ посредствомъ вымышленныхъ писаній. Святой памяти Кириллъ, епископъ александрійскій, справедливо ужаснувшись этого, увѣдомилъ меня своимъ посланіемъ, на что дерзнула упомянутая страсть, и съ большою заботливостію просилъ, чтобы не было дано никакого согласія на несправедливья домогательства ¹⁾. Ибо ты могъ бы знать, что то посланіе святой памяти Кирилла, съ котораго списки ты прислалъ къ намъ, мы получили подлинникомъ, который отысканъ въ нашемъ архивѣ. *Впрочемъ, мое собственное рѣшеніе таково, что какое бы значительное число священниковъ ни опредѣлило, по пронырству нѣкоторыхъ, нѣчто такое, что оказалось бы противно постановленію 318-и отцевъ, это должно быть подвергнуто разсмотрѣнію правосудія; потому что спокойствіе всеобщаго мира не иначе можетъ охраняться, какъ если будетъ соблюдаться ненарушимое почтеніе къ канонамъ. Если дѣйствительно тѣми братьями, которыхъ я послалъ вмѣсто себя на святой соборъ, воспрещено было сългать что-нибудь сверхъ тою, что относится къ дѣлу вѣры, то конечно не будетъ имѣть никакой твердости, потому что они были отправлены апостольскимъ престоломъ только для того, чтобы*

¹⁾ Во время ефесскаго вселенскаго собора Левъ Вел. состоялъ однимъ изъ семи кардиналовъ при папѣ св. Келестинѣ и завѣдывалъ перепиской по собору; онъ же, по порученію папы, перевелъ на латинскій языкъ бесѣды Несторія, имѣя сотрудникомъ Іоанна Кассіана, бывшаго ученика Іоанна Златоуста.

при опроверженіи ересей были защитниками канолической вѣры. Ибо все то, что *сверхъ частныхъ дѣлъ* представляется на разсмотрѣніе епископовъ въ соборныхъ собраніяхъ, можетъ имѣть нѣкоторое основаніе для обсужденія тогда только, *если объ этомъ* ничего не опредѣлено святыми отцами въ Никеѣ. Что не согласно съ ихъ правилами и постановленіями, то никогда не получитъ согласія апостольскаго престола. Съ какимъ раченіемъ это охраняется нами, ты узнаешь изъ списка съ того посланія, которое мы отправили къ константинопольскому епископу: постарайся привести его въ извѣстность всѣмъ нашимъ братьямъ и священникамъ, дабы они знали, что церковный миръ должно хранить посредствомъ угоднаго Богу согласія. Также твоей любви нужно имѣть ту предосторожность, чтобы кромѣ священниковъ Господа никто не смѣлъ присвоить себѣ право учить и проповѣдывать, будетъ ли онъ монахъ или мірянинъ, который славится какимъ-либо знаніемъ. Ибо, хотя должно желать, чтобы всѣ сыны Церкви умствовали правильно и здраво, однако не надобно допускать, чтобы каждый, стоящій внѣ священнаго чина, принималъ на себя званіе учителя, когда въ Церкви Божіей все должно быть устроено такъ, чтобы въ одномъ тѣлѣ Христа и высшіе члены исполняли свои обязанности и низшіе не отдѣлялись отъ высшихъ“ ¹⁾.

Въ посланіи халкидонскихъ отцевъ ясно проведена черта между областью церковнаго благочинія и вопросами вѣры, и врядъ ли отцы имѣли въ виду, посредствомъ 28-го правила, лишить папу рѣшающаго голоса въ вопросахъ вѣры, коль скоро они обращались къ нему, *какъ дѣти къ отцу* и называли его *стражемъ вѣры и началовождемъ Церкви, коему предоставлено самимъ Спасителемъ храненіе вертограда*. Епископы, находившіе, что только для *наипрѣнно не желающаго знать*

¹⁾ Посланіе помѣчено отъ 3-го дня идусовъ іюня 453 г. Дѣян. Всел. Соб. въ русск. пер., 2 изд., т. IV, стр. 199—201.

истины не ясно, что надо повиноваться священнымъ посланіямъ послѣ Бога отца ихъ Льва („ихъ“—вселенскихъ отцевъ!), пологительно не поняли бы новѣйшаго толкованія своего 28-го правила. Чтобы уяснить, насколько Церковь придавала ему значеніе, соотвѣтствующее этому толкованію, пусть прочтутъ посланія современныхъ епископовъ Крита, Эпира, Коринѳа, Дарданіи, Родосса, а если эти области слишкомъ близки къ Риму, чтобы внушить довѣріе, пусть послушаютъ епископовъ Геллеспонта и Пафлагоніи; дальше къ востоку—Каппадокіи, Ликіи. Или послѣдняя слишкомъ близка къ морю? Средиземная волна, унесшая съ береговъ Ликіи прахъ святителя, могла передъ тѣмъ занести нечестіе съ береговъ тиренскихъ? Дальше къ Востоку: вотъ голоса пастырей Сирии, Мизіи; еще дальше—вотъ голоса, раздающіеся съ вершинъ Тавра и Арменіи.... но чѣмъ бы голосъ до насъ ни доносился, раскатомъ ли горной грозы, ревомъ ли морской волны, или гуломъ степнаго вѣтра, онъ твердитъ объ одномъ, -- о вселенскомъ епископѣ, о стражникѣ вѣры, о главѣ земной Церкви Христовой!

Что же касается посланій Льва Великаго, которыя выставляются писаніями раздраженнаго властолюбца и раздосадованнаго старца, Церковью называемаго *столтомъ православія*, то если что сказывается въ нихъ сильно, такъ это твердость въ огражденіи никейскихъ канонѡвъ, забота о томъ, чтобы *на самомъ Востоку* не нарушался установленный порядокъ; о томъ же, что 28-е правило чѣмъ-либо угрожаетъ верховнымъ правамъ учительской власти апостольскаго сѣдалища—ни слова; но за то—пророческія слова о суетѣ всякихъ домогательствъ и непрочности всего, что въ области церковной основано силой міра сего. Врядъ ли самъ говорившій могъ предвидѣть, до чего все имъ сказанное оправдается по отношенію къ константинопольской каѳедрѣ.

О посланіи же патріарха Анатолія достаточно замѣтить, что оно въ русскихъ изданіяхъ не полагается.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ отправленія приведен-

ныхъ посланій, папа Левъ посланъ былъ императоромъ Валентиніаномъ III на Минціо, чтобы остановить словомъ своимъ „Бичъ Божій“. Три года позже, внукъ Θεодосія Великаго падаетъ отъ руки убійцы, проходитъ еще годъ и Вандалы въ Римѣ, и среди общественныхъ бѣдствій, постигшихъ городъ, 4 ноября 461 г. святой Левъ Великій почилъ ¹⁾. Осенью того же года умеръ (неизвѣстно, отравой или естественной смертью) достойный лучшей судьбы императоръ Маіоріанъ ²⁾, а 12 ноября возведенъ на каедрю кардиналъ Иларій, тотъ самый, который, будучи легатомъ на *разбойничьемъ соборѣ*, сразилъ Діоскора апостолическимъ „отвергается!“ Онъ скончался въ февралѣ 468 г., въ то время, когда съ каждымъ годомъ населеніе Рима убавлялось, развалины его множились, а вѣсками скопленныя богатства шли на умиловивленіе варваровъ, которые наконецъ въ 472 г. ³⁾ въ третій разъ вступили въ Римъ, подъ начальствомъ Свева Рицимера. До установленія владычества Вестъ-Готовъ съ Θεодорикомъ (493 г.) Римъ предоставленъ произволу и корысти дружинниковъ каждаго по очереди болѣе счастливаго соперника изъ числа полу-римскихъ, полу-варварскихъ вождей. Однако крайнее униженіе *древняю* Рима ничѣмъ не измѣняетъ порядка церковнаго управленія, и, не смотря даже на всесильное 28-е халкидонское правило, третій преемникъ Льва I, Феликсъ III, анаѣматствуетъ Акакія, патріарха *новаю* Рима, Петра Монга александрійскаго и всѣхъ принявшихъ „*генотиконъ*“; и понятно: вѣдь порядокъ церковнаго управленія, въ силу котораго онъ дѣйствовалъ, установился не человѣческимъ хотѣніемъ, но Божьимъ велѣніемъ.

¹⁾ Память его 18 февраля.

²⁾ Императоръ Маіоріанъ скончался 7 августа.

³⁾ А именно 11 іюля.

ГЛАВА Ш.

Обзоръ церковныхъ событій съ VI до конца VIII вѣка.

Въ началѣ пятисотыхъ годовъ Римъ во власти Готовъ. Царь ихъ Θεодорикъ представляетъ исключеніе между всѣми аріанствующими властителями, отличавшимися нетерпимостью; не смотря на то, что онъ самъ былъ ревностный аріанинъ, онъ держится принципа, внесеннаго въ міръ христіанствомъ и провозглашеннаго первымъ указомъ христіанской власти, миланскимъ указомъ равноапостольнаго императора, а именно: „Не хошетъ Богъ нашъ, да кто неволею и нуждою къ Нему приходитъ, но аще кто своею волею и благимъ намѣреніемъ, о томъ Онъ благоволитъ. Якоже кто хошетъ—такъ каждый да вѣруетъ свободно“. Таково было первое проявленіе христіанской власти, на которое Церковь отвѣтила благословеніемъ своимъ, сказавъ, что императоръ правильно рѣшилъ, предоставляя каждому вѣрить по самовластной своей, Самимъ Творцемъ данной волѣ. Только, когда Юстиніанъ I началъ преслѣдовать аріанъ, Θεодорикъ, въ виду негодованія своихъ аріанскихъ подданныхъ, грозитъ разрѣшить послѣднимъ отомстить православнымъ въ подвластныхъ ему италіанскихъ областяхъ такимъ же гоненіемъ. Но человѣку, который останавливалъ всякія попытки нетерпимости отвѣтомъ, *что въ дѣлѣ религіозныхъ убѣжденій нельзя повелевать*, не легко быдо допустить кого бы то ни было къ проявленію фанатизма, и поэтому, въ началѣ 525 г., онъ вытребовалъ папу Іоанна I въ Равенну и потомъ отпра-

вилъ его въ Константинополь съ порученіемъ склонить императора къ прекращенію гоненія, подъ угрозой, что сдѣлаетъ его отвѣтчикомъ въ случаѣ неуспѣха порученія. Почти какъ подсудимый, подъ угрозой аріанскаго царя, папа отправился въ Константинополь, гдѣ отъ православнаго самодержца готовился ему торжественный приѣмъ. Народъ высыпалъ навстрѣчу первосѣдальнику далеко по дорогѣ, а Юстиніанъ съ патріархомъ, во главѣ двора и духовенства, встрѣтили его за стѣнами города и повели въ св. Софію, гдѣ въ день пасхи Іоаннъ и патріархъ совмѣстно совершили литургію. Однако увѣщанія папы остались напрасными: императоръ не хотѣлъ отстать отъ преслѣдованія аріанъ и папа, вернувшись въ Равенну, подвергся гнѣву Θεодорика, который напрасно заподозрилъ его въ подстрекательствѣ къ преслѣдованію, вмѣсто увѣщанія къ терпимости. Іоаннъ, заключенный въ сырой равеннской тюрьмѣ, заболѣлъ и умеръ 18 мая 526 г.

Черезъ десять лѣтъ (въ февралѣ 536 г.) преемникъ его, св. Агапитъ, посланъ отъ короля Теодата въ Константинополь просить о мирѣ. Но святитель занялся одними церковными дѣлами: низложилъ патріарха Анѳима, неправильно поставленнаго и тайнаго противника халкидонскаго собора ¹⁾, и посвятилъ на его мѣсто св. Мину ²⁾. Заболѣвши скоро затѣмъ, св. Агапитъ скончался въ Константинополѣ 22 апрѣля ³⁾.

Нѣсколько недѣль позже, Велисарій отплылъ къ берегамъ Италіи, для возвращенія Рима подъ власть императора.

¹⁾ Достоинно замѣчанія, что противникомъ халкидонскаго собора является константинопольскій патріархъ, не смотря на то, «что его честь и слава обезпечены» 28-мъ халкидонскимъ правиломъ, а защитникомъ его — римскій епископъ, властолюбію и притязаніямъ котораго это же правило «положило вѣчную преграду!»

²⁾ О св. Агапитѣ читается въ Минеяхъ: «Пришедшу отъ Рима для исправленія нѣкихъ церковныхъ взысканій и прокленшу Анѳима еретика, отъ престола отгналъ его». Четьи-Минеи, Житіе св. Мины, патріарха, 25 августа.

³⁾ Память его 17 апрѣля.

9 декабря 536 г. онъ вступилъ въ вѣчный городъ, отсылая Юстиніану одни его ключи; другой добычи не нужно было: не чужое забиралось, свое возвращалось. Нечего разсказывать происки и корысть Антонины, супруги Велисарія и друга императрицы Θεодоры; скажемъ только, что благодаря имъ папа Сильверій въ 537 г. сосланъ въ ликійскій городъ Патару, епископъ котораго заклиналъ Юстиніана судомъ Божиимъ оказать ему справедливость; что возвращенный императоромъ въ Римъ, онъ, по проiscaмъ пресвитера Вигилія (обѣщавшаго Велисарію „благодарность“ за возведеніе на кафедру, а императрицѣ—поддерживать монофизитовъ), сосланъ на островъ Пальмарію, гдѣ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ возведенія Вигилія довели его до голодной смерти ¹⁾. Вигилій, снискавшій расположеніе императрицы обѣщаніемъ исказить вѣру, не смотря на личное свое недостойство, разъ вступивши на кафедру, остался непоколебимымъ въ вѣрѣ; въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, сбылись слова св. Льва великаго: „Хотя заслуги предстоятелей могутъ быть различны—права престоловъ остаются неизмѣнны“. И вотъ, на этомъ основаніи, въ 553 г., пятый вселенскій соборъ относится къ никѣмъ не уважаемому Вигилію, какъ предъидущіе соборы къ современнымъ имъ первосѣдальникамъ, т. е. *по мѣсту, на которое Богъ благоволилъ его поставить*. Патріархъ Мина, еще до собора, спрошенный апокрисіаріемъ, какъ онъ могъ подписать осужденіе *трехъ главъ* ²⁾ до изслѣдованія дѣла папой, *клянется ему*, что онъ согласился лишь только подъ условіемъ, что уничтожить свою подпись, если не одобритъ ея апостольскій престоль ³⁾. Всѣ остальные подписавшіе точно такъ же говорятъ, что подпи-

¹⁾ Вигилій возведенъ на кафедру 27 марта 537 г. (по другимъ извѣстіямъ 22 ноября того же года); папа Сильверій преставился 20 іюля 538 г.

²⁾ Подъ «*трима главами*» разумѣются писанія Θεодора молпеуэетскаго, Θεодорита кирскаго и Ивы эдесскаго, несогласныя съ православнымъ смысломъ вѣры. См. между прочимъ о нихъ монографію А. Доброклонскаго: «Сочиненіе Факунда еп. герміанскаго въ защиту 3-хъ главъ», Москва, 1880 г.

³⁾ См. Факунда герм. Pro defens. cap., IV, 4.

сали по принужденію, о чемъ и просятъ извѣстить папу; а когда узнали, что онъ самъ ѣдетъ, то всѣ спѣшатъ отправленіемъ своихъ повѣренныхъ къ нему на встрѣчу, для объясненія своего поступка; самъ же Вигилій пишетъ съ дороги св. Минѣ, *требуя* отмѣны рѣшенія до своего изслѣдованія. Гдѣ во всемъ этомъ величіе царственного Рима, уже полтора ста лѣтъ переходящаго изъ рукъ въ руки? гдѣ тутъ мірская власть святителей, умирающихъ въ равеннскихъ тюрьмахъ или голодной смертью и зависящихъ отъ произвола то того, то другого, и гдѣ же, наконецъ, съ Вигиліемъ личное значеніе человѣка? А сказочная сила 28-ого халкидонскаго правила, что случилось съ нею?

Къ Вигилію, какъ къ прежнимъ первосѣдальникамъ, обращаются съ выраженіями, подобными слѣдующимъ: „Поистинѣ прилично было, какъ скоро Вы, Святѣйшій, получили жребій священнаго достоинства, извѣстить Ваше свыше почтенное Блаженство о томъ, что относится къ состоянію святыхъ церквей и т. д.“¹⁾ и дѣла рѣшаются по прежнему, согласно рѣшенію апостольскаго сѣдалища, и отцы пятаго вселенскаго собора объявляютъ: „Пусть знаютъ, что они справедливо пришли къ тому, что заключили въ своихъ постановленіяхъ, такъ какъ все сдѣлано согласно указаніямъ Вигилія“²⁾ — и всѣ относятся къ Вигилію, будто онъ Левъ Великій!

Въ вопросѣ о *трехъ главахъ* обѣ стороны стараются доказать, что апостольскій престолъ въ ихъ пользу; враги *трехъ главъ* говорятъ, что такъ какъ папа Дамась подвергнулъ анаѳемѣ всѣхъ раздвояющихъ личность Христа, то Ѳеодоръ мопсуестскій, уча о двухъ сынахъ, тѣмъ самымъ налагаетъ на себя эту анаѳему и, *стало быть, надо объявить*

¹⁾ Дѣян. Всел. Соб. въ русск. пер., т. V, изд. 3, ст. 112.

²⁾ Здѣсь авторъ, повидимому, имѣетъ въ виду 7-ое засѣданіе, на которомъ читаны были доставленныя императоромъ посланія папы Вигилія. См. Дѣян. Всел. Соб. въ русск. пер., т. V, изд. 3, стр. 166 и слѣд. (*Прим. издат.*).

его (и мыслящихъ согласно съ нимъ Θεодорита и Иву) *подъ клятвой Церкви*. Когда имъ возражаютъ, что нельзя ихъ осуждать, потому что этимъ нарушился бы авторитетъ халкидонскаго собора, они отвѣчаютъ, что четвертый вселенскій соборъ подобнымъ поступкомъ нисколько не умалется, *потому что одни вѣроопредѣленія его, будучи утверждены папой, они одни неприкосновенны*; когда отцы приводятъ авторитетъ апостольскаго престола противъ *трехъ главъ*, то защитники отвѣчаютъ имъ тѣмъ же, т. е. что такъ какъ всѣ окружныя посланія папы относятся къ однимъ только вѣроопредѣленіямъ халкидонскаго собора, то только они неприкосновенны, а на остальные его постановленія надо смотрѣть не болѣе, какъ на рѣшенія по „частнымъ дѣламъ“ ¹⁾ ²⁾). У всѣхъ, однимъ словомъ, одинаковая цѣль: распространить на разсматриваемый вопросъ утверженіе святѣйшаго сѣдалища, чтобы въ немъ найти освященіе своего воззрѣнія, и у всѣхъ на устахъ: того можно или нельзя отмѣнить, смотря по тому, утверждено ли оно легатомъ, потому что у всѣхъ одинаковое убѣжденіе, что постановленія вселенскихъ соборовъ, утвержденныя апостольскимъ престоломъ, занимаютъ мѣсто второй важности послѣ каноническихъ книгъ св. Писанія *и требуютъ*, какъ св. Писаніе, нашего повиновенія, даже и въ томъ случаѣ, когда мы не понимаемъ ихъ рѣшеній. Надо признаться, что причисленіе трехъ округовъ къ константинопольскому престолу и уравненіе его, въ преимуществахъ чести, съ Петровою каѳедрой, имѣло въ глазахъ Церкви значеніе весьма различное отъ того, которое нѣкоторые желаютъ ему придать.

Соборъ между тѣмъ происходилъ подъ наблюденіемъ самаго императора, о которомъ никто не скажетъ, что онъ

¹⁾ Замѣтимъ кстати, что 28-ое халкидонское правило, не получившее утвержденія апостольскаго престола, не имѣло въ глазахъ Церкви большаго значенія, чѣмъ остальные постановленія по «частнымъ дѣламъ».

²⁾ См. Посланіе папы Пелагія къ Илиѣ аквилейскому; Дѣян. Всел. Соб. въ русск. пер., т. V, изд. 3, стр. 223 и слѣд.

не зналъ законовъ и постановлений, какъ гражданскаго, такъ и церковнаго права, или что онъ не былъ строго православнымъ ¹⁾.

Въ 555 г. папа Вигилій умеръ, и мѣсто его занялъ достойный святитель, кардиналъ Пелагій, бывший апокрисиаріемъ и хорошо извѣстный императору по переговорамъ съ королемъ Тотилою. Знаменательны слова Пелагія, сказанныя по поводу неповиновавшихся утвержденнымъ апостольской каедрой постановленіямъ пятаго вселенскаго собора: „Надо, чтобы разногласія, которыя рождаются изъ разнообразія земныхъ мнѣній, отражались бы отъ твердости *того камня*, на которомъ устроится Градъ Божій“ ²⁾. Неужели Церковь не доказываетъ намъ самыми жизненными признаками своими, что этотъ *камень*—Петрова каедра, что въ ея сознаніи она, эта каедра, ея твердыня и глава?

Въ 586 г. Рекаредъ, сынъ испанскаго короля Леовигильда, наслѣдовалъ отцу своему и подъ впечатлѣніемъ недавно передъ тѣмъ случившейся мученической кончины брата своего Ермингильда ³⁾ отрекся отъ аріанства и присоединился къ Церкви. Скоро народъ и аріанскій клиръ послѣдовали его примѣру и 15 мая 589 г. на толедскомъ соборѣ, въ присутствіи короля Рекарета, аріанскій митрополитъ съ восьмью епископами и множествомъ народа приняли православное исповѣданіе. Поступленіе испанскихъ аріанъ въ лоно Церкви было великимъ торжествомъ, и передъ закрытіемъ собора Леандръ, епископъ севильскій,

¹⁾ Юстиніанъ могъ преступать законъ, но это къ дѣлу не относится; правда также, что онъ увлекся однимъ изъ монофизитскихъ толковъ, а именно «*Афтартадокитовъ*», но это случилось въ 564 г., онъ потомъ раскаялся и скончался въ добромъ исповѣданіи, соборъ же происходилъ въ 553 г.

²⁾ Слова эти принадлежатъ св. папѣ Льву Вел. и только ссылается на нихъ папа Пелагій. См. Дѣян. Всел. Соб. въ русск. пер., т. V, изд. 3, стр. 210. (*Примѣч. изд.*).

³⁾ Память св. мученика Ермингильда царевича, отъ отца убіеннаго, 13 апрѣля.

выражая общую радость, сказалъ въ словѣ своемъ: „Богъ не потерпѣлъ внѣ своего стада расхищенія людей, за которыхъ пролита кровь едиnorodнаго Сына Его! миръ Христовъ разрушилъ преграду несогласія—скажемъ убо: слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ, въ челоуѣкахъ благоволеніе!“¹⁾—и вся Церковь, извѣщенная толедскими отцами о радостномъ событіи, воспѣла имъ въ отвѣтъ „Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ!“, потому что сама была исполнена однимъ благимъ воленіемъ. Не знала тогда ликующая Церковь, что это самое разрушеніе преграды обратится черезъ пять вѣковъ въ новую преграду! Установилось мнѣніе, будто отцы толедскаго собора, чтобы не оставить никакого сомнѣнія у бывшихъ аріанъ въ православномъ смыслѣ вѣры о совершенномъ равенствѣ Лицъ Пресвятой Троицы, пояснили его прибавленіемъ къ символу объ исхожденіи св. Духа словъ „и отъ Сына“. Подобное мнѣніе однако опровергается самими дошедшими до насъ толедскими дѣянiями, въ коихъ ничего не сказано о таковомъ опредѣленіи. Соборныя дѣянiя, согласно положенію, отправлялись апостольскому престолу, съ присоединеніемъ къ нимъ прочтеннаго на данномъ соборѣ символа, который прилагался къ свиткамъ символа 318-ти и 150-ти отцевъ; на толедскомъ соборѣ символъ прочтенъ по давно принятой въ Испаніи редакціи, т. е. съ уяснительными словами „и отъ Сына“. Полученный папою Пелагіемъ съ такимъ прибавленіемъ символъ не подвергся осужденію и ни откуда не было возраженій противъ отцевъ, читавшихъ символъ по этой редакціи и вмѣстѣ съ тѣмъ изрекшихъ анаѹему всякому искажающему смыслъ какъ никейскаго символа, такъ и константинопольскаго.

Въ этомъ же 589 г. положенъ и другой будущій камень преткновенія между церквами, а именно: константинопольскій патріархъ Іоаннъ Постникъ впервые названъ *вселенскимъ*

¹⁾ Mansi, Collectio conc. IX, col. 1005.

на соборѣ, происходившемъ по дѣлу антіохійскаго патріарха Григорія, который требовалъ суда надъ обвинившими его въ нечистой жизни. Узнавъ объ этомъ, папа Пелагій II запретилъ своему апокрисиарію, архидіакону Лаврентію, участвовать въ служеніи съ Іоанномъ и написалъ послѣдному, порицая его за такое именованіе, которое онъ между тѣмъ не думалъ прекращать по отношенію къ римскому епископу, такъ называемому со стороны всего христіанскаго міра. Въ 590 г. папа Пелагій умеръ отъ чумы, и его мѣсто занялъ св. Григорій, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ святителей, котораго Церковь и исторія одинаково называютъ Великимъ. Христіанское смиреніе не уступало въ немъ ни твердости духа, ни высотѣ разума. Церковь считаетъ его, подобно Льву Великому, стражемъ и столпомъ вѣры, не только по каѳедрѣ, но и по личнымъ достоинствамъ.

Въ своихъ „Собесѣдованіяхъ“ св. Григорій подробно рассказываетъ о кончинѣ царевича Ермингильда и обращеніи короля Рекареда; во время этихъ событій онъ уже возвратился изъ Константинополя, гдѣ состоялъ апокрисиаріемъ и жилъ въ собственномъ своемъ монастырѣ, на Целійскомъ холмѣ. По положенію своему и по достоинству онъ былъ довѣреннымъ лицомъ папы Пелагія и, еслибъ даже не сохранились объ этомъ прямыя указанія въ письмахъ св. Григорія, то не могло бы быть сомнѣнія, что полученныя въ Римѣ дѣянія толедскаго собора были ему сообщены и не менѣе извѣстны, чѣмъ примиреніе аріанъ, на немъ совершившееся. И вотъ святитель, котораго Церковь не иначе представляетъ, какъ подъ наитіемъ Св. Духа въ видѣ голубиномъ, подсказывающаго ему святыхъ слова учительства, не нашелъ никакого нарушенія вѣры въ прибавленіи словъ „и отъ Сына“.

Въ „Собесѣдованіяхъ“ св. Григорія находится также ученіе о очистительномъ огнѣ, въ послѣдствіи тоже ставшее раздѣльной гранью между церквями; тѣмъ не менѣе хорошо

извѣстно, что въ древности оно было общимъ Западу и Востоку, и одинъ изъ преемниковъ Григорія Великаго, папа Захарія (741—752), сиріецъ родомъ, перевелъ его „*Собесѣдованія*“ на греческій языкъ для назиданія восточныхъ христіанъ.

Въ 594 г. Іоаннъ Постникъ сообщилъ папѣ Григорію акты суда надъ однимъ священникомъ, обвиняемомъ въ ереси; въ этихъ актахъ онъ именовалъ себя *вселенскимъ патріархомъ*. Святой Григорій отвѣтилъ ему, выставя опасность для Церкви отъ подобнаго титула, потому что, если тотъ, котораго называютъ вселенскимъ епископомъ, впадетъ въ заблужденіе, то вся Церковь ошибется вмѣстѣ съ нимъ, и съ того времени св. Григорій началъ подписываться „*работъ работъ Божіихъ*“, какъ въ знакъ личнаго смиренія, такъ и въ знакъ верховныхъ правъ единаго вселенскаго епископа, главы Церкви, потому что первый долженъ быть слугою всѣмъ, и ни для себя, ни для своихъ преемниковъ онъ не отрекся отъ именованія „вселенскаго епископа“. Въ 596 г. преемникъ Іоанна Постника, патріархъ Киріакъ, также подписываетъ свою общительную грамоту „*вселенскій*“, и Григорій опять проситъ оставить это имя; самъ же онъ все такъ называется и пишетъ о себѣ: „Моя честь — честь Вселенской Церкви; моя честь — сила и твердость моихъ братьевъ, и я тогда дѣйствительно почтенъ, когда каждому отдается подобающая ему честь“¹⁾. Въ этомъ обстоятельстве есть нѣчто совершенно непонятное для внѣ Церкви стоящихъ. Того человѣка не найдутъ, который искалъ бы объясненія противорѣчію св. Григорія въ его властолюбіи, лицемѣрїи или въ обольщенїи: есть люди, стоящіе выше всѣхъ жалкихъ усилій зависти и злобы. Св. Григорій, котораго Церковь почитаетъ великимъ между смиренными, а

¹⁾ „*Meus honor est honor Universalis Ecclesiae; meus honor est fratrum meorum solidus vigor. Tum ego vere honoratus sum, cum singulis quibusque honor debitus non negatur*“. Gregorii Magni Constitut. dogmat. «*Pastor Aeternus*».

исторія высокимъ между великими, принадлежитъ къ ихъ числу. Объясненіе противорѣчію его поведенія одно: Поставленный Богомъ во главу Церкви, Григорій *не могъ въ силу занимаемаго имъ мѣста* посягнуть на неприкосновенность церковнаго зданія, и онъ не отрекся отъ имени „вселенскаго епископа“, потому что подобное отреченіе было бы посягательствомъ на связующее начало католическаго единства, т.-е. на власть Петрова престола, власть ему присущую въ силу главенства Апостола Петра, коего престолъ, по словамъ „столпа православія“ св. Льва Великаго, *„тотъ престолъ, котораго утвержденія нельзя отмѣнить безъ ниспроверженія чего-либо изъ Божескаго закона“* ¹⁾. И вотъ, дабы ничего не ниспровергалось изъ Божескаго закона, св. Григорій не отрекся отъ наименованія, связаннаго съ апостольскимъ престоломъ — *„тѣмъ камнемъ, отъ твердости котораго надо чтобы отражались разногласія, рождающіяся изъ разнообразія земныхъ мнѣній“*.

Твердость этого основоположнаго камня церковнаго зданія сказывалась сильно въ то время, когда къ неумолкаемому гулу земнаго разнорѣчія присоединился грохотъ обрушившихся земныхъ твердынь и стонъ погибавшихъ отъ варварскихъ нашествій. Приведемъ неослабленныя дальностью вѣковъ слова, коими св. Григорій описываетъ современное ему состояніе Рима: „Что остается въ мірѣ, что могло бы привлекать насъ? отовсюду слышимъ стонъ и вопль, куда ни взглянемъ, вездѣ горе; наши города въ развалинахъ, наши твердыни разрушены; наши поля разорены, наши земли обращены въ пустыню! Не видно земледѣльца въ полѣ; въ городахъ почти никого не осталось, а если кто и уцѣлѣлъ отъ истребленія, то и тѣ немногіе ежедневно и безпрестанно гибнуть и гибнуть отъ убійства! Конца нѣтъ наказанію, ниспосланному небеснымъ правосудіемъ... Одни отведены въ плѣнъ, другіе искалѣчены, иные безжалостно

¹⁾ Письма св. Льва Великаго. Epist. 160 (по другимъ 130).

умерщвлены... Снова спрашиваю васъ, возлюбленные мои, что же можетъ плѣнить насъ въ этой жизни? Римъ, сей нѣкогда властитель міра, что онъ такое теперь? Покинутый своими гражданами, разграбленный врагами, онъ стоитъ грудой развалинъ! что случилось съ его сенатомъ, гдѣ его народъ? Сената нѣтъ, народъ погибъ, зданія въ развалинахъ... Никто пусть не сѣтуетъ на меня, если я прекращу свои бесѣды; слишкомъ возросли наши бѣдствія! Со всѣхъ сторонъ мы окружены вражескими мечами, отовсюду угрожаетъ намъ опасность смерти... Тяжка для души моей жизнь моя: въ плачъ обратились гусли мои и пѣснь моя въ голосъ рыдающій! Око сердца моего не имѣетъ уже силы разсматривать тайны, потому что воздрема душа моя отъ унынія!" 1) Въ 604 г. среди оплакиваемого имъ разрушенія и незадолго до первыхъ раскатовъ моноѳелитской грозы папа Григорій почилъ 2).

Моноѳелитская ересь появилась въ 628 г., а въ 633 г. уже начинается гоненіе противъ православновѣрующихъ, и моноѳелитскій патріархъ Сергій пишетъ папѣ Гонорію письмо, исполненное клеветы на православныхъ. Папа, не вникнувъ въ суть письма Сергія, отвѣчаетъ ему дружескимъ письмомъ, что онъ не видитъ, чтобы соборы или Писаніе высказались опредѣленно о двухъ воляхъ въ Иисусѣ Христѣ 3). Въ 638 г. императоръ Ираклій обнародываетъ свое изложеніе вѣры „Ектезисъ“, повелѣвая всѣмъ въ одномъ Христѣ признавать одну волю. Въ 640 г. папа Іоаннъ IV осуждаетъ Ектезисъ и принявшихъ его Кира александрійскаго и Пирра константинопольскаго 4). Въ 641 г. Ираклій умираетъ, вскорѣ за нимъ умираетъ и старшій сынъ его, императоръ Константинъ II, а послѣ кратковременнаго похищенія престола Ираклеономъ (своднымъ братомъ послѣд-

1) *Св. Григорій Вел.*, Бесѣда 2 ая на пр. Іезекиіля.

2) Память его 12 марта.

3) См. Дѣян. Всел. Соб. въ русск. пер., т. VI, изд. 2, стр. 184 и слѣд.

4) Преемника Сергія и тоже моноѳелита.

няго) вступаетъ на престолъ сынъ Константина II, Константинъ III. Патріархъ Пирръ, заподозрѣнный въ заговорѣ противъ отца его, бѣжитъ въ Африку и замѣненъ Павломъ, также моноелитомъ. Въ 642 г. папа Θεодоръ ¹⁾, осуждаетъ Павла. Въ 645 г., на карфагенскомъ соборѣ, Пирръ увѣряетъ Максима Исповѣдника въ своемъ православіи, послѣ чего отправляется въ Римъ, гдѣ папа Θεодоръ, извѣщенный о его раскаяніи, принимаетъ его въ общеніе и на торжественной литургіи въ ватиканскомъ соборѣ даетъ ему мѣсто рядомъ съ собой у „исповѣди“. Служеніе по истинѣ величественное, но, къ несчастію, примиреніе патріарха было притворное. Изъ Рима онъ поѣхалъ въ Равенну, гдѣ подъ покровительствомъ экзарха снова отрекся отъ православія. Узнавъ объ этомъ, папа Θεодоръ, палестинскій уроженецъ, отлучилъ его передъ ракой верховнаго Апостола, по восточному обряду, подписывая анаѳематство перомъ, омоченнымъ чернилами, въ которыя влили каплю Святой Христовой Крови. Въ 648 г. патріархъ Павелъ отвѣчаетъ новому воззванію папы Θεодора возвратиться къ правой вѣрѣ—изложеніемъ, извѣстнымъ подъ именемъ „*Типоса*“, которое подверглось одинаковому осужденію съ „*Ектезисомъ*“. Въ 648 г., въ іюль мѣсяцѣ, папа Θεодоръ скончался и катедру занялъ св. Мартинъ. Въ октябрѣ того же года, по настоянію Максима Исповѣдника, папа Мартинъ созвалъ латеранскій соборъ 105 отцевъ, на которомъ предалъ анаѳемѣ всѣхъ, принявшихъ Ектезисъ и Типосъ.

Гоненіе между тѣмъ свирѣпствуетъ все съ большей силой, и еретики, какъ во времена Назіанзина, растравляя свою ненависть къ православнымъ ядомъ *филетизма*, кидаются на нихъ съ криками: „Зачѣмъ любите вы западныхъ, а грековъ ненавидите!“ А исповѣдники, какъ во дни оны, отвѣчаютъ: „Мы имѣемъ заповѣдь отъ Бога, да никого не возненавидимъ и васъ мы любимъ, какъ своихъ единовѣр-

¹⁾ Преемникъ Іоанна IV, родомъ грекъ изъ Іерусалима.

ныхъ, ихъ же, какъ любимъ всюду сущихъ своихъ единовѣрцевъ“.

Въ 653 г. прибывшій изъ Равенны экзархъ, 15 іюня, потребовалъ папу къ себѣ въ палатинскій дворецъ; но папа по болѣзни не могъ придти; тогда экзархъ отправился самъ въ латеранскій соборъ, куда велѣлъ принести св. Мартина. Несшіе его клирики поставили его на одрѣ передъ главнымъ алтаремъ, и экзархъ тутъ же приказалъ стражѣ схватить его и отвести въ крѣпость; ночью же съ 17 на 18 число увезли закованнаго первосѣдальника въ лодкѣ до устьевъ Тибра, откуда отправили на заточеніе въ Наксось. Тамъ остался до конца ноября, когда перевели его въ константинопольскую тюрьму. 15 декабря повели его въ кандалахъ къ допросу и послѣ истязаній и бичеванія заключили опять въ темницу, гдѣ онъ оставался до 10 марта 655 г., когда наконецъ сослали мученика въ Херсонесъ Таврическій, гдѣ онъ преставился 16 сентября того же года ¹⁾.

Пока Мартинъ лежалъ изнеможенный отъ истязаній въ константинопольской тюрьмѣ, патріархъ Павелъ заболѣлъ своей смертной болѣзною; императоръ навѣстилъ его и, слыша его стоны спросилъ „о чемъ его скорбь?“ Тогда, мучимый совѣстію передъ Божиимъ судомъ, Павелъ клятвою увѣщевалъ Константина III прекратить мученія папы, „потому что скорбь была отъ нихъ“. Но предсмертныя увѣщеванія Павла оказались слабѣе его прежнихъ совѣтовъ: испытанія св. Мартина, какъ мы видѣли, прекратились только смертью. Въ это же время пострадалъ, въ числѣ множества другихъ, св. Максимъ, который послѣ долгихъ истязаній скончался на Кавказѣ.

Въ 662 г. императоръ Константинъ III отправился на Западъ. Намъ нечего сопутствовать ему по берегамъ Греціи и Италіи. Братоубійца, мучимый совѣстію, искалъ убѣжища

¹⁾ Память его 14 апрѣля.

отъ самого себя и примиренія съ Церковью. Въ 663 г. онъ вѣхалъ въ Римъ по Саларійской дорогѣ и, нигдѣ не останавливаясь, прослѣдовалъ до ватиканскаго собора, гдѣ у „исповѣди“ того, кто пріялъ власть вязать и рѣшать, молился о разрѣшеніи своихъ многихъ беззаконій. Это было въ среду, 5 іюля. Въ субботу императоръ былъ на вечерней службѣ въ той первой церкви, сооруженной двѣсти лѣтъ передъ тѣмъ папою Келестиномъ I во имя Пресвятой Богородицы, а на другой день приобщился св. Таинъ въ Петровскомъ соборѣ, изъ рукъ папы Виталіана. Скоро затѣмъ Константинъ уѣхалъ въ Сицилію и поселился въ Сиракузахъ, гдѣ въ 668 г. умеръ насильственной смертью. Воцарившійся сынъ его, Константинъ IV Погонать, въ 679 г., написалъ папѣ Домну о примиреніи; но посланіе получено уже преемникомъ его, папою Агаѳономъ, который на римскомъ соборѣ въ мартѣ 680 г. рѣшилъ созваніе шестаго вселенскаго собора.

Со времени закрытія пятаго вселенскаго собора прошло 150 лѣтъ. 38-милѣтнее царствованіе Юстиніана отошло въ вѣчность, царство италійскихъ Готовъ стерто съ лица земли, полуторатысяче-лѣтняя Франція успѣла зародиться, на улицахъ Рима рѣдко кто взглянетъ на памятники древности, -еще рѣже кто прочтетъ на нихъ надписи былого, одна Церковь представляетъ намъ все то же: терпѣніе мучениковъ, твердость пастырей, непоколебимость апостольскаго престола, къ сѣдальнику котораго обращаются все по прежнему. „Высочайшая грамата Константина IV *Вселенскому Папѣ*, Святѣйшему Домну посланная, вручена Агаѳону, потому что Домнъ отошелъ отъ сей жизни“ ¹⁾.

Соборъ открылся 7 ноября 680 г. и на немъ все идетъ согласно древнему преданію (потому что отъ Церкви можно уйти, но она отъ себя не уходитъ), т. е. при новыхъ затрудненіяхъ, подъ руководствомъ Намѣстника Христова,

¹⁾ Дѣян. Всел. Соб. въ русск. пер., т. VI, изд. 2, стр. 12.

поясненіе той же вѣры, развитіе того же ученія и подѣнаиіемъ Святаго Духа, опредѣленія, утверждаемаго преемникомъ пріявшаго ключи царства истины. Послѣ закрытія собора, 16 сентября 681 г., въ третьемъ притворѣ *великой церкви* выставленъ высочайшій указъ, въ коемъ сказано: „Какъ самого начальника апостольскаго хора, Петра, мы созерцали мысленными очами первопрестольника исповѣдующимъ таинство цѣлаго домостроительства, и на письмѣхъ взывающихъ Христу: Ты еси Христось, Сынъ Бога живаго!“ ¹⁾ Указъ гласитъ дальше, что всѣ примирились, одинъ только Макарій антиохійскій „повелъ себя противъ ига Христова, отдѣлился отъ *священнаго сонма*, не согласился съ посланіемъ Агаѳона, *какъ бы возставаая противъ самого верховнаго Петра*“ ²⁾. Высочайшій указъ 681 г. ничего новаго не говоритъ; онъ повторяетъ сказанное великомучениками первенствующей Церкви, Игнатіемъ и Иринеемъ, и повторенное Кипріаномъ Карѳагенскимъ въ 250 г., и доказываетъ, что общеніе съ апостольскимъ престоломъ продолжаетъ считаться непремѣннымъ условіемъ принадлежности къ священному сонму и что возгласъ возрожденія и жизни, въ которомъ содержится весь христіанскій догматъ и на который Господь отвѣтилъ Петру обѣщаніемъ о созданіи на немъ Церкви, неизмѣнно признается православнымъ христіанствомъ источникомъ власти его кафедръ.

Напрасно селятся доказать, что ученіе о непогрѣшности первосѣдальной кафедры въ вѣрѣ опровергается осужденіемъ, произнесеннымъ шестымъ вселенскимъ соборомъ противъ папы Гонорія. Во-первыхъ изслѣдованіе дѣла папы Гонорія доказываетъ, что вина его не заключается въ неправильномъ уясненіи вѣры, въ качествѣ главы Церкви, но въ неисполненіи обязанностей верховнаго папства. Она

¹⁾ Эти слова взяты не изъ эдикта, но изъ посланія императора Константина къ папѣ Льву. См. Дѣян. Всел. Соб. въ русск. пер., т. VI, изд. 2, стр. 266. (*Прим. изд.*)

²⁾ Тамъ же, стр. 266.

состоить въ томъ, что, занимая мѣсто апостольской каѳедры, онъ не осудилъ нарушителей апостольскаго преданія; что небрежнымъ отношеніемъ къ вопросу, поднятому лжеучителями, онъ далъ еретикамъ возможность истолковать его мнѣніе въ свою пользу и снисходительнымъ обращеніемъ съ ними оказался какъ бы покровителемъ ереси. Во-вторыхъ, нешибочность правосѣдальника относится исключительно къ его приговорамъ, когда онъ опредѣляетъ ученіе Церкви, говоря съ каѳедры, какъ глава Церкви, а не къ его частно выраженнымъ мнѣніямъ; недостаточно же выраженное ученіе о двухъ дѣйствіяхъ и двухъ воляхъ въ лицѣ Спасителя, которое находится въ первомъ письмѣ папы Гонорія къ моноелитскому патріарху Сергію, представляетъ собой именно лишь частно выраженное *личное мнѣніе*. Кромѣ того, осужденіе папы Гонорія не можетъ служить оружіемъ противъ непогрѣшимости правосѣдальной каѳедры, или доказательствомъ о несуществованіи принадлежащихъ ей правъ верховнаго учительства уже потому, что папа Гонорій согрѣшилъ именно неисполненіемъ обязанностей, связанныхъ съ этими правами. Онъ неповиненъ въ нарушеніи здраваго ученія при исполненіи своего служенія, какъ верховный пастырь, но виноватъ тѣмъ, что онъ не исполнилъ этого служенія, не опредѣлилъ ученія вѣры, какъ глава Церкви, съ каѳедры, уясняя смыслъ апостольскаго преданія „*силою и властью, присущей апостольской каѳедрѣ*“, а ограничился частнымъ выраженіемъ своего личнаго мнѣнія, при чемъ правосѣдальникъ не болѣе огражденъ отъ ошибокъ, чѣмъ всякій другой членъ Церкви. Каждый согласится, что трудно обратить осужденіе, вызванное тѣмъ, что данное лицо не дѣйствовало въ силу правъ занимаемаго имъ мѣста, въ доказательство несуществованія усвоенныхъ этому мѣсту правъ. Суть вины папы Гонорія ясно выражена въ его надгробной надписи, которая гласитъ, что онъ не осужденъ какъ еретикъ, но какъ покровитель еретиковъ: *Non quidem est haereticus, sed est haereticorum fautor.*

Въ 685 г. Юстиніанъ II Ринотметъ наслѣдовалъ отцу своему Погонату. Въ 692 г. имъ созванъ такъ называемый трулльскій соборъ. Этотъ соборъ, издавшій 102 правила, сдѣлался предметомъ спора между церквами. Восточная церковь, основывая свое мнѣніе на томъ, что пятый и шестой вселенскіе соборы никакихъ правилъ благочинія не издали, считаетъ трулльскій соборъ продолженіемъ шестого вселенскаго и 102 правила его называетъ правилами шестого вселенскаго собора, а самый трулльскій соборъ „пято-шестымъ“. Кромѣ того она говоритъ, что западная церковь напрасно не признаетъ 102 правилъ, такъ какъ они утверждены были представителями апостольскаго престола, и намъ даже преподаютъ, что они подписаны папой Іоанномъ VII. Западная церковь не признаетъ „пято-шестого“ собора продолженіемъ шестого вселенскаго, а только областнымъ соборомъ, и на этомъ основаніи называетъ 102 правила не правилами шестого вселенскаго собора, а лишь трулльскаго. Кромѣ того, она говоритъ, что они представителями апостольскаго престола не были подписаны и что ни папа Іоаннъ VII, ни другой ихъ не подписали. Посмотримъ, съ какой цѣлью трулльскій соборъ созванъ, при какихъ обстоятельствахъ онъ состоялся и чьи завѣренія при освѣщеніи фактовъ окажутся справедливыми, а также подписалъ ли папа Іоаннъ въ 705 г. высланныя ему 102 правила.

Трулльскій соборъ, состоявшійся 12 лѣтъ послѣ шестого вселенскаго, созванъ былъ императоромъ безъ предварительнаго соглашенія съ той верховной духовной властью, которая тогда Востокомъ признавалась и которую онъ съ тѣхъ поръ ничѣмъ не замѣнилъ. Но за то, по окончаніи собора, Юстиніанъ II отправилъ дѣянія его на утвержденіе папы Сергія I, сирійца по происхожденію, бывшаго пресвитера іерусалимской церкви. Этотъ послѣдній усмотрѣлъ въ прямомъ порицаніи субботняго поста и косвенномъ порицаніи безбрачія ¹⁾ духовен-

¹⁾ Трулльскія правила 13, 55.

ства явленія опасныя для церковнаго мира и согласія и отказался утвердить ихъ, противясь даже ихъ обнародованію. Раздраженный отказомъ первосѣдальника, императоръ востребовалъ къ себѣ епископа портуэнскаго и кардинала-консиліарія. Они явились въ Константинополь и самодержецъ, сдѣлавъ имъ внушеніе, приказалъ утвердить тоз правила ихъ подписью. Они отказались за неимѣніемъ полномочія. Тогда Ринотметъ послалъ въ Римъ протоспаарія Захарію, съ приказаніемъ заковать папу и привести его въ Константинополь. Сергій I не былъ больнымъ старцемъ, какъ папа Мартинъ: его не пришлось положить на одрѣ готовой жертвой передъ алтаремъ латеранскаго собора. Онъ принялъ протоспаарія въ латеранскомъ дворцѣ, стоя. Между тѣмъ, народъ, узнавши, что къ ночи готовится тайный отъѣздъ папы, собрался на соборную площадь для защиты любимаго пастыря. Гулъ народнаго негодованія доносился до комнатъ Захаріи, онъ испугался и бросился къ первосвященнику. Сергій ободрилъ дрожавшаго сановника, потомъ вышелъ на церковную паперть, успокоилъ народъ увѣреніемъ, что противъ него ничего не замышляется и, вернувшись къ протоспаарію, сказалъ ему, что онъ можетъ ѣхать съ миромъ... Вечеромъ того же дня Захарія уѣхалъ по лабиканской дорогѣ мимо водопроводовъ, по которымъ горныя струи бѣжали ему на встрѣчу и журчали: „Когда обрушатся утесы, изъ коихъ мы течемъ, *та скала* еще будетъ жива!“ а плиты тогда воолѣтней мостовой грохотали ему вслѣдъ: „Когда не останется отъ насъ камня на камнѣ, *камень тотъ*, все еще будетъ живъ!“... Въ ту же ночь папа Сергій, быть можетъ, молился верховному Апостолу, прося отворотить зловѣщее видѣніе разобшеннаго съ нимъ родного Востока...

Прошло 13 лѣтъ. Вслѣдъ за Сергіемъ I умеръ Іоаннъ VI. Теперь каеэдру занималъ Іоаннъ VII, родомъ грекъ. Юстиніанъ II успѣлъ за это время потерять и возвратить престоль и вотъ въ 705 г. онъ въ третій разъ посылаетъ трульскія правила въ Римъ, но уже не съ сановникомъ, а съ

двумя митрополитами. Иоаннъ VII отвѣтилъ тѣмъ же, чѣмъ Сергій I. Черезъ два года онъ умеръ и послѣ него кафедру опять занимають подъ рядъ два восточныхъ святителя, Сисиній и Константинъ. Весной 711 г. послѣдній, по требованію Ринотмета, является въ Царьградъ; самъ императоръ находился въ то время въ Никеѣ виоинской; на встрѣчу папы выѣхали царевичъ Тиверій и патріархъ Киръ ¹⁾, во главѣ синклита и духовенства, и папа вмѣстѣ съ ними выѣхалъ въ городъ верхомъ и остановился въ отведенномъ ему дворцѣ *Плакиды* ²⁾. Извѣщенный о его прибытіи императоръ назначилъ ему свиданіе въ Никомидіи. Здѣсь Ринотметъ исповѣдывался у папы, приобщился Св. Таинъ изъ рукъ его, а затѣмъ въ четвертый разъ поднесъ 102 правила на утвержденіе апостольскаго престола. Но папа Константинъ отказался подписать ихъ, какъ передъ тѣмъ отказались дважды въ 693 г. Сергій I и въ 705 г. Иоаннъ VII. Не смотря на свой отказъ въ требуемомъ, папа выѣхалъ изъ Никомидіи безпрепятственно и въ октябрѣ мѣсяцѣ вернулся въ Римъ ³⁾. Замѣтимъ кстати, что всѣ три первосвященника, отказавшіеся утвердить 102 правила, были родомъ съ востока: одинъ изъ нихъ посвященъ въ пресвитеры еще въ Иерусалимѣ, а другой долго жилъ апокрисиаріемъ въ Царьградѣ.

Перейдемъ къ самому трулльскому собору, его дѣяніямъ и наконецъ къ значенію его правилъ. Никто, конечно, не считаетъ и не станетъ считать его *вселенскимъ* самимъ по себѣ. По свидѣтельству самихъ соборовъ, вселенское ихъ значеніе обуславливается: 1) созваніемъ соборавъ качествѣ вселенскаго; 2) вселенскимъ значеніемъ вопросовъ, предстоящихъ къ разсужденію;

¹⁾ Преемникъ замученнаго въ 705 г. св. Каллиника.

²⁾ Т. е. во дворцѣ, принадлежавшемъ 300 лѣтъ назадъ императрицѣ Галлѣ-Плакидѣ.

³⁾ Немудрено видѣть въ этомъ обстоятельствѣ признакъ того, что отказъ подписать 102 правила не состоялся безъ вѣдома патріарха Кира; трудно даже предполагать, что они не совѣщались о томъ, что составляло причину пріѣзда первосвѣдальника, тѣмъ болѣе, что они могли разговаривать безъ посредства переводчика на общемъ имъ родномъ языкѣ.

3) законнымъ созваніемъ собора, т. е. по почину верховной духовной власти или свѣтской, по соглашенію съ ней; 4) присутствіемъ на немъ нарочно уполномоченныхъ мѣстоблюстителей апостольскаго престола ¹⁾. Ничего подобнаго трулльскій соборъ не представляетъ; весь вопросъ, стало быть, заключается въ томъ, можетъ ли онъ, или нѣтъ, считаться продолженіемъ шестого вселенскаго собора.

Между закрытіемъ шестого вселенскаго собора (16 сентября 681 г.) и открытіемъ трулльскаго (692 г.) ²⁾ прошло двѣнадцать лѣтъ; изъ 227-ми засѣдавшихъ на немъ епископовъ 40 принадлежатъ къ числу 170-ти отцевъ шестого вселенскаго собора. Перемѣна личнаго состава и промежутокъ времени между двумя соборами не считаются препятствіемъ къ признанію послѣдующаго собора продолженіемъ предыдущаго, подъ непремѣннымъ условіемъ, во-первыхъ: *чтобы епископы были сподальниками тѣхъ же каведръ*; во-вторыхъ: *чтобы предыдущій соборъ не былъ закрытъ, а только отсроченъ*. То ли мы видимъ въ данномъ случаѣ? Со дня своего открытія, 1 ноября 680 г., до 7 декабря шестой вселенскій соборъ имѣлъ шесть засѣданій; слѣдующее засѣданіе произошло 12 февраля 681 г.; между 12 февраля и 26 апрѣля произошло восемь засѣданій, по окончаніи послѣдняго изъ коихъ соборъ разошелся, сказавъ: „довольно сдѣлано для сего дня“. Прошло три съ половиной мѣсяца и 9 августа отцы собрались на 16 засѣданіе, о которомъ, несмотря на протекшее время, никто не скажетъ, что оно не представляетъ собой продолженія того же собора: дѣяніе 26 апрѣля никакой даже чертой не отдѣлено отъ дѣянія 9 августа. Но 16 сентября 681 г. мы видимъ совсѣмъ иное; отцы сказали въ этотъ день, что ничего изъ предназначеннаго ихъ изслѣдованію не оставлено не рѣшеннымъ, ничего ими не отложено до другого времени и заявили, что кругъ ихъ дѣяній

¹⁾ Т. е. легатовъ.

²⁾ Время открытія трулльскаго собора съ точностью не извѣстно; вѣрно только то, что онъ открытъ не раньше 692 г.

довершенъ, вслѣдствіе чего соборъ объявленъ *бывшимъ* шестымъ вселенскимъ. Объ этомъ торжественно доводится до общаго свѣдѣнія по повелѣнію высочайшей власти, а духовная верховная власть утвержденіемъ своимъ соборныхъ постановленій обусловила ихъ неотмѣняемость. Итакъ, рядъ засѣданій шестаго вселенскаго собора не былъ прерванъ 16 сентября 681 г., занятія его не были отложены, кругъ дѣяній его не остался недовершеннымъ и онъ самъ не *отсроченный*, но *закрытый соборъ*.

Мы предоставляемъ всякому самому рѣшить, на какомъ основаніи соборъ, созванный безъ санкціи призванной къ тому власти, черезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ *закрытія* другого собора, можетъ считаться продолженіемъ его, если даже правильно созванный онъ не могъ бы считаться продолженіемъ предыдущаго, послѣ того какъ послѣдній *объявленъ закрытымъ*. Кромѣ того, если трулльскій соборъ—продолженіе шестаго и засѣданія его должны считаться добавочными засѣданіями предыдущаго, то почему называется онъ *пято-шестымъ*? Вѣдь продолженіемъ двухъ соборовъ никакой соборъ никоимъ образомъ быть не можетъ.

Посмотримъ теперь самыя трулльскія дѣянія. Кто знакомъ съ дѣяніями соборовъ, тотъ знаетъ и мѣсто и форму подписи уполномоченныхъ представителей святѣйшаго сѣдалища. Подъ трулльскими правилами, на восьмомъ мѣстѣ за киноварью Флавіана Юстиніана императора читается: „Василій, епископъ Гортины, митрополіи Христолюбиваго острова Крита, и заступающій мѣсто всего собора св. церкви римской“. Это не подпись легата, а лишь представителя собора. Кромѣ того, какимъ образомъ могъ гортинскій епископъ явиться представителемъ собора, на которомъ онъ самъ не былъ, остается не разъясненнымъ. Будь онъ членомъ этого собора и дѣйствительно имъ уполномоченъ, онъ бы и подписался уполномоченнымъ собора, но это все-таки не дѣлало бы изъ него мѣстоблюстителя апостольскаго престола, коимъ онъ только могъ быть по назначенію первопрестоль-

ника, и вотъ почему онъ подписался *восьмымъ*, а не первымъ послѣ киновари, какъ бы онъ это сдѣлалъ, еслибъ имѣлъ полномочіе святѣйшаго престола „съ усвоенной ему силой и властью“. Подпись гортинскаго епископа не можетъ, стало быть, считаться замѣняющей собой подпись легата.

Подъ 102 правилами нѣтъ также имени апокрисиарія, что само собой доказываетъ, что соборъ созванъ безъ предварительнаго соглашенія съ святѣйшимъ престоломъ, потому что, въ качествѣ его повѣреннаго, онъ конечно не могъ присутствовать на соборѣ, созванномъ вопреки церковнымъ постановленіямъ. Если Іоаннъ VII дѣйствительно подписалъ 102 правила въ 705 г., то почему нужно было императору вытребовать папу Константина изъ Рима въ Никомидію, чтобы имѣть вторую первосвятительскую подпись въ 711 г.? Наконецъ, если кто изъ папъ подписалъ 102 правила, почему подъ нимъ нѣтъ подписи ни одного изъ нихъ? Мѣсто для подписи папы оставлено подъ трулльскими правилами, но оно не занято. Странно излѣтъ сряду искать утвержденія этихъ правилъ апостольскимъ престоломъ и пренебречь доказательствомъ этого утвержденія, если только оно когда-либо состоялось. Но дѣло въ томъ, что ни Сергій I, ни Константинъ не подписали 102 правилъ, а Іоаннъ VII, въ 705 г., принялъ подъ свое покровительство не постановленія трулльскаго собора, а жертву Церковью клейменнаго именемъ „*клятвoprеступника и мучителя*“, т. е. священномученика Каллиника, котораго Ринотметъ послалъ въ Римъ послѣ страшныхъ истязаній съ повелѣніемъ замуравать его въ тюрьмѣ. Это было исполнено, но папа освободилъ еще дышавшій не то трупъ, не то чело-вѣка, и перенесъ святаго исповѣдника въ петровскую церковь, гдѣ онъ передъ „Исповѣдью“ испустилъ духъ ¹⁾.

Ясно, кажется, что трулльскій соборъ самъ по себѣ не вселенскій, что признавать правила, имъ изданныя, за пра-

¹⁾ Память священномученика Каллиника 23-го августа.

вила шестого вселенскаго собора болѣе чѣмъ трудно и что они ни мѣстоблюстителями, ни сѣдальниками апостольской кафедръ подписаны не были, ни даже апокрисиаріемъ. Мы однако нисколько не возмущаемся стараніями доказать, что 102 правила законно названы правилами шестого вселенскаго собора, потому что видимъ въ этомъ подтвержденіе нашего убѣжденія, а именно, что для православно вѣрующаго не возможно полное отрѣшеніе отъ прошлаго Церкви. Постановленіямъ трулльскаго собора хотятъ дать вселенское значеніе, между тѣмъ онъ самъ не вселенскій и не правильно состоявшійся соборъ, и этого довольно для православныхъ, чтобы всячески стараться поставить ихъ подъ покровительство шестого вселенскаго. Не пѣняемъ также, что намъ преподаютъ, вопреки исторической правдѣ, будто 102 правила подписаны то Сергіемъ I, то Іоанномъ VII, потому что въ желаніи доставить имъ утвержденіе со стороны апостольскаго престола усматриваемъ *ничѣмъ неизмѣдимое сознаніе* того, что въ его власти кроется средоточіе церковнаго самоуправленія, а это одно уже признакъ возможнаго съ нимъ примиренія.

Но все-таки не виновата ли западная церковь тѣмъ, что не приняла 102 правилъ? Трулльскій соборъ, по собственному заявленію, имѣлъ исключительной цѣлью церковное благочиніе и созванъ законоопредѣлять о немъ. Извѣстно, что постановленія по церковному благочинію никогда не ставились на одинъ уровень съ вѣроопредѣленіями и канонами. Послѣдніе святы и неизмѣнны, потому что относятся къ вѣчнымъ истинамъ и къ вселенскому управленію Церкви и потому что безъ соблюденія ихъ не было бы не единой католической Церкви, ни ея опредѣленной православной вѣры.

Самыя занятія вселенскихъ соборовъ по церковному благочинію (какъ и разсмотрѣніе частныхъ дѣлъ) начинались только послѣ изслѣдованія вопросовъ вѣры и нравственности и послѣ изреченія богодухновенныхъ о нихъ

опредѣлений. Постановленія по благочинію никогда не считались неотмѣняемыми; кромѣ того не забудемъ, что 102 правила не получили того утвержденія, котораго изъ лѣтъ домогались и которое считалось до того необходимымъ, что до сихъ поръ стараются увѣрить, что оно состоялось и, наконецъ, что они изданы соборомъ, не имѣвшимъ никакого права постановлять противъ обычая, давно на западѣ существовавшихъ и при которыхъ Церковь цѣлые вѣка жила въ единеніи и мирѣ. Огульному порицанію 102 правила никогда не подвергались, тѣмъ болѣе, что большинство изъ нихъ лишь повтореніе прежде существовавшихъ постановленій, которыя, среди частыхъ нестроений Востока, пришли въ упадокъ, но первосѣдальники не хотѣли, чтобы они выдавались подъ именемъ шестого вселенскаго собора, и исторія, которая относится безразлично къ спору церквей, согласуется въ этомъ отношеніи съ ними—не призываетъ трулльскій соборъ продолженіемъ шестого вселенскаго и не ставитъ 102 правила подъ его именемъ¹⁾. Папы, въ качествѣ первоблюстителей церковнаго единства, не могли одобрить правила, составленныя съ цѣлью порицать обычаи, которые ничего предосудительнаго не представляли, и не могли допускать ихъ осужденіе со стороны не призваннаго судьи во имя другихъ обычаевъ, не болѣе (если не менѣе) законныхъ, но за которые никто на Западѣ не думалъ укорять Востокъ. Такъ разсуждавшіе первосѣдальники были всѣ три родомъ съ востока, что нисколько не мѣшало имъ дѣйствовать въ духѣ апостольскаго преданія и быть блюстителями того единства, которое какъ на западѣ, такъ и на востокѣ признавалось существеннымъ свойствомъ вселенской Церкви.

¹⁾ Въ послѣдствіи даже нѣкоторые изъ 102 правилъ включены въ собранія правилъ на западѣ, какъ 25 правилъ антиохійскаго собора 341 г. включены въ книги правилъ восточной церкви, не смотря на то, что они изданы тѣмъ арианствующимъ соборомъ, вѣроизложеніе котораго *антииоанниты*, желавшіе примѣнить къ Іоанну Златоусту карательные пункты, имъ изобрѣтенныя противъ Аѳанасія Великаго, все-таки отказались подписать.

Но допустимъ, вопреки всему, что 102 правила принадлежатъ шестому вселенскому собору; неужели можно ставить несоблюдение ихъ въ упрекъ западной церкви, наравнѣ съ непочитаніемъ каноновъ и искаженіемъ вѣроученія, которыя одни вселенски обязательны? Если западная церковь грѣшитъ несоблюденіемъ 102 правилъ, то можно ставить восточной церкви въ упрекъ несоблюдение безбрачія священниковъ, которое съ 306-го года объявлялось къ соблюденію на Западѣ не однимъ, а десятками соборовъ и которому Востокъ самъ всегда давалъ предпочтеніе ¹⁾. Между тѣмъ, никто не думаетъ упрекать восточную церковь за то, что она дозволяетъ своимъ служителямъ содержать честный бракъ въ степени священства. Стало быть, если 102 правила—постановленія областного собора, то они для Запада не обязательны, какъ и постановленія западныхъ соборовъ по церковному благочинію не обязательны для Востока. Если же они дѣйствительно правила 6 вселенскаго собора, то и въ такомъ случаѣ, въ качествѣ правилъ, касающихся исключительно благочинія, они не только для Запада, но и для самаго Востока не вѣчно обязательны. На дѣлѣ это доказывается самими восточными церквами. Напримѣръ: 101 трулльское правило, проникнутое чувствомъ человѣческаго достоинства, изрекаетъ анаѹему противъ всякаго, какъ преподающаго, такъ и принимающаго Св. Тѣло иначе, какъ руками, ибо нѣтъ сосуда выше той плоти, въ которую Господь облекся, въ которой Онъ страдалъ, умеръ и воскресъ. Кто изъ насъ между тѣмъ допуститъ, что онъ находится подъ анаѹемой, потому что пріобщается Св. Тѣла уже пропитаннаго Честной Кровію и посредствомъ золотой лжицы?

По поводу обрядовыхъ вопросовъ, мы еще вернемся къ

¹⁾ Смотри правила эльвирскаго, карагенскаго и сардикійскаго собора и т. д. Что касается возрѣній Востока на этотъ счетъ, см.: Творенія Іоанна Златоуста, Епифанія Кипрскаго и правила отцевъ и учителей. О безбрачіи духовенства сказано дальше, въ VI главѣ.

102-мъ правиламъ, теперь же перейдемъ къ событіямъ, которыя вызвали седьмой вселенскій соборъ.

Мы остановились на 711 г.; въ концѣ этого года Юстиніанъ Ринотметъ лишился престола и жизни. Свергнувшій его Варданъ былъ ярый монофелитъ. Первымъ его дѣломъ было низложить патріарха Кира, замѣнить его своимъ клеветомъ Іоанномъ, стереть во дворцѣ панкару ¹⁾ шестого вселенскаго собора (опредѣлившаго противъ монофелитовъ) и приказать сжечь его дѣянія, послѣ чего онъ отправилъ свою священную грамоту папѣ Константину.

Папа ея не принялъ и, узнавъ объ уничтоженіи дворцовой панкары, велѣлъ написать такую же въ честь 6-го вселенскаго собора въ петровской церкви. Однако царствованіе Вардана не продлилось долго. Въ 713 г. (4 іюня), секретарь Анастасій свергъ его съ престола и воцарился подъ именемъ Анастасія II. Новый императоръ былъ ревностный православный, онъ не замедлилъ послать папѣ свою священную грамоту съ патрищемъ Схоластикомъ ²⁾, а патріархъ Іоаннъ, съ своей стороны, поспѣшилъ увѣдомить его, въ оправданіе себя, что онъ уступилъ требованію Вардана уничтожить дѣянія 6-го вселенскаго собора только ради избѣжанія худшихъ золъ, и сказалъ, что при сожиганіи ихъ, подлинныя дѣянія имъ спасены. Всѣ эти заявленія однако не спасли самого Іоанна, который въ концѣ года былъ низложенъ. Въ августѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года на константинопольскую кафедру возведенъ св. Германъ, епископъ кизикійскій. Недолго однако суждено было Церкви наслаждаться возстановленнымъ миромъ.

Готовилась жестокая буря, вынести которую пришлось патріарху Герману и преемнику папы Константина ³⁾, Григорію II, тоже греку родомъ, которому Германія обязана

¹⁾ Панкары—стѣнописи, изображающія церковныя событія.

²⁾ Патрицій схоластикъ—начальникъ императорскихъ тѣлохранителей.

³⁾ Папа Константинъ скончался 19 мая 715 г.

своимъ просвѣтителемъ Винфридомъ, имъ посвященнымъ въ епископы подъ именемъ Бонифація.

Черезъ два года послѣ возведенія на святѣйшее сѣдалище Григорія II, а именно 25 марта 717 г., воцарился Левъ Исаврянинъ. и скоро открылось новое гоненіе противъ Церкви.

Въ каждой почти ереси, какъ въ каждомъ гоненіи, съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней, можно прослѣдить вліяніе еврейства. Начиная съ Назареевъ и со свѣточей Нерона евреи скользятъ мимо насъ, а въ иконоборствѣ они уже прямо идутъ намъ на встрѣчу. Съ вѣрнымъ чутьемъ ненависти они поняли все, чего можно достигнуть разрушеніемъ поклоненія Божіей Матери, надежды рода человѣческаго со дня, когда прародители наши въ первый разъ увидали съ порога рая ожидавшую ихъ земную пустыню. Евреи знали, что съ неуваженіемъ Сосуда воплощенія не долго устоитъ вѣра въ Воплощеннаго. Они знали тоже, что упраздченіе почитанія изображеній Спасителя ведетъ, хотя и незамѣтно сначала, *но за то вѣрно*, къ тому страшному слову, которое есть предвѣстникъ безвѣрія и отъ котораго Апостолы погибли бы во время ночной бури Тиверіадской, безъ любви Іоанна и рѣшимости Петра — „Это Призракъ!“ Довести христіанъ до утраты живой вѣры въ Богочеловѣка—исконная цѣль еврейства. Евреи хорошо понимали также, что довести, гдѣ бы то ни было, Церковь до *призрачнаго* существованія тоже не бесполезно для нихъ. Съ свойственнымъ имъ умѣніемъ не пропускать случая, они усмотрѣли въ частномъ нарушеніи церковныхъ правъ со стороны свѣтской власти возможность довести Востокъ до іерархическаго разобщенія со средоточіемъ вселенскаго единства Церкви и принялись за работу съ обычнымъ своимъ лукавствомъ.

Въ первой четверти VIII-го вѣка принявшіе магометанство племена уже угрожали имперіи, и вотъ евреи выставляютъ опасность, которая ожидаетъ христіанъ отъ едино-

божниковъ — разрушителейъ языческихъ кумировъ и истребителейъ ихъ поклонниковъ. Въ церквахъ-де стоятъ тѣ же кумиры, христіане почитаютъ ихъ: этого для агаріянъ довольно, чтобы намѣтить ихъ жертвами, и евреи сердобольно указываютъ на единственное средство спасенія для христіанъ: самимъ очистить церкви отъ изображеній Спасителя, Божіей Матери, отъ мощей и всякой вообще святыни. Совѣтамъ евреевъ внимаютъ, и въ 726 году Левъ Исавріяннинъ издаетъ первый указъ объ удаленіи иконъ. Патріархъ Германъ увѣщеваетъ его, начинается преслѣдованіе противъ него; онъ пишетъ Григорію II о начинающемся смятеніи; папа одобряетъ его дѣйствія и посылаетъ окружное посланіе для подкрѣпленія православныхъ. Скоро требуется уже не удаленіе, а уничтоженіе иконъ; патріархъ возражаетъ; но онъ подвергается оскорбленіямъ, и наконецъ, 7 января 730 г., когда онъ отказывается подписать опредѣленіе Исавріяннина противъ святыхъ изображеній, осьмидесятилѣтній святитель изгоняется изъ Царьграда подъ ударами 500 человекъ вооруженной стражи на заточеніе въ Платанію, гдѣ онъ вскорѣ погибаетъ новымъ исповѣдникомъ той вѣры, за которую уже семь вѣковъ любили умирать ⁴⁾.

Сложилось преданіе, что св. Германъ, сотворивъ послѣднюю молитву въ патріаршей домово́й церкви, взялъ образъ Иисуса, вложилъ въ него письмо папѣ Григорію и, поклонившись святому лику, дважды изрекъ ему: „Наставниче, спасай себя и насъ!“ и пустилъ икону въ море. Въ ту же ночь было видѣніе первосѣдальнику „и заутро, солнцу возсіявшу, онъ собралъ весь клиръ и съ кадилами и пѣснопѣніемъ рѣкою Тиверомъ поплылъ въ срѣтеніе образа Христова. И какъ онъ до устьевъ рѣки доплылъ, абіе икона отъ моря на воздухъ поднявшись и яко птица летая, на руки папѣ сѣла“. Передъ самой же смертію Герману открылись страшныя знаменія и онъ взялъ икону Божіей Матери

⁴⁾ Память св. Германа 12 мая.

и ей также сказавъ: „Спаси себя и насъ!“ пустилъ икону въ море, икона же скорѣе летанія орла достигла Рима! И въ ту же ночь опять первосѣдальнику было видѣніе, и какъ для образа Христова, такъ и нынѣ онъ вышелъ на срѣтеніе образа до устьевъ рѣки и тутъ увидѣлъ Божіей Матери икону, прямо на водахъ стоящей и, когда простеръ руки къ ней, она сама къ нему на руки взошла! ¹⁾).

Эти иконы явились въ Римъ предвѣстницами православныхъ, которые скоро начали стекаться со всѣхъ концовъ Востока, спасая себя и свои гонимыя святыни. Тотчасъ послѣ низложенія св. Германа и замѣны его недостойнымъ (бывшимъ его синкелломъ) Анастасіемъ, приступили къ исполненію императорскаго указа. Рѣшено было начать съ изображенія Спасителя, большой бронзовой статуи, стоявшей въ преддверіи „Великаго Дворца“ и особенно чтимой населеніемъ. Скоро народъ узналъ, что она обречена и окружилъ святыню, но вотъ является военачальникъ съ ратниками дворцовой стражи; раздается приказаніе „икону долой!“ Стража стоитъ, смотритъ смущенно на образъ... „Икону долой!“ раздается вторично и первый въ ряду стоявшій воинъ подымаетъ топоръ, готовится ударить съ размахомъ, но бросаетъ топоръ и бѣжитъ; тогда военачальникъ подымаетъ топоръ и наноситъ первый ударъ на ликъ Заушеннаго; ударъ за ударомъ — статуя съ грохотомъ падаетъ. Иконоборцы накинулись на православныхъ съ дикими криками, кровь полилась, а евреи, тутъ же стоявшіе, дали знать своимъ, что задуманное ими спасеніе христіанъ началось, и радостная вѣсть облетѣла всѣ кагалы съ чернокрылой быстротой... Вскорѣ Исавріянинъ посылаетъ первосѣдальнику приказаніе разрушить статую Апостола Петра уже 400 лѣтъ почитаемую и перенесенную Львомъ Великимъ изъ притвора въ церковь св. Петра.

Григорій II отвѣтилъ ему: „Если ты пошлешь воиновъ

¹⁾ Четьи-Миней 26 іюня.

для уничтоженія изображенія Петра, предупреждаемъ тебя, неповинны мы будемъ въ той крови, которую прольютъ они!“ Исавріанинъ рѣшилъ начать кровопролитіе съ самого папы. Римскій воевода Мартино получилъ приказаніе убить первосвященника; но заговоръ открыли, двое заговорщиковъ растерзаны народомъ, а третій скрылся въ монастырь ¹⁾. Когда императоръ узналъ, что заговоръ не удался, онъ послалъ экзарху приказаніе выступить съ войскомъ изъ Равенны въ Римъ и покончить съ папой. Вся Италія отъ сѣвера до юга возстала, угрожая отдѣлиться отъ имперіи. Григорій II показалъ себя въ этомъ обстоятельстве достойнымъ великаго своего соименнаго предшественника; онъ одинъ, своими увѣщаніями и посланіями, удержалъ народъ въ подданствѣ.

Между тѣмъ на Востокѣ гоненіе растетъ. Исавріанинъ требуетъ отъ ученыхъ монаховъ патріаршей школы заявленія, основаннаго на историческихъ и научныхъ данныхъ, что почитаніе иконъ тоже идолопоклонство. Монахи отказываются. Тогда изъ 36.000 томовъ патріаршей бібліотеки (собиравшейся со временъ Константина Великаго) сооружается чудовищный костеръ, на которомъ сожигаются монахи, отказавшіеся совращеніемъ исторической правды искажать православное ученіе, и правдивыя души исповѣдниковъ поднялись къ свѣту вѣчному въ пламени неподкупныхъ свидѣтелей прошлаго.

Папа Григорій II умеръ 11 февраля 731 г., на его мѣсто вступилъ 18 марта Григорій III, родомъ сиріецъ. Онъ немедленно отправилъ увѣщательное посланіе въ Константинополь съ кардиналомъ-легатомъ; но сему послѣднему не удалось доѣхать по назначенію, его задержали въ Сициліи и бросили въ кандалы. 3 ноября того же года, папа передъ Петровой „исповѣдью“ изрекъ анаѣму противъ иконобор-

¹⁾ Дуксъ Василій и Джіордано, хартуларій; скрылся же Ларіонъ, иподіаконъ.

ства и послалъ свое опредѣленіе въ Константинополь съ дефенсоромъ ¹⁾ римской церкви, который подвергся одной участи съ легатомъ, и самодержецъ отвѣтилъ на анаѳематство отобраніемъ земель патримонія. Но немного времени прошло, и лонгобарды надвинулись на имперскія владѣнія. Экзархъ Евтихій ²⁾, одинъ изъ рѣдкихъ сановниковъ, которые еще не подверглись опалѣ, несмотря на свое православіе,—оказавшись безсильнымъ противъ грознаго врага, обратился за совѣтомъ къ папѣ Григорію, и по совѣщанію съ нимъ рѣшено было, что папа исходатайствуетъ у Карла Мартелла защиту *римскаго*, т.-е. имперскаго владычества въ Италіи. Событія борьбы Франковъ съ Лонгобардами до насъ не касаются.

Въ 741 г. умерли: Исавріанинъ, оставляя престолъ тому, котораго Церковь назвала „нечестивымъ Копронимомъ“, Карлъ Мартеллъ и папа Григорій III ³⁾. Преемникомъ послѣдняго былъ Захарія, тоже родомъ грекъ. При немъ повторяется то же, что при Григоріѣ, а именно: съ одной стороны осужденіе *иконоборца*, съ другой—охраненіе правъ *императора*. Только что вступившій на кафедру папа Захарія анаѳематствуетъ Копронима, а рядомъ добивается отъ Луитпранда Лонгобардскаго возвращенія императору сполетанской и двухъ другихъ областей ⁴⁾.

Однако миръ съ Лонгобардами продолжался не долго. Лѣтомъ 751 г. ⁵⁾ Айстульфъ уже обладаетъ Равенной,

1) «Дефенсоръ» или «Эджикъ»—церковный адвокатъ.

2) Этимъ экзархомъ посланы были изъ Равенны въ Римъ 6 драгоценныхъ колоннъ, которыя папа Григорій III поставилъ передъ «исповѣдью» Петровой, соединивъ ихъ серебрянными перекладинами съ изваянными изображеніями Спасителя, Апостоловъ и другихъ святыхъ.

3) Императоръ скончался 18 іюня; франкскій богатырь 22 октября; первосвященникъ 27 ноября.

4) Копронимъ изъ благодарности за услугу отдалъ «Патримонію» города Нимфу и Норму.

5) Существуетъ дарственная грамота монастырю «Фарфа», за подписью Астаульфа, «данная въ Равеннѣ, въ дворцѣ, 4 іюля, благ. царства Нашего годъ 3-ій».

откуда вскорѣ выступилъ, надвигаясь къ Риму. Лишенный средствъ къ защитѣ, экзархъ обращается къ посредству только что вступившаго на кафедру Стефана II ¹⁾, къ которому Копронимъ съ своей стороны пишетъ о томъ же. Папѣ удается своими увѣщаніями остановить Айстульфа и склонить его возвратить Равенну подъ власть императору. Лонгобардъ хотѣлъ обусловить возвращеніе уплатой дани со стороны императора, взимаемой съ жителей Рима, но Стефанъ убѣдилъ его отказаться отъ этого условія и привелъ его къ присягѣ на миръ. Однако не прошло полгода и Айстульфъ нарушилъ договоръ и опять овладѣлъ экзархатомъ. Тогда папа Стефанъ совершилъ торжественный крестный ходъ съ нерукотвореннымъ образомъ Спасителя, передъ которымъ клирики несли хоругвь съ подписаннымъ рукою Айстульфа мирнымъ договоромъ во всенародное обличеніе клятвopреступника. Такъ ставились папой подъ защиту святыхъ иконъ права гнавшаго ихъ Копронима, по просьбѣ котораго онъ въ то же время обратился за помощью къ Пипину франкскому. Осенью 752 г. императоръ поручилъ Стефану II отправиться къ Айстульфу, склонивъ его къ вторичной уступкѣ Равенны. И вотъ, 14 октября папа выѣхалъ изъ Рима съ кардиналами и византійскими сановниками, съ которыми 17 ноября явился въ Павію упрашивать Лангобарда сжалиться надъ послѣдними останками римскаго величія! Посольство не удалось: обратный путь къ югу былъ прегражденъ, сановники съ трудомъ пробрались назадъ въ Константинополь, а первосвященникъ, съѣхавшись съ Пипиномъ въ Понтъ-Уганъ, послѣдовалъ за нимъ въ Парижъ, гдѣ въ 754 г. вѣнчалъ его на царство. Не предугадывали ни посвященный, ни посвящавшій на царство, что послѣ десяти-вѣковой череды со-

¹⁾ Папа Захарія скончался 14 марта 752 г.; первый преемникъ его Стефанъ II прожилъ всего три дня; поэтому новый избранникъ, который носилъ одно имя съ нимъ, называется то Стефаномъ III, то II-мъ; болѣе принято послѣднее именованіе.

бытій тутъ же повторится вѣнчаніе французскаго влаетителя 164-мъ преемникомъ гонимаго Копронимомъ святителя!

Папа Стефанъ II скончался 24 апрѣля 757 г., и 12 мая возведенъ на каѳедру Павелъ I. Онъ началъ увѣщевать Копронима отстать отъ иконоборства, но его старанія оказались напрасными передъ происками евреевъ, которые знали, что творятъ, поддерживая рознь между христіанами, и чуюли въ привычкѣ Востока препираться съ Западомъ зародышь того, что имъ нужно было для блага іудейства. Въ 769 г. 28 іюня Павелъ I скончался и, послѣ неправильно избраннаго Константина, Стефанъ III¹⁾ занялъ каѳедру 6 августа. Замѣтимъ кстати, что по случаю нестроений, возникшихъ послѣ Павла I, латеранскимъ соборомъ 12 апрѣля 769 г. установлены правила избранія первосвященниковъ, которыхъ то правилъ до нынѣ держатся. Въ 772 г., послѣ смерти Стефана, случившейся въ февралѣ, Адріанъ I возведенъ на каѳедру, 2 апрѣля; на третьемъ году его первосвященствованія скончался царствовавшій 35 лѣтъ Константинъ Копронимъ, оставляя престолъ сыну своему Льву IV, также иконоборцу.

Между тѣмъ въ Италіи опредѣляется городовое управленіе, упрочивается значеніе подручниковъ верховной власти, права поземельныхъ собственниковъ на всемъ западѣ начинаютъ переходить въ владѣтельные права, подготавливая феодальный строй и, по мѣрѣ возрастающей безпомощности имперской власти въ рукахъ византійцевъ, растетъ вліяніе Каролинговъ, которымъ скоро суждено олицетворить собой римское владычество. Но посреди всѣхъ измѣненій въ Церкви все осталось неизмѣннымъ.

8 сентября 780 г. скончался императоръ Левъ IV и воцарился сынъ его Константинъ VI, подъ опекой матери

¹⁾ Стефанъ III или IV, если считать трехдневное первосвященство перваго преемника папы Захаріа.

своей, ревностной православной, императрицы Ирины. Гоненіе прекратилось, страсти улеглись и возведенный, наконецъ, въ 784 г. на константинопольскую кафедру православный патріархъ Тарасій посылаетъ общительную грамоту Адріану I, съ которымъ въ слѣдующемъ году императрица вступаетъ въ переписку о созваніи седьмаго вселенскаго собора ¹⁾.

Въ 787 г. съѣхались въ Никеѣ виѳинской 367 отцевъ и 24 сентября, въ церкви „Софіи“ открылось первое засѣданіе седьмаго вселенскаго собора. Мѣстоблюстителями апостольскаго престола были: Петръ, кардиналъ-пресвитеръ петровской церкви, и Петръ же, игуменъ обители св. Саввы на Авентинской горѣ, бывшаго дома преподобной Сильвіи, матери св. Григорія Великаго. Дѣяніе началось чтеніемъ высочайшей грамоты, въ которой сказано: „Мы получили посланіе святѣйшаго Адріана папы и повелѣваемъ, чтобы оно, *согласно соборному законоположенію*, было прочитано во всеуслышаніе“ ²⁾. Когда же всѣ епископы стали въ кругъ, чтобы выслушать посланіе „*того, который, подобно глазу, направляетъ все тѣло на прямой истинный путь*“, тогда сперва прочтено было сановникомъ посланіе папы „благочестивѣйшимъ и самодержавнѣйшимъ императорамъ“, а потомъ, діакономъ-нотаріемъ—посланіе патріарху Тарасію о возстановленіи святыхъ изображеній, согласно преданію святыхъ отцевъ и предшественниковъ Адріана, первосвященниковъ Церкви Божіей, въ ней же Господомъ дана власть первенства Петру, съ которой властью, онъ Адріанъ, нынѣ обращается къ собору, дабы онъ принялъ опредѣленія апостольскаго сѣдалища ³⁾. Когда чтеніе окончилось, отцы сказали, что они содержатъ ученіе, согласное съ древней вѣрою, отъ Апостоловъ преподанной; съ нею же выслушали посланіе папы, который, соревнуя Петру, *провозгласилъ имъ истину*;

¹⁾ Дѣян. Всел. Собор. въ русск. пер., т. VII, изд. 2, стр. 29.

²⁾ Тамъ же, стр. 41.

³⁾ Тамъ же, стр. 77—79.

затѣмъ всѣ по очереди подписались, что они вѣруютъ и исповѣдуютъ, согласно съ *просвѣтившими* ихъ посланіями апостольскаго епископа Адріана. Такъ водворились миръ и общеніе при достойно носящей свое имя Иринѣ!

За протекшіе 700 лѣтъ со времени перваго гоненія на Церковь все измѣнилось на лицѣ земли; отъ прошлаго остались лишь обманчивыя тѣни, отъ которыхъ одни еще бѣгутъ съ дѣтскимъ страхомъ, и которыхъ другіе хотятъ держаться съ старческой привязанностью къ прошлому. Все тускнѣетъ кругомъ, самыя вершины земныхъ зданій постепенно понижаются, одна Церковь являетъ жизнь, неизмѣнно съ самой собою согласную, и на седьмомъ вселенскомъ соборѣ все состоялось по обычному ходу не старѣющаго преданія. Да иначе быть не могло и не можетъ, потому что Церковь отъ своего пути не сворачиваетъ и отъ своего прошлаго уйти не можетъ, какъ человѣкъ не можетъ уйти отъ самого себя.

О седьмомъ вселенскомъ соборѣ отрекшіеся отъ Церкви отзываются обыкновенно несочувственно. Тѣ же самыя, которые упражняются въ негодованіи порицаніемъ византійскихъ правителей, относятся весьма благосклонно къ императорамъ иконоборцамъ и восхваляютъ Исавріянина и Копрониа за разрушеніе святыхъ изображеній и вообще за ратованіе противъ Церкви. Ревнителіи свободы и просвѣщенія нисколько не возмущаетъ при этомъ потеря сотней первостепенныхъ произведеній искусства, ихъ даже не смущаетъ сожженіе патріаршей бібліотеки; иконы, кресты, мощи уничтожены — вотъ главное; они не понимаютъ, что Церковь, преклоняя человѣка передъ прахомъ подвижавшихся за Бога, одухотворяетъ его, подымая умъ и сердце до высоты, земному праху недосягаемой, что предлагая святыхъ изображенія нашему поклоненію въ знакъ того, что воплотившееся Слово стало по человѣчеству изображаемымъ, какъ мы сами, Церковь тѣмъ самымъ воздаетъ честь человеческой природѣ. Зато въ глазахъ вѣрующихъ седьмой

вселенскій соборъ представляетъ собой собраніе Церковью подъ свой покровъ всего доступнаго человѣческому разумѣнію и всего достижимаго творческой силой ума. Опредѣленія второго никейскаго собора можно называть благословеніемъ человѣку на пути къ развитію по всему простору мірозданія: ими осѣнены и пѣснопѣніе и зодчество, и ваяніе и живопись, и трудъ бытописанія и каждая наука. Всякій, кто съ вѣрою и любовію посвящаетъ себя изслѣдванію истины, или отыскивая сокровенные законы развитія въ тканяхъ вещества, или извлекая изъ подъ насыпей вѣковъ тѣ обломки прошлаго, о коихъ сказано, что если мы замолкнемъ, то они о правдѣ возопіютъ, находится подъ покровомъ седьмаго вселенскаго собора,—собора, который учитъ, что все полученное отъ Бога служитъ путемъ возвращенія къ Нему, и, вѣнчая всѣ дарованія ума и всѣ ихъ проявленія, соединилъ всѣ искусства въ одну хвалебную пѣснь во славу Творца и Жизнедателя.

Дѣянія седьмаго вселенскаго собора, привезенныя въ Римъ легатами и переведенныя тамъ на латинскій языкъ, въ 790 г. отправлены папою Адрианомъ Карлу Великому для обнародованія во всѣхъ его владѣніяхъ. При полученіи ихъ, германскіе епископы на франкфуртскомъ соборѣ 794 г. ¹⁾ высказались противъ опредѣленій 787 г. объ иконахъ, говоря, что одно имѣть иконы въ храмахъ, другое воздавать имъ почитаніе. На таковой отзывъ франкфуртскихъ отцевъ папа отвѣтилъ объявленіемъ обязательнаго подчиненія утвержденному имъ постановленію, о коемъ воспитанные въ духѣ „реформации“ восклицаютъ: „вотъ чѣмъ окончилась досто-

¹⁾ Франкфуртскій соборъ сошелся по случаю проникшаго въ Германію ученія Елипанда толедскаго и Феликса ургельскаго, которые проповѣдывали усыновленіе Іисуса Христа и коихъ послѣдователей называли «Адоптіанами»; соборъ постановилъ противъ нихъ, согласно опредѣленію соборовъ нарбонскаго, аквилейскаго (791 г.) и ратизбонскаго (792 г.) и рѣшенію папы того же года, т. е. изрекъ анаѹему противъ названія «усыновленный» по отношенію къ Христу, вмѣсто «истиннаго» и «собственнаго» (Сына).

хвальная болѣе чѣмъ двухъ-вѣковая борьба восточныхъ императоровъ во имя разума противъ суевѣрія и предрасудковъ Церкви!¹⁾ Сѣтованія ихъ по иконоборству напрасны; ему суждено было скоро возобновиться на Востокѣ, а затѣмъ, покинувъ его, водвориться на Западѣ и черезъ альбигойцевъ, гусситовъ и т. д. установиться наконецъ опредѣленнымъ ученіемъ въ протестантствѣ.

Императрица Ирина еще въ 781 г. вошла въ переговоры съ Карломъ Великимъ о бракосочетаніи дочери его Ротруды съ сыномъ ея, молодымъ императоромъ Константиномъ VI. Не смотря на объявленное обрученіе, бракъ не состоялся, такъ какъ скоро затѣмъ открылось, что Арикъ Беневентскій замышлялъ, сговорившись съ цареградскимъ дворомъ, о переходѣ изъ подручниковъ короля Франковъ въ правители подвластные Константину, подъ условіемъ передачи ему неаполитанской области, съ возведеніемъ его въ достоинство патриція, еще исключительно раздаваемого восточными самодержцами, въ качествѣ римскихъ императоровъ. И вотъ, въ 788 г. Константинъ VI женился на дочери одного изъ своихъ восточныхъ подданныхъ извѣстнаго пафлагонскаго рода, дѣвицѣ Маріи. Проживъ съ ней первые годы въ согласіи, онъ въ 795 г. велѣлъ ей постричься, дабы взять себѣ въ жены, съ объявленіемъ ея императрицей, одну изъ придворныхъ дѣвицъ, по имени Θεодоту. Послѣ насильственнаго постриженія императрицы Маріи, незаконный бракъ, не смотря на увѣщанія патриарха, все-таки состоялся, благодаря угодливости Юсифа, эконома „великой церкви“. Патриархъ Тарасій, опасаясь какъ бы императоръ въ гнѣвѣ не отомстилъ Церкви переходомъ въ иконоборство, не посмѣлъ отлучить его; но св. Θεодоръ и преподобный Платонъ саккудіанскаго монастыря смѣло обличили Константина, который велѣлъ ихъ (съ другими монахами того же монастыря) бить ремнями и сослать въ заточеніе. Подвер-

¹⁾ См. между прочимъ: *Грегоровіусъ*, Исторія города Рима, IV, гл. 4.

глись гоненію и таврическіе епископы, также возставшіе противъ даннаго императоромъ примѣра къ соблазну. Черезъ годъ императрица Ирина положила конецъ распушенности сына осужденіемъ его на страшное наказаніе, отъ котораго онъ вскорѣ скончался, и принявшая на душу грѣхъ Ирина приняла бразды правленія.

Между тѣмъ въ 795 г., въ самый праздникъ Рождества Христова, папа Адріанъ скончался, и черезъ два дня возвели на кафедру Льва III. Родственники Адріана, обладавшіе большимъ вліяніемъ, составили заговоръ для достиженія своихъ властолюбивыхъ цѣлей, и 25 апрѣля, пользуясь крестнымъ ходомъ по случаю праздника св. Марка, они напали на Льва III съ намѣреніемъ убить его, но имъ удалось только изувѣчить его, и папа, спасенный друзьями своими и ихъ приверженцами, отправился искать убѣжища у Карла Великаго, съ которымъ онъ въ слѣдующемъ году вернулся въ Римъ.

ГЛАВА IV.

Обзоръ церковныхъ событій съ IX до половины XI столѣтїя.

Теперь прошло 300 лѣтъ съ того дня, когда посланцы Римскаго сената вручили императору Зенону царскія регалїи упраздненной западной имперїи. За это время поняли, что „Новый Римъ“ ничто иное, какъ одряхлѣвшій выродокъ старчества „Древняго Рима“, и юные народы отвернулись отъ ржавчины его зазубреннаго меча, чтобы перейти подъ защиту того, кто олицетворялъ собою мощную мысль верховной власти.

Въ 800 г., въ день Рождества Христова, папа Левъ III возложилъ на голову Карла Великаго императорскую корону, клиръ пропѣлъ ему „Многая лѣта!“ и народъ привѣтствовалъ его, по выходѣ изъ петровскаго собора, восклицанїемъ: „Карлу Августу, Богомъ вѣнчанному, жизнь и побѣда!“ Первосѣдальникъ назвалъ его защитникомъ Церкви, и говорятъ, что іерусалимскій патріархъ (тогда уже подвластный калифату) еще до коронаванїя Карла величалъ его тѣмъ же именемъ и послалъ ему ключи отъ Гроба Господня.

Въ Византїи, между тѣмъ, послѣ умерщвленной Ирины воцарился въ 802 г. иконоборецъ и манихейнинъ Никифоръ I Геника, который въ 806 г. запрещаетъ патріарху Никифору ¹⁾ посылать общительную грамоту первосвящен-

¹⁾ Преемникъ патріарха Тарасїя, скончавшагося 25 февраля 806 г.

нику, и до конца его царствованія не прекращаются вторженія въ церковную область, низложеніе патріарховъ, лишеніе епископовъ сана, гоненіе студійскихъ монаховъ и т. д. Въ 811 г. вступилъ на престоль православный императоръ Михаилъ Куропалатъ; онъ немедленно возстановилъ общеніе съ апостольской кафедрой и возвратилъ томившихся въ заточеніи законныхъ пастырей. Но послѣ него, съ воцареніемъ 813 г. иконоборца Льва Армянина, вновь поднятое преслѣдованіе не уступаетъ жестокости преслѣдованію Исавріянина, и гонимые православные по прежнему зываютъ къ общему защитнику вѣрующихъ, къ которому св. Феодоръ Студитъ пишетъ: „О, глава всѣхъ божественнѣйшихъ главъ!.. О, архипастырь всей поднебесной Церкви! погибаемъ, спаси насъ, прости къ Церкви десницу твою, какъ Христосъ Петру!“¹⁾ и вѣрующіе, которые бѣгутъ съ востока, находятъ по прежнему убѣжище и утѣшеніе въ римскихъ монастыряхъ.

Въ 815 г. пострадали за вѣру Михаилъ синодскій, Теофилактъ никомидійскій, Георгій митилинскій, патріархъ Никифоръ, Феодоръ Студитъ, Никита мидикійскій и многіе другіе, какъ изъ духовныхъ, такъ и изъ мірянъ. Весной 820 г. Левъ Армянинъ умеръ насильственной смертью; при Михаилѣ Травлѣ, преемникѣ его, пострадалъ въ 821 г. посланный патріархомъ Никифоромъ въ Римъ для извѣщенія папы Пасхалія I²⁾ о бѣдствіяхъ Востока, инокъ Меѳодій. Когда онъ возвратился съ посланіемъ папы, умолявшаго императора возвратить патріарха на престоль, его бросили въ тюрьму. Одновременно пострадалъ св. Евфимій сардикійскій, испутившій духъ подъ кнутомъ³⁾. Въ 829 г. Михаилъ Травла умеръ и воцарился сынъ его, императоръ

¹⁾ Посланіе св. Феодора Студита папѣ Льву III (Migne P. G. 99, 1018—1019).

²⁾ Левъ III скончался 11 июня 816 г.; Стефанъ IV—27 января 817 г.; послѣ него возведенъ на кафедру Пасхалій I.

³⁾ Память его 25 декабря.

Ееофилъ. При немъ, въ 833 г. подверглись страшнѣйшей пыткѣ святые начертанные Ееодоръ и Ееофилъ за то, что они смѣли возвратиться изъ ссылки и вступить въ имперію, не вѣруя одинаково съ императоромъ.

Въ 842 г. императоръ Ееофилъ умеръ ¹⁾, оставляя престолъ малолѣтнему сыну Михаилу, подъ опекой матери его, императрицы Ееодоры. Церковь вздохнула. Освобожденный изъ заключенія Меѳодій 12 февраля возведенъ на константинопольскую кафедру, и состоявшійся подъ его предсѣдательствомъ соборъ предалъ анаѳемѣ всѣхъ не признающихъ постановленій седьмаго вселенскаго собора ²⁾. Въ 846 г., послѣ смерти св. Меѳодія ³⁾, кафедру занялъ Игнатій, игуменъ монастыря Сатира ⁴⁾. Этому святителю, Церковью причисленному къ лику святыхъ, суждено было пережить первый іерархическій разрывъ между Западомъ и Востокомъ, не вслѣдствіе гоненія противъ Церкви и преслѣдованія противъ православныхъ пастырей со стороны увлеченной лжеученіемъ власти, а вслѣдствіе замѣны законнаго патріарха другимъ, неправильно посвященнымъ и незаконно возведеннымъ. Такого бѣдствія не было еще въ Церкви.

Сложившееся мнѣніе о многихъ погрѣшностяхъ западной церкви совершенно отвратило вниманіе отъ событій, вызвавшихъ первый разрывъ между апостольскимъ сѣдалищемъ и „вселенскимъ“ патріархомъ Востока. Кто бы впослѣдствіи ни измѣнилъ здравому ученію и древнему преданію, чтобы судить безпристрастно о томъ, кто былъ виноватъ въ церковномъ расщепѣ, слѣдуетъ прежде всего дать себѣ отчетъ

¹⁾ Императоръ умеръ 20 января.

²⁾ Память этого событія — «Торжество Православія», совершающееся въ первую недѣлю Четырехдесятницы.

³⁾ Св. Меѳодій скончался 26 іюня 846 г.; есть извѣстіе, что онъ придѣлалъ подвязки къ своему клобуку для поддерживанія челюсти, поврежденной палачемъ во время гоненія, что и сохранилось его преемниками, какъ воспоминаніе о немъ.

⁴⁾ Близъ нынѣшней Скутари.

въ томъ, почему и какимъ образомъ іерархи, вчера бывшіе въ общеніи, завтра упрекающіе другъ друга въ ереси, могли черезъ десять лѣтъ снова вступить въ общеніе, причемъ ни тотъ, ни другой ни отъ чего не отреклись.

Въ 854 г. императоръ Михаилъ, достигнувъ совершеннолѣтія, передалъ правленіе дядѣ своему Вардѣ, требуя вмѣстѣ съ тѣмъ отъ патріарха Игнатія насильственного постриженія матери, бывшей правительницы императрицы Θεодоры. Патріархъ не согласился, и этотъ отказъ — первая причина неудовольствія противъ него. Въ 856 г. кесарь Варда прогналъ свою жену; патріархъ принялся увѣщевать его, но его совѣты остались непринятыми, и вотъ, въ праздникъ богоявленія 857 г. онъ отказалъ ему въ причастіи Святыхъ Таинъ. Съ этого дня участь святителя была рѣшена. Осенью того же года ¹⁾ Игнатій сосланъ на островъ Теревинѣ, а 25 декабря протосикритъ ²⁾ Фотій, родственникъ кесаря, возведенъ на каѳедру. Рукоположить кесарева избранника не нашлось другаго, кромѣ Григорія Асбеста, бывшаго епископа Сиракузъ, недавно запрещеннаго патріархомъ Игнатіемъ. Чувствуя неправильность своего посвященія и незаконность возведенія на каѳедру при жизни ни въ чемъ неповиннаго и безъ суда низложеннаго сѣдальника, Фотій заявилъ подвластнымъ ему епископамъ, что онъ не повиненъ въ низложеніи Игнатія. Положимъ, что такъ, но въ занятіи каѳедры могъ ли онъ считать себя правымъ?

Игнатій, извѣщенный о случившемся, отлучаетъ всѣхъ, кто вступитъ съ Фотіемъ въ общеніе. Игнатій былъ любимъ и уважаемъ, возведеніе протосикрита громко порицается и ссылка и даже увѣчіе постигаютъ порицателей; самъ же Игнатій въ 860 г. переводится изъ Теревинѣа подальше отъ столицы, въ Лесбось.

Между тѣмъ еще въ августѣ 859 г. Фотій послалъ общи-

¹⁾ А именно 23 ноября.

²⁾ Т.-е. государственный секретарь.

тельную грамоту папѣ Николаю съ просьбой „умирить приверженцевъ Игнатія“. Грамата была представлена патрищемъ протоспаѳаріемъ, двумя митрополитами и двумя епископами ¹⁾. Папа замѣтилъ, что за неимѣніемъ точныхъ свѣдѣній онъ ничего рѣшить не можетъ, а пока находить возведеніе Фотія неправильнымъ, съ чѣмъ и трудно не согласиться. Въ маѣ 861 г. прибыли въ Константинополь легаты Родоальдъ, епископъ портуэнскій ²⁾, и Захарія, епископъ города Ананьи. При нихъ и подъ предсѣдательствомъ императора состоялся соборъ, на которомъ одни показали, будто Игнатій добровольно отказался отъ кафедры (что уже опровергается какъ заточеніемъ Игнатія, такъ и отлученіемъ, произнесеннымъ имъ противъ вступающихъ въ общеніе съ Фотіемъ), другіе же, напротивъ, что Фотій посвященъ неправильно и поставленъ несогласно церковнымъ правиламъ, а по опредѣленію свѣтской власти, въ чемъ ни свѣтская власть, ни самъ Фотій нисколько не сомнѣвались. Но надо было оправдать себя, и вотъ—острасткой однихъ, подкупомъ другихъ, довели соборъ до ложнаго показанія, и подкупленные легаты возвратились въ Римъ съ извѣстіемъ, что на Востокѣ все обстоитъ благополучно. Но вскорѣ за легатами явились уполномоченные Игнатія съ апелляціей его на бывшій соборъ и, кромѣ нихъ, многіе бѣжавшіе отъ преслѣдованія со стороны приверженцевъ Фотія. Вникнувъ въ дѣло, папа въ 862 г. отправилъ окружное посланіе о томъ, что онъ признаетъ законнымъ патриархомъ одного Игнатія и, пока не выяснится окончательно дѣло, Фотія признать не можетъ. Преслѣдованіе приверженцевъ Игнатія до того усилилось, что съ каждымъ днемъ увеличивалось въ Римѣ число искавшихъ убѣжища и, по свидѣтельству современниковъ, со времени иконоборства никогда

¹⁾ Митрополиты: гангрійскій и аморійскій; епископы: хонскій и тавроменскій.

²⁾ Человѣкъ болѣе чѣмъ сомнительныхъ правилъ, уже замѣшанный при папѣ Львѣ IV (852—853 г.) въ дѣлѣ кардинала Анастасія.

не было въ западной столицѣ такъ много восточныхъ. Въ 863 г. состоялся въ Римѣ соборъ, на которомъ Фотій объявленъ: 1) занявшимъ кафедру при жизни законнаго пастыря; 2) неправильно рукоположеннымъ запрещеннымъ архіереемъ; 3) употребившимъ подкупъ, — въ силу чего, въ случаѣ неотреченія, подлежащимъ анаѳемѣ. Прибытіе въ Царьградъ приговора апостольскаго престола совпало съ угрожавшей столицѣ опасностью отъ Россовъ и высочайшій отвѣтъ послѣдовалъ не раньше, какъ черезъ годъ.

Императоръ пишетъ въ немъ первосѣдальнику: „Всѣ твои разглагольствія о преимуществахъ римскаго престола *пустая болтовня*; ты бы долженъ принять за честь приглашеніе подать свой голосъ къ умиротворенію константинопольскихъ смуть, а не по *грубой ошибкѣ* считать себя судіею церковныхъ дѣлъ; твой долгъ повиноваться императору, а не судить его. Фотій признанъ прочими восточными патріархами и потому не можетъ быть названъ пастыремъ незаконнымъ“. До сихъ поръ говорили подобнымъ образомъ ариане, моноелиты, иконоборцы, но православные императоры—никогда. Не то мы слышимъ отъ Θεодосія Великаго, отъ сыновей его, отъ императора Маркіана, и не то отъ Галлы-Плакиды и Пульхеріи, и не то повелѣвали Юстиніанъ Великій и мудрая Ирина, и не то говорила мать самого такъ писавшаго Михаила, имъ же заключенная въ тѣсную неволю.

Первосѣдальникъ отвѣтилъ самодержцу, что права Петровой кафедры даны ей не соборами, а Самимъ Спасителемъ. Этотъ отвѣтъ ставится ему въ вину, считается преступленіемъ противъ величества и грѣхомъ передъ Богомъ и Церковью. Никакому обольщенію тутъ мѣста быть не можетъ. Если папа Николай повиненъ передъ Богомъ и Церковью, то не менѣе повинны, безъ изъятія, всѣ его предшественники, всѣ исповѣдники и священномученики, начиная съ апостольскаго мужа Климента; не менѣе по-

винны всѣ безъ исключенія пастыри Христовой Церкви, признававшіе главенство Петрова преемника, начиная съ апостольскихъ мужей и кончая патріархомъ св. Игнатіемъ, и не менѣе повинны вселенскіе отцы и учителя, изъ вѣка въ вѣкъ называвшіе первосѣдальника своимъ послѣ Бога отцемъ, вселенскимъ епископомъ, началовождемъ истины, раскрывающимъ истину, и главой земной Церкви Божіей.

Не наше дѣло, однако, разбирать, кто правъ, кто виноватъ: весь ли учительскій сонмъ Церкви, или Фотій, всѣ ли православные самодержцы, или императоръ Михаилъ. Вернемся къ историческимъ событіямъ.

Борьба между папой Николаемъ и Фотіемъ скоро еще усложнилась вопросомъ церковнаго устройства недавно обращенныхъ Болгаръ. Вражда соперниковъ, обостренная новымъ предметомъ раздора, дошла до крайнихъ предѣловъ. Ни та, ни другая сторона, въ своихъ посланіяхъ, грамотахъ и воззваніяхъ, не щадитъ болѣе выраженій взаимной неприязни, и Фотій, идя по стопамъ Діоскора, анаѳематствуетъ первопрестольника.

Церковныя дѣла находились въ такомъ положеніи, когда въ 867 г. кесарь-соправитель Василій Македоніанинъ, умертвивъ императора Михаила, съ 23 сентября началъ царствовать одинъ. Черезъ мѣсяць Фотій низложенъ, а 23 ноября Игнатій, освобожденный изъ заточенія, торжественно возвращенъ на каѳедру. Нѣсколько дней передъ этимъ скончался папа Николай, а замѣнившій его Адріанъ II ¹⁾ тотчасъ вступилъ въ переписку съ императоромъ о возстановленіи церковнаго согласія, на что Василій и св. Игнатій отвѣтили просьбой прислать имъ легатовъ и помочь въ устройствѣ церковныхъ дѣлъ. И вотъ въ сентябрѣ 869 г. прибыли легаты, и 5 октября состоялось первое засѣданіе собора, который продлился съ промежутками до февраля 870 г.

¹⁾ Папа Николай I скончался 14 ноября, Адріанъ II возведенъ 14 декабря.

Этотъ соборъ, который издалъ 14 правилъ ¹⁾ и постановилъ, что, если кто станетъ вселенскому собору жаловаться на римскую церковь, то соборъ обязанъ запросить папу и ожидать его рѣшенія, ни въ какомъ случаѣ не имѣя права произносить суда на верховнаго пастыря, главу Церкви и орудіе св. Духа, постановилъ также, что, въ противность во всемъ противорѣчащему канонамъ возвышенію Фотія, древнія правила апостоловъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, а также отцевъ и учителей должны быть соблюдаемы. Осуждая, на основаніи каноновъ и правилъ, возвышеніе Фотія, соборъ повторилъ запрещеніе свѣтской власти домогаться низложенія кого-либо изъ пяти патріарховъ, объявилъ, что всѣ рѣшенія папы Николая и папы Адріана относительно Игнатія и Фотія должны быть въ точности соблюдаемы, и постановилъ, что никто не смѣетъ составлять жалобъ или поносительныхъ записокъ на первосѣдальника, какъ это сдѣлали нѣкогда Діоскоръ и нынѣ Фотій. Согласно обычаю, передъ закрытіемъ собора прочтено было, по предложенію легатовъ, общее изложеніе соборныхъ дѣяній, ²⁾ содержащее всѣ принятыя соборомъ рѣшенія. „Отъ нынѣ, говорится въ немъ, Сынъ Божій вырвалъ плевелы изъ своего поля и побудилъ благочестивѣйшаго императора созвать сей вселенскій соборъ, который закрѣпилъ ученіе благочестія и водворилъ правду и истину. Подтверждая каѳолическое ученіе, мы вѣруемъ во единаго Бога... и т. д.“ ³⁾. За подробнымъ изложеніемъ вѣры, съ торжественнымъ признаніемъ семи предъидущихъ вселенскихъ соборовъ и повтореніемъ анаѳемы противъ всѣхъ, ими осужденныхъ, „ѳрос“ касается Фотія, „вошедшаго въ овчарню не чрезъ дверь и сдѣлавшаго столько зла, но противъ котораго Богъ воздвигъ, кромѣ прочихъ, въ особенности папу Николая (достоинно носившаго свое имя *Побѣдитель*) и который, какъ Финисъ, убилъ нару-

¹⁾ По латинской редакціи 27 правилъ.

²⁾ Такъ называемый «ѳрос».

³⁾ *Mansi, Conciliorum collectio* XVI, 179—180.

шителя супружеской вѣрности ¹⁾); слѣдуя ему, императоръ удалилъ Фотія, возвратилъ Игнатія, осудилъ Фотія и его приверженцевъ. Въ особенности провинился Фотій передъ папою Николаемъ чрезъ свой лжесоборъ и чрезъ анаѹему на папу, *чѣмъ онъ заодно предалъ анаѹемъ всѣхъ священниковъ, епископовъ и патріарховъ всего міра. Сей же святой и вселенскій соборъ* подтвердилъ рѣшеніе папы Николая и его преемника Адріана и произнесъ анаѹему противъ Фотія и его сторонниковъ“ ²⁾). На вопросъ императора: „Всѣми ли одобряется прочитанное изложеніе?“ соборъ отвѣтилъ обычными восклицаніями; „Всѣ такъ вѣруемъ, всѣ такъ учимъ! Это—судъ справедливый, рѣшеніе правильное! Соборъ—Богомъ созванъ! Многая лѣта папѣ Адріану. Седьмому же вселенскому въ Никеѣ собору, православнымъ патріархамъ константинопольскимъ Герману, Тарасію, Никифору, Меѹодію; папѣ Николаю, началовождю истины—вѣчная память! Папѣ Адріану, патріархамъ Игнатію константинопольскому, Феодосію іерусалимскому, Михаилу александрійскому и викаріямъ римскимъ и викаріямъ восточныхъ каѹедръ—многая лѣта! Сему же святѣйшему, великому и вселенскому, осьмому собору—вѣчная память“!

Соборъ 870 г., какъ и трулльскій, сдѣлался предметомъ спора между церквами. Трулльскій соборъ считается восточной церковью продолженіемъ шестаго вселенскаго, западной же—областнымъ;—соборъ же 870 г. признается западной церковью осьмымъ вселенскимъ, восточной—отвергается вовсе, не смотря на то, что она сама двѣсти лѣтъ считала его вселенскимъ и что онъ именуется таковымъ во всѣхъ древнихъ восточныхъ памятникахъ. Событія доказываютъ, что соборъ 869—870 г., происходившій въ присутствіи восточнаго императора Василия Македоніянина и пословъ западнаго

¹⁾ Нарушитель супружеской вѣрности — Фотій, какъ похититель каѹедры.

²⁾ *Mansi*, loco cit. 182—184. Выдержка приведена здѣсь въ сокращеніи. *Прим. изд.*

императора Людовика II—правильно созванный и законно состоявшийся соборъ, то есть: что онъ созванъ по предварительному соглашенію высочайшей власти съ верховной духовной властью и что онъ состоялся при участіи нарочно уполномоченныхъ мѣстоблюстителей апостольскаго престола. Самъ же соборъ въ своихъ дѣянiяхъ и посланiяхъ именуеть себя „восьмымъ вселенскимъ“, каковымъ и признавался современниками и до нынѣ признается западной церковью, не вычеркнувшей слово „*вселенскій*“ съ надписанiй его грамотъ и дѣянiй. На какомъ основанiи, спрашивается, и въ силу чьей признанной въ Церкви власти, или силой какой власти, Церковью надъ собой признанной, могъ соборъ 870 г. лишиться значенiя вселенскаго, коль скоро онъ состоялся согласно соборному законоположенію и по составу своему есть православный соборъ? Тѣмъ не менѣе, со времени окончательнаго разрыва съ Западомъ, постановленiя собора 870 г. восточной церковью отвергаются. Но мы до роковаго года еще не дошли, постановленiя его считаются пока еще правильными и наименованіе „*вселенскій*“ не вычеркнуто изъ его дѣянiй. Мы можемъ, стало быть, подчиняясь свидѣтельству собора о самомъ себѣ, записать, что *восьмой вселенскій соборъ* издалъ окружное посланіе, въ которомъ перечисляются вины Фотiя и приводятся мѣры императора и рѣшенiя собора противъ него и посвященныхъ имъ епископовъ. Въ своемъ посланiи святѣйшему сѣдалищу соборъ просить первосѣдальника принятiемъ рѣшенiй *вселенскаго собора*, которыя суть его же рѣшенiя, утвердить ихъ, обнародовать и объявить къ принятiю всѣмъ церквамъ ¹⁾.

¹⁾ Дѣянiя собора 870 г. перевелъ съ греческаго на латинскій языкъ Анастасій Библиотечарь, который присутствовалъ на немъ, находясь въ Константинополѣ для переговоровъ о бракосочетанiи дочери императора Людовика II съ царевичемъ Константиномъ. Имъ же переведены дѣянiя 7-го вселенскаго собора; въ предисловіи къ послѣднимъ, посвященномъ папѣ Іоанну VIII (872—882 г.), говоря о соборѣ 870 г., Анастасій, конечно, называетъ его *вселенскимъ*. Въ нашихъ изданiяхъ сказанное предисловіе сопровождается примѣчанiемъ: «Авторъ *католикъ*, а католики не ограни-

Въ концѣ 872 г. папа Іоаннъ VIII замѣнилъ Адріана II ¹⁾. Въ 875 г. императоръ Василій вновь приблизилъ ко двору Фотія, препоручивъ ему воспитаніе царевичей. Бывшій незаконный преемникъ св. Игнатія примирился со святымъ мужемъ и въ 878 г., послѣ честной кончины патріарха, Фотій (23 октября), прощенный Игнатіемъ, вторично сѣлъ на константинопольскую кафедру, а прибывшіе легаты папы Іоанна вступили съ нимъ въ общеніе.

Тѣмъ не менѣе не всѣ могли забыть прошлое Фотія. Воспоминаніе неправильнаго посвященія тяготѣло надъ нимъ и вотъ, въ ноябрѣ слѣдующаго (879) года, состоялся соборъ, продлившійся до 880 г., на которомъ Фотіемъ проводится мысль, что поставленіе мірянъ въ епископы не противно ни разуму, ни церковнымъ правиламъ. Дѣйствительно, въ христіанской древности не мало примѣровъ возведенія достойныхъ мірянъ въ епископы, но въ описываемое нами время Церковью уже давно опредѣлено было не посвящать мірянъ въ епископы, что еще подтверждено пятымъ правиломъ собора 869—870 г., въ виду недавняго нарушенія цер-

чились семью вселенскими соборами». Выраженіе «*католикъ*» приведено, чтобы предостеречь противъ всего сказаннаго авторомъ. Если подъ словомъ «*католикъ*» должно понимать приверженца римской церкви, *отпавшей* отъ вселенскаго единства, осуществляемаго Востокомъ, то оно по отношенію къ Анастасію становится непонятнымъ, потому что онъ принадлежалъ къ Церкви, съ которой Востокъ находился въ общеніи и представители которой участвовали на соборѣ, на коемъ восточные и западные епископы, не думая даже упрекать другъ друга въ отступничествѣ отъ чего-либо, разбирали совмѣстно іерархическіе вопросы, волновавшіе вселенскую Церковь. Замѣтимъ также, что въ спискѣ «*блгоуподныхъ, правдивыхъ и достопочтенныхъ мужей*», перечисленныхъ въ предисловіи къ Четьямъ-Минеемъ и коихъ писанія послужили къ составленію книги, красуется между прочимъ имя Анастасія Библиотекаря. Предостерегательное выраженіе «*авторъ католикъ*» какъ-то не вяжется съ болѣе древнимъ возрѣніемъ о его *достопочтенности*. Кромѣ того довольно трудно уронить значеніе очевидца чего-либо, назвавъ его тѣмъ или другимъ именемъ (будь оно для насъ самымъ ненавистнымъ), коль скоро это имя по времени, къ которому оно относится, лишено всякаго смысла.

¹⁾ Адрианъ II умеръ въ началѣ декабря, Іоаннъ возведенъ 14 того же мѣсяца.

ковныхъ правилъ посвященіемъ Фотія. Получивъ дѣянія собора 880 г., папа Іоаннъ отказался утвердить постановленія, противныя канонамъ, а замѣнившій его въ 882 г. папа Мартинъ II ¹⁾, въ свою очередь, отвергъ ихъ. То же самое сдѣлалъ черезъ два года Адріанъ III. На эти осужденія апостольскаго престола Фотій отвѣтилъ сочиненіемъ: „О Святомъ Духѣ“ и „О главенствѣ папы“.

Дѣла находились въ этомъ положеніи, когда, весной 886 г., императоръ Василій скончался и воцарился сынъ его, Левъ Философъ. Новый самодержецъ немедленно низложилъ Фотія и замѣнилъ его патриархомъ Стефаномъ, который возстановилъ общеніе съ апостольскимъ престоломъ, тогда уже занятымъ Стефаномъ V. Принимая во вниманіе, что многіе на Востокѣ все еще гнушались общенія съ епископами, поставленными неправильно посвященнымъ Фотіемъ, императоръ обратился къ папѣ съ просьбой разрѣшить и принять въ общеніе всѣхъ рукоположенныхъ Фотіемъ, чтобы этимъ успокоить совѣсть вѣрующихъ. Стефанъ V отвѣтилъ обычнымъ отвѣтомъ святѣйшаго сѣдалища, что онъ не можетъ произнести рѣшительнаго суда, пока не узнаетъ обо всемъ достовѣрно, и тогда скажетъ, какъ подастъ Богъ ²⁾.

Не смотря однако на бывший споръ двухъ главныхъ іерарховъ, на ожесточеніе ихъ другъ противъ друга, на болѣе чѣмъ незаконныя дѣйствія съ одной стороны и жестокіе, хотя и заслуженные, упреки съ другой, въ Церкви, все-таки, расщепа нѣтъ. Восточные пастыри обмѣниваются общительными грамотами съ западными; праведники, Богу и единой вселенской Церкви угодившіе за это время, внесены въ святцы какъ Востока, такъ и Запада, въ Римѣ авентинскіе монастыри и греческія братства и обители въ части города, называемой въ воспоминаніе Царьграда „*Влахернской*“,

¹⁾ Мартинъ II или *Маринъ*.

²⁾ Въ 891 г. папою Формозомъ сдѣлано по желанію императора.

по прежнему населены восточными монахами и учеными, и въ 897 г. вступаетъ на апостольское сѣдалище святитель изъ числа греческихъ кардиналовъ, папа Ѳедоръ II.

Между тѣмъ бѣдствія Церкви растутъ. На Востокѣ православные пастыри изгоняются изъ ассирійскихъ странъ, гдѣ несторіанство становится преобладающимъ, въ Африкѣ и на югѣ Европы христіанская кровь ручьями льется подъ мечемъ Ибрагима. На Западѣ—то насиліе властителей, то крамола стоящихъ во главѣ городского населенія, возводятъ на первосѣдальный престолъ недостойныхъ первосвященниковъ Церкви Божіей. Но среди нестроеной достоинство кафедръ не тронуты, и слова Льва Великаго блещутъ во тѣмъ яркимъ свѣтомъ сверхъземнаго надписанія.

Въ 906 г. императоръ Левъ Философъ требуетъ отъ патріарха Николая узаконить четвертый бракъ. Святитель твердо отказывается исполнить просьбу Льва. Онъ низложенъ и замѣненъ синкелломъ Евфиміемъ, при которомъ состоялся соборъ, узаконившій четвертый бракъ императора. Въ 911 г. Левъ Философъ умираетъ, оставляя престолъ малолѣтнему сыну своему, Константину IX Багрянородному, подъ опекой брата своего, Александра. Послѣдній заключилъ Евфимія въ монастырь и возвратилъ патріарха Николая, который тотчасъ послѣ возвращенія написалъ папѣ Сергію III, что его долгъ осудить и наказать виновниковъ его изгнанія.

Обращеніе къ Петрову преемнику, какъ къ верховному судѣ, считается, стало быть, въ началѣ X вѣка, какъ во время оно, естественнымъ, и Петрова кафедра—по прежнему средоточіе и глава Церкви, совершенно независимо отъ личнаго достоинства ея сѣдальника. Невключеніе въ символъ уяснительныхъ словъ о исхожденіи Св. Духа не ставится Западомъ въ упрекъ Востоку; включеніе ихъ въ символъ не приводитъ Востокъ въ негодованіе противъ Запада. Крещеніе обливаніемъ съ одной стороны, бракъ пресвитеровъ съ другой, разница въ совершеніи таинства домостроительства и въ преподаваніи Святой Евхаристіи не составляютъ

преграды между церквами, и подъ знаменемъ креста дружины Запада и Востока проливають кровь въ защиту христіанства у подножія кассинской горы, колыбели западнаго монашества.

Въ 920 г. (осьмомъ царствованія Константина IX) состоялся соборъ въ присутствіи легатовъ папы Іоанна X и опекуна соправителя, Романа Лекапена, для рѣшенія вопроса о четвертомъ бракѣ, опредѣлившій противъ него. Весной 931 г. возведенъ на апостольскую каѳедру Іоаннъ XI. Братъ его Альберикъ, упрочивъ за собой власть въ Римѣ, въ надеждѣ заручиться защитой *Римскаго Императора* и получить титулъ патриція, выпросилъ (по желанію императорскаго двора) у брата своего для константинопольскаго патриарха, коимъ тогда былъ царскій братъ Теофилактъ, права ношенія и преемственной передачи омофора безъ предварительнаго разрѣшенія папы. Не смотря, стало быть, на протекшіе со времени халкидонскаго собора вѣка, константинопольская каѳедра продолжаетъ возвышаться (согласно сказанному въ 451 г. патриархомъ Анатоліемъ) благодаря милости, оказываемой ей „отцемъ ея—апостольскимъ престоломъ“.

Постепенное ослабленіе верховной государственной власти на Западѣ, кровавые перевороты на восточномъ престолѣ, соперничество подручниковъ власти въ Италіи, ихъ сближеніе то съ восточнымъ, то съ западнымъ императоромъ и измѣны ихъ обоимъ,—до насъ не касаются; скажемъ только, что въ 967 г. императоръ Оттонъ I приводитъ своего 14-лѣтняго сына Оттона II въ Римъ для коронованія и посылаетъ Луитпранда, епископа кремонскаго, въ Константинополь просить для сына у императора Никифора Фоки руки падчерицы его, дочери императора Романа II. Многіе любители церковнаго расщепя сияются отыскивать его чуть-ли не съ первыхъ дней христіанства, чтобы какъ-нибудь отмѣтить его заднимъ числомъ. Мы же, довольствуясь существующей бѣдой, замѣтимъ, что во время переговоровъ о брачномъ союзѣ восточный императоръ не щадилъ своими упре-

ками представителя западнаго императора. „Оттонъ, говоритъ Никифоръ, не въ правѣ именоваться римскимъ императоромъ, онъ держитъ нашу отчизну подъ гнетомъ германскаго оружія; онъ огнемъ и мечемъ истребляетъ римлянъ, нашихъ подданныхъ, и разрушаетъ города нашей имперіи“. Кремонскій епископъ, защищая, какъ лучше можетъ, своего государя, отвѣчаетъ, что онъ противъ Церкви неповиненъ, что онъ вернулъ римскому епископу всѣ земли, дарованныя императорами и отнятыя Лонгобардами и другими *варварами*; но самодержецъ остается непреклоненъ и, не смотря на царедворскую бывалость Луитпранда, бракъ не состоялся. Неужели, если бы восточный императоръ чувствовалъ себя чѣмъ-либо чуждымъ въ церковномъ отношеніи ненавистному ему Западу, онъ не упомянулъ бы кремонскому епископу о погрѣшностяхъ въ вѣрѣ? Еслибъ онъ заискивалъ у Оттона, онъ могъ бы умолчать о вѣроисповѣдной розни, но, порѣшивъ не отдать руки царевны, Никифору не было никакой причины умалчивать объ этой розни, которая представлялась удобнымъ оружіемъ противъ Луитпранда. Если онъ къ этому оружію не прибѣгъ, значитъ религія не стояла преградой между Востокомъ и Западомъ. Точно также кремонскій епископъ не защищалъ бы своего государя, выставляя его заслуги передъ римской церковью.

Въ 969 г. Іоаннъ Цимисхій умертвилъ Никифора Фоку и воцарился опекуномъ-соправителемъ малолѣтнихъ императоровъ Василя и Константина, которые въ 972 г. возобновили переговоры о бракосочетаніи сестры своей Теофаніи съ Оттономъ. Переговоры не продлились долго и 14 апрѣля царевна пріѣхала въ Римъ. Въ тотъ же день папа Іоаннъ XIII совершилъ въ Петровскомъ соборѣ брачный обрядъ надъ молодымъ императоромъ и Теофаніей.

Въ то время гонимые Сарацинами восточные епископы, по древнему обычаю, ищутъ убѣжища въ Римѣ, и въ 981 г. Сергій, митрополитъ дамасскій, пріѣхавъ къ папѣ Венедикту

VII, получаетъ въ управленіе авентинскіе монастыри, гдѣ жили совмѣстно западные монахи устава св. Венедикта и восточные устава св. Василия Великаго. Тѣ и другіе были преданы и Церкви и наукѣ. Толкованіями и переводами своими они сохранили намъ повѣствованіе о давно прошедшемъ, и трудами благочестиваго терпѣнія авентинскихъ монаховъ пользуются всѣ, вѣрующіе и невѣрующіе, кому только дороги историческія знанія.

Мы достигли 983 г. 7 декабря этого года въ одномъ изъ покоевъ Ватиканскаго дворца лежалъ больной, въ которомъ жизнь тихо угасала. У смертнаго одра стояла императрица Теофанія, папа Іоаннъ XIII, кардиналы, царедворцы и епископы, внимая слабѣющему дыханію 28-лѣтняго Оттона II. Вечеромъ того же дня его не стало. На другой день перенесли его въ Петровскій соборъ, въ подземельѣ коего онъ ждетъ общаго воскресенія недалеко отъ гроба Верховнаго Апостола. Послѣ Оттона II, за малолѣтствомъ его сына, западная имперія управляется греческой царевной, матерью Оттона III, императрицей Теофаніей, которая представляетъ собой достойный образъ великихъ государынь Теоодосьева дома. Никогда, быть можетъ, обѣ имперіи не стояли ближе другъ къ другу, чѣмъ во время царствованія двухъ братьевъ, Константина и Василия на Востокѣ и сестры ихъ Теофаніи— на Западѣ ¹⁾.

Въ эти годы жилъ знаменитый отшельникъ, напоминавшій собой нитрійскихъ угодниковъ древнихъ временъ. То былъ Ниль, къ которому стекались всѣ влекомые въ пустыню, единственное убѣжище отъ тревоженій міра.

Въ 990 г. пріѣхалъ въ вѣчный городъ, по пути въ Іерусалимъ, Войцѣхъ или Адальбертъ, епископъ пражскій. Императрица, особенно ему благоволившая, дала ему денегъ на дорогу, но онъ ихъ скоро роздалъ нищимъ и отправился паломникомъ къ греческому отшельнику, которому открылъ

¹⁾ Императрица Теофанія скончалась 15-го іюня 991 г.

свое намѣреніе отказаться отъ кафедры и скрыться въ палестинскихъ пещерахъ. Преподобный отсвѣтовалъ ему и, стараясь утѣшить больную душу бѣглеца, отправилъ его въ Римъ, къ игумену греческаго монастыря св. Бонифація. Въ монастырѣ жили тогда Стратъ-Юродивый, Θεодосій-Молчаливый, Левъ-Незлюбивый, Іоаннъ-Кроткій и многіе другіе угодники. Всѣ они оставались глухи къ междоусобной брани римскихъ гражданъ: для нихъ было непонятно властолюбіе Кресценція и его соперниковъ: у нихъ сердца горѣли лишь одною страстью—подражать борцамъ Христовымъ. Среди этихъ отрекшихся отъ міра людей Адальбертъ прожилъ около четырехъ лѣтъ и, когда магонскій архіепископъ потребовалъ его обратно въ Прагу, онъ тамъ не долго выдержалъ и въ 995 г. опять является бѣглецомъ въ любимую имъ обитель.

Однако лѣтомъ 996 г. ему пришлось по требованію чешскаго герцога и магонскаго владыки вновь разстаться съ авентинской обителью. Онъ оставилъ Римъ, но вмѣсто того, чтобы вернуться на покинутый престолъ, ученикъ монаховъ римской „Влахерніи“ отправился проповѣдывать Евангеліе среди Прусовъ, гдѣ черезъ годъ нашелъ мученическую смерть.

Мы не даромъ остановились на Адальбертѣ. Онъ, безъ сомнѣнія, послушникъ церковныхъ правилъ, за что, конечно, нельзя его хвалить, но нельзя и слишкомъ строго порицать: онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые не могли ни мириться, ни бороться съ окружавшимъ ихъ грубымъ растлѣніемъ нравовъ, и которымъ осталось одно спасеніе—бѣжать отъ своей среды—и онъ бѣжалъ. Не забудемъ, что великій современный угодникъ, преподобный Ниль, благословилъ его принять иночество, съ указаніемъ въ какой именно обители, и мы знаемъ, что это—греческій монастырь св. Бонифація. Наконецъ, когда духовная и гражданская власти потребовали его обратно на покинутый престолъ, послушникъ искупилъ свой грѣхъ страданіемъ до

смерти. Между тѣмъ, въ глазахъ нашихъ преподавателей, мученическая смерть Войцѣха не считается искупленіемъ. Да и ему не ставится въ вину, что онъ покинулъ кафедру: на него сыплются упреки за то, что онъ, въ честь своего благодѣтеля магдебургскаго епископа, перемѣнилъ свое славянское имя Войцѣха на нѣмецкое имя Адальберта и говорится, что онъ „воспитанный въ школѣ лицемѣрія и ханжества, въ Моравіи, Чехіи и Польщѣ разрушилъ православную вѣру, заглушилъ славянскую письменность, за свой фанатизмъ принужденъ былъ два раза искать убѣжища въ Римѣ и, наконецъ, отправившись на проповѣдь, убитъ язычниками близъ Гданска“. Какую же онъ однако православную вѣру разрушилъ? Не говоря о соборѣ 870 г., на которомъ возсѣдавшіе восточные и западные епископы считали себя служителями единой вселенской Церкви, въ 931 г. Константинъ Багрянородный испрашиваетъ у папы для цареградскаго патріарха права на непосредственную передачу омофора: неужели онъ обратился бы къ нему съ подобной просьбой, если бы первосѣдальникъ, отступленіемъ отъ православія, утратилъ свои верховныя права? А папа Іоаннъ XIII, развѣ онъ 14 апрѣля 969 г. благословилъ смѣшанный бракъ? или быть можетъ царица и пріѣхавшіе съ ней константинопольскіе клирики отреклись отъ правой вѣры по пути изъ *новаго* въ *древній* Римъ? ¹⁾ Какъ бы ни дорожили расторгеніемъ единства и какъ бы ни старались отыскать такое расторженіе въ 28-ми лѣтнемъ промежуткѣ со дня совершенія брачнаго обряда надъ императорской четой до дня мученической кончины Адальберта, найти его нельзя. ²⁾ Разобщенія въ то время между Востокомъ и Западомъ не было: коль скоро же Церковь была едина, зна-

¹⁾ Говоримъ «по пути», потому что не вѣроятно, чтобы они успѣли совершить обрядъ присоединенія къ латинству въ самый день пріѣзда, такъ какъ этотъ же день былъ многосложнымъ въ придворной жизни, — днемъ царской свадьбы.

²⁾ Мученическая кончина Войцѣха 12 апрѣля 997 г.

читать вѣра была одна. Войцѣхъ могъ, стало быть, по политическимъ причинамъ заглушить славянскую письменность въ Чехіи и Моравіи, какъ семьдесятъ лѣтъ позже норманскіе епископы душили все англо-саксонское въ завоеванной Норманами Англіи, но онъ этимъ никоимъ образомъ не могъ разрушать православную вѣру, которая также независима отъ славянскихъ письменъ, какъ отъ всего земнаго, потому что она—ученіе вселенской Церкви, которая никакими предѣлами неограничена. И что же сказать о восточныхъ монахахъ римской „Влахерніи“? Неужели они не были православными? и преподобный Нилъ, отправившій Войцѣха къ нимъ, развѣ онъ не былъ православнымъ? А державная покровительница его, императрица Теофанія, правнучка, внучка, дочь, сестра, жена и мать семи православныхъ императоровъ, не была, быть можетъ, православной? Кто изъ нѣмцевъ ставитъ императору Оттону III въ погрѣшность противъ вѣры, что онъ, сынъ восточной царицы и окруженный съ дѣтства византійскими клириками, не могъ ужиться съ германскими обычаями и ввелъ при своемъ дворѣ греко-римскую обрядность по чинопосанію Багрянороднаго своего прадѣда? ¹⁾ Въ тѣ времена люди варварской крови, будь они славяне или германцы, прикасаясь къ греко-латинскому міру, *заболтывали* имъ (другаго слова нѣтъ) и они, одно изъ двухъ, или обращались въ язычниковъ, погружаясь въ утонченный развратъ, или спасались въ созерцательную жизнь. Во всякомъ случаѣ, если бы современники Адальберта, будь это кедронскіе отшельники, къ которымъ онъ стремился, когда Нилъ удержалъ его въ Италиі, будь это тотъ же Нилъ или проживавшіе въ Римѣ восточные монахи, услышали наше негодованіе противъ Адальберта во имя какой-то таинственной связи между православной вѣрой и славянскимъ языкомъ, они бы насъ

¹⁾ Или кто изъ нѣмцевъ упрекаетъ Винфрида за то, что онъ перемѣнилъ свое германское имя на латинское имя Бонифація?

не поняли ¹⁾; они бы стали спрашивать у насъ: „Неужели мы грѣшили тѣмъ, что не нарушали тишину обитателей Влакхерннн ропотнымъ порицаніемъ латинской братіи и что безмолвіе, царившее въ келіяхъ авентинскихъ, было лишь соблюденіемъ даннаго обѣта, а не гнѣвнымъ съ нашей стороны молчаніемъ? и когда мы на Западѣ молились о дальнемъ своемъ Востокѣ, о Югѣ, гдѣ лилась христіанская кровь, о невѣдомомъ намъ Сѣверѣ, куда нашъ братъ ушелъ съ сумою на спинѣ и съ сердцемъ, пламенѣющимъ ко Христу, неужели мы грѣшили?“ Кто дерзнетъ отвѣтить—„да?“

Въ маѣ мѣсяцѣ 996 г. Оттонъ III коронованъ рукой Григорія V, перваго первосѣдальника нѣмецкаго происхожденія и строгаго монаха кліунійскаго устава. Еще до коронованія своего, императоръ, грекъ въ душѣ, послалъ въ Константинополь Филагата, епископа Пьяченцы, для переговоровъ о бракѣ съ греческой царевной. Этотъ архіерей, грекъ родомъ, весьма уважаемый императрицей Теофаніей и выбранный ею въ воспріемники сына ея, надѣялся получить первосвященство. Выборъ Григорія V разрушилъ его надежды, и онъ началъ искать средства отомстить за то, что считалъ для себя обидой. Скоро представилась возможность къ осуществленію его замысловъ. Осенью 996 г. народное возстаніе принудило нѣмецкаго первосвященника покинуть Римъ. Филагатъ рѣшился воспользоваться случаемъ и, несмотря на увѣщанія преподобнаго Нила, въ маѣ 997 г. принялъ митру изъ рукъ Кресценція, подъ именемъ Юанна XVI. Римскіе демагоги надѣялись при его содѣйствіи замѣнить германское верховенство менѣе опаснымъ для нихъ византійскимъ. Но не прошло года ²⁾, какъ Оттонъ появился во главѣ войска передъ беззащитнымъ Римомъ. Похититель кафедры поспѣшно удалился; но посланное за нимъ войско настигло его и

¹⁾ О дѣйствительномъ и высокомъ значеніи славянскаго языка будетъ сказано дальше, въ VI-й главѣ.

²⁾ А именно: въ февралѣ 998 г.

страшно изувѣчивъ, возвратилось съ нимъ въ Римъ, гдѣ его заключили въ монастырь ¹⁾. Вслѣдъ за нѣмецкимъ войскомъ вернулся папа Григорій, и обезображенный ранами Филагатъ предсталъ предъ епископскимъ судомъ. Сорвавъ съ него святительскую одежду, отдали его народу на поруганіе, а затѣмъ бросили въ темницу. Говорятъ, что передъ казнью анти-папы преподобный Ниль, который два года тому назадъ старался отвратить Филагата отъ преступнаго замысла, опять покинулъ свою гаэтскую пещеру, чтобы склонить къ милосердію императора и перво-сѣдальника. Увидѣвъ, что мольбы его напрасны, онъ оставилъ городъ, угрожая гнѣвомъ Божіимъ за жестокое наказаніе анти-папы. Лѣтомъ того же (998) года Оттонъ посѣтилъ въ Равеннѣ угодника сѣверной Италіи, св. Ромуальда, который также упрекнулъ его за жестокость, обнаруженную противъ Филагата, Кресценція и ихъ приверженцевъ. Совѣсть Оттона проснулась и, получивъ скоро затѣмъ извѣстіе о мученической кончинѣ любимаго имъ съ дѣтства Адальберта, онъ рѣшилъ искать уврачеванія наболѣвшей души въ покаяніи, для чего отправился къ преподобному Нилу. Человѣкъ Божій, принявъ исповѣдь раскаявшагося, отпустилъ его съ миромъ.

Съ выходомъ нашимъ изъ гаэтской пещеры, на порогѣ которой восточный отшельникъ перекрестилъ въ послѣдній разъ уѣзжавшаго западнаго императора, мы вступаемъ въ роковой одинадцатый вѣкъ. Когда время пробило тысячу лѣтъ отъ Рождества Христова, народы смутились, какъ передъ чѣмъ-то зловѣщимъ, будто зарожденный вѣкъ скрываетъ въ грядущихъ своихъ годахъ нѣчто страшное для рода христіанскаго. Народы не ошиблись въ своемъ предчувствіи: въ одиннадцатомъ столѣтіи свершилось расторженіе церковнаго единства.

¹⁾ Филагата настигли въ Астурѣ, около того мѣста, гдѣ нѣкогда перехватили бѣжавшаго Цицерона и гдѣ суждено было злосчастному Конрадину попасть въ руки разбойниковъ.

Въ 1009 г., іюля 18-го, умеръ папа Іоаннъ XVIII. Его мѣсто занялъ Сергій IV, и соименный ему константинопольскій патріархъ вычеркнулъ имя его изъ диптиховъ „великой церкви“. Соперничество между Римомъ и Царьградомъ за преобладаніе греческаго или латинскаго духовенства въ Болгаріи, настойчивое требованіе со стороны константинопольскаго патріарха признать за нимъ титулъ „вселенскаго“¹⁾ подготовили разрывъ между Западомъ и Востокомъ.

Вмѣстѣ съ пониженіемъ умственнаго и нравственнаго уровня придаетъ все большее значеніе обрядовымъ различіямъ. Изъ нихъ, конечно, главное, или скорѣе единственно важное: совершеніе Тайной Вечери на опрѣснокахъ: церковный миръ однако цѣлыхъ 500 лѣтъ не нарушался отъ этого. Но вотъ въ 1050 г. Михаилъ Керуларій, усмотрѣвъ нечестіе въ опрѣснокахъ, велѣлъ закрыть всѣ латинскія церкви въ Константинополѣ, пока монахи царьградскихъ латинскихъ монастырей не примутъ греческой обрядности. Никто ничего подобнаго не требовалъ со стороны восточныхъ монаховъ, проживающихъ на западѣ, и далеко не всѣ на востокѣ раздѣляли взглядъ Керуларія. Вступившій въ слѣдующемъ году на антиохійскій престолъ, патріархъ Петръ послалъ общительную грамоту папѣ Льву IX. Въ 1053 г. императоръ Константинъ Мономахъ писалъ ему же о принятіи мѣръ къ возстановленію мира. Въ томъ же году аквилейскій патріархъ пишетъ антиохійскому, „что и квасный хлѣбъ и опрѣсноки одинаково законны и что мы тотъ и другой обычай разумѣемъ

¹⁾ Интересны объясненія, даваемыя греками относительно этого титула; на возраженія западныхъ, во время собора 869—870 г. они завѣряли, что они не потому называютъ константинопольскаго патріарха «вселенскимъ» (оecumenicus), чтобы онъ былъ епископъ надъ всѣмъ міромъ, а потому что онъ имѣлъ начальническую власть на одной изъ частей міра, въ которой обитаютъ христіане, ибо по-гречески слово «οικουμενη» не значитъ только «міръ» въ смыслѣ вселенной (universum), но также просто всякое населенное мѣсто.

вѣрнымъ и духовнымъ разумѣніемъ утверждаемъ дѣйствительнымъ“. Папа Левъ, съ своей стороны, писалъ Петру антиохійскому, что причины церковнаго раздора надо искать въ восточныхъ предѣлахъ.

Въ этихъ годахъ (вѣрнѣе всего въ 1049 г.) французскій король Генрихъ I, боясь участи отца своего Роберта, отлученнаго въ 998 г. папою Григоріемъ V за бракъ, незаконный по слишкомъ близкому родству съ женой, послалъ въ Кіевъ съ другими сановниками, Вальтерія, епископа мельденскаго ¹⁾, просить руки царевны Анны, дочери Ярослава Великаго. Спрашивается: если бы христіане латинскаго и греческаго обрядовъ смотрѣли другъ на друга, какъ на *иновѣрцевъ*, какимъ образомъ могъ бы Генрихъ I, имѣя именно желаніе угодить первосвященнику, выбрать въ жены дочь кіевскаго и всея Россіи великаго князя, а послѣдній—отпустить дочь къ „иновѣрцамъ“, не обезпечивъ для нея свободы исповѣданія и права богослуженія по собственному обряду? Никакого современнаго извѣстія нѣтъ объ *отступничествѣ* или *обращеніи* царевны Анны: между тѣмъ западные лѣтописцы хвалятъ ее за набожность и добродѣтель, говоря: „Государыня сія была болѣе занята грядущимъ, чѣмъ настоящимъ, т. е., она больше думала о Богѣ, чѣмъ о дѣлахъ міра сего, чего ради и построила въ городѣ Сенликсѣ церковь въ честь св. Викентія“, и папа Николай II въ 1059 г., въ письмѣ „достопамятнѣйшей королевѣ Аннѣ“ хвалитъ ее за набожность, богоугодное житіе и воспитаніе дѣтей къ благу государства и Церкви“.

Между тѣмъ, въ концѣ 1053 г. папа Левъ IX писалъ самому Керулларію, упрекая его въ закрытіи церковей латинскаго обряда и въ желаніи подчинить себѣ, вопреки канонамъ, антиохійскую и александрійскую кафедры, т. е., повторяя дословно сказанное въ 452 г. папою Львомъ I.

¹⁾ Т. е. города «Меаух».

Скоро вслѣдъ за своимъ посланіемъ первосѣдальникъ отправилъ въ Константинополь легатовъ для возстановленія церковнаго мира. Главнымъ предметомъ разсужденія были опрѣсноки и иные западные обычаи. Керулларій остался непреклоннымъ въ порицаніи этихъ обычаевъ, которыхъ никто ему не навязывалъ и въ которыхъ, въ продолженіе вѣковъ, православный Востокъ не усматривалъ никакого нечестія. И вотъ мѣстоблюститель апостольскаго престола, видя непреклонность Керулларія, въ субботу 16 іюля 1054 г. въ 9 часовъ утра положилъ на главный престолъ „великой церкви“ грамоту отлученія, въ которой сказано, *„что отлученіе не касается ни столцовъ имперіи, ни христіаннѣйшихъ гражданъ православнаго Царьграда, но лишь патріарха“*.

Папа Левъ IX скончался три мѣсяца до разрыва; императоръ Константинъ Мономахъ четыре мѣсяца послѣ этого.

Живучее языческое понятіе о государственности религіи, благодаря которому права государства на гражданина простираются и на отношенія души къ Творцу (потому что язычеству неизвѣстны Богъ истины и бессмертная душа, сотворенная по образу и по подобію Божію) и съ которымъ власть переселилась изъ Рима въ Византію, подготовило верховный расщепъ между Востокомъ и Западомъ, положило начало образованію восточной государственной церкви и всѣхъ впослѣдствіи возникшихъ (по мѣрѣ образованія государствъ) церковно-правительственныхъ единицъ, и современемъ послужило къ торжеству „*филетизма*“. Другого начала іерархическому разрыву между Востокомъ и Западомъ нѣтъ. Рядъ насилій надъ Церковью со стороны свѣтской власти, низверженіе пастырей, твердыхъ въ исповѣданіи православной вѣры и въ огражденіи неприкосновенныхъ правъ Церкви, неканоническое возведеніе на патріаршія кафедры челоуѣко-угодниковъ съ одной стороны, а съ другой постоянное осу-

жденіе послѣднихъ и неослабная поддержка первыхъ со стороны апостольскаго престола, порѣшили судьбу христіанскаго Востока и разобшили его съ той кафедрой, которая, по выраженію отцевъ Церкви,—источникъ единства священства и съ которой, по Божьему опредѣленію, неразрывно связано существованіе Вселенской Церкви.

Востокъ разобщенъ съ апостольскимъ престоломъ, Церковь разодрана, потому что не все братство хочетъ повиноваться, согласно божественному ученію, единому священнику и судѣ, намѣстнику Христову, въ которомъ судить, рѣшаетъ, живетъ и всегда жить будетъ Петръ, ему же Господь сказалъ: *„Ты еси камень и на семъ камнѣ Я создамъ Церковь Мою и врата ада не одолѣютъ ея“*.

ГЛАВА V.

О созиданіи христіанскаго ученія вѣры.

Мы довели историческій обзоръ церковныхъ событій до времени послѣдняго іерархическаго разрыва между Западомъ и Востокомъ. Исторія ясно доказываетъ, что разрывъ этотъ не совершился въ силу тѣхъ догматовъ и обычаевъ, которые въ послѣдствіи выставлялись сперва въ оправданіе, а потомъ въ прославленіе его, потому что церковное единство не нарушалось ихъ существованіемъ втеченіе цѣлыхъ вѣковъ.

Теперь слѣдуетъ обратиться къ самимъ этимъ вѣроисповѣднымъ и обрядовымъ различіямъ, начиная съ первыхъ, которыя заключаются въ догматахъ: объ исхожденіи Святаго Духа по существу отъ Отца и отъ Сына, о безпорочномъ зачатіи Пресвятой Богородицы, о очистительномъ огнѣ и о нешибочности главы Церкви ¹⁾ въ рѣшеніи вопросовъ вѣры и нравственности. Въ настоящей главѣ мы коснемся только первыхъ трехъ догматовъ, а къ четвертому перейдемъ послѣ перечня западныхъ обрядовыхъ особенностей.

Приступая къ изложенію вѣроисповѣдныхъ различій, нужно прежде всего обратить вниманіе на общій ходъ развитія христіанскаго ученія, на то, какъ оно Церковью созидалось и какимъ образомъ опредѣлились догматы.

¹⁾ Мы употребляемъ здѣсь слово «неошибочность», въ смыслѣ возможности ошибиться въ толкованіи вѣры, вмѣсто принятаго по отношенію къ Церкви слова *непогрѣшимость*, такъ какъ послѣднее можетъ быть истолковано въ смыслѣ невозможности грѣшить.

Ученіе о трехъ ипостасяхъ опредѣлилось Церковью постепенно въ борьбѣ съ лжеучителями для огражденія божественности Иисуса Христа и сохраненія тѣмъ самимъ неприкосновенности смысла божественнаго откровенія. Духъ отрицанія направилъ первыя свои усилія противъ догматовъ божественности Иисуса Христа и дѣйствительности Его воплощенія. Обоимъ этимъ догматамъ положено основаніе Апостоломъ Петромъ ¹⁾, первому, когда, отвѣчая одинъ за всѣхъ, онъ сказалъ Господу: „Ты—Христосъ Сынъ Бога живаго“, второму, когда защищая учениковъ Христовыхъ, онъ возвысилъ голосъ и голосомъ Церкви сказалъ, что Иисусъ Назарей, котораго пригвоздили плотью ко кресту, истинный Богъ ²⁾. Защищая эти два основоположные догмата (божественность и дѣйствительность воплощенія Иисуса Христа) отъ нападеній, направленныхъ съ разныхъ сторонъ, Церковь развила христіанское ученіе, согласно законамъ роста и развитія всего живаго.

Говорить о Вѣчносущемъ намъ, не всегда бывшимъ, можно только колѣно-преклоненно и не забывая, что Онъ—Вседержительный нашъ Создатель и Спаситель.

„Въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю. Земля же была безвидна и пуста и тѣма надъ бездною; и Духъ Божій носился надъ водою“ ³⁾. И, сотворивъ чередою дней творенія свѣтила для знаменанія временъ и дней и все, что земля произростаетъ, и все, что вода производитъ, Богъ сказалъ: „Сотворимъ челоуѣка по образу Нашему и по подобію Нашему“ ⁴⁾.

Такъ начинается книга откровенія. Отецъ Вседержитель творить Словомъ Своимъ и Духъ Божій носится надъ водою, и начальная безвидность входитъ въ мѣру и строй, знаменуясь временемъ и образомъ. И когда мѣрой и строемъ

¹⁾ Въ силу чего Церковь называетъ Апостола Петра «Неподвижной основой догматовъ» «δογματων βασις ἀειστος».

²⁾ Матѣ. XVI, 16; Дѣян. II, 22—24 и 32.

³⁾ Быт. I, 1, 2.

⁴⁾ Быт. I, 26.

всему предназначающъ законъ, а сокровенной силой жизни всему живому предназначено развитие, Богъ, увидѣвъ, что это хорошо, сказалъ: „Сотворимъ челоуѣка“. Челоуѣкъ сотворенъ первымъ явленіемъ Бога въ Троицѣ. Въ этомъ Богоявленіи содержится уповаемо догматъ о Святой, Единосущной и Нераздѣльной Троицѣ, въ которую мы вѣруемъ вѣрой исполненной.

Челоуѣкъ, созданный по образу Божию, тѣмъ самымъ созданъ существомъ свободнымъ, т.е. мыслящимъ по волѣ и способнымъ дѣйствовать по хотѣніямъ этой воли, совѣщаясь съ самимъ собой; когда онъ волей не уклоняется отъ святой воли Божіей, онъ остается подъ сѣнью предваряющей благодати, которая располагаетъ его къ добродѣтели; когда онъ не измѣняетъ этому расположенію, благодать рождаетъ въ немъ благія хотѣнія, и, когда онъ имъ остается вѣренъ, тогда ниспосланиемъ большаго дара дается ему сила на совершеніе добра. Такимъ образомъ, испытаніемъ ответственности челоуѣка съ данной благодатью для ниспослания ему большей, онъ возрастаетъ и укрѣпляется въ добродѣтели, и исполняются надъ нимъ слова Господни: *Имущему дастся.*

Податель жизни и Творецъ ея законовъ не нарушаетъ своихъ законовъ и обѣтованій. Но челоуѣкъ, созданный свободнымъ, въ силу своей свободы преступилъ данный ему законъ. Тогда Богъ, правосудіемъ Своимъ, изрекъ ему проклятіе и благостію Своею, въ самомъ этомъ проклятіи, предрекъ ему спасеніе. Слова, которыми челоуѣкъ созданъ, содержатъ догматъ о Св. Единосущной и Нераздѣльной Троицѣ, слова, предрекишія вражду между сѣменемъ лукаваго и сѣменемъ жены и торжество послѣдняго надъ первымъ, содержатъ все домостроительство спасенія; какъ въ тѣсномъ сосудѣ предусмотрѣннаго ими чрева заключился въ свой день и часъ, наитіемъ Святаго Духа, Единосущный Сынъ Отца, такъ въ этихъ словахъ заключается уповаемо весь христіанскій догматъ, къ опредѣленію котораго един-

ственный поставленный Богомъ судья—Имъ же созданная Церковь.

Церковь преподаетъ намъ со словъ Апостола Петра, что еретики, предоставивъ себѣ право учительства, пользуясь буквой Писанія, искажали ученіе вѣры и увлекали простыхъ въ новизну, подъ предлогомъ старины. И дѣйствительно, начиная съ назареевъ и евѣонеевъ и до нашихъ дней, всѣ лжеучители—самозванные защитники старины. Новагъ, Савеллій, Павелъ самосатскій, Аэцій, Донатъ, Арій, Македоній, Несторій, Евтихій, Аполлинарій,—всѣ они отступаютъ отъ Церкви, потому что во всецѣломъ православіи усматриваютъ новизны. Въ ихъ глазахъ „*единосущіе*“, „*въ двухъ естествахъ*“, ипостасное существованіе Св. Духа, именованіе Пресвятой Дѣвы „*Богородицей*“, поклоненіе обоженной плоти Христовой ¹⁾ и, тѣсно связанное съ нимъ, поклоненіе Божіей Матери, опредѣленные посты, иконы, покаяніе,—все, однимъ словомъ, чему учитъ св. Церковь—нечестіе и новизна, потому что этого нѣтъ буквенно въ Писаніи, или нѣтъ о томъ опредѣленій въ старинѣ. Какъ будто Богъ назначилъ срокъ учительской власти Церкви! И всѣ еретики, претыкаясь о букву закона, отступленіемъ своимъ отъ живаго тѣла вселенской Церкви идутъ противъ благодатнаго теченія истины и впадаютъ въ мрежи суетныхъ заблужденій, или въ мракъ упорной косности отъ того, что не хотятъ въ блистаніи дня признавать лучъ того разсвѣтнаго солнца, которому поклонялись. Въ борьбѣ своей за неприкосновенность смысла божественнаго откровенія Церкви необходимо было противъ однихъ противниковъ православія раскрывать одну сторону истины, противъ другихъ—другую. По свидѣтельству отцевъ, апостольскій сонмъ учительской Церкви, отмѣчая всякое выраженіе, могущее чѣмъ-либо нарушить смыслъ откровенія, никогда самъ не ставилъ букву выше смысла, считая, что новымъ уяснительнымъ выраженіемъ не вносятся

¹⁾ Аполлинаристы называли православныхъ *антрополатрами*.

новизна въ ученіе, а утверждается древняя вѣра, которая въ болѣе соотвѣтственномъ выраженіи получаетъ новое оборонительное оружіе. Церковь держалась такого правила, „потому что кто ратуетъ противъ пріучившихся худо мыслить, тотъ приспособляетъ языкъ къ мышленію враговъ, стараясь худо высказываемое ими разрѣшить доводами истины“ ¹⁾.

Церковь, созданная Богомъ для сохраненія, толкованія и распространенія спасительнаго ученія и получившая на то учительскую власть отъ Господа, съ обѣщаніемъ Его пребывать съ нею до скончанія вѣковъ, является тѣмъ самымъ единственнымъ вѣрнымъ стражемъ какъ буквы, такъ и смысла откровенія; между тѣмъ какъ всѣ усилія къ тому со стороны самозванныхъ охранителей и толкователей вѣры всегда оказываются напрасными. Отъ тѣхъ, которые отступаютъ отъ Церкви, древняя вѣра уже сама отошла, потому что она всецѣло почиваетъ въ живомъ тѣлѣ вселенской Церкви! Сама Церковь, какъ благодатный сосудъ, который никогда не уклоняется, никакому поврежденію не подвергается и ничего изъ себя не роняетъ, шествуетъ по предназначанному ей пути, неотступно взирая на лицо Того, о коемъ сказано: „*ищите Лица Ею всида!*“ ²⁾

Властью, данной ей на созиданіе, Церковь создала христіанское ученіе, и, какъ виноградная лоза, пребывая все той-же, подъ лучами лѣтняго солнца приноситъ въ свое время новые плоды, такъ и она предложила нашей вѣрѣ и любви тѣ догматы, которыми мы живы, каждый догматъ въ свое время, смотря съ какой стороны опасность угрожала вѣрѣ, дабы она ничѣмъ не извращалась, не засохла срываніемъ листьевъ, не заглохла отъ вокругъ растущихъ терней и, ничѣмъ не задерживаясь въ ростѣ, оставалась присноплоднымъ деревомъ жизни.

Такъ, согласно сказанному, Церковь противъ непризнававшихъ божественности Иисуса Христа и единосущности

¹⁾ Рѣчь халкидонскаго собора.

²⁾ Пс. 104, 4.

Сына съ Отцемъ опредѣлила: „Вѣрую въ единого Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божія... *единосущнаго Отцу*“, и по собственному ея выраженію, хорошо ратуя въ Никее за Единосущнаго, ввела противъ новизны лжеучителей „*догматы о трехъ ипостасяхъ, образовавъ для нихъ это изобрѣтеніе не вни Писанія и не отступая отъ смысла вѣры, но уясняя ее Богодохновенными словами*“¹⁾, а въ то-же время, въ виду того, что тогда никто еще не спорилъ о Духѣ Святомъ, изложила о Немъ простое ученіе, сказавъ: „(вѣрую) и въ Духа Святого“, считая, что она этимъ передаетъ для благочестивыхъ достаточную мысль о божественности Духа²⁾. Но въ мірѣ не одни благочестивые; вскорѣ послѣ никейскаго собора Македоній отрицаетъ божественность Св. Духа, а Церковь, опять для утвержденія древней вѣры, прибавляетъ къ никейскому символу о Духѣ Святомъ: „Господа животворящаго, исходящаго отъ Отца, вмѣстѣ съ Отцемъ и Сыномъ поклоняемаго и славимаго, изрекшаго чрезъ пророковъ“, а противъ опять зашевелившихся аріевыхъ отродій прибавляетъ объ Иисусѣ Христѣ: „*Сшедшаго съ небесъ и воплотившагося и вочеловѣчившагося; словомъ сшедшаго—описывая добровольное нисхождение власти, воплотившагося—указывая на истинное воспріятіе нашей плоти и представляя доказательство рожденія отъ Дѣвы по единенію, вочеловѣчившагося—изображая въ Немъ полноту нашей природы, разумной души и тѣла*“³⁾. Этими словами описываетъ Церковь доброе свое ратованіе за вѣру, и такимъ образомъ-корабль генисаретскихъ рыбаковъ онастиль себя парусомъ ученія и кормиломъ догмата, съ которымъ онъ плыветъ по безднѣ заблужденій и чрезъ бурные проливы мнѣній, подъ дуновеніемъ Духа, носящагося надъ водою, и имѣя путеводнымъ свѣтомъ не мерцаніе звѣздъ тверди, но свѣтъ истины неба вѣчнаго.

¹⁾ Рѣчь халкидонскаго собора императору Маркіану. См. Дѣян. Всел. Соб. въ русск. пер., изд. 2, т. IV, стр. 171—175.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же.

Въ борьбѣ, которую Церковь ведетъ за истину, сама ничего не роняя изъ смысла или буквы Писанія, она слѣдитъ зоркимъ окомъ за каждымъ шагомъ лжеучителей и не пропускаетъ имъ ни прибавленія, ни умаленія, ни искаженія, ни перестановки въ смыслѣ или буквѣ приводимыхъ изреченій св. Писанія. Такъ, на примѣръ, св. Григорій Нисскій, въ своемъ сочиненіи противъ Евномія, пишетъ ему: „Ты говоришь, будто Апостоль Петръ возвѣстилъ Іудеямъ: сего Іисуса, котораго вы распяли, Богъ содѣлалъ Господомъ и Христомъ,—и ты не обращаешь вниманія на порядокъ словъ, что здѣсь поставлено первымъ и что—вторымъ. Вѣдь Петръ не сказалъ: котораго... и т. д. но—Богъ содѣлалъ Господомъ и Христомъ сего Іисуса, котораго вы распяли“. Блаженный отецъ писалъ такъ Евномію потому, что перестановка приведенныхъ словъ можетъ наводить на мысль, что Іисусъ Христосъ не присносущный Господь, но получилъ нѣчто чрезъ совершенствованіе, чѣмъ разрушается вѣра въ Его божественность. Ревнивое обереганіе буквы и постоянная забота объ уясненіи истинъ божественнаго откровенія стяжали Церкви со стороны однихъ упрекъ въ напрасной любви къ словопреніянь, со стороны другихъ—въ излишней страсти къ изобрѣтенію догматовъ. И то, и другое не заслужено. Церковь именно, оберегая букву, опредѣлила смыслъ, а раскрытіемъ смысла сохранила неприкосновенность буквы, потому что смыслъ и буква въ Писаніи составляютъ такое же нераздѣлимое „единое“, какъ челоѣчество и Божество въ лицѣ Спасителя и какъ въ самой Церкви—земное и неземное. Церковь не нарушила смысла Писанія, потому что въ изслѣдованіи сокрытаго она всегда опредѣляла *сомнительное* на основаніи *положительнаго* и толковала *подозрительное* на основаніи *несомнѣннаго*, чѣмъ она и сохранила неприкосновенность буквы, потому что значеніе *реченнаго* никогда не умалялось *нереченнымъ*. Такъ воздвиглось несокрушимое зданіе христіанскаго ученія, такъ опредѣлились, по мѣрѣ необходимости, всѣ догматы, каждый въ свое время, увеличивая

собою свѣтъ вѣры, какъ лучи восходящаго солнца увеличиваютъ одинъ за другимъ свѣтъ небосклона и, согласно закону роста, по которому все живое развивается отъ самого себя, являя постепенно все то, что ему присуще.

Принято говорить по ходячему мнѣнію, что отцы толедскаго собора 589 г. внесли въ символъ уяснительныя слова „и отъ Сына“. Но это не такъ; дѣянія ихъ, сохранившіяся до насъ, свидѣтельствуютъ, что уяснительныя слова не прибавлены по ихъ опредѣленію, но что отцы, изрекая анаѹему противъ всякаго искажающаго смыслъ вѣры 318 и 150 отцевъ, въ то же время прочли символъ по давно существовавшей въ Испаніи редакціи, которую они, согласно соборному законоположенію, отправили въ Римъ вмѣстѣ съ своими дѣяніями, въ одномъ сверткѣ со свитками символовъ никейскаго и константинопольскаго. И Церковь, непреклонно порицая каждое слово, могущее нарушить смыслъ вѣры, ревниво слѣдя за каждымъ выраженіемъ, могущимъ исказить здравое ученіе, не осудила уяснительныхъ словъ испанской редакціи символа, усматривая въ нихъ не отступленія отъ смысла вѣры, а правильное изложеніе здраваго ученія, согласное со смысломъ „несомнѣннаго“, „положительнаго“ и „реченнаго“.

О томъ, что Церковь всегда мыслила исхожденіе Святаго Духа согласно символу, прочитанному толедскими отцами, она сама свидѣтельствуетъ голосомъ признанныхъ ею нашихъ учителей и наставниковъ. Приведемъ въ доказательство нѣсколько отеческихъ изреченій.

Св. Кириллъ Іерусалимскій поучаетъ: „Онъ (Духъ Святой) называется и Духомъ Отца, и Духомъ Господнимъ, и Духомъ Божіимъ и Христовымъ, и Духомъ Сына Божія и Христовымъ, и Духомъ Іисуса Христа“¹⁾.

¹⁾ Кириллъ Іер. Огласит. слово 17, 4. Ср. Матѣ. X, 20; Дѣян. V, 9; Римл. VIII, 9; Галат. IV, 6; Ефес. III, 14—16; I Петра I, 11. Выдержка авторомъ приведена въ сокращеніи. Прим. изд.

У св. Аѳанасія Великаго читаемъ: „Святая и блаженная Троица нераздѣльна и есть едина Сама съ Собой. Когда именуется Отець, присущи Ему и Слово Его и въ Сынѣ Духъ; Духъ не внѣ Слова. Такъ Павель, сказавъ: *заклинаю тебя предъ Богомъ и Иисусомъ Христомъ* (II Тим. IV, 1),—зналъ, что отъ Него не отходитъ Духъ, но и Онъ также во Христѣ, какъ Сынъ въ Отцѣ, и тутъ же повторяетъ: *Духъ который въ Сынѣ*“. И, продолжая, св. Аѳанасій дальше поясняетъ: „Какое отношеніе познали мы у Сына къ Отцу, такое же отношеніе находимъ и у Духа къ Сыну. Духъ есть Духъ Сына, ибо Апостолъ говоритъ: *посла Богъ Духа Сына Своего въ сердца ваша вопіюще Авва, Отче!* (Гал. IV, 6) Какъ Сынъ говоритъ: *Что Мое, то есть Отчее* (Іо. XVII, 10), такъ и Духъ Святой, называемый Духомъ Сына, есть Духъ Отчій. И во всемъ божественномъ Писаніи найдемъ, что Духъ Святой именуется Духомъ Сына и именуется Духомъ Божіимъ. А если Сынъ, по свойству Своему съ Отцемъ и потому что Онъ есть собственно рожденіе Отчей сущности, не есть тварь, но единосущенъ Отцу, то и Духъ Святой, по свойству Своему съ Сыномъ и потому что дается всеѣмъ отъ Сына и что Онъ имѣетъ, то принадлежитъ Сыну,—не будетъ тварь. Духъ не ограниченъ мѣстомъ, но Онъ внѣ всего и пребываетъ въ Сынѣ, какъ Сынъ въ Отцѣ“¹⁾. И св. Аѳанасій, толкуя слова 32-го псалма: *Словомъ Господнимъ небеса утвердишася и Духомъ устъ Его вся сила ихъ*, тутъ же говоритъ: „Дѣйствительно, Духъ такъ не отдѣлимъ отъ Сына, что послѣ сказаннаго, не остается и мѣста сомнѣнію... Какъ благодать Троицы едина, такъ и Троица нераздѣльна. Сіе можетъ иной видѣть и на самой святой Маріи, ибо ангель Гавріиль сказалъ: *Духъ Святой найдетъ на тя*, и зная, что Духъ былъ въ Словѣ, немедленно присовокупилъ: *и сила Всевышняго оспынитъ тя*, ибо Христось—Божія сила и Божія премудрость... Поелику же Духъ въ Словѣ, то ясно, что

¹⁾ Св. Аѳанасій Великій, I-е посланіе къ Серапіону Тмуїйскому.

какъ Духъ чрезъ Слово былъ и въ Богѣ, такъ когда и въ насъ будетъ Духъ, придутъ Сынъ и Отецъ и обитель въ насъ сотворять“ ¹⁾. Въ приведенныхъ словахъ мы не только находимъ прямое свидѣтельство о томъ, что Церковь не держалась ученія объ исключительномъ исхожденіи Святаго Духа отъ Бога Отца, но еще—опасеніе, какъ бы не толковали ея ученія въ смыслѣ исключительнаго исхожденія отъ Сына и пребыванія Духа въ Отцѣ только чрезъ Сына, что равнялось бы нечестію допускать для Сына благодатное въ Немъ пребываніе Духа, о чемъ Аѳанасій пишетъ: „Кто говоритъ, что единый Господь Иисусъ Христосъ прославленъ Духомъ въ томъ смыслѣ, что пользуется чрезъ Него какъ бы чуждою силою и отъ Него получилъ силу побѣждать нечистыхъ духовъ, и не почитаетъ собственнымъ Его Духомъ, чрезъ котораго Онъ совершалъ чудеса,—да будетъ анаѳема“ ²⁾. Въ своей книгѣ противъ аріанъ тотъ же вселенскій учитель поучаетъ: „Сынъ даетъ Духу и все, что Духъ имѣетъ, Онъ имѣетъ отъ Слова“ ³⁾, а въ своей книгѣ о Пресвятой Троицѣ, онъ прямо говоритъ: „Сынъ есть источникъ Святаго Духа“ ⁴⁾.

У святаго Епифанія Кипрскаго читаемъ: „Духъ Святой, какъ свидѣтельствуеть о Немъ самъ Господь, есть Духъ истины... Духъ Отца, какъ Духъ Сына... и Онъ, какъ говоритъ Христосъ, отъ Отца и отъ Него.... Богъ есть жизнь, потому и Сынъ есть жизнь отъ жизни.... Духъ же Святой отъ Обоихъ.... Если Писаніе называетъ Сыномъ происшедшаго отъ Отца, а Святаго Духа отъ Обоихъ, то и эти три Лица разумѣются святыми только вѣрою... Духъ Святой есть Духъ истины, третій Свѣтъ отъ Отца и Сына... Мы исповѣдуемъ вѣру, изложенную на никейскомъ соборѣ, во время коего не было изысканія о Духѣ, ибо что подлежитъ

¹⁾ *Аѳан. Вел.* 3-е посл. Серапіону Тмуійскому.

²⁾ *Его-же*, 3-е посл. Серапіону Тмуійскому.

³⁾ *Его-же*, Противъ Аріанъ, III, 24.

⁴⁾ *Его-же*, О Пресв. Троицѣ, гл. 19.

изслѣдованію въ известное время, о томъ соборы составляютъ твердое опредѣленіе“¹⁾). Въ другомъ мѣстѣ тотъ же наставникъ пишетъ: „Если мы вѣруемъ во Христа изъ Отца, яко Богъ изъ Бога, исходящаго, то вѣруемъ и въ Духа отъ Христа, или отъ Обоихъ, какъ свидѣтельствуегь Самъ Христось, говоря: „Отъ Отца исходитъ и отъ Моего возметъ“²⁾).

Кирилль Александрійскій выражается не менѣе ясно: „Святой Духъ отъ Сына есть и существенно Ему приущь³⁾... Христось сказалъ, что Св. Духъ исходитъ отъ Отца, дабы чрезъ то указать на тождество существа Сына и Отца; вотъ почему выражаясь о Духѣ истины, т. е. о Своемъ Параклитѣ, (Христось) говоритъ только то, что онъ исходитъ отъ Отца... Ибо такъ какъ Духъ есть собственный Сыну существенно и въ Немъ сущій и чрезъ Него исходящій, такъ собственный и Отцу“⁴⁾, и наконецъ: „Духъ Святой отъ Отца и Сына исходитъ“⁵⁾).

У Юанна Златоуста читаемъ: „Духъ Святой *также* и отъ Отца исходитъ“⁶⁾). Если бы Церковь вѣрила въ исходяніе Св. Духа „только“ отъ Отца, почему нужно было вселенскому учителю пояснять, что Духъ исходитъ „также“ отъ Отца?

Приведемъ еще, въ свидѣтели православнаго смысла вѣры, св. Василия Великаго и бл. Августина. У перваго читаемъ: „Поелику Духъ есть Христось и Онъ отъ Бога, то какъ взявшійся за одинъ конецъ цѣпи влечетъ и другой ея конецъ, такъ, по слову пророка, привлекшій Духъ, чрезъ Него привлекаетъ вмѣстѣ и Сына и Отца... ибо не можетъ быть отсѣченъ отъ Отца всегда во Отцѣ сущій и никогда

1) *Еп. Кипр.* Противъ Духоборцевъ 4, 8, 9, 10, 14.

2) *Ею-же*, Анкорат. п. 67.

3) *Кирилль Алекс.* Поясненіе 9-го анаѳематства противъ Несторія.

4) *Ею-же.* Толков. на Юанна, кн. X, гл. 2.

5) *Ею-же.* Сокровища о Пресв. Троицѣ, утв. 34.

6) *Юаннъ Зл.* О Троицѣ VIII, 4.

не отдѣляется отъ собственнаго Духа... ибо не возможно представить мысленно какое-либо сѣченіе или раздѣленіе, чтобы или Сынъ представляемъ былъ безъ Отца, или Духъ отдѣляемъ отъ Сына“¹⁾).

У бл. Августина читаемъ: „Мы говоримъ, что Отецъ—отецъ Сына и Сынъ — сынъ Отца и что Духъ Святой — Духъ Отца и Сына“²⁾. Великій мужъ и проникательный изслѣдователь таинъ мышленія, котораго Церковь лишилась въ ту самую пору, когда призывала его къ участию въ третьемъ вселенскомъ соборѣ³⁾, не сообщаетъ намъ здѣсь своего мнѣнія; выраженіе „мы говоримъ“ ясно доказываетъ, что онъ приводитъ вѣру Церкви, а онъ зналъ, какъ она вѣритъ!

Вообще, если выписать всѣ отеческія свидѣтельства о томъ, что Церковь всегда держалась ученія объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца и отъ Сына, пришлось бы исписать книгу въ десятеро больше настоящаго очерка; между тѣмъ *нѣтъ ни одного* свидѣтельства о томъ, чтобы Церковь когда-либо высказалась за исключительное исхожденіе отъ Отца, а допустить, чтобы она такъ вѣрила, хотя бы не опредѣлила свое ученіе въ этомъ смыслѣ догматическимъ изреченіемъ, никоимъ образомъ нельзя, потому что слишкомъ многое говоритъ противъ подобнаго толкованія. Напримѣръ: когда духоборцы доходили въ своей враждѣ къ православнымъ до гнуснаго богохульства, будто Церковь, опредѣленіемъ ипостаснаго существованія Св. Духа, обращаетъ Вседержителя изъ Бога Отца въ Бога „*отца*“, Церковь ни разу не отвѣчаетъ, что ничего подобнаго она не дѣлаетъ уже потому, что вѣритъ въ исхожденіе Св. Духа по суще-

¹⁾ *Василій Вел.* Посланіе 38 къ брату Григорію о различіи между естеств. и ипост.

²⁾ *Бл. Ав.* О градѣ Божьемъ, кн. X, гл. 24.

³⁾ Бл. отецъ вступилъ въ вѣчный покой 28 августа 430 г., во время осады Иппоны Генсерихомъ; призывная грамота на его имя прибыла вскорѣ послѣ его смерти и была вскрыта Капреоломъ, епископомъ карфагенскимъ.

ству „только“ отъ Отца; чѣмъ однако было лучше опровергнуть клевету, чѣмъ такимъ отвѣтомъ? Но Церковь не прибѣгла къ нему и не могла къ нему прибѣгнуть, потому что она не учила объ исхожденіи „только“ отъ Отца ¹⁾).

По той же причинѣ Церковь не осуждала чтенія символа по древне-испанской редакціи, т. е. со включеніемъ уяснительныхъ словъ „и отъ Сына“, находя, что эти слова согласны со смысломъ вѣры. Если бы толедскіе отцы чтеніемъ символа съ прибавленіемъ „и отъ Сына“ согрѣшили противъ сокровища христіанства, противъ никейской вѣры, то допустимо ли, что весь учительскій сонмъ Церкви, имѣя тогда во главѣ человѣка дарованій и достоинства папы Пеллагія II и который насчитывалъ такихъ лицъ, какъ св. Евлогій александрійскій, какъ св. Григорій (еще не прозванный, но уже извѣстный, какъ Великій), не считая всѣхъ другихъ твердыхъ въ исповѣданіи и опытныхъ въ ученіи мужей, прошелъ бы молчаніемъ подобное дерзновеніе? Если не было сдѣлано возраженій, значить нечего, или, вѣрнѣе, не на что было возражать.

Церковь получила отъ своего Божественнаго Основателя учительскую власть; что ей Господомъ дано, это ея неотъемлемое достояніе, и, если бы она не признавала своего права уяснять вѣру, она бы отступила отъ самой себя и перешла бы на сторону тѣхъ, которые, отрицая ея учительскую власть, находили, что она грѣшила противъ вѣры, противопоставляя еретикамъ выраженія, соотвѣтствующія нуждамъ борьбы; она отказалась бы отъ своего единственнаго оборонительнаго средства — поражать новаго врага стрѣлой, вновь закаленной въ неопалимой купинѣ божественнаго откровенія. Если бы всѣ оставались покорны древней вѣрѣ, еслибъ никто не совращался отпаденіемъ съ апостольской стези, кто на одномъ поприщѣ, кто на другомъ, то

¹⁾ Ср. по этому поводу *Василія Вел. Противъ Евномія*, кн. 5.

„Церкви не нужно было бы ничего придумывать къ символу для уясненія“ ¹⁾; но она встрѣчалась постоянно съ духомъ отрицанія и, встрѣчаясь по очереди съ разными его враждебными проявленіями, защищалась каждый разъ усиленными доказательствами, на основаніи доводовъ единой истины. Церковь никогда не признавала ни за кѣмъ права останавливать ее въ защитѣ вѣчныхъ истинъ развитіемъ смысла вѣры; такъ она отвѣтила Діоскору на „разбойничьемъ соборѣ“, когда защищая Евтихію, онъ притворился, будто ефесскій вселенскій соборъ запретилъ включать въ символъ всякое новое слово уясненія; такъ она объявила голосомъ халкидонскаго собора, говоря, что если кто предложитъ остановить защиту вѣры, то пусть узаконитъ свое распоряженіе для еретиковъ; пусть они отстанутъ отъ нападенія, а не пастыри отъ защищенія, ибо законы пишутся противъ преступниковъ, а не для лишенія судьей власти! ²⁾ Въ вопросахъ вѣры и нравственности единственный призванный судья—на то Богомъ поставленная Церковь. Голосъ этого судьи тѣмъ менѣе можно упразднить, что человѣкъ созданъ свободнымъ; право его совѣщаться съ самимъ собой неотъемлемо, уничтоженіе этого права недостижимо, какъ недостижимо упраздненіе законовъ природы; отъ каждаго человѣка зависитъ, въ силу закона сотворенія человѣка, оставаться подъ благодатью или уходить отъ нея, согласовать свою волю съ Божіей святой волей и, по ея велѣнію, преклоняясь передъ Церковью, дѣлаться душою, умомъ и сердцемъ участникомъ вселенской полноты того Свѣта, въ немъ же узримъ Свѣтъ, или, напротивъ того, блуждать за одинокимъ свѣточемъ личнаго разума. Въ силу, стало быть, самой человѣческой природы разнорѣчивыя ученія не избѣжны. Среди же заблужденій множества противорѣчій, мнѣній, шатанія умовъ и колебаній совѣсти, единственный

¹⁾ Рѣчь халкидонскаго собора.

²⁾ Тамъ же.

непрерывный голосъ единой истины — голосъ вселенской Церкви, которую Богъ поставилъ на землѣ Своимъ вѣща-телемъ, дабы человѣкъ, созданный для вѣчности, не лишень былъ во времени звука вѣчныхъ истинъ, и вотъ почему заглушать голосъ Церкви среди гула земнаго тревоженія равносильно изреченію молчанія Богу! Если нѣтъ ни постепенности истины, ни развитія вѣры, то Арій, Несторій, Евтихій, всѣ еретики, имъ же нѣсть числа, правы, а единая все-ленская Церковь виновата; если на выраженіе, утверждающее смыслъ вѣры, надо смотрѣть какъ на нечестіе, потому что это выраженіе ново, то Церковь положительно употребила свою учительскую власть не на созиданіе, а на разрушеніе, и Богъ или ошибся, созидаѣ Церковь, или нарушилъ Свое обѣтованіе, ушелъ отъ нея, и она пойдетъ до скончанія временъ, наравнѣ со всѣмъ земнымъ, шатаясь и колеблясь, то падая, то вставая и взывая къ Господу, но уже не вѣщая о Немъ священной трубой Духа Святаго; если уясненія истины не существуетъ, Церковь не есть уже столпъ и утвержденіе истины, но мать заблужденія, начинаѣ съ никейскаго собора, гдѣ она опредѣлила *единосущіе Сына со Отцемъ*, и кончая послѣднимъ признакомъ церковной жизни на Востокѣ — константинопольскимъ соборомъ 1641 г., опредѣлившимъ замѣнить слово „*преложеніе*“ словомъ „*пресуществленіе*“, чтобы не оставить никакого сомнѣнія относительно своего ученія о таинствѣ Евхаристіи передъ проникнувшими тогда на Востокъ протестантскими заблужденіями.

Вернемся къ уяснительнымъ словамъ объ исхожденіи Св. Духа. Они впервые осуждаются на Востокѣ въ 650-хъ годахъ, *но не православными*, а еретиками... Монофелиты, проникнутые „*филетизмомъ*“, подобно еретикамъ временъ св. Григорія Богослова, упрекаютъ православныхъ за общеніе съ Западомъ, обвиняя его въ искаженіи вѣры внесеніемъ словъ „и отъ Сына“ въ никейскій символъ, на что православные отвѣчаютъ устами св. Максима Исповѣдника, что

въ этихъ словахъ нѣтъ никакого искаженія, ибо таковъ смыслъ никейской вѣры ¹⁾, и церковное единство четыреста лѣтъ не расторгается и, когда церковный миръ за это время нарушается, это происходитъ лишь по тѣмъ же причинамъ, по которымъ являются новые мученики и исповѣдники, т. е. когда Церковь подвергается преслѣдованію и борется за цѣлость вѣры и неприкосновенность своего вселенскаго единства.

До 880-хъ годовъ православный Востокъ не гнушался общенія съ церквами, включившими въ символъ уяснительныя слова „и отъ Сына“. Только когда Фотій обличается папою Николаемъ въ неправильномъ возведеніи на кафедру и прерываетъ съ нимъ общеніе, онъ приводитъ слова „и отъ Сына“ въ оправданіе своего возстанія противъ апостольскаго сѣдалища. Былъ ли упрекъ, сдѣланный тогда Фотиємъ, искрененъ, т. е. истекалъ ли онъ изъ сознательнаго убѣжденія, что словами „и отъ Сына“ дѣйствительно искажается вѣра? Думаемъ, что нѣтъ, и вотъ почему: употребленіе выраженія, не только искажающаго смыслъ вѣры, но *моущаю* подать поводъ къ искаженію вѣры,—не грѣхъ лишь пока Церковь, изслѣдованіемъ своимъ, не выяснила, что данное слово нарушаетъ здоровое ученіе, или по неточности своей можетъ вовлечь въ неправильное толкованіе; по отмѣнѣ же выраженія и замѣнѣ его болѣе соответствующимъ словомъ, возвращеніе къ запрещенному прощается Церковью только по невѣдѣнію; въ противномъ случаѣ, когда выраженіе прямо указываетъ на чуждый здоровому ученію смыслъ, употребленіе осужденнаго выраженія является само собою согрѣшеніемъ; когда же данное слово само по себѣ не заключаетъ ничего подобнаго, *но можетъ*, по неясности, вовлечь въ заблужденіе, то упорство въ употребленіи его точно также грѣховно, потому что предполагаетъ непризнаваніе непогрѣшимости Церкви и неподчиненіе ея

¹⁾ *Максимъ испов.* въ посланіи къ Марину.

учительской власти. Напримѣръ: бл. Августинъ могъ употреблять безъ соблазна, говоря о взаимномъ отношеніи во Христѣ двухъ естествъ, такія слова, какъ „*смѣшеніе*“ и „*смѣситься*“, ибо въ то время, когда онъ писалъ, выраженіе въ огражденіе чистоты исповѣданія „*о двухъ естествахъ*“ еще не опредѣлилось; но послѣ ефесскаго и халкидонскаго соборовъ бл. отецъ не могъ бы употреблять и конечно не употребилъ бы подобныхъ выраженій ¹⁾. Въ данномъ же случаѣ,—въ бурѣ, поднятой Фотіемъ противъ уяснительныхъ словъ,—представляется нѣчто болѣе важное, чѣмъ употребленіе несоотвѣтствующаго выраженія. Вопросъ не заключается въ чемъ-либо *моущемъ* нарушить здоровое ученіе, но въ словахъ, которые сами собою доказываютъ уже совершившееся искаженіе смысла вѣры, если только исхожденіе Св. Духа по существу и отъ Сына дѣйствительно противорѣчитъ здоровому ученію. И вотъ, въ послѣднемъ случаѣ является вопросъ, какимъ образомъ могъ Фотій вновь вступить въ общеніе съ Церковью, не отрекшейся отъ заблужденія? Между тѣмъ, черезъ десять лѣтъ послѣ своего разрыва, онъ вновь вступаетъ въ общеніе съ Римомъ, еще не включившимъ уяснительныхъ словъ въ символъ, но объявившимъ, что вѣруетъ согласно съ ихъ смысломъ, а черезъ Римъ со всѣми западными церквами, давно включившими слова „и отъ Сына“ въ самый символъ. И церковное единство, несмотря на всѣ предстоявшія препирательства, въ теченіи 170 лѣтъ все-таки еще не роторгается. Церковь за это время была обуреваема въ своемъ земномъ составѣ, но въ своей сверхземной области она не затронута.

Когда, послѣ четырехъ вѣковъ разобщенія, подымается

¹⁾ Бл. Августинъ соединялъ съ вышеприведенными словами совершенно православный смыслъ, что уже явствуетъ изъ того, что Церковь въ халкидонскомъ соборѣ привела отрывокъ изъ его твореній съ этими словами на ряду съ другими, какъ свидѣтельство и руководство правой вѣры.

вопросъ о воссоединеніи Церквей, что слышимъ мы со стороны восточныхъ епископовъ? Что отвѣчаютъ они, когда у нихъ спрашиваютъ, въ чемъ именно нарушается чистота вѣры отъ внесенія уяснительныхъ словъ въ символъ? Они довольствуются повтореніемъ одного и того же, что вѣра ими нарушается (что конечно ничего общаго не имѣетъ ни съ убѣдительными доводами ни съ подтверждающими доказательствами), и наконецъ, объявляютъ, что самое включеніе въ символъ словъ „и отъ Сына“, *само по себѣ — нечестіе, независимо отъ того, выражаютъ ли они православный смыслъ вѣры или нѣтъ*, и защитниками исхожденія Святого Духа „только“ отъ Отца являются во всемъ извѣрившіеся и язычники въ душѣ, гуманисты, которые изощряются по всеѣмъ изгибамъ эллинскаго ума *для поддержанія славы греческой науки!* Это наша третья встрѣча съ *филетизмомъ*, который, заразивъ собой своихъ православныхъ, уже больше не покидаетъ Востока. Съ его водвореніемъ, о славѣ Церкви Божіей, о ревности по истинѣ уже почти не слышно; два человекъ только возвышаютъ голосъ во имя Бога и Церкви: Маркъ ефесскій и Виссаріонъ никейскій. Послѣдній въ пламенныхъ рѣчахъ доказываетъ своимъ несостоятельностью ихъ ученія и въ словахъ, слишкомъ оправдавшихся на дѣлѣ, предсказываетъ будущность восточной церкви; другой — честный, твердый, непоколебимый въ вѣрѣ, повторяетъ одно и то же: „и отъ Сына — нечестиво!“ — но почему и на какомъ основаніи, этого онъ не объяснилъ.

Остается непостижимымъ (конечно, не для невѣрующихъ, но для вѣрующихъ въ божественность Церкви), какимъ образомъ могъ Востокъ оставаться 500 лѣтъ въ общеніи съ церковью, вѣровавшей согласно со смысломъ уяснительныхъ словъ объ исхожденіи Св. Духа, если этотъ смыслъ нарушаетъ чистоту вѣры, и какимъ образомъ могъ Западъ оставаться въ общеніи съ Востокомъ, если онъ дѣйствительно не включалъ уяснительныхъ словъ въ сим-

воль, по причинѣ отвергаемаго имъ смысла. Востокъ и Западъ составляли единую св. Церковь, въ которой, какъ во всемъ земномъ, могутъ являться нестроения, но въ которой, какъ сверхземной несокрушимой блюстительницѣ истины, никоимъ образомъ не можетъ не быть единой вѣры. Если, стало быть, Востокъ не гнушался Запада, значить онъ не находилъ въ немъ погрѣшностей противъ вѣры, и, если Западъ не гнушался Востока, несмотря на невключеніе въ символъ „и отъ Сына“, значить онъ сознавалъ, что Востокъ, несмотря на это невключеніе, вѣрилъ одной вѣрой съ нимъ. Въ противномъ случаѣ, съ чьей бы стороны ни было здравое ученіе, обѣ оказались бы одинаково преступными своей терпимостью къ лжеученію, и, если обѣ части Церкви стали нарушительницами правды, то со дня чтенія символа съ уяснительными словами во всеуслышаніи Церкви несокрушимой Церкви Божіей на землѣ нѣтъ.

Въ виду того, однако, что до XI вѣка Церковь не была разъединена, приведемъ нѣкоторыя изреченія западныхъ отцевъ объ исхожденіи Св. Духа.

Въ срединѣ IV вѣка славный борецъ за неприкосновенность никейской вѣры, св. Иларій пиктавійскій, пишетъ, что „Духъ Святой отъ Отца и Сына происходитъ“ и что „Онъ отъ Сына беретъ и имъ посланъ“¹⁾.

Во второй половинѣ IV вѣка папа св. Дамасъ, въ посланіи своемъ противъ Македонія, говоритъ: „Если кто не исповѣдуетъ, что Духъ Святой отъ Отца есть истинно и собственно яко Сынъ отъ Божескаго существа, и истинный Богъ²⁾, да будетъ анаѰема“. Не слѣдуетъ терять изъ виду, что въ борьбѣ противъ Македонія, который низводилъ

¹⁾ *Иларій Пиктавійскій*, О Св. Троицѣ, кн. 2, гл. 4, гдѣ св. Отецъ называетъ Сына *иновоникомъ* Духа; и кн. 8, гл. 20, гдѣ доказывается обширно исхожденіе Св. Духа отъ Отца и Сына, чтобы затѣмъ воспользоваться доказаннымъ для утвержденія божества Св. Духа (*Прим. изд.*).

²⁾ *Дамасъ*, Migne P. L. 13, 362.

Св. Духа въ тварь, *созданную* Сыномъ, отцы главнымъ образомъ напирали на исхожденіе Его отъ Отца въ доказательство отрицаемой божественности Духа, но тѣмъ не менѣе они на Западѣ, какъ на Востокѣ, нигдѣ не высказываются въ смыслѣ отрицанія исхожденія Св. Духа и отъ Сына. Въ борьбѣ противъ еретиковъ, отрицавшихъ божественность третьяго Лица Св. Троицы, на основаніи изреченія символа о Словѣ „*имъ же вся быша*“, будто выраженіе „*вся*“, не терпя исключенія, относится также и къ Духу,—Церковь, свидѣтельствуя объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца, опровергаетъ, что Онъ *созданъ* Сыномъ, но никогда не говоритъ, что Онъ отъ Сына *не исходитъ* или исходитъ по существу „*только*“ отъ Отца ¹⁾.

Въ пятомъ вѣкѣ папа св. Левъ Великій пишетъ о Пресвятой Троицѣ: „*Не иной рождающій, не иной рожденный, не иной отъ Обоихъ исходящій*“ ²⁾. Неужели „*столъ православія*“, излагая ученіе Церкви, лжесвидѣтельствуемъ о немъ?

Въ 521 г. папа Гормиздъ пишетъ императору Юстиніану I: „Свойственно Отцу произродать Сына; свойственно Сыну быть рожденнымъ отъ Отца и Отцу равнымъ; свойственно Св. Духу быть исходящимъ отъ Отца и Сына“ ³⁾.

Извѣстно, что въ самомъ Римѣ уяснительныя слова не были включены въ символъ до XI вѣка; понятно, стало быть, что до этого времени онъ читался въ Римѣ безъ нихъ; и вотъ, въ началѣ девятаго вѣка, папа Левъ III, опровергая ересь „*Адопціанъ*“ (учившихъ объ *усыновленіи* Иисуса

¹⁾ См. объ этомъ, между прочимъ, у св. Дидима О св. Духѣ. Тотъ же церковный писатель, истолковывая слова Христа: *Ибо не будетъ говорить отъ себя*, выражается по интересующему насъ вопросу слѣдующимъ образомъ: «То-есть не будетъ говорить безъ Меня и воли Отца... такъ какъ Онъ (Духъ) не отъ Себя есть, но отъ Отца и Меня. Ибо и то самое, что Онъ *существуетъ*, Онъ имѣетъ отъ Отца и Меня. «О Св. Духѣ», кн. 2. (Прим. изд.).

²⁾ Левъ Великій, Посланіе 15, гл. 1.

³⁾ Mansi, Conciliorum collectio VIII, 521.

Христа), велѣлъ выставить въ Петровскомъ соборѣ вырѣзанный на серебрянной доскѣ символъ по существующей редакціи, т. е. безъ уяснительныхъ словъ. Это обстоятельство приводится доказательствомъ противъ ученія объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына, будто Левъ III выставилъ вырѣзанный по его приказанію символъ протестомъ противъ „лжеученія“ о Духѣ Святомъ. Совершенно вѣрно, что папа выразился противъ включенія уяснительныхъ словъ въ символъ; но вѣрно также и то, что онъ заявилъ, „что вѣруеть со всѣми учителями и, согласно свидѣтельству св. Писанія, что Духъ Святой исходитъ отъ Отца и отъ Сына, и что если кто иначе объ этомъ вѣритъ или учитъ или будетъ исповѣдывать иначе, то онъ его отлучаетъ“ ¹⁾. Трудно провести болѣе ясную черту между коснымъ и истиннымъ почитаніемъ смысла вѣры.

Приведемъ еще два болѣе древнихъ свидѣтельства о томъ, какъ Церковь мыслила исхожденіе Святаго Духа. Девятое анаѳематство противъ Несторія, осуждающее всѣхъ говорящихъ, что Иисусъ Христосъ прослѣвленъ Духомъ, объясняется ефесскими отцами слѣдующимъ образомъ: „Единородное Слово Божіе, содѣлавшись человѣкомъ, тѣмъ не менѣе оставалось Богомъ, имѣющимъ все, что имѣетъ Отець, кромѣ одного свойства — быть Отцемъ; а имѣя существенно въ немъ пребывающаго Духа Святаго, совершало божественныя знаменія... (Оно) собственно въ Духѣ силою совершало чудеса... А которые говорятъ, что Онъ (Христосъ)... прославленъ дѣйствованіемъ силою Духа, потому что будто бы имѣлъ дѣйствованіе не Свое, а чуждое Ему, и не какъ прилично Богу... тѣ праведно бу-

¹⁾ Что говорить о тѣхъ, которые, не довольствуясь тѣмъ, что перетолковываютъ значеніе поступка Льва III, приписываютъ серебрянную доску Льву I? Что говорить также о поддерживающихъ ходячее мнѣніе, будто Іоаннъ Дамаскинъ писалъ элеонскимъ монахамъ объ исхожденіи Св. Духа «только» отъ Отца? Посланіе *неизвѣстнаго* инокъ Іоанна написано въ 808-мъ году, св. Іоаннъ Дамаскинъ скончался въ 754 г.!

дуть подлежать силѣ этого анаѳематства“¹⁾. Церковь здѣсь не разсуждаетъ о Третьемъ Лицѣ Св. Троицы, а уясняетъ ученіе о Словѣ; но опредѣленіе о свойствахъ Слова привело къ уясненію о пребываніи въ Немъ Духа и объ исхожденіи Его по существу отъ Слова, потому что, взявшись, по выраженію Василія Великаго, за одинъ конецъ святой цѣпи, Церковь не могла не явить и другой ея конецъ, „ибо Духъ Третій—безначальный Свѣтъ отъ Свѣта Вседержителя и отъ Свѣта Слова“²⁾.

Послушаемъ теперь св. Василія Великаго. По поводу послѣдователей Аэрія, которые старались доказывать различіе трехъ Бож. Лицъ по естеству на основаніи несходственности выражений, употребляемыхъ Писаніемъ объ Отцѣ и Сынѣ и Св. Духѣ, и которые приводили съ этой цѣлью слова Апостола: *Одинъ Богъ Отецъ* „изъ“ котораго *все и мы для Него и одинъ Господь Иисусъ Христосъ*, „которымъ все“ (1 Коринѳ. VIII, 6), вселенскій учитель говоритъ: „(Еретики) отсега то Богу и Отцу, какъ исключительное нѣкое наслѣдіе, отдѣляютъ реченіе „Имъ“, Духу же Святому—реченіе „въ Немъ“ и говорятъ, что сіе употребленіе словъ никогда не перемѣняется, чтобы, какъ сказано, изъ разности выражений, явствовала разность естества; (но) сіе тонкое различіе слоговъ заимствовано у внѣшней мудрости;... въ Писаніи употребленіе сихъ словъ не выдерживается строго... Самъ Господь говоритъ: *отъ Моего возметъ и возвѣститъ вамъ* (Іо. XVI, 17). Вообще внимательно читающему откроются различныя употребленія сего реченія „изъ Него“, ибо и Господь говоритъ: *Я чувствую силу, исходящую изъ Меня* (Лук. VIII, 46)“³⁾. Наконецъ, въ своемъ опроверженіи защитительной рѣчи Евномія, который возставалъ противъ равенства Третьяго Лица Пресвятой Троицы *по естеству*,

¹⁾ Дѣян. Всел. Соб. въ русск. пер., т. II, изд. 2, стр. 20.

²⁾ См. приведенныя выше слова св. Елифанія Кипрсакаго.

³⁾ *Василій Великій*, Противъ Евномія кн. 5 и Посланіе къ Амфилохію, гл. 2, 3, 4, 5.

св. Василій, сказавъ, что, если Духъ занимаетъ третье мѣсто по *порядку*, это не значить, что Онъ третій по естеству, говоритъ дальше: „Что Духъ по достоинству занимаетъ второе мѣсто по Сынѣ, какъ отъ Него имѣющій бытіе, отъ Него пріемлющій, сіе можетъ быть преподаетъ слово благочестія, но... и т. д.“¹⁾ По поводу приведеннаго изреченія св. Василія нельзя не сдѣлать одного замѣчанія. Въ нашихъ переводахъ отеческихъ твореній, слова Василія Великаго передаются слѣдующимъ образомъ: „Духъ... и т. д. по достоинству занимаетъ второе мѣсто по Сынѣ—сіе можетъ быть“... и т. д. Подчеркнутыя нами слова текста бл. отца пропускаются и замѣняются *тире*. Взять на себя исправленіе столпа никейской вѣры, вселенскаго отца и учителя, само по себѣ довольно смѣло, — чтобы не сказать больше, — въ данномъ же случаѣ оно смѣлѣе чѣмъ когда-либо и, рядомъ съ этимъ, бесполезно, потому что слова, вычеркнутыя здѣсь изъ рѣчи св. Василія, ни чѣмъ не скрываемыя слова; они принадлежатъ той книгѣ, ни единой іоты которой не пройдетъ и буква и смыслъ которой Богомъ Церкви отданы на храненіе. Одинъ человѣкъ нашелся, который наложилъ руку на эту книгу; ему нужно было слово „только“ и онъ его вписалъ²⁾; этотъ человѣкъ одинъ изъ тѣхъ, которые, упрекая Церковь въ искаженіи смысла и въ нарушеніи буквы божественнаго откровенія, отступаютъ отъ древней вѣры и отъ вселенскаго единства и созидаютъ зданіе на зыбкомъ основаніи мнѣнія. Но пойдѣмъ дальше.

Приведенное мѣсто св. Василія считается рѣшающимъ доказательствомъ того, что Церковь всегда понимала исхожденіе Св. Духа однимъ издыханіемъ отъ Отца и Сына. И

1) *Его же*, Противъ Евномія, кн. 3 вначалѣ.

2) Лютеръ. Посл. къ Римл. гл. 3, ст. 28, гдѣ читается: «Λογίσθηθα ὅτι πίστει δικαιοσύνη ἀνεπισημασμένη ἔργων νόμου» (признаемъ, что человѣкъ оправдывается вѣрою, независимо отъ дѣлъ закона), переведено Лютеромъ: «So halten wir es nun, dass der Mensch gerecht werde ohne des Gesetzes Werke, *«allein»* durch den Glauben», т. е. «Итакъ, признаемъ, что человѣкъ оправдывается независимо отъ дѣлъ закона, *«только»* чрезъ вѣру.

вотъ, въ силу такого составившагося мнѣнія, у насъ считается нужнымъ сопровождать изреченіе бл. Отца длиннымъ примѣчаніемъ, которое при искаженіи текста, является совершенно лишнимъ; благоразумнѣе (и осторожнѣе) не дѣлать никакого примѣчанія, дать по возможности искаженному мѣсту пройти незамѣченнымъ. Въ слѣдъ же за богословскими разсужденіями читается, что западная церковь искажила текстъ св. Василія *прибавленіемъ* нами подчеркнутыхъ словъ, а рядомъ съ этимъ—что бенедиктинскія изданія *вполнѣ впрочемъ согласны* съ древнимъ кодексомъ Московской Синодальной бібліотеки, съ которымъ русскій переводъ будто дословно согласенъ. Подобнымъ заявленіемъ упреки, направленные противъ западной церкви, падаютъ сами собой, потому что бенедиктинскія изданія (какъ греко-латинскія, такъ и переводныя) печатаются подъ прямымъ наблюденіемъ Церкви, по повелѣнію, съ одобренія и съ благословенія верховной духовной власти! Съ другой стороны, дается каждому возможность провѣрить посредствомъ всѣмъ доступныхъ бенедиктинскихъ изданій, и не справляясь даже съ московскимъ кодексомъ, на чью сторону падаетъ упрекъ въ искаженіи словъ вселенскаго учителя. Извѣстно, что означеннаго творенія св. Василія Великаго приведено было на флорентинскомъ соборѣ шесть кодексовъ, а именно: три кодекса пергаментныхъ епископомъ митилинскимъ, одинъ на папирусѣ—императоромъ, одинъ такой же—константинопольскимъ патріархомъ и одинъ пергаментный—западными. Всѣ кодексы оказались тождественны, *за исключеніемъ патріаршаго*. Съ этого времени началось вычеркиваніе неудобныхъ мѣстъ отеческихъ твореній. Такъ, напримѣръ, въ одной весьма извѣстной бібліотекѣ понынѣ существуетъ древній кодексъ св. Григорія Нисскаго, украшенный пятномъ, но не на столько искусно сдѣланнымъ, чтобы посредствомъ воспроизведевія усовершенствованной свѣтописи не сквозили подъ отраженіемъ пятна слова—*„καὶ ἔκ τοῦ υἱοῦ „и отъ Сына“*.

Приведемъ еще текстъ св. Василия Великаго: „(Духъ Святой) и Духомъ Христовымъ называется, и какъ Утѣшитель Онъ въ Себѣ Самомъ показываетъ благость пославшаго Его Утѣшителя и въ собственномъ достоинствѣ являетъ величіе Того, отъ Кого произошелъ“ ¹⁾.

Приведенныя отеческія свидѣтельства, изреченія вселенскихъ наставниковъ и никейскихъ столповъ достаточно ясно показываютъ, какого ученія держалась вселенская Церковь; но еще сильнѣе и сильнѣе всѣхъ отдѣльно взятыхъ доказательствъ о томъ, какъ Церковь мыслила исхожденіе Святаго Духа, это—неопровержимое свидѣтельство, которое она, въ цѣломъ взятая, сама о себѣ даетъ жизнью своей, т. е. сохраненіемъ единства въ теченіи 500 лѣтъ, не смотря съ одной стороны на включеніе, а съ другой — на невключеніе въ символъ уяснительныхъ словъ „и отъ Сына“.

Не наше намѣреніе вдаваться въ изслѣдованіе богословскихъ споровъ и дѣлать имъ разборъ, къ чему, еслибъ и хотѣли, нѣтъ у насъ ни достаточныхъ познаній, ни соотвѣтствующей силы мышленія. Сдѣлаемъ только одно замѣчаніе: Восточная церковь исповѣдуетъ:

1) Единосущную и нераздѣльную Троицу, безъ мыслимаго сліянія или сѣченія.

2) Ипостасное исхожденіе Св. Духа (или по существу) отъ Отца; дѣйственное Его исхожденіе (или благодатное) отъ Сына.

3) Пребываніе Духа въ Сынѣ, не какъ отъ чего либо зависящее, но какъ Имъ присущее по существу.

Божеская *единосущность* внѣ зависимости отъ нераздѣльности; *нераздѣльность*—отъ единосущности и несліянія; *несліяніе* — отъ познаваемыхъ свойствъ Ипостасей. Точно также *Ипостась* внѣ зависимости отъ несліянія и въ ней самой, нераздѣльность внѣ зависимости отъ единосущности,

¹⁾ *Василій Вел.* О Св. Духѣ гл. 18, 46.

потому что въ Богѣ все совершенно и само въ себѣ суще; Божеское совершенство не допускаетъ нарушенія простоты бытія, ни зависимостью, ни тождествомъ, ни какой либо причиною, мыслимой внѣ этого бытія, въ самомъ себѣ совершеннаго.

Единый Богъ, Совершенное Тріединое Сущности, Бытія и Жизни — Вседержитель, Творецъ и Создатель, Отецъ, Сынъ и Духъ Святой. Впостаси совершенны и въ самихъ себѣ заключаютъ единосущность, нераздѣльность и несліяніе. Отецъ не мыслимъ безъ Сына; Сынъ не мыслимъ безъ Отца; Духъ не мыслимъ безъ Отца и Сына, и Впостаси нераздѣльны и несліянны и познаваемы положительными свойствами взаимности. Отецъ познается тѣмъ, что Онъ Отецъ Сыну, *а не тѣмъ*, что Онъ *не сынъ* Сыну. Сынъ познается тѣмъ, что Онъ Сынъ, *а не тѣмъ*, что Онъ *не отецъ* Отцу. Духъ познается тѣмъ, что Онъ, исходящій отъ Отца, *а не тѣмъ*, что Онъ *не сынъ и не отецъ* Отцу. Если же Духъ отъ Сына не исходитъ по существу, Онъ познается, по отношенію Сына, тѣмъ, что Онъ Ему *не отецъ, не сынъ и не исходящій*, т. е. взаимность Сына и Духа познается тремя отрицаніями и между Сыномъ и Духомъ представляется сѣченіе. Сынъ мыслимъ, какъ могущій быть безъ Духа; Духъ— какъ могущій быть внѣ Его и Они мыслимы уже не какъ *нераздѣляемые* при несліяніи, но какъ отдѣляемые, за неимѣніемъ положительныхъ свойствъ взаимности, опредѣляющихъ нераздѣльность и несліяніе. Пребываніе Духа въ Сынѣ является не свойствомъ сущности и бытія Бож. Впостасей, но для Сына неотъемлемымъ *принадлежаніемъ*, для Духа непремѣннымъ *условіемъ*, т. е. представляется не *само-сущимъ*, а *правовымъ*.

Восточная церковь учитъ, что вочеловѣчившееся Слово творило бож. знаменія пребывающимъ въ Немъ *собственнымъ* Духомъ; по словамъ же Сына, Сынъ имѣетъ все, что Отецъ имѣетъ и ниспосылаетъ Духа *отъ Него же пріемлющаго и изъ Него же выходящаго*. Какимъ же образомъ не исходитъ

Духъ отъ Сына по существу, если Онъ не *собственность* Сына, а *собственный* Духъ Сына?

Однако не слабыми усиліями только личнаго ума, но и силой вмѣстѣ взятыхъ всѣхъ умовъ бывшихъ и имѣющихъ быть, нельзя подняться до Непостижимаго. Возвышаться же душой къ Нему можно только, помня, что намъ, не всегда бывшимъ, должно говорить о Вѣчносущемъ не иначе, какъ колѣнопреклоненно, а потому скажемъ: „Верховный Петръ, Духомъ изрекшій: Духъ Отчій — Духъ Сына; верховный Павелъ, Духомъ изрекшій: Духъ Сына — Духъ Отчій, молитесь Отца за насъ, да пошлетъ въ сердца наши Духа Сына Своего, вопіющаго: Авва, Отче!“

*
* * *

Второй догматъ, раздѣляющій церкви,—догматъ о безпорочномъ зачатіи Божіей Матери.

Опредѣленіе о немъ состоялось, какъ всѣ прочія опредѣленія Церкви, представляя собой торжественное заявленіе о томъ, во что она всегда вѣрила. Первые христіане не называли Пресвятую Дѣву „Богородицей“, но Церковь всегда вѣрила, что она во истину Божія Матерь, а не только „Христородица“, и когда духъ противорѣчія, возставая противъ учительства Церкви, началъ искажать домостроительство спасенія превратнымъ толкованіемъ воплощенія Иисуса Христа, то Церковь утвердила свое ученіе присвоеніемъ св. Маріи наименованія „Богородицы“.

Живая, согрѣтая любовію вѣра въ Спасителя такъ тѣсно связана съ поклоненіемъ Божіей Матери, что съ первыхъ же временъ и до нашихъ дней духъ отрицанія употреблялъ всѣ ухищренія противъ чествованія Пресвятой Дѣвы. Пусть прочтутъ отзывы отцевъ о древнихъ ересьяхъ, пусть припомнятъ, что было выше сказано по поводу иконоборства, пусть также справятся съ ученіемъ „храмовниковъ“ въ среднихъ вѣкахъ и съ ученіемъ продолжателей ихъ, „свободныхъ каменщиковъ“, со временъ реформации—и убѣ-

дятся въ непримиримой ненависти безвѣрія къ Божіей Матери. Въ наше время духъ отрицанія, слѣдуя по древне-положенному пути безвѣрія, издѣвался съ новой силой надъ Пресвятой, и Церковь, въ огражденіе неприкосновенности своего ученія, опредѣлила „безпорочное зачатіе“, торжественно свидѣтельствуя этимъ опредѣленіемъ о своей всегдашней вѣрѣ.

О томъ же, что Церковь всегда вѣрила въ безпорочное зачатіе, имѣется болѣе одного доказательства, и намъ это должно быть тѣмъ болѣе извѣстно, что отрицаніе безпорочнаго зачатія ставится намъ въ упрекъ старовѣрами. Понятно, что „новизна“ и „старина“ совмѣстимы только въ смыслѣ примѣненія новаго выраженія къ чему-либо уже существующему, но ничего не можетъ по существу быть одновременно и новымъ и старымъ. Кромѣ того, у насъ есть другое свидѣтельство о томъ, что восточная церковь въ весьма еще недавнее время держалась (или по крайней мѣрѣ не порицала) ученія о безпорочномъ зачатіи, а именно два трактата св. Дмитрія Ростовскаго на 8 сентября и на 9 декабря ¹⁾. Наконецъ извѣстно, что это ученіе, нынѣ выставленное западной новизной, принято Западомъ не раньше двѣнадцатаго вѣка, когда оно перенесено съ Востока первыми крестоносцами ²⁾.

Если Непостижимый вочеловѣчился, Онъ могъ непостижимымъ образомъ оградить сосудъ воплощенія отъ первороднаго грѣха. Для воспріятія полноты благодати Богоза-

¹⁾ Оба трактата находятся въ старопечатныхъ Чет.-Мин. По чьему велѣнію они изъяты изъ обращенія—не извѣстно; изъятіе относится къ тридцатымъ годамъ прошлаго вѣка, т.-е. совпадаетъ съ царствованіемъ императрицы Анны Іоанновны. Распоряженіе состоялось, быть можетъ, съ легкой на этотъ разъ руки Бирона! (Эта догадка автора не оправдывается. Противъ ученія св. Дмитрія о безпорочномъ зачатіи возсталъ современный ему патріархъ московскій Іоакимъ. *Прим. изд.*)

²⁾ Здѣсь понимается празднованіе «Зачатію», которое, однако, и на Западѣ восходитъ къ болѣе раннему времени, и пришло на Западъ чрезъ Сицилію, принадлежавшую къ греческой имперіи (*Прим. изд.*).

чатія нужна была совершенная порожность сосуда зачатія, безусловное въ немъ „Ничто“. Подобное опростаніе отъ человѣческаго „я“ мыслимо только при неискусогрѣшности; только съ ней возможны величіе всецѣлаго уничтоженія и высота всемиренія, которыя явила Божія Матерь. Она—не усовершенствованное благодатью существо, а Творцемъ сотворенное въ чистотѣ вмѣстилище Себя Невмѣстимаго. Господь передъ воплощеніемъ не очистилъ, но нашелъ Отроковицу чистую. Мы исповѣдуемъ, что Пресвятая чище пламени огнекрылыхъ херувимъ, а они неискусогрѣшны; они на небѣ, она была небомъ; они у подножія престола, она была престоломъ; они закрываются крыльями передъ лицомъ Божіимъ, она изъ крови и плоти своей содѣлала Его лице, она Богоизваянное тѣло, содѣлавшее Его плоть, Богоначертанный Первообраза образъ! Чрево, въ которомъ Слово „Имъ же вся быша“ обратилось, пребывая Богомъ, въ то „ничто“, въ которомъ человѣкъ ищетъ вооруженнымъ глазомъ первонити нашей ткани, есть средоточіе безконечнаго, мѣсто-встрѣчіе мірозданія съ Творцемъ, храмъ, въ которомъ вещество преклонилось передъ алтаремъ, на которомъ Жертвой лежалъ Богъ, облекающійся плотью. Въ Пресвятой Богородицѣ вся природа торжествуетъ, и Богъ въ ней всей природой прославляется; поэтому, каждое новое прославленіе Божіей Матери—новая хвалебная пѣснь Богу и поэтому вселенскіе отцы восклицаютъ, величая Божью Матерь: „Черезъ тебя Святая Троица почитается, черезъ тебя Она прославляется! черезъ тебя кресту во всей вселенной поклоняются, черезъ тебя небо торжествуетъ и тварь на небо возводится и черезъ тебя все приводится къ познанію Истины“¹⁾.

Божія Матерь есть связующее звено всего мірозданія, и черезъ божественную плоть Сына ея, изъ ея плоти содѣланную, мы входимъ въ братское общеніе со всѣмъ сотвореннымъ въ ожиданіи дня Господня, когда земля и небо и вся

¹⁾ Первое дѣяніе 3-го вселенскаго собора.

тварь, преобразившись, станутъ новы и войдутъ въ нетлѣніе. Въ домостроительствѣ спасенія все непостижимо, но все строго послѣдовательно; доводы разума, приводимые противъ безпорочнаго зачатія, нарушаютъ Божескую послѣдовательность, какъ ими же нарушается послѣдовательный бредъ безумія. Да не соблазнится никто этимъ словомъ; что Іудею соблазнѣ, что Еллину безуміе, то—нашъ побѣдный знакъ и христіанина дозволенная гордость. Этимъ знакомъ безумія мы во Христѣ крестились, во Христа облеклись и съ нимъ, какъ отроки побѣдные, взываемъ Ему: Осанна!

* * *

Третій догматъ, раздѣляющій церкви, это очистительный огонь ¹⁾. Ученіе о немъ встрѣчается у св. Григорія Великаго. Мы нисколько не приводимъ его имя съ намѣреніемъ приписывать ему (какъ нѣкоторыми дѣлается) изобрѣтеніе этого ученія, а лишь доказательствомъ того, что въ шестомъ вѣкѣ оно не было порицаемо, тѣмъ болѣе что оно встрѣчается и раньше. Въ пятомъ и въ четвертомъ вѣкахъ о очистительномъ огнѣ говорятъ св. Кесарій арелатскій, бл. Августинъ, св. Патрикій, а порицаемое Церковью Оригеново ученіе показываетъ, что вѣрованіе въ очистительный огонь, въ первой половинѣ третьяго вѣка, существовало на Востокѣ не менѣе, чѣмъ на Западѣ ²⁾. И дѣйствительно, Церковь съ самыхъ раннихъ временъ отличала огонь ада отъ огня геенны, т. е. временный огонь отъ вѣчнаго ³⁾ и частный судъ, ожидающій каждую душу по выходѣ изъ міра, отъ страшнаго суда послѣ всеобщаго воскресенія, считая приговоръ перваго—временнымъ и отмѣняемымъ, второго—окончательнымъ и вѣчнымъ. До всеобщаго воскресенія, по ученію Церкви,

¹⁾ Впрочемъ существованіе очистительнаго огня даже въ западной церкви не опредѣлено догматически; это лишь одно изъ богословскихъ мнѣній. (Прим. изд.)

²⁾ О томъ, что оно не было чуждо и болѣе древнему времени свидѣтельствуемъ житіе св. мученицъ Фелицитаты и Перпетуи.

³⁾ «Πῦρ τὸ αἰώνιον, πῦρ τὸ πρόσκαιρον».

однѣ только въ сей жизни очистившіяся души входятъ въ нѣдра Авраама и однѣ только погибельныя души горятъ въ гееннѣ и для нихъ временный и вѣчный судъ будетъ одинъ и тотъ же; всѣ же другія души находятся подъ отмѣняемымъ приговоромъ; за нихъ и молится Церковь, вѣруя, что приношеніемъ Жертвы Ходатая и дѣлами вѣры и благочестія, совершаемыми въ ихъ память, облегчается для нихъ посмертное очищеніе. По свидѣтельству отцевъ, Церковь полагала, что это очищеніе совершается въ очистительномъ огнѣ, чрезъ который самъ человекъ спасется, а въ которомъ грѣхи его выгорятъ, какъ дрова, сѣно и солома.

Подобное ученіе Церкви не возникло внѣ Писанія. Господь говоритъ, что если кто согрѣшилъ противъ Духа Святаго, не отпустится ему ни здѣсь, ни въ будущемъ вѣкѣ ¹⁾. Подъ „будущимъ вѣкомъ“ нельзя тутъ понимать безвременіе, имѣющее быть послѣ страшнаго суда, потому что въ немъ не будетъ чередованія или измѣненія, а одно пребываніе и бытіе. Стало быть, подъ „будущимъ вѣкомъ“ надо, въ данномъ случаѣ, разумѣть посмертное существованіе души до всеобщаго воскресенія, и если въ теченіи этого существованія, по словамъ Иисуса Христа, инымъ грѣхамъ нѣтъ разрѣшенія, понятно, что есть и такіе грѣхи, для которыхъ есть въ немъ разрѣшеніе. Св. Григорій Великій, въ своихъ благочестивыхъ Собесѣдованіяхъ, приводитъ въ доказательство основательности церковнаго ученія о томъ, что души могутъ мучиться въ пламени до всеобщаго воскресенія, притчу о Лазарѣ и жестокосердномъ богачѣ ²⁾, т. е. собственно пользуется примѣромъ богословски несостоятельнымъ, такъ какъ притча, по выработавшейся богословской наукѣ, не считается доказательствомъ. Но неправильность при объясненіи церковнаго ученія нисколько не опровергаетъ факта существованія даннаго ученія, безъ чего св. Григорій не присту-

¹⁾ Матѣ. XII, 32.

²⁾ Лук. XVI, 22—24.

пилъ бы къ его изложенію. Вѣрованіе въ очищеніе души чрезъ временный огонь было, напротивъ, настолько установившимся, что лжеучители пользовались имъ для отрицанія вѣчнаго огня, говоря, что никакія души, какія бы грѣшныя онѣ ни были, не подвергнутся вѣчнымъ карательнымъ мукамъ, а только временнымъ очистительнымъ страданіямъ; обращая, такимъ образомъ, въ общій законъ то, что Церковь считала удѣломъ не всѣхъ, но извѣстныхъ душъ.

Блаженный Августинъ въ „Градѣ Божіемъ“ излагаетъ ложныя мнѣнія относительно посмертной жизни и также злоумышленныя толкованія, которыя враги Церкви дѣлали ея ученію, основанному на словахъ Апостола: „Никто не можетъ положить другого основанія, кромѣ положеннаго, которое есть Иисусъ Христосъ. Строить ли кто на этомъ основаніи изъ золота, серебра, драгоценныхъ камней, дерева, сѣна, соломы,—каждаго дѣло обнаружится, ибо день покажетъ, потому что въ огнѣ открывается и огонь испытаетъ дѣло cadaго, каково оно есть. У кого дѣло, которое онъ строилъ, устоитъ, тотъ получитъ награду. У кого дѣло сгоритъ, тотъ потерпитъ *уронъ*; самъ же спасется, но такъ, какъ чрезъ огонь“ ¹⁾. Спасется такъ, какъ спасаются чрезъ огонь, т. е. не безъ тяготы. Блаженный отецъ, доказавъ, что враги Церкви толкуютъ ея ученіе въ превратномъ смыслѣ, переходитъ къ изложенію самого этого ученія: „Мы найдемъ, говоритъ онъ, кто спасется чрезъ огонь, если сперва найдемъ, чтò значитъ имѣть въ основаніи Христа. Для этого воспользуемся примѣромъ: въ зданіи ничего не предшествуетъ основанію; кто, стало быть, имѣетъ Христа въ сердцѣ такъ, что онъ ничего земнаго и временнаго даже изъ дозволеннаго не предпочитаетъ Христу, тотъ имѣетъ Христа въ осно-

¹⁾ 1 Коринѳ. III, 11—15. «Уронъ» «ζημία», *damnum, multa*, т. е. убытокъ, ущербъ, уронъ, взысканіе; «ζημιώσεται», славянское «ошцетится», т. е. лишится чего-либо, потеритъ. Подчеркнутыя слова дословно соотвѣтствуютъ греческому тексту «αὐτός δε σωνήσεται ὅτος δε ὢς διὰ πυρός». Текстъ переводится у насъ: «*впрочемъ самъ спасется, но такъ, какъ-бы изъ огня*».

ваніи; но если кто предпочитаетъ Ему что-либо, тотъ, хотя бы, повидимому, и имѣлъ вѣру въ Христа, не имѣетъ однако въ основаніи Христа, которому такія вещи предпочитаетъ; на сколько же болѣе о томъ, кто, пренебрегая спасительными заповѣдями, творитъ недозволенное, должно сказать, что онъ Христа не предпочитаетъ, но ставитъ на второмъ мѣстѣ... Такъ, когда христіанинъ любитъ блудницу и, прилѣпляясь къ ней, становится одно съ нею, онъ не имѣетъ въ основаніи Христа; но если онъ жену свою любитъ, какъ повелѣваетъ Христосъ, кто станетъ сомнѣваться, что онъ имѣетъ Христа въ основаніи? Если даже онъ и любитъ ее по вѣку сему, и по плоти, въ страсти похотѣнія, какъ язычники, не знающіе Бога, — въ силу того, что это по снисхожденію Апостоломъ, или точнѣе самимъ Спасителемъ чрезъ Апостола, дозволено, то онъ и тогда можетъ имѣть Христа въ основаніи. И если изъ привязанностей и похотѣній онъ ничего не предпочитаетъ Христу, то хоть бы онъ построилъ изъ дерева, сѣна и соломы, онъ все-таки ради сего основанія спасется чрезъ огонь. Земныя вожделѣнія его и любовь, которыя, благодаря браку, не преступны, истребятся огнемъ испытанія, къ которому причисляются вдовство, потеря дѣтей и другія лишенія. Подобное зданіе, стало быть, причиняетъ ущербъ, потому что соорудившій не будетъ обладать тѣмъ, что создалъ, и потерпитъ лишеніе того, чѣмъ дорожилъ, но онъ самъ спасется чрезъ огонь основанія ради, потому что если бы гонитель предложилъ ему выбрать, онъ бы ничего не предпочелъ Христу. Послушаемъ, что Апостоль говоритъ о человѣкѣ, строящемъ на основаніи изъ золота, серебра и драгоценныхъ камней: *Не женатый заботится о Господнемъ, какъ угодно Господу* (I Коринѣ. VII, 32). Посмотримъ теперь на другого, строящаго изъ дерева, сѣна и соломы: *А женатый заботится о мірскомъ, какъ угодно женѣ* (I Кор. VII, 33). *Каждое дѣло обнаружится, ибо день покажетъ* (т. е. день скорби), *потому что* (продолжаетъ Апостоль) *въ огнь открывається*. (I Кор. III, 13). Онъ называетъ скорбь

огнемъ, въ томъ смыслѣ, какъ въ другомъ мѣстѣ сказано: *Сосуды скудельничи искушаетъ печь; и искушеніе человѣческое въ помышленіи ея* (Сир. XXVII, 5). *И огонь испытаетъ дѣло каждаго, каково оно есть* (I Кор. III, 13). Тотъ, у кою дѣло, которое онъ строилъ, устоитъ (устоятъ же мысли о Богѣ и желаніе угодить Ему), тотъ получитъ награду (тамъ же, 14), (т. е. пожнетъ то, что мыслилъ). Но у кою дѣло сгоритъ, тотъ потерпитъ уронъ (потому что лишится того, что любилъ), самъ же спасется, (потому что никакая скорбь не сдвинула его съ этого основанія „Христа“), но такъ какъ чрезъ огонь (тамъ же, 15), потому что онъ не безъ боли лишится того, къ чему былъ привязанъ. Итакъ, мы кажется нашли огонь, который не губитъ ни того, ни другого (о коихъ идетъ рѣчь), но который одного обогащаетъ, другому вредитъ, обоихъ испытуетъ. Если же принимая огонь, о которомъ здѣсь пишетъ Апостоль, за тотъ же огонь, о которомъ Спаситель говоритъ стоящимъ на лѣво: *идите отъ Меня, проклятые, въ огонь вѣчный* (Матѣ. XXV, 41), то мы причислимъ къ послѣднимъ тѣхъ, которые строятъ на основаніи изъ дерева, сѣна и соломы, допуская, что они тѣ самые, которые, въ силу основанія, выйдутъ изъ огня послѣ временнаго въ немъ мученія. Что же остается думать о тѣхъ, кто — направо и которымъ сказано: *благословенные Отца Моего, наследуйте царство, уготованное вамъ* (тамъ же, 34), какъ не то, что именно они — строящіе на основаніи изъ золота, серебра и драгоценныхъ камней? Итакъ, если подъ огнемъ, о коемъ упоминаетъ Апостоль, говоря: *какъ чрезъ огонь*, надо понимать огонь геенны (т. е. вѣчный), то надо допустить, что въ него будутъ посланы одинаково и тѣ, которые направо, и тѣ, которые налѣво; но огонь, о коемъ сказано: *день* (Господень) *покажетъ, потому что въ огонь открывається и огонь испытаетъ дѣло каждаго*, есть огонь, который испытаетъ и тѣхъ, и другихъ и не есть, стало быть, огонь вѣчный, ибо тотъ, чье дѣло пребудетъ (т. е. не истребится этимъ огнемъ), получитъ мздовоздаяніе за то, что онъ построилъ, а тотъ, чье дѣло

сгорить, найдетъ свое наказаніе въ сѣтованіи. Одни стоящіе налѣво будутъ посланы въ огонь вѣчнующій по послѣднему и не отмѣняемому суду, тогда какъ этотъ огонь (т. е. о коемъ тутъ рѣчь) испытаетъ стоящихъ направо и такимъ лишь образомъ, что зданія однихъ онъ не сожигаетъ, а зданія другихъ уничтожаетъ, хотя сами построившіе не погибнуть въ немъ, потому что имѣли Христа въ основаніи и возлюбили Его болѣе всего. Итакъ, если они спасутся, они конечно станутъ направо и услышатъ вмѣстѣ съ другими: *придите, благословенные Отца Моего, наследуйте царство, уготованное вамъ*, и не станутъ налѣво, куда пойдутъ тѣ, которые не будутъ спасены и которые услышатъ: *идите отъ Меня, проклятые, въ огонь вѣчный*. Изъ послѣднихъ никто не избавится отъ того огня, гдѣ червь ихъ не умретъ и гдѣ не погаснетъ пламя, въ которомъ они будутъ мучиться день и ночь во вѣки вѣковъ. Если скажутъ, что въ промежутокъ времени, который пройдетъ между смертью каждаго и приговоромъ послѣдняго дня, души усопшихъ будутъ страдать въ томъ огнѣ, о которомъ говоритъ Апостоль... и что онъ будетъ чувствителенъ лишь для тѣхъ, которыхъ зданіе, какъ дрова, сѣно и солома, сожжется въ немъ (т. е. для тѣхъ, которые повинны лишь въ несмертныхъ грѣхахъ), я этому не стану противорѣчить, потому что это можетъ быть такъ и есть, и даже тѣлесная смерть (наказаніе за первородный грѣхъ) и которую каждый долженъ испытать въ свое время, можетъ быть причислена къ этому огню“ ¹⁾.

Въ приведенной главѣ бл. Августинъ не сообщаетъ намъ своихъ личныхъ соображеній (за исключеніемъ послѣднихъ словъ), а противопоставляетъ еретическимъ толкованіямъ и злонамѣреннымъ объясненіямъ церковнаго ученія то самое ученіе, котораго держалась Церковь. Мы слишкомъ несвѣдуши въ богословской наукѣ, чтобы рѣшить, насколько ученіе западной церкви отстаетъ отъ изложеннаго адамант-

¹⁾ Бл. Августинъ, О градѣ Божіемъ, кн. 21, гл. 26.

нымъ мужемъ ученія вселенской Церкви; но нельзя не обратить вниманія на одно обстоятельство, а именно: если западное ученіе опровергается бл. Августиномъ, а восточное (какъ насъ увѣряютъ) находить въ немъ подтвержденіе, почему же, спрашивается, твореніе бл. отца о Градѣ Божіемъ издается западными безъ пропусковъ, а нами—съ сокращеніями, доходящими до того, что число главъ XXI-ой книги низведено отъ 27 до 20 и что въ самихъ сохраненныхъ главахъ вычеркиваются цѣлыя строки? Говорить, что одно какое-либо ученіе опровергается даннымъ свидѣтельствомъ, а другое подтверждается имъ, а между тѣмъ скрывать это свидѣтельство,—болѣе чѣмъ странный пріемъ со стороны именно тѣхъ, которые въ немъ будто бы и находятъ подтвержденіе своего мнѣнія.

Вообще, слишкомъ ревностное желаніе найти въ западномъ христіанствѣ погрѣшности во всемъ приводитъ подчасъ къ страннымъ явленіямъ. Напримѣръ, Григорій Великій ясно говоритъ о очистительномъ огнѣ ¹⁾. Не порицать ученія о немъ, или сознаваться въ томъ, что оно существовало въ старину, никоимъ образомъ нельзя; съ другой стороны, относиться съ открытымъ пренебреженіемъ къ св. Григорію у насъ также не полагается; какъ же тутъ быть? И вотъ, смотря по степени личной вражды автора къ Западу (или скорѣе по настроенію времени), относятся къ вопросу то прямо враждебно, то умѣренно: или съ желаніемъ сочетать надлежащее порицаніе всему западному съ должнымъ уваженіемъ къ лицу, пока изъятому изъ общаго, тяготящаго надъ нимъ приговора, или же съ будто высоконучнымъ безпристрастіемъ. Согласно первому воззрѣнію, папа Григорій—изобрѣтатель чистилища; согласно второму—въ твореніяхъ „иже во святыхъ отецъ нашихъ св. Григорія Двоеслова“, по древлеславянскимъ спискамъ ²⁾—*вселенскаго*

¹⁾ Собесѣдованія, кн. 4, гл. 39 и 55.

²⁾ Во всемъ сходны съ переводомъ папы Захаріи.

папы, по новѣйшимъ—папы римскаго, нѣтъ и помину о порицаемомъ ученіи; согласно третьему—папа Григорій не изобрѣтатель нечестиваго ученія, но все-таки на все, имъ о немъ сказанное, надо смотрѣть не болѣе, какъ на *личное мнѣніе*. Въ вопросахъ вѣры послѣдній аргументъ считается рѣшающимъ въ дѣлѣ оцѣнки ученія, но, однако, подъ условіемъ примѣненія его къ воззрѣнію дѣйствительно личному; въ примѣненіи же къ историческому извѣстію, прямо свидѣтельствуящему о существованіи въ данное время отрицаемаго явленія, оговорка „*это личное мнѣніе*“ теряетъ всякое значеніе. Противорѣчія, замѣчаемая по поводу простого факта упоминанія о чистительномъ огнѣ въ твореніяхъ св. Григорія, не внушаютъ особеннаго довѣрія къ заявленіямъ относительно самого ученія о немъ, потому что разнообразіе и противорѣчія въ приводимыхъ объясненіяхъ своего воззрѣнія ничего общаго не имѣютъ съ изобиліемъ доводовъ или съ основательностью причинъ къ принятію или осужденію какого-либо ученія.

Мы уже замѣтили, насколько небрежно относятся у насъ къ будто бы намъ выгодному, а Западу невыгодному свидѣтельству бл. Августина, о которомъ, между прочимъ, будто сказано, высокопреосвященные Филаретъ и Макарій даже *совсѣмъ* умалчиваютъ при изложеніи порицаемаго ими западнаго ученія. Приведемъ теперь образчикъ того, какъ переводятся нѣкоторыя мѣста изъ Собесѣдованій св. Григорія. Въ 39-й главѣ сказаннаго творенія, святѣйшій отецъ, толкуя слова Апостола Павла (1 Коринѣ. III, 12—15) и излагая, какіе именно грѣхи *выгорятъ въ огнѣ будущаго очищенія*, говоритъ: „Хотя эти слова можно понимать и объ огнѣ скорби, предстоящемъ намъ въ настоящей жизни“ и т. д.; мѣсто это переводится: „Хотя эти слова можно понимать объ *очистительномъ огнѣ*“ и т. д.; *вольность* перевода избавляетъ отъ комментаріевъ...

Однако ратованіе противъ чистилища приводитъ къ еще болѣе страннымъ послѣдствіямъ, не только по отношенію

гь отеческимъ твореніямъ, но и къ самому св. Писанію. Греческій текстъ 1-го посл. къ Коринѣ. III, 15 гласить: „αὐτός δε σωθήσεται, οὗτος δε ὡς διὰ πυρός“, русскій переводъ читаетъ: „впрочемъ, самъ спасется, но такъ какъ бы *изъ огня*“, и вотъ, въ доказательство несостоятельности западнаго ученія, приходится читать заявленія, подобныя слѣдующему: „русскій переводъ, *отступающій* отъ греческаго подлинника, *яснѣ передаетъ мысль Апостола*“!!! Если бы верховный Павелъ писалъ свои Духомъ ввущенныя слова по-еврейски, можно бы допустить, что русскій или всякій другой переводъ ближе къ подлинному тексту, чѣмъ греческій переводъ; но въ виду того, что Апостоль писалъ по-гречески, остается спросить: кого онъ посвятилъ въ сокровенный смыслъ своихъ Богодухновенныхъ рѣчей и кого онъ считалъ призваннымъ ихъ толкователемъ? На этотъ вопросъ возможенъ лишь одинъ отвѣтъ: раскрытіе смысла св. Писанія принадлежитъ Церкви, Павломъ же названной столпомъ и утвержденіемъ истины; по свидѣтельству же признанныхъ Церковью вселенскихъ учителей и наставниковъ, Церковь вѣрила въ существованіе очистительнаго огня (πύρ καθαρτικόν, ignis purgatorius) ¹⁾. У насъ объ этомъ читается „Очистительный огонь, о которомъ упоминаютъ отцы Церкви, не есть чувственный, т. е. матеріальный огонь, также какъ грѣхи, *которыя онъ истребляетъ*, не суть дѣйствительно дрова, сѣно и солома“. У признанныхъ же духовной властью западныхъ богослововъ читаемъ: „Очистительный огонь надо понимать въ образномъ смыслѣ, т. е. не въ матеріальномъ, и таково было и мнѣніе самихъ отцевъ“. Неужели заявленія той и другой стороны не тождественны не только по смыслу, но даже въ выраженіяхъ?

Если ученіе о очистительномъ огнѣ опредѣлилось на Западѣ, а на Востокѣ не опредѣлилось, то одна изъ причинъ

¹⁾ Такъ у бл. Иеронима читаемъ: «дѣла, которыя будутъ испытаны и очищены посредствомъ огня (1 Коринѣ. III)». Толк. на прор. Исаію LXVI.

тому, оставляя въ сторонѣ главную, кроется въ нѣкоторомъ свойствѣ восточнаго ума, свойствѣ, которое ясноказывается у самаго, быть можетъ, по складу своего ума, восточнаго изъ вселенскихъ отцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ одного изъ самыхъ великихъ вселенскихъ учителей, св. Василя Великаго. По поводу вѣроизложенія, посланнаго имъ римскому епископу (по случаю волненій, возникшихъ на Востокѣ) и которое было ему возвращено, бл. отецъ говоритъ, *что оно тамошнимъ любителямъ точности не показалось достаточно яснымъ*,—не по отношенію къ св. Василию, но въ виду тѣхъ, которымъ это изложеніе предназначалось въ опроверженіе. Любовь къ точности съ одной стороны и пренебреженіе, скажемъ даже, какое-то опасеніе передъ точностью съ другой, лежатъ, быть можетъ, главной причиной не различія вѣроисповѣданія, но вѣроисповѣдной *разни* между Востокомъ и Западомъ. При возрастающемъ безвѣріи нельзя не скорбѣть о томъ, что христіанская мысль, благодаря этой розни, лишена съ одной стороны болѣе чѣмъ когда-либо нужной западной точности, а съ другой—восточнаго созерцательнаго благочестія. Будь Василій Великій среди насъ, онъ бы повторилъ свое мудрое изреченіе: „хорошо иногда уступать привычкамъ противника, чтобы не спорить сверхъ необходимаго“. О необходимомъ должно спорить, спорить же сверхъ должнаго, значитъ ронять необходимое. Чтобы спорить въ мѣру, важно прежде всего уяснить себѣ, что въ чужомъ есть свое же, дабы своего же не сокрушать, нанося удары впотьмахъ, а въ своемъ надо съ искренней любовью къ истинѣ, а не къ себѣ, разобрать, что отъ Церкви и что отъ себя, дабы ничего ей чуждаго не ставить подъ ея святое имя.

ГЛАВА VI.

О церковныхъ обрядахъ.

Указавъ на три догмата, которые стоятъ преградой между Востокомъ и Западомъ, перейдемъ къ церковному благочинію и обрядамъ.

У насъ постоянно выставляется въ неблаговидномъ свѣтѣ, что каждый разъ, когда первосѣдальники обращались къ Востоку для возстановленія единства, они мало удѣляли вниманія вѣроученію и еще меньше обрядамъ, что и приводится въ доказательство того, что чистота исповѣданія и благочестивое соблюденіе обрядовъ имѣютъ въ глазахъ римскихъ епископовъ второстепенное значеніе, лишь бы признавалось ихъ главенство. Дѣло въ томъ, что въ первыя времена іерархическаго разрыва (чтобы не сказать и донинѣ!) Востокъ такъ мало отличался отъ Запада въ смыслѣ ученія вѣры, что исповѣданіе его никакъ не могло считаться препятствіемъ для принятія въ общеніе тѣхъ, которые еще недавно были членами единой вселенской Церкви и которые держались послѣ разрыва того же исповѣданія, что прежде. Что касается обрядовыхъ особенностей, то онѣ никогда не считались нарушающими единство и это съ самыхъ древнихъ временъ; напримѣръ: Фирмилианъ, епископъ Кессаріи Каппадокійской, пишетъ въ 250 году: „обрядовыя измѣненія по различію мѣстъ никогда не нарушали единства Каѳолической Церкви“ ¹⁾.

¹⁾ Посланіе Фирмилиана къ Кипріану карфагенскому.

Въ этомъ отношеніи, какъ и въ отношеніи развитія догмата, косность и упорство всегда составляли удѣлъ нарушителей единства, а никогда учительскаго сонма Церкви. Такъ, св. Василій Великій пишетъ неокессарійскимъ клирикамъ, по случаю упрековъ, взводимыхъ на православныхъ со стороны запятнанныхъ савелліанствомъ: „и если спросить о причинѣ этой (т. е. ихъ) непримиримой войны, то указываютъ на псалмы, на измѣненіе напѣва, какой утвердился у васъ по навыку или на что-нибудь подобное сему, чего надлежало бы имъ стыдиться; (они говорятъ) сего не было при Григоріи Великомъ! ¹⁾ но при немъ не было и молебствій, какія вы совершаете нынѣ!“, и бл. отецъ тутъ же спѣшитъ объяснить, что въ этихъ, только-что введенныхъ молебствіяхъ нѣтъ ничего предосудительнаго и что онъ не упоминаетъ объ нихъ въ обвиненіе неокессарійцевъ, которыхъ и предостерегаетъ противъ измелечанія церковности; „Смотрите, пишетъ св. Василій, не оцѣживайте комара, входя въ тонкія разсужденія о звукѣ голосовъ въ псалмопѣніяхъ!“ ²⁾.

Но намъ теперь именно и предстоитъ заняться *процѣживаніемъ комаровъ*, такъ какъ въ нашихъ обвиненіяхъ противъ латинянъ мы уже дошли до возможной мелочности. Сначала не было такъ; во время перваго (Фотіева) разрыва, упреки, дѣлаемые западной церкви, сводились къ двумъ обвиненіямъ, а именно: включеніе въ символъ объ исхожденіи Св. Духа „и отъ Сына“ и употребленіе опрѣснокъ при совершеніи Тайной Вечери. Насколько первое считалось нарушающимъ смыслъ вѣры, можно убѣдиться изъ того, что церковное единство цѣлыхъ 300 лѣтъ не нарушалось въ силу уяснительныхъ словъ и что по прекращеніи разрыва, состоявшагося будто вслѣдствіе включенія ихъ въ символъ, общеніе возстановилось, несмотря на не-

¹⁾ Григорій Вел. Неокессарійскій, 240—264 г.

²⁾ Св. Василя Посланіе 207 къ клир. неокессар.

отреченіе латинянъ отъ словъ „и отъ Сына“ и на невключеніе ихъ въ символъ со стороны восточныхъ. Что касается употребленія опрѣсноковъ, которое восходитъ къ VI вѣку, то оно также, должно быть, не считалось особеннымъ нечестіемъ, если оно въ теченіи болѣе 300 лѣтъ не подвергалось осужденію строго-бдительной Церкви. Впослѣдствіи вопросъ объ опрѣснокѣхъ подымается, главнымъ образомъ, въ дракахъ сиракузской полу-греко-латинской, полу-африканской черни. Но вотъ, черезъ 180 лѣтъ послѣ перваго разрыва, т. е. въ половинѣ одинадцатаго вѣка, Михаилъ Керулларій насчитываетъ уже (кромѣ словъ „и отъ Сына“) 18 обвинительныхъ пунктовъ. Приведемъ ихъ подъ рядъ.

1) Служать на опрѣснокѣхъ и ѣдятъ ихъ (т. е. причащаются), еже есть жидовски.

2) Духовенство постригаетъ бороды бритвою.

3) Въ св. литургіи одинъ отъ служащихъ, ѣдъ опрѣснокъ, цѣлуетъ прочихъ (которые не причащаются) и которымъ это цѣлованіе служитъ вмѣсто причащенія.

4) Возглашеніе лика: „Единъ Святъ“... произносятся съ прибавленіемъ: „со Святымъ Духомъ“.

5) Измѣнили слово Апостола Павла: „малъ квасъ все смѣшеніе квасить“ въ слово: „малъ квасъ все смѣшеніе тлить“¹⁾.

6) Запрещаютъ жениться дьякамъ, которые хотятъ поставиться въ попы.

7) Позволяютъ двумъ сестрамъ брать замужъ двухъ братьевъ.

8) Епископы носятъ перстни на рукахъ²⁾.

9) Епископы и попы ходятъ на войну.

¹⁾ Приведено будто намѣреннымъ искаженіемъ текста посл. къ Галатамъ V, 9, съ цѣлью оправдать опрѣсноки. Между тѣмъ въ древнихъ спискахъ читается безразлично то «квасить» (ζῆμε) то «тлить» (φείρε). На востокъ случайно установилось первое чтеніе, на западъ—второе.

²⁾ Керулларій выставилъ извѣтомъ то, что этотъ обычай знаменуетъ какъ бы бракъ епископа съ его церковью. Мы не беремся судить, правильнъ-ли такой взглядъ или нѣтъ, знаемъ только, что въ христіанской древ-

10) Постятся въ субботу.

11) Мясопустную и сыропустную недѣлю единою творятъ (вообще постъ во время четыредесятницы соблюдается неправильно).

12) Ъдятъ удавленину и мертвечину.

13) Ъдятъ нечистыхъ животныхъ; между прочимъ черепаху.

14) Черницы ихъ ѣдятъ свиное сало, еже при кожѣ.

15) Не принимаютъ святыхъ и великихъ отецъ нашихъ и учителей Василия Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста (!!!) и ученіе ихъ не имѣютъ высоты ради ихъ и ради труднаго житія ихъ и добродѣтельнаго ¹⁾.

16) Крестятъ въ одно погруженіе, *какъ насъ утѣрили нѣкоторые* ²⁾.

17) Сыплютъ крещенымъ соль въ уста.

18) Не хотятъ мощамъ святыхъ кланяться, а нѣкоторые не кланяются и святымъ иконамъ.

Списокъ погрѣшностей не малый, но нечестіе западныхъ развивается такъ быстро, что чрезъ какихъ-нибудь 50 лѣтъ послѣ Керулларія находимъ *семь* новыхъ обвинительныхъ пунктовъ, а именно:

1) Во время литургіи не творятъ ни малаго ни большого выхода ³⁾.

ности безпрестанно слышно «о вдовствующихъ кафедрахъ». Вдовство, болѣе или менѣе, предполагаетъ бракъ; кромѣ того, достигнувшіе кафедру насильственно называются «нарушителями брачнаго союза».

¹⁾ Не знаемъ, какъ добродѣтель жаждавшихъ правды вселенскихъ учителей помирилась бы съ искренностью Керулларія.

²⁾ Нельзя не удивляться подобному обороту рѣчи со стороны «вселенскаго патріарха», живущаго въ столицѣ, перепутъѣ Европы и Азіи, и въ то время по движенію первомъ городѣ въ мірѣ. «*Какъ насъ утѣрили нѣкоторые*»—прилично развѣ отшельнику, до котораго вѣсти доходятъ чрезъ случайнаго прохожаго.

³⁾ Что обусловлено литургическими чинопослѣдованіями, сакраментаріевъ иже во святыхъ отецъ нашихъ св. Льва Великаго, св. Геласія и св. Григорія Великаго и самимъ устройствомъ западныхъ храмовъ съ древнѣйшихъ временъ.

2) Дозволяютъ брать замужъ двухъ сестеръ (т. е. послѣ смерти первой—вторую) ¹⁾.

3) Епископы ихъ женятся (!) и попове ихъ наложницы имѣютъ и т. д.

4) Ёдятъ медвѣжину и ословъ (!), а попы ихъ въ посты бобровину, говоря что она отъ воды и есть рыба.

5) Ёдятъ съ собаками изъ однихъ сосудовъ; сами поѣвши, остатки въ тѣхъ же сосудахъ ставятъ собакамъ и потомъ опять сами ёдятъ изъ тѣхъ же сосудовъ ²⁾.

6) При крещеніи епископъ и попы не даютъ имя какого-нибудь святаго, но какое имя даетъ мать, въ то имя и крестятъ!

7) Не отличаютъ святаго отъ сквернаго; не чтятъ святаго алтаря болѣе остальной части церкви. Въ задней части церкви ставятъ простой народъ, въ средней честныхъ людей, въ передней еще болѣе честныхъ людей.

Итого уже 25 обвинительныхъ пунктовъ; въ XII вѣкѣ къ нимъ прибавляются еще десять. Читатель, быть можетъ, помнитъ, что первый храмъ, воздвигнутый во имя Пресвятой „*Богородицы*“ — церковь, начатая папой св. Келестиномъ въ ознаменованіе третьяго вселенскаго собора, опредѣлившаго присвоить святой Маріи именованіе „*Богородицы*“. Теперь же читаемъ:

1) Латиняне Пресвятую Владычицу именуютъ св. Маріею, что есть Несторіева ересь.

2) Иконъ не держатъ, а одно Распятіе.

3) При крещеніи плюютъ крещеному въ правую руку и и слюною мажутъ вмѣсто мвра. (!)

¹⁾ Замѣтимъ, что наиправославнѣйшій императоръ Гонорій былъ женатъ на двухъ сестрахъ, императрицахъ Маріи и Термонци, дочеряхъ Стиликана и Селены, родной племянницы императора Феодосія Великаго, отца императоровъ Гонорія и Аркадія.

²⁾ Не знаемъ, на сколько эти пункты важны относительно здраваго ученія и чистоты исповѣданія, но ихъ нельзя не одобрить съ точки зрѣнія чистоплотности.

4) Взрослыхъ мажутъ деревяннымъ масломъ въ оставленіе грѣховъ.

5) Крестьящимся не даютъ имени святаго, но звѣриныя имена! ¹⁾

6) Крестятся пятью перстами.

7) Отъ среды первой недѣли великаго поста до пасхи не поютъ „Аллилуіа“.

8) Говорятъ, что не достоинъ хвалить Бога инымъ языкомъ, кромѣ трехъ: еврейскаго, греческаго и латинскаго.

9) Епископовъ не погребаютъ въ самый день смерти. (!) Мертвецамъ не складываютъ руки крестообразно, но протягиваютъ вдоль, какъ жида. Очи и ноздри затыкаютъ воскомъ.

10) Допускаютъ выдающему дочь замужъ взять сестру жениха въ невѣсты сыну.

Къ таковымъ уже 35 пунктамъ XIII вѣкъ прибавилъ:

1) Латиняне кладутъ мертвыхъ на западъ ногами.

2) Входя въ церковь, припадаютъ лицомъ къ полу и шепчутъ (!), потомъ изображаютъ на полу крестъ и встаютъ, этимъ и кончаютъ.

3) Землю глаголятъ матерью: аще имъ есть земля мать— то отецъ имъ есть небо! ²⁾

Да простятъ намъ длинный списокъ латинскихъ нечестій. Прежде всего не надо ими возмущаться, не надо забывать, что X, XI и XII вѣкъ представляютъ собой самую темную и грубую пору и что ни въ чемъ, быть можетъ, общественный уровень не сказывается такъ ясно, какъ въ проявленіяхъ враждебныхъ чувствъ и ненависти. Вмѣсто того, стало быть, чтобы предаваться неумѣстному негодованію по поводу прочитаннаго, замѣтимъ лучше, что во всѣхъ приведенныхъ обвиненіяхъ ничего не сказано о тѣхъ трехъ глав-

¹⁾ Изъ таковыхъ именъ намъ извѣстно лишь одно: «Левъ».

²⁾ Многіе усматриваютъ нѣчто особенное въ насъ потому, что мы называемъ землю «мать сыра земля». Оказывается, что почитаніе земли «матерью» обще востоку и западу.

ныхъ погрѣшностяхъ, которыя нынѣ ставятся латинянамъ въ вину, а именно: о главенствѣ папы, о безпорочномъ зачатіи и о чистилищѣ. Если при ревности восточныхъ къ отысканію погрѣшностей у латинянъ не упоминается даже о главенствѣ, безпорочномъ зачатіи и очистительномъ огнѣ, значить Востокъ въ то время самъ еще недалеко отъ нихъ ушелъ. Кромѣ того, выставляются обрядовыя особенности при совершеніи таинствъ, но, вопреки даже баснословнымъ заявленіямъ на счетъ послѣднихъ, ни слова не сказано о самомъ ученіи о таинствахъ. Мы дошли въ нашемъ перечнѣ до порога XIV вѣка; западная церковь съ того времени ни въ чемъ не измѣнила своего ученія о таинствахъ, а между тѣмъ у насъ теперь принято говорить, что нѣтъ таинства, котораго смыслъ не былъ бы ею искаженъ. Кромѣ того, по отношенію къ главенству апостольской кафедры, мы перешли отъ изытія себя изъ-подъ ея власти къ отрицанію факта существованія когда-либо этой власти; отъ упрековъ въ недостаточномъ почитаніи Богородицы къ отрицанію безпорочнаго зачатія и отъ признаванія очищенія души посмертными страданіями къ воззрѣніямъ, противорѣчащимъ самому смыслу произносимыхъ нами успокойныхъ молитвъ.

Можно было думать, что при столь измѣнившемся, съ нашей стороны, взглядѣ прекратились мелочныя обвиненія? Нисколько; крупныя народились, мелочныя умножились. Въ доказательство сказаннаго приведемъ нѣкоторые добавочныя обвинительные пункты:

- 1) Въ римской церкви духовенство не вступаетъ въ супружество, вопреки яснымъ словамъ Апостола Павла и *прямоу постановленію перваго никейскаго собора* ¹⁾.
- 2) Солдаты въ церквахъ во время богослуженія стоятъ въ киверахъ.
- 3) Въ алтарь у католиковъ позволяется входить часто

¹⁾ Важность обвиненія не въ давно повторяемой сути упрека, а въ ссылкѣ на первый вселенскій соборъ.

совершенно безъ нужды всякому, даже женщинамъ, которыя и сидятъ въ немъ (!!!) ¹⁾.

4) Крестьянъ слѣва направо.

5) Во время богослуженія сидятъ, не смотря на то, что Спаситель представляетъ своихъ послѣдователей стоящими во время молитвы, и т. д...

Есть еще многое подобное, но нѣтъ силъ продолжать... Спросятъ: Когда же это написано? *Это написано въ 1882 году!* ²⁾ Не такъ писали отцы I и III вѣка и не такъ даже писалъ въ 880-хъ годахъ Фотій, всюду искавшій оправданія своему неправильному посвященію и незаконному возведенію на епископскій престолъ. Разбирать одинъ за другимъ всѣ обвинительные пункты—незачѣмъ, тѣмъ болѣе, что при ихъ теперешнемъ изобиліи—это почти не возможно; на нѣкоторыхъ изъ нихъ стоитъ однако остановиться.

* * *

Послѣднее изъ приведенныхъ обвиненій—сидѣніе во время богослуженія; съ него же и начнемъ. Посмотримъ, что показываетъ намъ Церковь въ этомъ отношеніи.

Въ Апостольскихъ Постановленіяхъ читается: „Если въ то время, какъ вы сидите (въ храмахъ), войдетъ въ него какой-нибудь почтенный и уважаемый по жизни человекъ, чужой или свой... то братья пусть примутъ его чрезъ діаконовъ; если же нѣтъ мѣста, то діаконъ пусть посадить его, пригласивъ уступить мѣсто кого-либо изъ младшихъ“ ³⁾.

¹⁾ Припоминая устройство западныхъ церквей, не понимаешь, что это значитъ.

²⁾ О сказанномъ можно удостовѣриться покупкой книжки «О Римской Католической церкви», сочиненіе протоіерея В. Михайловскаго; цѣна 10 коп., предназначенной для «народныхъ школъ» и въ которой высшіе богословскіе вопросы отданы на обсужденіе малограмотныхъ, а болѣе доступнымъ «процѣживаніемъ комаровъ» вносится вѣроисповѣдная вражда между людьми, призванными Провидѣніемъ жить подъ одной державной властью и подъ дѣйствіемъ законовъ, справедливо карающихъ всякія попытки къ возстановленію жителей другъ противъ друга.

³⁾ Ап. Пост. II, 58.

Изъ чина литургіи Апостольской видно, что всѣ сидѣли, даже оглашенные, ибо сказано, что при чтеніи св. Писанія, особенно Евангелія, „всѣ вставали“, а диаконъ возглашалъ передъ этимъ чтеніемъ: „встаньте оглашенные!“ Точно также въ литургіи св. ев. Марка есть возгласъ передъ освященіемъ даровъ: „Сидящіе встаньте!“ Въ Апостольскихъ Постановленіяхъ читаемъ: „По распоряженію диаконовъ пусть сидятъ міряне съ полнымъ безмолвіемъ и благочестіемъ, женщины... также пусть сидятъ, соблюдая молчаніе“ ¹⁾. Въ 315 г., при возобновленіи храма въ городѣ Тирѣ, послѣ ужасовъ послѣдняго языческаго гоненія, Евсевій Памфилъ, въ словѣ своемъ въ день освященія новой церкви, восхваляя великолѣпіе зданія, указываетъ, между прочимъ, на рядъ сидѣній, устроенныхъ вокругъ всего храма ²⁾.

О сидѣніи въ церквахъ пусть справятся въ бесѣдахъ Іоанна Златоуста, также въ житіѣ св. Андрея Юродиваго. Вошедши разъ въ церковь съ ученикомъ своимъ, юношей знатнаго рода, св. Андрей, какъ одинъ изъ бѣдныхъ, сѣлъ на полу, а юноша на скамейку ³⁾. Наконецъ, еслибъ даже стасидіи въ греческихъ и восточныхъ церквахъ не служили до нынѣ доказательствомъ сидѣнія мірянъ во время богослуженія, то существованіе каѳисмъ и акаѳистовъ ⁴⁾ было бы само собой достаточнымъ на то указаніемъ.

Сидѣніе въ церкви не представляетъ, стало-быть, ничего дурного (или по крайней мѣрѣ новаго); тѣмъ не менѣе въ подтвержденіе того, что это преступно, потому будто, что Спаситель представляетъ своихъ послѣдователей *стоящими* во время молитвы, указывается на 15 стихъ XI главы Евангелія отъ Матѳея, который читается: „*Иисусъ вошедъ въ храмъ, началъ выгонять продающихъ и покупающихъ и столы мѣншниковъ и скамьи продающихъ голубей опрокинулъ*“. Текстъ выбранъ

¹⁾ Тамъ же, II, 57.

²⁾ *Евс. Памф.*, Церк. Исторія X, 4.

³⁾ *Acta SS.* за май мѣсяцъ, VI, 46.

⁴⁾ Т. е. *стѣдальныхъ и нестѣдальныхъ* молитвъ.

крайне неудачно, потому что ничего общаго нѣтъ между приспособленіями торговли и сидѣніями, предусмотрѣнными для человѣческой немощи. Что сказали бы мы, если бы противъ нашего упорнаго стоянія и порицанія сидѣнія приводились евангельскія слова: „*Не буди якоже лицемѣры, яко любятъ въ сонмищахъ и въ стоинахъ путей стояще молитися*“¹⁾.

Приходится слышать и такія заявленія: „Западные уничтожили иконостасы, допускаютъ въ церквахъ изваянныя изображенія, имѣютъ водосвятельни, въ которыя каждый, при входѣ въ церковь, омачиваетъ пальцы, чтобы потомъ перекреститься мокрой рукой“. Христіанская древность иконостасовъ не знала, и православный Востокъ до сихъ поръ не знаетъ глухихъ иконостасовъ, перешедшихъ къ намъ длиннымъ (и довольно страннымъ) путемъ отъ африканскихъ евтихіанъ и діоскоритовъ и месопотамскихъ несторіанъ. Въ древности алтарь занималъ средину храма, окруженный невысокой рѣшеткой, какъ большей частью донинѣ главный алтарь въ католическихъ церквахъ. Нельзя здѣсь вдаваться въ описаніе устройства древне-христіанскихъ храмовъ, на что имѣются сотни изданій по исторіи архитектуры; скажемъ только, что въ самой Россіи глухіе иконостасы не восходятъ дальше конца XVI вѣка.

Что касается статуй и вообще изваянныхъ изображеній, которымъ воздавалось почитаніе, то исторія иконоборства достаточно показываетъ, что почитаніе изваяній не было въ древности чуждо Церкви, и седьмой вселенскій соборъ въ своей защитѣ святыхъ иконъ (т. е. изображеній) особенно ссылается на чудотворную силу перваго, вышедшаго изъ человѣческихъ рукъ, изображенія Спасителя, статуи, воздвигнутой въ честь Іисуса Христа кровоточивой женщиной,

¹⁾ Матѳ. VI, 5. Замѣтимъ кстати, что въ русскомъ переводѣ этотъ стихъ передается: «Не будь какъ лицемѣры, которые любятъ въ синагогахъ и на углахъ улицъ *останавливаясь* молиться». Греческій текстъ читается: »Ἐστὼτες *πρὸς ἄνθρωπον*» т. е. «стоя молиться», какъ со всей точностью передается славянскимъ переводомъ.

по возвращеніи въ свой родной городъ, послѣ чудеснаго исцѣленія. И вселенскіе отцы, восхваляя женщину за то, что истративъ почти все богатство на врачей, она принесла остатки имущества Христу, заключаютъ, что, если она принесла Богу изваянную икону, то и пишушіе иконы также могутъ ихъ приносить въ даръ и что на украшеніе церквей Божіихъ *должны быть* принимаемы приношенія и живописцевъ и всѣхъ другихъ художниковъ. Итакъ выходитъ, что Церковь такъ мало осуждала изваянныя изображенія, что она узаконила писанныя иконы на основаніи изваянныхъ. Кромѣ того извѣстно, что статуя Апостола Петра въ Римѣ, которая въ половинѣ пятаго вѣка считалась давно почитаемой, папой Львомъ Великимъ водворена съ церковнаго притвора въ самую церковь св. Петра ¹⁾.

Что касается водосвятиленъ, то онѣ восходятъ до глубокой древности и сохранились на востокѣ до конца десятаго вѣка, о чемъ еще свидѣтельствуютъ давно засохшія мраморныя чаши въ бывшихъ церквахъ, нынѣ обращенныхъ въ мечети ²⁾. Вообще, въ томъ, что касается внутренняго устройства храма, церковной утвари, облаченія священнослужителей и т. д., древность сохранилась въ одномъ на западѣ, въ другомъ на востокѣ, въ чемъ можно убѣдиться по византійскимъ памятникамъ V и VI вѣка, по стѣнописямъ катакомбъ и т. д. Напримѣръ рипиды, которыя у насъ металлическія, на западѣ до нынѣ дѣлаются изъ перьевъ, кожи или матеріи, какъ это было въ древности; богослужебная одежда клириковъ, состоящая изъ короткой полотняной фелони, соотвѣтствующей древнему „*камиссионъ*“, на

¹⁾ Для ознакомленія съ предметами искусствъ, пожертвованными съ IV до IX вѣка въ разныя церкви восточными православными самодержцами, императрицами и другими лицами, можно обратиться къ извѣстному сочиненію Аженкюра «Исторія искусствъ», гдѣ въ концѣ 1-го тома находится имѣ подробный списокъ; убѣдятся, что изваянныхъ предметовъ не мало было между ними.

²⁾ На Аеонѣ водосвятильни до нынѣ въ употребленіи.

востокъ вышла изъ употребленія, на западѣ сохранилась повсемѣстно, и т. д.

* * *

Относительно ношенія волосъ и бороды, въ седьмой (?) главѣ Апостольскихъ Постановленій читается: „Не стричь волосъ на бородѣ и не носить длинныхъ волосъ“. Касательно сего предмета Востокъ и Западъ будто подѣлились поровну соблюденіемъ и нарушеніемъ старины; однако нельзя не замѣтить, что о бородѣ мало что встрѣчается у отцевъ, между тѣмъ какъ ношеніе длинныхъ волосъ постоянно ими порицается. Василій Великій, бл. Иеронимъ ратуютъ противъ нихъ; св. Епифаній Кипрскій ставитъ ихъ въ вину месопотамскимъ пустынникамъ, говоря, что отращиваніе волосъ „чуждо каѳолической Церкви и апостольскому преданію“¹⁾; въ трулльскихъ правилахъ, несоблюденіе которыхъ ставится въ тяжелый грѣхъ западной церкви, читается: „Относительно такъ называемыхъ пустынниковъ, которые въ черныхъ одеждахъ и съ отрошенными волосами ходятъ... опредѣляемъ, если они рѣшатся, постригши волосы, принять образъ прочихъ монаховъ, то помѣщать ихъ въ монастырь и причислять къ братіи“. По другому правилу пято-шестого собора видно, что отращиваніе волосъ налагалось клиру въ наказаніе²⁾.

Въ первыхъ вѣкахъ христіанства епископы, пресвитеры, діаконы, всѣ вообще духовные носили волосы такъ, какъ изображено въ римскихъ катакомбахъ и на византійскихъ мозаикахъ, т. е. волосы обстригались вѣнцеобразно (какъ до нынѣ у францисканцевъ и другихъ западныхъ монаховъ), на верхней же части головы былъ чисто выбритый кругъ, какъ до нынѣ у всѣхъ безъ исключенія западныхъ клири-

¹⁾ *Епифаній Кипрскій*, Противъ Массалианъ гл. 6.

²⁾ Трулльскія правила 21 и 42. Отращиваніе волосъ, какъ наказаніе для лицъ духовнаго званія, сохранилось въ Россіи по крайней мѣрѣ до половины XV вѣка. См. Собр. Лѣт. IV, 27 «1-ая Псковская Лѣтопись».

ковъ, къ какой бы степени они ни принадлежали. Такое остриженіе называлось „*въницомъ*“, а выбритый верхъ, который считался собственно признакомъ духовнаго званія и совершался уже при посвященіи въ первую степень, назывался „*знакомъ священства*“ ¹⁾. Лица духовнаго званія всѣхъ степеней покрывали его скадіей, плотно облегавшей выбритый верхъ головы; скадія ²⁾ исчезла съ востока, на западѣ же сохранилась. Нельзя не согласиться, что какія бы ни были обрядовыя отступленія западныхъ, остриженіе волосъ у нихъ во всякомъ случаѣ ближе къ древнему обычаю, чѣмъ отращиваніе волосъ нашего духовенства. Что касается бороды (будь оно даже преступнымъ), оно по крайней мѣрѣ никогда не считалось позорнымъ знакомъ, какъ ношеніе длинныхъ волосъ, которое, въ силу своего неприличія, вмѣнялось духовенству въ наказаніе, ибо написано: „*Если мужъ раститъ волосы, то это безчестіе для него*“ ³⁾.

*
* * *

Перейдемъ къ безбрачію духовенства. Въ этомъ вопросѣ, какъ и во всемъ, если разсуждать по-человѣчески, можетъ быть многое „за“ и многое „противъ“, но коль скоро что либо порицается или восхваляется отъ имени Церкви, необходимо послушать, что она сама говоритъ, дабы ничего ей чуждаго не ставить подъ ея высокое имя.

О томъ, что брачный союзъ не считался препятствіемъ для поступленія въ клиръ, нечего распространяться; но между *допущеніемъ* женатыхъ священниковъ и *обязательнымъ бракомъ* есть, по меньшей мѣрѣ, такое же разстояніе, какъ между отдаваніемъ предпочтенія безбрачію и безусловно обязательнымъ его соблюденіемъ.

Выше сказано было, что въ доказательство незаконности

¹⁾ «Κληρικὸν σῦνρα» этотъ «знакъ священства» назывался въ нашемъ проstonародѣ «*поповымъ гугенцемъ*» и удержался до половины XVII вѣка.

²⁾ «Скадія» имѣетъ видъ небольшой ермолки.

³⁾ 1 Коринѣ. XI, 14.

безбрачія говориться, що западне духовенство не вступаєть въ бракъ, вопреки яснымъ словамъ Апостола Павла, а именно: „Епископъ долженъ бытъ непороченъ, одной жены мужъ, трезвъ... Діаконъ долженъ бытъ мужемъ одной жены“ ¹⁾. На это сдѣлаемъ два замѣчанія; во-первыхъ: если усматривать въ словахъ Апостола воспрещеніе безбрачія, то восточная церковь, не допуская женатыхъ епископовъ, до нѣкоторой степени причастна грѣху западной церкви; во-вторыхъ, отеческія творенія доказываютъ, что никто никогда не усматривалъ въ приведенныхъ словахъ яснаго указанія противъ безбрачія, и по толкованію Церкви, слова: „епископъ долженъ бытъ мужемъ одной жены“ (и то же самое о діаконѣ), относятся къ единобрачію, т. е. имѣють въ виду не обязательный бракъ, а ограниченіе права бракосочетанія. Извѣстно, „что въ Церкви, какъ и во всемъ, не все устроилось сразу“, тѣмъ не менѣе весьма скоро установился обычай отдавать предпочтеніе безбрачію, согласно словамъ Апостола Павла: „Не женатый заботится о Господнемъ, какъ угодно Господу“, а „женатый заботится о мірскомъ, какъ угодно женѣ“ ²⁾, и въ третьемъ и въ четвертомъ вѣкѣ духовенство на востокѣ, какъ на западѣ, состояло преимущественно изъ безбрачниковъ. „Въ священство, говоритъ св. Епифаній Кипрскій, вступають по большей части изъ дѣвственниковъ, а если не изъ нихъ, то изъ монашествующихъ, или изъ воздерженниковъ отъ собственныхъ женъ, или овдовѣвшихъ послѣ единобрачія“ ³⁾ и самъ такъ писавшій держался въ подвластной ему церкви посвященія однихъ безбрачниковъ, что ему ставится не въ упрекъ, а въ заслугу, ибо *бы видѣти церковь его якоже красную невесту украшенную чистыми служителями* ⁴⁾. О предпочтеніи, которое Востокъ всегда отдавалъ безбрачію лицъ духовнаго званія, свидѣтельствуютъ Григорій Богословъ, Василиій Великій,

¹⁾ 1 Тим. III, 2, 12.

²⁾ 1 Коринѣ. VII, 32, 33.

³⁾ Епифаній Кипр., Краткое изложеніе вѣры, гл. 21.

⁴⁾ Чет.-Минеи 12-го мая, память Епифанія Кипрскаго.

Іоаннъ Златоустъ, всѣ вообще отцы и учителя, и крайнія сужденія бл. Іеронима, бывшаго ученика св. Григорія Бого- слова, доказываютъ то же самое. Что касается Запада, то ельвирскій соборъ (306 г.) постановилъ безбрачіе для пре- свитеровъ, діаконовъ и иподіаконовъ; то же самое повто- ряютъ 3, 4, 34 и 91 карфагенскія правила; наконецъ, самъ трулльскій соборъ, общій *исправитель* всего того, что не было любо византійцамъ, свидѣтельствуесть объ узаконеніи безбрачія въ западной церкви.

Однако намъ преподаютъ, что таковой обычай устано- вился на западѣ „*вопреки прямому постановленію перваго вселен- скаго собора*“. Подобное завѣреніе даетъ право заключить, что въ числѣ никейскихъ каноновъ есть канонъ, прямо по- велѣвающій бракъ или осуждающій безбрачіе или, что за неимѣніемъ прямого письменнаго о томъ свидѣтельства, со- хранилось, по крайней мѣрѣ, преданіе и дошли какія-либо извѣстія о таковомъ постановленіи, какъ напр. о постано- вленіи относительно празднованія пасхи. Изъ двадцати ни- кейскихъ каноновъ одинъ только касается домашняго быта священниковъ, а именно 3-й, который гласить: „Великій соборъ рѣшительно опредѣлилъ, чтобы ни епископу, ни пресвитеру, ни діакону и вообще ни кому изъ состоя- щихъ въ клирѣ не дозволялось имѣть въ домѣ сожитель- ствующую женщину, исключая развѣ мать или сестру, или тетку, или такія лица, которыя свободны отъ всякаго подозрѣнія. Поступающій вопреки сему правилу подвергается опасности лишенія сана“ ¹⁾.

О данномъ вопросѣ ни въ канонахъ, ни въ сохранив- шихся извѣстіяхъ о никейскомъ соборѣ, *ничего другаго нѣтъ*. Навязывать никейскимъ канонамъ то, чего въ нихъ нѣтъ, значитъ разсчитывать съ нашей стороны не только на не- вѣжество, доходящее до безграмотности, но еще на отчужденіе отъ Церкви, превышающее даже наше къ ней охладѣніе.

¹⁾ Въ рус. изд. Дѣян. Всел. Соб. I, 162—163.

Если мы нигдѣ не находимъ ни прямого постановленія о бракѣ, ни даже косвеннаго порицанія безбрачія (за исключеніемъ трульскихъ правилъ), мы за то встрѣчаемъ въ Церкви нѣчто другое, а именно: прямое, положительное и постоянное осужденіе всякой попытки къ образованію наслѣдственнаго духовнаго сословія. Апостольскія правила говорятъ: „Не должно Церковь Божию подѣ власть наслѣдниковъ поставляти. Аще же кто сіе сотворитъ, постановленіе да будетъ недѣйствительно, самъ же отлученіемъ наказанъ да будетъ“ ¹⁾. Церковь всегда оставалась вѣрна духу сего правила, и самъ пято-шестой соборъ заявляетъ: „Такъ какъ мы узнали, что въ Армянской странѣ производятся въ клиръ только происходящіе изъ священническаго рода, въ чемъ отважившіеся такъ дѣлать слѣдуютъ іудейскимъ обычаямъ.... то опредѣляемъ, чтобы отнынѣ не было позволено желающимъ производить кого-либо въ клиръ обращать вниманіе на родъ производимаго.... пусть производятъ ихъ (т. е. священниковъ) *по церковному*, не смотря на то, произошли ли они отъ священныхъ предковъ или нѣтъ“ ²⁾.

Можно не возмущаться ни образованіемъ въ Россіи, вопреки прямымъ постановленіямъ Церкви, духовнаго сословія и отдачей приходоу въ приданое, ни обязательнымъ безбрачіемъ западнаго духовенства, вопреки всегда дозволенному на Востокѣ браку, но постоянное и завѣдомое искаженіе правды въ области „утвержденія истины“ не легко переносить, потому что этого переносить не должно.

*
* * *

Перейдемъ къ субботнему посту. Въ нашемъ ратоборствѣ противъ Запада все направлено къ одному — доказать несостоятельность „папскихъ притязаній“; между тѣмъ въ порицаніи субботняго поста выставляется, что папа Сильвестръ „устави да въ едину токмо субботу поститься, въ

¹⁾ Апост. правило 70.

²⁾ Трульское правило 33.

нею же Христосъ сниде во адъ... въ прочія же субботы поститься запрети“¹⁾.)—Насколько достовѣрно такое установленіе по церковному благочинію со стороны папы Сильвестра, мы не беремъ изслѣдовать; но во всякомъ случаѣ извѣстно, что въ половинѣ четвертаго вѣка африканскія церкви держались субботняго поста, и, когда бл. Моника, живя въ Миланѣ, проводила дни и ночи въ слезахъ и молитвѣ объ обращеніи сына и, въ своихъ подвигахъ благочестія, держась на чужбинѣ обычаевъ родины, постилась по субботамъ, св. Амвросій замѣтилъ ей, что, пока она въ Италіи, гдѣ не принято поститься въ этотъ день, пусть и она, подчиняясь мѣстному обычаю, оставитъ субботній постъ до возвращенія своего въ Африку. Совѣтъ блаженнаго отца нисколько не отзывается осужденіемъ африканскаго обычая, а лишь подтверждаетъ сказанное за 135 лѣтъ Фирмилианомъ кессарійскимъ, что обрядовыя измѣненія ничѣмъ не нарушаютъ единства вселенской Церкви.

И вотъ еще доказательство того же. Въ 390 г. два уроженца запада, Германъ и Іоаннъ Кассіанъ²⁾, отправились изъ палестинскаго монастыря, гдѣ они приняли иночество, въ Египетъ для усовершенствованія въ духовной жизни подъ руководствомъ нитрійскихъ угодниковъ. Обратившись къ одному изъ нихъ, Аввѣ Феонѣ, особенно прославленному святостью жизни и знаніемъ церковнаго преданія, они спросили у него, почему четыредесятница продолжается шесть недѣль на западѣ, семь недѣль на востокѣ, между тѣмъ какъ ни то, ни другое число недѣль (за исключеніемъ воскресныхъ и субботнихъ дней) не составляетъ сорока дней, ибо въ этихъ недѣляхъ постныхъ дней только 36? На этотъ вопросъ благочестивыхъ своихъ слушателей, человекъ Божій

¹⁾ Чет.-Минеи 2-го января, память св. Сильвестра папы.

²⁾ Первый—уроженецъ южной Галліи, второй хоть и прозванъ «римляниномъ», по нѣкоторымъ извѣстіямъ, быть можетъ, родомъ изъ Марсели. Впослѣдствіи оба поступили въ константинопольскій клиръ и оба извѣстны своей преданностью Іоанну Златоусту.

отвѣтилъ, что онъ разрѣшить ихъ недоумѣніе, „хотя многіе, по благочестивой простотѣ, совсѣмъ не спрашиваютъ объ этомъ“. И сказавъ такъ, Авва Феона началъ поучать: „Было предписано посвящать Богу начатки и десятую часть всѣхъ плодовъ.... Тѣмъ болѣе мы обязаны посвятить Ему десятую часть изъ жизни нашей, дѣлъ и приобрѣтеній. Эту десятую часть и составляютъ 36^{1/2} дней, а въ семи недѣляхъ, за исключеніемъ воскресныхъ дней и субботъ, постныхъ дней 35; прибавляя къ нимъ великую субботу, въ которую постъ продолжается до пѣнія пѣтуховъ и половину ночи до свѣта свѣтлаго дня, то совершенно исполнится постныхъ 36^{1/2} дней. И такое основаніе и образъ поста всюду одинаковы, потому что четырехдесятница продолжается шесть недѣль у западныхъ, кои думаютъ, что нужно поститься и въ субботу, чѣмъ восполняется для нихъ число 36 постныхъ дней“ ¹⁾. Тотъ, у кого будущіе сострадалцы Іоанна Златоуста получили, принадлежалъ къ числу благодатныхъ душъ, успокоенныхъ созерцаніемъ истины, потому что онѣ поражены тою скорбью, которая производитъ неизмѣнное покаяніе. И вотъ древній пустынный, полъ вѣка не защищавшій голову отъ палящаго нитрійскаго солнца, не знавшій другого овра, кромѣ выступовъ пещерной скалы, и который по ночамъ созерцалъ духомъ выше черты звѣзднаго блистанія, не нашелъ въ этой дальней высотѣ никакихъ указаній къ порицанію субботняго поста и говорить о немъ такъ просто, какъ человѣкъ, которому чуждо всякое измелъчаніе.

Въ привезенныхъ Кассіаномъ съ востока правилахъ общежительныхъ монастырей, которыя онъ послѣ кончины Златоуста, вернувшись на родину, сообщилъ аптскому епископу (желавшему устроить монастыри своей области по восточному образцу), мы читаемъ по поводу ночныхъ бдѣній, что совершать ихъ въ субботній вечеръ на востокѣ опре-

¹⁾ Писанія преп. отца Іоанна Кассіана, 1-ое собесѣд. Аввы Феоны, гл. 24, 25, 27.

дѣлено еще съ начала вѣры христіанской въ подражаніе Апостоловъ, которые, послѣ того какъ Господь былъ распятъ въ вечеръ пятка, бодрствовали, а по причинѣ бдѣнія мужи апостольскіе, въ уваженіе къ трудамъ бдѣнія, положили не поститься. „Такимъ образомъ, поясняетъ Кассіанъ, сіе разрѣшеніе поста ничуть не доказываетъ сообщеніе съ іудеями въ празднествѣ, но оно необходимо для подкрѣпленія утомленнаго тѣла“. Дальше преподобный объясняетъ, что по мнѣнію западныхъ постъ въ субботу не должно разрѣшать, „потому что будто Апостоль Петръ въ субботу, готовясь вступить въ борьбу съ Симономъ Волхвомъ, постился въ сей день“. Итакъ, вотъ что обратилось въ поводъ къ несогласію! Воспоминаніе бдѣнія той ночи, когда тайные друзья Распятаго, принесли кто пелены, кто смирну и алой, положили Его въ новый гробъ, и бдѣніе той ночи, когда первый произнесшій слова истины „Ты Христось Сынъ Бога живаго!“ готовился молитвой и постомъ къ пораженію лукаваго произнесеніемъ перваго отлученія отъ Церкви ¹⁾).

Если мы не ошибаемся, колѣнопреклоненіе во время пятидесятницы тоже считается новизной. Однако воздержаніе отъ колѣнопреклоненія со дня пасхи до дня сошествія Св. Духа въ концѣ четвертаго вѣка было неизвѣстно во многихъ мѣстахъ востока, и палестинскіе монахи, пріѣзжавшіе въ Египеть, съ набожной любознательностью просили отшельниковъ посвятить ихъ въ причину и значеніе соблюдаемаго ими обычая, что всегда съ любовью исполнялось отцами пустыни, безъ малѣйшаго порицанія палестинскихъ

¹⁾ Преподобный Кассіанъ, однако, видимо предпочитаетъ восточный обычай; упомянувъ о происхожденіи субботняго поста, тутъ же прибавляетъ, что «самая причина, по которой постился Апостоль Петръ, показываетъ, что онъ постился по требованію обстоятельство; почему постъ его былъ особенный, единократный, а не общій, не постоянный; онъ сталъ бы поститься и въ воскресный день, если бы ему привелось вступить въ борьбу въ этотъ день». См. Писан. Іоан. Кас. о правилахъ общежит. монаст. гл. III, 9 и 10.

христіанъ за то, что они не прекращали колѣнопреклоненія во время пятидесятницы.

* * *

Таинство крещенія въ древности совершалось тройко: *погруженіемъ, обливаніемъ и кропленіемъ.*

Первоначально крестили троекратнымъ обливаніемъ головы человѣка, стоявшаго въ водѣ; затѣмъ установилось на востокѣ погруженіе человѣка съ головой, а на западѣ обливаніе головы человѣка, не стоявшаго въ водѣ. *Кропленіе* совершалось лишь надъ больными, отчего такимъ способомъ крещеные назывались „*клиниками*“; самый же этотъ способъ не считался вполнѣ правильнымъ, допускался лишь въ крайнихъ случаяхъ, и по 12-му правилу неокессарійскаго собора (314 г.) *клиникъ* допускался къ священному сану только подъ извѣстными условіями. У насъ, дабы не оставить ничего западнаго безъ порицанія, принято все, относящееся къ *кропленію*, относить къ *обливанію* и выставляется, что въ силу Апостольскихъ правилъ, совершавшій св. Крещеніе не тремя погруженіями, подвергается изверженію. Совершенно вѣрно; правила гласятъ: „Аще кто, епископъ или пресвитеръ, креститъ не по Господню учрежденію, во Отца и Сына и Св. Духа, но въ *трехъ Безначальныхъ*, или *трехъ Сыновъ*, или въ *трехъ Утѣшителей*, да будетъ изверженъ. Аще кто совершитъ не три погруженія единого тайнодѣйствія, но едино погруженіе, *даемое въ смерть Господню*, да будетъ изверженъ. Ибо не рекъ Господь: во смерть Мою крестите, но: шедше, научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Св. Духа“¹⁾. Въ этихъ двухъ правилахъ усматривается: въ первомъ—отступленіе отъ вѣры при совершеніи таинства однимъ и тѣмъ же способомъ, во второмъ—опять-таки не нарушеніе обряда въ смыслѣ обрядоваго измѣненія, но зломысленное ученіе, благодаря которому крестили въ одно погруженіе. Извѣстно, что обливаніе не только всегда допускалось

¹⁾ Апостол. правило 49.

самимъ Востокомъ, какъ мѣра предосторожности для младенцевъ или въ видѣ исключенія для взрослыхъ, о чемъ свидѣтельствуется, между прочимъ, постановленіе константинопольскаго собора 1301 г. о крещеніи татаръ ¹⁾, но еще считалось въ древности вполне правильнымъ крещеніемъ, что уже доказывается тѣмъ, что самъ Кипріанъ Карфагенскій, такъ упорно державшійся мнѣнія африканскихъ церквей о перекрещиваніи *всѣхъ* безъ исключенія еретиковъ, изъ коихъ иные совершали крещеніе тремя погруженіями, написалъ трактатъ о томъ, что обливаніе равносильно погруженію, чѣмъ подтверждается сказанное нами, что запрещенія Апостольскихъ правилъ относятся не къ обряду, соблюдаемому при совершеніи таинства, а къ смыслу, присоединяемому къ ученію вѣры при совершеніи таинства, хотя бы установленнымъ обрядомъ. Наконецъ, обливаніе никогда не подвергалось порицанію Церкви, тогда какъ повтореніе таинства св. крещенія, совершеннаго чѣмъ-либо, католически исповѣдующимъ Пресвятую Троицу и тайну вочеловѣченія Спасителя, постоянно подвергалось осужденію Церкви, что не мѣшаетъ константинопольской церкви перекрещивать безъ разбора всѣхъ, изъ какого либо исповѣданія поступающихъ въ ея „вселенское“ лоно.

* * *

Совершеніе таинства муропомазанія одними епископами и не одновременно съ крещеніемъ также выставляется отступленіемъ отъ древняго обычая. На востокѣ муропомазаніе одними епископами было бы дѣйствительно нововведеніемъ, потому что съ древнѣйшихъ временъ пресвитеры пользовались на востокѣ правомъ запечатлѣвать печатью Духа Святаго. На западѣ, напротивъ, съ первой поры христіанской проповѣди муропомазаніе совершалось, если не исключительно, то преимущественно епископами, о чемъ свидѣ-

¹⁾ Правило читается: «За неимѣніемъ большаго сосуда и если не встрѣтятся ни рѣки, ни озера, гдѣ бы можно было погрузить, то облить трижды произнося: Во имя Отца и Сына и Св. Духа».

тельствуетъ между прочимъ повѣствованіе Евсевія о Новатѣ, крещенномъ кропленіемъ во время болѣзни и о которомъ онъ пишетъ, что „онъ не сподобился, по выздоровленіи, прочаго, чего по уставу Церкви сподобиться долженъ былъ, т. е. не запечатлѣнъ епископомъ“ ¹⁾, иначе сказать, не муропомазанъ. Стало-быть, въ началѣ четвертаго вѣка по уставу муромъ запечатлѣвалъ епископъ, если не повсемѣстно, то по крайней мѣрѣ на западѣ, гдѣ находился Новатъ ²⁾. Еслибъ таковой обычай считался во времена Евсевія нововведеніемъ противъ обычаевъ третьяго вѣка, то точный и словоохотливый историкъ не преминулъ бы упомянуть о томъ, повѣствуя о событіи, случившемся въ 252 г.

Изъ житія св. мученицы Сусанны видно, что папа самъ совершалъ таинство муропомазанія, и то же дѣлали его преемники, о чемъ читается въ надписи четвертаго вѣка надъ епископской каедрой римской крещальни: „На семь мѣстѣ десница верховнаго пастыря запечатлѣваетъ невинныхъ овецъ, омытыхъ святою струею. Возрожденный водой! приступи сюда, куда зоветъ тебя Духъ Святой для пріятія Его даровъ“. Другая надпись петровой крещальни, дошедшая до насъ въ кодексѣ пятаго вѣка, гласитъ: „Здѣсь источникъ жизни вѣчной, здѣсь источникъ единой вѣры, ея смерть упразднена! Здѣсь Божія купель, въ ней же утверждаются сердца! Пока вода купели той течетъ по браннымъ членамъ человѣка, умъ его силой и крѣпостью осѣняется ея святою струей. Двойною силою облекъ Господь сѣдалище Петра, его же Онъ содѣлалъ путемъ къ небу, ему же препоручилъ царства вѣчнаго врата“ ³⁾! Въ пятомъ вѣкѣ

¹⁾ Евсевій, Церк. Ист. VI, 43.

²⁾ Впрочемъ, до XI вѣка встрѣчаются на западѣ случаи совершенія муропомазанія священниками (*Прим. автора*). Привиллегія муропомазывать дается папами простымъ священникамъ и по настоящее время во многихъ странахъ, гдѣ посѣщеніе паствы епископомъ оказывается не удобнымъ или затруднительнымъ (*Прим. издателя*).

³⁾ «Verdun'скій» кодексъ.

св. Евнодій павійскій, олицетворяя Римъ, восклицаетъ отъ имени города: „Смотрите и видите! се грядутъ изъ священнаго притвора бѣлооблаченные, стремясь къ сѣдалищу епископа у „исповѣди“ Петра, гдѣ среди слезъ умиленія и радости, преподадутся имъ дары Духа Святаго!“ Въ 689 г. папа Сергій I, въ память крещенія Кедвалы, царя Вестъ-Саксовъ, поставилъ слѣдующую надпись въ петровскомъ соборѣ: „Царь Кедвала, сильный въ браняхъ, любовію къ Богу побуждаемый, покинулъ все, дабы узрѣть каѳедру верховнаго Петра и у источника ея омыться очищающей водой“. Что касается времени, установленнаго для совершенія муропомазанія, оно въ древности не полагалось непосредственно за крещеніемъ, а въ 1113 г. ревностный византиецъ, Іоаннъ Фурнъ, описывая видоизмѣненія обрядовъ, говоритъ, что въ древности крещеніе совершалось посредствомъ воды „а теперь“ сопровождается помазаніемъ отъ елея „и муропомазаніемъ“ ¹⁾. Обычай, объявленный *древнимъ* въ XII вѣкѣ, можетъ послѣдующими вѣками считаться „устарѣлымъ“, но никоимъ образомъ „отступленіемъ отъ старины“ ²⁾.

*
* * *

Латиняне крестятся слѣва направо! Мы вполнѣ убѣждены, что для христіанина важно прежде всего не уходить ни направо, ни налево отъ креста, на него наложеннаго Провидѣніемъ. Тѣмъ не менѣе понятно, что какой-нибудь порядокъ долженъ былъ установиться для совершенія надъ собой знака спасенія. Естественнo, что съ самаго начала, при

¹⁾ Іоаннъ Фурнъ, Посланіе монаху Григорію съ острова Антигоны.

²⁾ Что касается неприобщенія дѣтей въ западной церкви, можно пожалуй допустить, что оно не лишено нѣкотораго основанія, ибо отцы получаютъ, что приобщающіеся безъ разумѣнія не получаютъ отъ сего пользы (о чемъ заявляетъ, между прочимъ, св. Вас. Вел. въ Нравствен. Правилахъ, XXI, 2). Ничего подобнаго, однако, не высказано отцами по отношенію къ св. крещенію, чѣмъ, быть можетъ, доказывается, что при преподаваніи св. Евхаристіи вѣра одного человѣка не можетъ восполнить отсутствіе вѣры другого, какъ при крещеніи вѣра воспріемниковъ считается дѣйственной только для крещаемаго.

начертаніи поперечника креста, вѣрующіе должны были отдавать предпочтеніе почетной сторонѣ, т. е. съ нея начать знаменованіе. Въ древности таковой считалась на востокѣ правая сторона, на западѣ—лѣвая; вотъ почему между восточными утвердился обычай креститься справа налево, а между западными удержалась привычка креститься слѣва направо.

Порицается также знаменованіе крестомъ лба и рта; однако оно весьма древне и не западнаго, а чисто восточнаго происхожденія. Въ чиноположеніи апостольской литургіи, въ описаніи дѣйствія передъ концомъ литургіи оглашенныхъ, читается: „Тогда (пресвитеръ) пусть станетъ передъ жертвенникомъ и дѣлавъ рукою на челѣ знаменіе креста, пусть скажетъ... и т. д.“ Въ чинопослѣдованіи греческой литургіи Апостола Іакова (считающейся, кажется, самой древней) читается: „Священникъ сказавъ... *опять знаменуетъ уста трижды*, говоря: Господи отверзи уста...“ Наконецъ, въ повѣствованіи честной кончины св. Игнатія (23-го октября 878 г.) читаемъ: „Около полуночи патріархъ, *перекрестивъ уста*, спросилъ слабымъ голосомъ у діакона, читавшаго около него молитвы, какого святаго нынѣ память? и т. д.“¹⁾ О знаменованіи лба Іоаннъ Златоустъ говоритъ: „Ему (т. е. кресту) мы какъ бы ежедневно воздвигаемъ памятникъ, изображая его на челѣ“²⁾.

Если не ошибаемся, усматривается тоже нѣкоторая неправильность у латинянъ въ изображеніи Распятія. Намъ въ точности не извѣстно, что именно считается восточнымъ обычаемъ, представлять ли Искупителя пригвожденнаго къ кресту *тремя* или *четырьмя* гвоздями, а потому скажемъ только, что представленіе крестной смерти вообще началось довольно поздно, сравнительно съ представленіемъ другихъ священныхъ событій. Что касается орудій казни, то сначала

1) Лѣтопись Никифора Кал.

2) *Іоаннъ Зл. Бесѣда о томъ, что Христосъ есть Богъ*, гл. 9.

думали, что для пригвожденія Приговореннаго къ среднему кресту употреблено было три гвоздя; со временемъ же въ Римѣ установилось мнѣніе, что употреблено было четыре гвоздя...

Но, по истинѣ, поражаешься стыдомъ при мысли, что говоришь о гвоздяхъ, служившихъ для исполненія той казни, посредствомъ которой совершилось исполненіе Закона и Пророковъ. Передъ очами встаетъ тотъ крестъ, который однимъ концемъ вознесъ человѣка къ небу, другимъ сразилъ князя преисподней и подъ распростертыя на немъ длани собралъ всѣхъ страждущихъ, всѣхъ любящихъ, всѣхъ алчущихъ и жаждущихъ правды!

*
* * *

Изъ всѣхъ языковъ греческій былъ и остался совершеннѣйшимъ орудіемъ человѣческой мысли, достигнувшей съ нимъ до высоты, граничащей со свѣтомъ Откровенія.

Языкъ, на которомъ человѣкъ самъ отъ себя залепеталъ о Вѣчномъ Словѣ, сталъ орудіемъ проповѣди Воплощеннаго Слова. Кромѣ того, для созиданія вселенской Церкви и распространенія вселенской вѣры, нужно было нарѣчіе не замкнутого и обособленнаго народа, а языкъ не менѣе широко распространившійся, чѣмъ высоко поднявшійся; въ этомъ отношеніи греческій языкъ также является какъ бы преднамѣченнымъ для христіанской проповѣди. Еще Цицеронъ говорилъ, что греческія книги читаются всюду, между тѣмъ какъ латинскія заключены въ узкихъ предѣлахъ Италіи ¹⁾, ко времени же рожденія по плоти Господа нашего Иисуса Христа въ мірѣ, политически-объединенномъ римскимъ могуществомъ, господствовалъ языкъ, умственно объединившій побѣдителей и побѣжденныхъ превосходствомъ эллинскаго просвѣщенія. Не мудрено, стало-быть, что греческій языкъ, проводникъ науки, образованія и общечело-

¹⁾ Cic. Pro Archio, 10.

вѣческихъ началъ, является первымъ языкомъ вселенской Церкви для проповѣди общечеловѣческой религіи и что на немъ впервые выразилась христіанская мысль. Благодаря сокровенной въ немъ силѣ роста или способности развиваться изъ самого себя, Церковь нашла въ немъ слова, нужныя для уясненія истинъ, сокрытыхъ въ божественномъ Откровеніи и для выраженія всецѣлаго смысла своего ученія, т. е. нашла въ немъ орудіе, достойное себя и соотвѣтствующее собственной ея жизненности.

Апостоль Павелъ, іудей родомъ и римскій гражданинъ, даже обращаясь къ проживающимъ въ Римѣ христіанамъ, пишетъ по-гречески. Апостоль Іаковъ, обращаясь къ іудеямъ разсѣянія, употребляетъ тотъ-же языкъ; евангелистъ Маркъ пишетъ Евангеліе въ самомъ Римѣ по-гречески, другіе евангелисты дѣлаютъ то же; одинъ Матѳей, писавшій для іерусалимскихъ христіанъ передъ тѣмъ, какъ ученики Христовы разошлись на всемірную проповѣдь, составляетъ для нихъ Евангеліе на еврейскомъ языкѣ. Апостольскіе мужи, полемисты, апологеты первыхъ временъ, всѣ писали на общедоступномъ и вседосягающемъ греческомъ языкѣ; древнѣйшіе памятники Церкви, папскія посланія, соборныя дѣянія, написаны по-гречески; тотъ же языкъ былъ богослужебнымъ языкомъ, какъ восточной, такъ и западной церкви, которая удержала его и тогда, когда онъ пересталъ быть общеупотребительнымъ ¹⁾; вся христіанская терминологія, богословская и богослужебная, выработалась по-гречески, о чемъ свидѣлствуютъ до-нынѣ повсемѣстно сохранившіяся выраженія для обозначенія предметовъ, къ Церкви относящихся.

До какой степени отцы и учителя были осторожны при переводѣ священныхъ книгъ и богословскихъ твореній, явствуетъ изъ преній, возникшихъ по поводу перевода, пред-

¹⁾ Въ римскихъ «сакраментаріяхъ» VII вѣка возгласы еще значатся сперва по-гречески, а потомъ по-латини.

принятаго бл. Иеронимомъ, а также изъ словъ бл. Августина, который говоритъ о трудности передать съ точностью на латинскомъ языкѣ смыслъ греческихъ выраженій ¹⁾. Если латинскій языкъ, будучи тѣмъ, чѣмъ онъ есть и скоро ставшій, въ силу главенства римскаго епископа, языкомъ церковнаго управленія, могъ еще въ пятомъ вѣкѣ представлять нѣкоторыя затрудненія въ области богословія, то понятно, что Церковь чуждалась въ этомъ отношеніи другихъ нарѣчій, изъ коихъ многія находились на низкой ступени развитія, и что тотъ языкъ, на которомъ Богъ объявилъ человѣку Свою святую волю устами патріарховъ и пророковъ, и тѣ два языка, на которыхъ опредѣлилось христіанское ученіе и выработались узаконенія и правила церковнаго управленія и строя, т. е. еврейскій, греческій и латинскій, получили въ глазахъ Церкви значеніе *трехъ главныхъ языковъ* ²⁾.

Не удивительно, стало-быть, что на востокѣ греческій языкъ и на западѣ—латинскій считались собственно церковными языками. Но, отдавая имъ предпочтеніе, Церковь не забывала, что въ силу жертвы всемірнаго искупленія, нѣтъ болѣе передъ Богомъ ни избраннаго народа, ни избраннаго нарѣчія; никогда не утративъ сознанія своего вселенскаго призванія (что для нея не возможно потому, что тѣмъ самимъ она бы перестала быть истинной Церковью), Церковь знала, что ея католическое единство, имѣющее совмѣстить всѣ племена и народы, не нарушится разнорѣчіемъ, которое сошествіемъ Св. Духа въ видѣ огненныхъ языковъ обрати-

¹⁾ Бл. Августинъ, «О градѣ Божіемъ» X, 1. Точно также Акакій веррійскій, говоря о Павлинѣ антиохійскомъ, пишетъ: «Онъ не хотѣлъ употреблять прямое и опредѣленное выраженіе *«три Упостаси»*, тогда какъ онъ вѣрно и истинно мыслилъ о нихъ одинаково съ другими. Онъ въ этомъ слѣдовалъ боголюбивымъ западнымъ епископамъ, которыхъ римскій языкъ, по своей скудости сравнительно съ нашимъ (т. е. греческимъ), не могъ соответствующимъ истиннѣ значеніемъ употреблять слова *«три Упостаси»* (Изъ 19 дѣян. 3-го Всел. соб.).

²⁾ На востокѣ именуемые *«крестными»*, на западѣ *«пилатическими»*.

лось изъ наказанія въ осянненное свыше орудіе согласія. Проникнутая этимъ сознаниемъ, Церковь никогда не останавливалась въ многотрудномъ дѣлѣ евангельскихъ и литургическихъ переводовъ не только на языки имѣющіе, но даже на такіе, которые еще не имѣли письменныхъ знаковъ, чему не одинъ народъ обязанъ происхожденіемъ своихъ письменъ. Итакъ, Церковь признавала равноправность языковъ передъ Богомъ; но признавать что-либо въ принципѣ не значить еще отречься въ дѣлѣ примѣненія отъ общаго порядка всего земнаго, въ силу котораго ничто не проводится въ жизнь внѣ соблюденія закона постепенности и по мѣрѣ и согласно степени соотвѣтственности.

Чѣмъ внимательнѣе изучаемъ Церковь, тѣмъ болѣе проникаемся убѣжденіемъ, что, какъ ничего въ ея ученіи не возникло внѣ смысла Писанія, такъ точно ничего въ ея порядкахъ не возникло внѣ разума, т. е. внѣ осмысленнаго пониманія положительныхъ потребностей, истекающихъ изъ силы вещей.

Если Армяне отказались признавать „два естества“ въ лицѣ Иисуса Христа, утверждая, на основаніи скудости своего языка, что это равносильно признанію въ Немъ „двухъ существъ“, т. е. нарушили неприкосновенность здраваго ученія и тѣмъ самимъ цѣлость домостроительства спасенія, отказываясь принимать рѣшеніе Церкви на вѣру, и отдѣлились отъ вселенскаго ея тѣла за неимѣніемъ на *своемъ* языкѣ выраженій, соотвѣтствующихъ словамъ „естество“ и „существо“, то возможно ли осуждать Церковь за предпочтеніе, отдаваемое ею *главнымъ языкамъ* и за осторожное примѣненіе принципа равноправности всѣхъ нарѣчій передъ Богомъ? Но какъ признаніе принципа не избавляетъ отъ осторожности въ примѣненіи, такъ точно и осторожность не исключаетъ своевременнаго примѣненія. И вотъ, въ 880 г. папа Іоаннъ VIII объявляетъ: „Мы одобряемъ употребленіе славянскихъ письменъ, изобрѣтенныхъ Константиномъ Философомъ ¹⁾, и повелѣваемъ, чтобы слава и дѣла

¹⁾ Т. е. св. Кирилломъ.

Господа нашего Иисуса Христа возвѣщались на сказанномъ славянскомъ языкѣ. Священное Писаніе призываетъ насъ къ прославленію Господа не только на трехъ языкахъ: еврейскомъ, греческомъ и латинскомъ, но на всѣхъ языкахъ, ибо сказано: *Хвалите Господа вси языцы, похвалите Его вси людіе* (Пс. 116, 1). И святые Апостолы, исполнившись Духомъ Святымъ, величали Бога на всѣхъ языкахъ. Поэтому и Апостолъ Павелъ сказалъ: *И всякій языкъ исповѣдалъ, что Господь Иисусъ Христосъ въ славу Бога Отца* (Фил. II, 11). По поводу сихъ языковъ, въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ (гл. XIV), Апостолъ многократно, прямо и ясно учитъ насъ созидать Церковь Божию, употребляя разныя нарѣчія. Ни вѣра, ни ученіе не воспрещаютъ служить литургію на славянскомъ языкѣ и на немъ же читать св. Евангеліе и божественныя наставленія какъ Ветхаго, такъ и Новаго Завѣта, приличнымъ образомъ переведенныя и хорошо поясненныя, а также и совершать всѣ другія церковныя службы (на славянскомъ языкѣ), ибо Тотъ, который создалъ три главные языка: еврейскій, греческій и латинскій, сотворилъ и всѣ другія нарѣчія для славы Своей“¹⁾.

Изъ всѣхъ новѣйшихъ историческихъ языковъ первый, возведенный благословеніемъ главы Церкви на степень богослужебнаго языка, есть славянскій языкъ. Съ нимъ равноправность всѣхъ нарѣчій впервые торжественно вступаетъ въ жизнь и славянство, Церковью избранное въ представители равноправности передъ Богомъ всѣхъ нарѣчій и всѣхъ народовъ, вступаетъ въ этомъ качествѣ въ міровую жизнь. Съ исключительнымъ господствомъ латинскаго языка въ западной церкви (какъ въ западномъ мірѣ вообще) и преобладаніемъ греческаго на православномъ Востоку, легко было, въ силу привычки, установиться предубѣжденію противъ употребленія другихъ языковъ въ богослуженіи, тѣмъ болѣе, что до того только обособившіяся ересью или раско-

¹⁾ Посланіе папы Іоанна VIII Святополку, царю моравскому.

ломъ церкви употребляли *свои*, не крестнаго происхожденія, нарѣчія. Славянскій языкъ, одновременно съ изобрѣтеніемъ его письменъ мгновенно оказавшійся способнымъ выражать всецѣлый смыслъ христіанскаго ученія, своевременно оградила—не учительскую Церковь, которая въ этомъ не нуждалась, а христіанскій міръ отъ предразсудка исключительности правъ крестныхъ языковъ; ему выпала честь опровергнуть всякое подобное воззрѣніе; онъ свидѣтельствуетъ какъ противъ упрековъ въ узкости, взводимыхъ на Церковь, такъ и противъ религіознаго тщедушія и умственной скудости тѣхъ, которые проводятъ мнѣніе о какой-то таинственной связи между какимъ-либо языкомъ и вѣрой, потому что голосомъ именно славянскаго языка Церковь вѣщаетъ, что православное ученіе ни съ какимъ однимъ языкомъ не связано, такъ же какъ она сама—вселенскій ковчегъ спасенія—никакими предѣлами государства или народности не можетъ быть ограничена. Придавать славянскому языку значеніе, противорѣчащее смыслу появленія его въ качествѣ церковнаго языка, значитъ отнять у него то мѣсто, которое принадлежитъ ему по праву въ жизни Церкви и въ развитіи христіанскаго общества и обращать его изъ знамени принципа въ орудіе предразсудка.

* * *

Скажемъ нѣсколько словъ о римскомъ чинѣ совершенія таинства Евхаристіи.

Св. Василій Великій говоритъ, что ни одна изъ древнихъ литургій не была предана въ томъ видѣ, въ какомъ она дошла до насъ, но всѣ содержатъ главнѣйшую основу апостольскаго происхожденія ¹⁾. Если было такъ въ четвертомъ вѣкѣ, тѣмъ болѣе должно замѣчаніе бл. отца оправдываться въ послѣдующихъ вѣкахъ, потому что въ Церкви, какъ и во всемъ, не все бываетъ сначала, а все устрояется со временемъ, на что указываетъ тоже Іоаннъ Фурнь, говоря,

¹⁾ *Вас. Вел.*, О Св. Духѣ, гл. 27.

что какъ основной догматъ вѣры (догматъ о домостроительствѣ Христовомъ) опредѣлился не вдругъ, а постепенно, выясняясь на соборахъ, получилъ твердую опредѣленность, такъ точно не вдругъ, а мало-по-малу устроился чинъ домостроительнаго таинства ¹⁾. Вообще говоря, литургическія чинопослѣдованія достигли вида, болѣе или менѣе близкаго къ нынѣшнему, не раньше XVI вѣка, къ которому константинопольское чинопослѣдованіе на востокѣ и римское на западѣ уже замѣнили собой значительную часть мѣстныхъ литургій. Въ этомъ отношеніи Византія ничѣмъ не уступаетъ Риму ²⁾; такъ, напримѣръ, въ XII вѣкѣ Феодоръ Вальсамонъ объявляетъ александрійскому патріарху, что, хотя бы литургія св. Марка была преподана Апостоломъ, она все-таки должна быть осуждена на совершенное неупотребленіе ³⁾.

¹⁾ Посл. Іоан. Фурна монаху Григорію.

²⁾ Даже превосходитъ Римъ, до нынѣ допускающій нѣкоторые мѣстные литургіи на самомъ западѣ, не говоря о восточныхъ каеэдрахъ, которыя, находясь въ общеніи съ апост. престоломъ, всѣ держатся своихъ чинопослѣдованій.

³⁾ Заявленіе Вальсамона по отношенію литургіи, съ древнѣйшихъ временъ приписываемой евангелисту Марку, можетъ съ перваго взгляда показаться страннымъ, однако оно легко объясняется: *третья и восьмая* молитвы, по чину сказанной литургіи, начинаются словами: «Владыко Господи Боже, . . . молимся и просимъ Тебя сохранить святѣйшаго и блаженнѣйшаго архіерея нашего, папу N и преподобнѣйшаго епископа нашего N . . . и т. д.», а молитва при вложеніи еиміама кончается: «святѣйшаго и блаженнѣйшаго папу N, котораго Ты предъизбралъ управлять Святою Твоею и Апостольскою Церковью, и преподобнѣйшаго епископа нашего N., сохраняя сохрани . . . и т. д.» Мнѣніе нѣкоторыхъ, будто здѣсь идетъ рѣчь объ александрійскомъ епископѣ, тоже именуемомъ «папой», какъ римскій и карфагенскій, врядъ ли справедливо, потому что священникъ молится не «о папѣ и епископѣ нашемъ» (т. е. о нашемъ епископѣ, коему присвоено сіе именованіе), но «о папѣ» (имя рекъ) и «о епископѣ нашемъ» (имя рекъ), т. е. молится о двухъ лицахъ; кромѣ того, въ молитвѣ при вложеніи еиміама слово «папа» не сопровождается словомъ «нашею», но поясненіемъ, что онъ *предъизбранъ управлять Церковью*, не мѣстной какой-либо, а «Святою и Апостольскою», т. е. Церковъ, коей онъ предъизбранъ управлять, обозначена той формулой, которой обозначали Церковъ, взятую въ ея цѣломъ, до внесенія въ символъ никейскими отцами самого слова «вселенская». Наконецъ, если скажутъ, что по крайней мѣрѣ 3-ю и 8-ю молитву можно отно-

Перечень древнихъ литургій завлекъ бы насъ слишкомъ далеко; замѣтимъ только кстати, что въ чинопослѣдованіи литургіи эіопскаго текста Апостольскихъ постановленій, о которой составилось мнѣніе, что она по крайней простотѣ своей и несложности, быть можетъ, ближе всѣхъ другихъ выражаетъ главнѣйшія и неизмѣнныя части литургіи, находится молитва покаянія, которая читается священникомъ: „Господи Вседержителю, голосомъ Сына Твоего Господа нашего Иисуса Христа сказавшій Петру: Ты — Петръ и на семь камнѣ Я создамъ Церковь Мою и врата ада не одолѣютъ ея и дамъ тебѣ ключи царства небеснаго и что свяжешь на землѣ то будетъ связано на небесахъ, да будутъ разрѣшены рабы Твоя...“ и т. д. Если бы подобное торжественное упоминаніе о созиданіи Церкви на Петрѣ и о данной ему власти вязать и рѣшать, при самомъ приношеніи Жертвы Ходатая, сохранилось въ римской литургіи, не подверглось ли бы оно многостороннимъ подозрѣніямъ?

Западныя литургіи дѣлятся у насъ на два разряда, а именно: древне-западныя, высоко чтимыя, какъ носящія ясные признаки восточнаго происхожденія (которыхъ мы не кошемся), и собственно римская, далеко не одобряемая потому, что „не только второстепенныя части, но и важнѣйшія, и даже многія молитвы самаго канона этой литургіи постепенно были введены тѣми или другими папами, заимствовавшими свои *нововведенія* съ разныхъ сторонъ и отчасти руководившимися собственнымъ соображеніемъ“. Кромѣ того, отрицается само существованіе въ Римѣ литургіи апостольскаго происхожденія. Допуская такое происхожденіе для литургій многихъ другихъ церквей и признавая преданія о томъ данныхъ церквей, становится непонятнымъ, почему за-

сать къ епископіямъ, подвластнымъ александрійской кафедрѣ, то замѣтимъ, что въ такомъ случаѣ въ чинопослѣдованіи стояла бы пояснительная о томъ оговорка. Порицаніе Вальсамона, стало быть, объясняется смысломъ приведенныхъ словъ, который въ свою очередь подтверждается неодобреніемъ литургіи св. Марка со стороны Вальсамона.

трудняются допустить то же самое именно по отношенію къ римской церкви, о вѣрѣ и о твердости которой въ соблюденіи апостольскихъ преданій такъ громко свидѣтельствуется христіанская древность и которая, сама, постоянно ссылаясь на преданное ей верховными Апостолами, ревностно оберегала свои обычаи и преданія? Если Петръ подвизался въ Римѣ надъ созиданіемъ Церкви и если первые три преемника его были его же учениками и сотрудниками, возможно ли допустить, что они не установили литургіи и не положили вообще начала обычаямъ и порядкамъ римской церкви? По свидѣтельству древнѣйшихъ памятниковъ Церковь держалась именно послѣдняго мнѣнія и не только признавала за римскими преданіями и обычаями апостольское происхожденіе, но постоянно приводила ихъ въ примѣръ, неизмѣнно повторяя о римской церкви сказанное ученикомъ апостольскаго мужа Поликарпа, св. Иринеемъ, что римская церковь, *мать и владычица* всѣхъ церквей, должна быть спрошена во всемъ, касающемся вѣры и нравственности, и что, если, споря съ еретиками, мы излагаемъ преданіе, которое величайшая и святѣйшая римская церковь, основанная Петромъ и Павломъ, отъ нихъ же получила и сохраняетъ преемствомъ своихъ епископовъ, то мы посрамляемъ еретиковъ, такъ какъ съ этой церковью *должны* согласоваться всѣ церкви ради высокой и преимущественной важности ея и потому, что въ ней вѣрующими, повсюду разсѣянными, сохранялось преданіе, отъ Апостоловъ исшедшее ¹⁾.

¹⁾ До сихъ поръ у насъ преподавалось, что «Петръ, устроивъ Церковь въ Римѣ, передалъ ее Лину», но вотъ, въ послѣднее время заявлено, что пребываніе Апостола Петра въ Римѣ «*позднѣйшая выдумка*». Подобнымъ заявленіемъ опрокидывается не только все намъ до нынѣ преподанное на основаніи церковнаго свидѣтельства, но и все то, что, благодаря развитію христіанской археологіи и историческихъ наукъ вообще, признается современной наукой *неопровержимымъ историческимъ фактомъ*. Пребываніе Апостола Петра въ Римѣ считается нынѣ въ протестантскомъ ученѣмъ мірѣ, въ силу авторитета науки (безразлично относящейся къ религіознымъ вопросамъ, ни отъ чего не зависящей и ничѣмъ не связанной, кромѣ чувствомъ самоуваженія), дознанной истиной, какъ оно всегда признавалось

Въ началѣ пятого вѣка св. Прокль константинопольскій пишетъ въ своемъ словѣ о преданіи божественной литургіи, что „отъ преемниковъ св. Апостоловъ, божественные пастыри и учителя Церкви, оставивъ письменное изложеніе тайнства литургіи, предали Церкви. Изъ нихъ первые и славнѣйшіе суть бл. Климентъ, ученикъ и преемникъ верховнаго изъ Апостоловъ, какъ предали ему св. Апостолы“ и т. д. ¹⁾ Стало быть, Апостольскій Петръ передалъ литургію римской церкви и третій его преемникъ по кафедрѣ, ученикъ и сотрудникъ его, преподавалъ Церкви полученное отъ Петра, и что онъ ей передалъ, то ею свято хранилось и послѣдующими вѣками ревниво оберегалось. Въ 417 г. папа св. Иннокентій I, въ письмѣ евгубинскому епископу Децентію, излагая порядокъ римской литургіи, ссылается на апостольское преданіе и говоритъ: „Что княземъ Апостоловъ римской церкви предано, то доннынѣ здѣсь оберегается и всѣмъ должно соблюдаться“ ²⁾. Въ 432 г. папа св. Келестинъ I въ посланіи епископамъ Галліи, говоря о тайнствахъ и совершеніи литургіи, ссылается на преданія апостольскаго сѣдлаща и приводитъ доказательствомъ ихъ апостольскаго происхожденія тождественность ихъ съ преданіями, во всемъ мірѣ соблюдаемыми, какъ апостольскія. Нельзя не остановиться на замѣчаніи, сдѣланномъ по случаю этого посланія въ „Собраніи Древнихъ Литургій“, а именно: „Папа Келестинъ, хотя говоритъ объ апостольскихъ преданіяхъ римской литургіи, но не отличаетъ ихъ отъ такихъ преданій, которыя одинаково соблюдаются во всемъ мірѣ; этими (т. е. его) словами, по меньшей мѣрѣ, нисколько не доказывается

таковой вѣрующими въ силу авторитета церковнаго преданія и свидѣтельства церковныхъ памятниковъ. Замѣтимъ, что заявленіе: *«пребываніе Апостола Петра въ Римѣ позднѣйшая выдумка»*, которое противорѣчитъ одновременно церковному преданію и даннымъ исторіи, не читается въ какомъ либо *«опытѣ исторической критики»*, но помѣщается въ книгѣ *«ученаго»*, изданной по приказанію *«духовнаго»* начальства.

¹⁾ Прокль, Тракт. о пред. бож. лит. (Migne, P. G. 65, 849).

²⁾ Иннокентій, посланіе Децентію (Migne, P. L. 20, 552).

апостольское происхожденіе тѣхъ порядковъ позднѣйшей римской литургіи, въ которыхъ она не согласна съ прочими церквами“. Спрашивается: неужели въ доказательство апостольскаго происхожденія римскихъ преданій надлежало имъ отличать отъ другихъ, соблюдаемыхъ во всемъ мірѣ, какъ апостольскія? Дальше: развѣ тѣ позднѣйшіе порядки другихъ литургій, въ коихъ онѣ не согласны ни съ римской, ни между собой (и за которые ни одна изъ нихъ не подвергается порицанію)—апостольскаго преданія? Если то, что считалось апостольскаго происхожденія въ римской литургіи, не отличалось отъ соблюдаемаго въ этомъ качествѣ во всемъ мірѣ, то этимъ именно и доказывается *несомнѣнность* апостольскаго происхожденія римскихъ преданій ¹⁾. А если уже въ IV вѣкѣ считалось, что ни одна литургія не сохранилась въ первобытномъ видѣ, что не препятствовало считать ихъ апостольскими, то почему же должна римская литургія считаться искаженной въ силу позднѣйшихъ вставокъ? Вводитъ новыя молитвы никогда не считалось преступленіемъ. Такъ пѣснь „Единородный Сыне и Слово Божіе“ внесена въ 535 г. императоромъ Юстиніаномъ I; „Херувимская“—Юстиномъ II въ 573 г.; если императоры могли вводить новыя молитвы собственнаго сочиненія, то не понятно, почему первопрестольники Церкви не могли дѣлать того же. А „Трисвятое“, съ пѣніемъ котораго халкидонскіе отцы вышли изъ храма св. Евфиміи, воздавая хвалу Отцу Вседержителю и Духу Святому, ихъ устами возвѣстившему вѣчную истину о Словѣ, развѣ оно не было тогда только-что введено Прокломъ? Пѣснь „Честнѣйшую Херувимъ“ вошла въ употребленіе въ VII вѣкѣ, а въ соединеніи со словами „Достойно есть“ не раньше 980 года. Пѣснь „Да молчитъ всяка плоть человѣка

¹⁾ Изъ чего, однако, вовсе не слѣдуетъ, чтобы *особенность* преданія была непремѣннымъ признакомъ не-апостольскаго происхожденія; еще въ 250 г. Фирмилианъ Кессаріи Кап., говоря о преданіяхъ апостольскихъ, замѣчаетъ, что во многихъ церквахъ есть особенности и именно въ Римѣ есть много такого, чего въ другихъ церквахъ нѣтъ.

и стоять со страхомъ и трепетомъ“, вошедшая въ составъ литургіи св. Василія Великаго, не была ему извѣстна. Что касается литургіи Іоанна Златоуста, то стоитъ сдѣлать перечень постепенно введенныхъ въ нее новыхъ пѣсней и молитвъ:

1) „Единородный Сыне“; 2) „Святый Боже“; 3) „Иже Херувимы“; 4) „Да исполнятся уста наша“; 5) „Честнѣйшую Херувимъ!“ 6) большая часть прилежной ектеніи; 7) пѣніе передъ малымъ входомъ тропарей изъ 3-ей и 6-ой пѣсни каноновъ; 8) молитва „Господи иже Пресвятаго Твоего Духа“; 9) „Видѣхомъ Свѣтъ истинный“, и, кромѣ того чтеніе Символа, которое нигдѣ не началось раньше конца V вѣка ¹⁾.

По поводу чинопослѣдованія литургіи „преждеосвященныхъ Даровъ“, въ „Собраніи Древнихъ Литургій“ читается: „Съ половины IV до исхода VII вѣка, когда происходили исправленія и точнѣйшія изложенія литургическихъ формуляровъ, надо полагать устройство и изложеніе чинопослѣдованія литургіи преждеосвященныхъ Даровъ“.—Итакъ, исправленія, точнѣйшія изложенія чинопослѣдованій, введеніе новыхъ молитвъ и т. д., коими литургіи постепенно достигли своего нынѣшняго вида, оказываются на Востокѣ явленіемъ законнымъ, естественнымъ и ничѣмъ (какъ оно и есть) не нарушавшимъ апостольскаго характера восточныхъ литургій, и замѣчаемая въ нихъ особенности и позднѣйшія вставки не умаляютъ ихъ достоинства; почему же однѣ особенности римской литургіи и вставки римскихъ епископовъ

¹⁾ Чтеніе никео-цареградскаго символа при совершеніи каждой литургіи установлено въ Испаніи 2-мъ правиломъ третьяго толедскаго собора (589 г.), причемъ онъ читался согласно той редакціи, которой держалась испанская церковь, т. е. съ уяснительными словами «и отъ Сына» и которую соборъ присоединилъ къ своимъ дѣніямъ, посылая ихъ апостольскому престолу. — Въ Римѣ чтеніе символа при торжественныхъ литургіяхъ введено Венедиктомъ VIII (1012—1024 г.), по просьбѣ императора Генриха II. Мѣстное духовенство высказалось противъ нововведенія, на томъ основаніи, что чтеніе символа здраваго ученія излишне у самаго источника этого ученія — мѣстопробыванія Началовождя истины.

должны лишать ее апостольскаго характера и ронять ея достоинство? ¹⁾).

Нами уже было замѣчено, что предпочтеніе, отдаваемое другимъ западнымъ литургіямъ передъ римской, основано на томъ, что онѣ носятъ *ясныя признаки* восточнаго происхожденія, что особенно замѣтно въ литургіяхъ, бывшихъ въ употребленіи въ южной Галліи, которая находилась въ тѣсной связи съ Востокомъ еще въ дохристіанскомъ періодѣ и гдѣ греческій языкъ еще въ V вѣкѣ составлялъ народное нарѣчіе части арелатскаго населенія. Но, кромѣ того, понятно, что литургіи вообще не могли происходить изъ другой части свѣта, кромѣ той, откуда вышли сами Апостолы; если же слѣды общаго восточнаго происхожденія менѣе ясны въ древней римской литургіи, чѣмъ въ какой-либо другой, то это именно показываетъ, что она предшествовала появленію другихъ западныхъ литургій, что она была установлена съ самаго начала христіанской проповѣди, когда основы тайнодѣйствія не успѣли еще получить на Востокѣ мѣстнаго характера, облечься въ болѣе или менѣе опредѣленную форму, что болѣе всего говоритъ за то, что римская литургія была установлена непосредственно Верховнымъ Апостоломъ и сохранила свой первоначальный отблескъ.

Въ 538 г. папа Вигилій послалъ брекаренскому епископу Профуту канонъ римской литургіи, причемъ, во имя главенства апостольскаго престола, указываетъ на необходимость совершенія литургіи въ испанскихъ церквахъ одинаково съ римской, ибо члены должны слѣдовать за главой. Въ книгѣ „*Собраніе Древнихъ Литургій*“ замѣчается при этомъ: „И

¹⁾ Въ числѣ обвиненій противъ римской литургіи говорится: «Все въ ней предписано съ мельчайшей подробностью». Въ чинопослѣдованіи греческой литургіи св. Апостола Іакова читается: «При раздробленіи (хлѣба) священникъ, держа половину правой рукою, обмакиваетъ сперва изъ правой руки... потомъ знаменуетъ находящуюся въ лѣвой» и т. д. Мельчайшія подробности не чужды, стало быть, и глубокой христіанской древности.

только поэтому папа требовалъ, чтобы въ испанскихъ церквахъ литургія была совершаема одинаково съ римской, между тѣмъ нисколько не прояснилъ, сохранила ли сама римская церковь преданіе Апостола Петра“. Въ то время, когда св. Прокль константинопольскій писалъ о литургіяхъ, существованіе въ Римѣ преданій Апостола Петра не подлежало сомнѣнію, если, стало быть, они утратились ко времени требованій Вигилія, значить они безслѣдно исчезли въ 80-лѣтній періодъ времени, послѣ четырехъ съ половиной вѣковъ признаннаго существованія! Кромѣ того, намѣренныя доказательства чего-либо приводятся въ случаѣ отрицанія; Церковь же признавала апостольское происхожденіе преданій римской церкви, а въ ея глазахъ признаніе ея равняется доказательству, потому что она имъ о себѣ свидѣтельствуеть. Что касается главенства апостольскаго престола, во имя котораго Вигилій выражалъ свои требованія (какъ по вопросу же литургіи, 120 лѣтъ передъ тѣмъ, выражалъ свои требованія папа св. Иннокентій), то не доказано ли, что это главенство, въ глазахъ Церкви, было основано на власти, ею признанной присущей тому мѣсту, на которомъ, согласно выраженію пятаго вселенскаго собора, Богу угодно было поставить Вигилія?

Римская литургія, вошедшая въ общее употребленіе опредѣленіемъ тридентскаго собора 1563 г. и получившая окончательную форму при папѣ Урбанѣ VIII (1623—1644 г.), въ своихъ главныхъ, основныхъ частяхъ во всемъ сходна съ чинопослѣдованіями сакраментаріевъ св. Льва Великаго, св. Геласія I и св. Григорія Великаго; стало быть, если она и отличается отъ первоначальной римской литургіи, основы ея во всякомъ случаѣ принадлежать временамъ, предшествовавшимъ раздѣленію церквей.

Заботы св. Григорія Великаго по церковному благочинію и обрядамъ извѣстны; въ письмѣ сиракузскому епископу онъ пишетъ: „Если имѣеть что хорошаго константинопольская или другая церковь, то я готовъ подражать въ добрѣ

и меньшимъ меня, которыхъ я удерживаю отъ непристойнаго, ибо глупъ тотъ, кто считаетъ себя первымъ такъ, что не учится доброму, которое видитъ въ другихъ“. Руководиться такимъ началомъ не значитъ ли, быть можетъ, *заимствовать свои нововведенія съ разныхъ сторонъ?* Вообще считается, что Григорій Великій, благодаря своимъ заботамъ, могъ по справедливости говорить, что, какъ охраняя древніе обычаи римской церкви, онъ нѣкоторые возстановилъ, такъ другіе новые полезные ввелъ и установилъ.

„О римской литургіи можно сказать одно: если она и заключаетъ въ себѣ значительныя особенности отъ другихъ національныхъ литургій, то *конечно* не въ самомъ основномъ священнодѣйствіи христіанской Евхаристіи и не въ общихъ главныхъ принадлежностяхъ всѣхъ вообще христіанскихъ литургій“. Таковъ, послѣ всѣхъ произнесенныхъ осужденій, неожиданный отзывъ издателей „Собранія Древнихъ Литургій“.

Впрочемъ, между римской и восточными литургіями существуетъ дѣйствительно разница, которой пользуются въ доказательство, будто по западному ученію пресуществленіе совершается не сошествіемъ Св. Духа, а однимъ произношеніемъ словъ установленія таинства. Однако, при болѣе внимательномъ изслѣдованіи, разница оказывается чисто внѣшней. Въ восточныхъ чинопослѣдованіяхъ молитва призыванія Св. Духа слѣдуетъ за словами установленія, въ римской литургіи, напротивъ, слова установленія слѣдуютъ *непосредственно* за молитвой призыванія, составляя часть ея и сливаясь съ ней. Изъ этого выходитъ, что въ восточныхъ литургіяхъ слова установленія, предшествуя молитвѣ призыванія, являются извѣщеніемъ о имѣющемъ совершиться пресуществленіи ожидаемымъ сошествіемъ Св. Духа; въ римской, слѣдуя за молитвой призыванія, они являются провозглашеніемъ пресуществленія, сошествіемъ Св. Духа совершившагося. Перестановка словъ установленія не влечетъ, стало быть, за собой отрицанія того, что пресуществленіе

совершается сошествіемъ Св. Духа, а напротивъ, по связи ихъ съ предыдущими словами призванія, служатъ подтвержденіемъ того же. Замѣчательно, однако, что именно на Востокѣ существовало преданіе (о которомъ упоминаетъ Іоаннъ Фурнъ), будто вмѣстообразы освящались Апостолами безъ призванія Св. Духа, одними словами установленія таинства; на чемъ основалось преданіе и подтверждается ли оно чѣмъ-либо, намъ неизвѣстно ¹⁾).

¹⁾ Вопросъ о значеніи молитвы Св. Духу для пресуществленія создалъ цѣлую литературу, какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ. Добросовѣстными изслѣдованіями ученыхъ достаточно выяснено, что въ самое древнее время «призваніе» Св. Духа не было извѣстно ни въ какой литургіи. На Востокѣ оно распространилось въ эпоху тринитарскихъ споровъ; на Западѣ появляется въ V столѣтіи, чтобы скоро опять исчезнуть. Восточныя литургіи сохранили его до настоящаго времени. Авторъ настоящаго очерка полагаетъ, что въ римской литургіи «призваніе» имѣется передъ произнесеніемъ установительныхъ словъ; съ этимъ, однакоже, трудно согласиться, такъ какъ никакая изъ молитвъ римской литургіи не носитъ характера обращенія къ Св. Духу или Отцу о ниспосланіи Св. Духа. Тѣмъ менѣе можно согласиться съ утверженіемъ автора, что въ римской литургіи слова установленія «являются провозглашеніемъ пресуществленія, сошествіемъ Св. Духа совершившагося», если авторъ хотѣлъ этимъ утверждать, будто бы пресуществленіе совершается ранѣе произнесенія словъ установленія. По авторитетному сужденію папы Евгенія IV (въ инструкціи, данной армянамъ), формою таинства Евхаристіи являются установительныя слова Христа, съ чѣмъ и трудно не согласиться, если принять во вниманіе, что «формою» таинства вообще, по западной терминологіи, являются слова, «обозначающія» суть таинства и «влияющія» (физически-ли или морально—это подлежитъ спору) на его совершеніе. Въ самомъ дѣлѣ, слова Христа: *Сіе естъ Тѣло Мое* и т. д. и *обозначають* таинство, т. е. выражаютъ его, и *влияють* на его совершеніе, что безусловно вѣрно даже съ точки зрѣнія восточныхъ богослововъ, полагающихъ, что произнесеніе за литургіей установительныхъ словъ безусловно необходимо и что лишь въ соединеніи съ ними и молитва «призванія» обрѣтаетъ свое значеніе и силу. Западная точка зрѣнія не устраняетъ, однакоже, ученія, что «пресуществленіе», какъ и вообще всѣ таинства, совершается наитіемъ Св. Духа, хотя бы Онъ и не призывался особой формальной молитвой. Допустимо также, съ западной точки зрѣнія, мнѣніе восточныхъ, что на Востокѣ моментъ пресуществленія совпадаетъ съ моментомъ «призванія» Св. Духа, такъ какъ тамъ священникъ опредѣляетъ моментъ пресуществленія, т. е. хочетъ, чтобы оно совершилось именно тогда, отодвигая своимъ намѣреніемъ *effectum* установительныхъ словъ. При такой постановкѣ вопроса примиряются

По общепризнанному мнѣнію, литургіи, какъ восточныя, такъ и западныя, — апостольскаго происхожденія, чѣмъ и объясняется тождественность основныхъ частей всѣхъ литургій, какъ западныхъ, такъ и восточныхъ. Всѣ чинопослѣдованія содержатъ входныя молитвы, чтеніе св. Писанія, пѣніе псалмовъ, поминовеніе живыхъ и усопшихъ ¹⁾, призываніе святыхъ, молитвы во время приношенія даровъ, произношеніе словъ установленія таинства, призываніе Св. Духа, молитву Господню, преломленіе хлѣба и торжественное исповѣданіе, что пресуществленіе совершилось, что вмѣстообразы дѣйствительно преложились Духомъ Святымъ въ обоженную Плоть Спасителя, стали пречистымъ Тѣломъ Его и честной Кровью Его.

„Различія между литургіями чисто внѣшни и касаются лишь обрядовой стороны и ничѣмъ не нарушаютъ установленнаго Апостолами и отцами“. Такъ выражается францисканецъ Карбонэо ²⁾. Не иначе говоритъ ученый доминиканецъ Гоаръ. „Никто, пишетъ онъ, кромѣ, быть можетъ, невѣжды, не можетъ возставать противъ обрядовыхъ особенностей; неужели скажутъ, что церковное единство призрачно потому, что въ Церкви усматриваются разныя чинопослѣдованія? Церкви (западная и восточная) различаются только

утвержденія восточныхъ богослововъ о времени пресуществленія съ ученіемъ Западной Церкви о *формѣ* таинства. Этотъ взглядъ высказанъ въ послѣднее время проф. Г. Раушеномъ; см. *G. Rauschen, Eucharistie und Bussakrament in den ersten sechs Jahrhunderten der Kirche, Freiburg, 1908, pag. 86 — 104*, гдѣ указана и литература по этому вопросу. (*Прим. издателя*).

¹⁾ Приведемъ кстати слова Іакова, епископа едесскаго, который пишетъ въ VII вѣкѣ о чинопослѣдованіи alexandрійской церкви: «Передъ совершеніемъ самаго таинства Евхаристіи священникъ вмѣсто словъ: «Любы Бога и Отца» произноситъ: «Господь со всѣми вами». Передъ молитвою Господней народъ восклицаетъ: «Какъ было, есть и будетъ отъ рода въ родъ!» Кромѣ того alexandрійскіе отцы наблюдаютъ не такой какъ въ Константинополѣ и у насъ (т. е. у сирійцевъ), но обратный порядокъ при поминовеніи живыхъ и мертвыхъ...» и т. д. Никакія подобныя различія между тѣмъ никому не ставились въ упрекъ.

²⁾ De Sacris Christ. ritibus, ed. Migne, cap. VI, 1096.

внѣшними проявленіями богопоклоненія; спросите у вѣрую-щихъ той и другой церкви, въ чемъ ихъ надежда, желаніе и чаяніе, всѣ вамъ отвѣтятъ, что вѣчное блаженство ихъ единое чаяніе, потому что тѣ и другіе возрождены и вскормлены приобщеніемъ тѣхъ же таинствъ; пусть же восточные держатся своихъ обычаевъ и обрядовъ и пусть западные держатся своихъ! Греція хвалится, что имѣла Павла учителемъ, латинская церковь знаетъ и помнитъ, что она получила начатки вѣры и постановленій своихъ отъ Петра, восточными же именуемаго Началовождемъ Апостоловъ, какъ и Павелъ. Могъ ли Петръ установить что-либо противное ученію Павла? Да не будетъ! Онъ могъ предписать другія правила (чѣмъ Павелъ), но ведущія къ одной цѣли“¹⁾. „Пусть каждый соблюдаетъ обряды и обычаи той церкви, въ которой онъ находится“, пишетъ бл. Августинъ, соглашаясь въ этомъ съ древнимъ правиломъ Церкви, отъ котораго она никогда не отступила.

Обзоръ „обвинительныхъ пунктовъ“ по церковному благочинію и обрядамъ ясно доказываетъ, что западные обряды и обычаи освящены давностью, ничѣмъ не уступающей давности восточныхъ особенностей. Имъ выясняется, что безбрачіе духовенства представляетъ собой не что-нибудь чуждое Церкви, а лишь распространенное на всѣхъ требованіе соблюдать то, что Церковью всегда почиталось лучшимъ. Очень быть можетъ, что въ этомъ случаѣ лучшее является неосторожной роскошью, но во всякомъ случаѣ безбрачіе клира согласнѣе съ преданіемъ Церкви и общимъ смысломъ христіанскаго ученія, чѣмъ обращеніе духовенства въ касту, что Церковью всегда и безусловно возбранялось. Доказано также, что сидѣніе во время богослуженія считалось до того законнымъ, что оно съ первой же поры христіанской проповѣди представляетъ собой явленіе уже отмѣченное извѣстнымъ порядкомъ; что субботній постъ не счи-

¹⁾ Goar, Rituale Graecorum, Paris. Piget. 1647 г.

тался въ древности болѣе преступнымъ, чѣмъ все вообще *не вни преданія и смысла вѣры* возникшіе обычаи по различію мѣстъ и отъ которыхъ, по свидѣтельству самой Церкви, католическое единство никогда не нарушалось и ради которыхъ, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, ни Западъ ни Востокъ не преступали заповѣди любви. Востокъ въ христіанской древности даже такъ мало гнушался западныхъ обычаевъ, что иные обычаи перешли съ Запада на Востокъ. Напримѣръ, празднованіе Рождества Христова установилось на Востокѣ по примѣру Запада, о чемъ свидѣтельствуется, между прочимъ, Іоаннъ Златоустъ въ своей первой проповѣди, произнесенной, въ 387 г., въ самый день Рождества Христова.

Пусть рѣшаютъ по совѣсти, кто дѣйствуетъ согласнѣе съ преданіемъ и смысломъ католической Церкви, *тотъ* ли, кто, стараясь о возстановленіи единства, не обращаетъ вниманія на обряды и обычаи, самые по себѣ ни въ чемъ не предосудительные, или *тѣ, кто*, ради поддержанія церковнаго расторженія, подстрекають вражду и ненависть отыскиваніемъ *комаровъ* для обращенія ихъ въ саранчу, пожирающую ниву Господню! „Восточная и западная церковь, пишетъ Гоаръ, составляетъ единую вселенскую Церковь; если міръ дѣлится между церквами латинской и греческой, что удивительнаго, что самыя церкви отличаются во внѣшнемъ? Смыслъ словъ, произносимыхъ той и другой, выражаетъ одно и то же богопоклоненіе Всевышнему, разница лишь въ звукѣ ими глаголемыхъ словъ“.

Насколько соблюденіе освященныхъ преданіемъ обрядовъ законно и благочестиво, настолько обращеніе ихъ въ бранное оружіе не правильно и не свято и обращается противъ самихъ порицателей, доказывая съ ихъ стороны не любовь къ Церкви, а неуваженіе къ ней, потому что, какъ восточные, такъ и западные обряды освящены той же единой вселенской Церковью. Передъ свидѣтельствомъ Церкви, единственнымъ призваннымъ судіей, какъ въ вопросахъ вѣры и нравственности, такъ и по церковному благочинію, Западъ

и Востокъ обладаютъ тѣмъ же безспорнымъ правомъ сохранять каждый свои обряды и обычаи и, если таково свидѣтельство Церкви, то понятно, что мы остановились на обрядовыхъ различіяхъ не для восхваленія или порицанія тѣхъ или другихъ обрядовъ, а лишь для разъясненія несостоятельности обвиненій, благодаря которымъ уваженіе къ церковному преданію замѣняется предразсудкомъ, вѣра въ Церковь—суевѣрнымъ почитаніемъ обособленій, а въ умахъ становится все темнѣе и въ сердцахъ все тѣснѣе. По смыслу благочестія въ насъ не должно быть тѣсно. „*Въ вашихъ сердцахъ тѣсно*, пишетъ Апостолъ, *расширьтесь!*“¹⁾

¹⁾ 2 Коринѳ. VI, 12—13.

ГЛАВА VII.

Афоризмъ св. Викентія Лиринакаго.

Теперь пора перейти къ догмату о неошибочности перво-сѣдальника Церкви Божіей въ рѣшеніи вопросовъ вѣры и нравственности или въ толкованіи ученія вѣры въ духѣ единой истины и въ разрѣшеніи вопросовъ, могущихъ возникнуть естественнымъ ходомъ жизни, безъ уклоненія отъ преднамѣченнаго преданіемъ пути, т. е. въ исполненіи своего служенія.

Начнемъ съ перевода очерка, который появился въ Англіи, въ 1881 г., по вопросу о томъ, состоятельно ли опредѣленіе ватиканскаго собора (1870 г.) ввиду извѣстнаго афоризма св. Викентія Лиринакаго: „*Quod ubique, quod semper, quod ab omnibus*“, которымъ бл. отецъ выражаетъ, что прямая обязанность христіанина обращать вниманіе на то, не уклоняется ли преданное ему отъ имени Церкви отъ того, что было *всѣми, вездѣ и всегда* признаваемо. Очеркъ составленъ извѣстнымъ поборникомъ воссоединенія церквей, отцемъ Кесаріемъ Тондини-Куаренги, и озаглавленъ „Критическое изложеніе афоризма св. Викентія Лиринакаго: *quod ubique, quod semper, quod ab omnibus*“.

* * *

Въ день сошествія Св. Духа не было ни катехизиса, ни какой-либо книги догматическаго богословія. Священное Писаніе сохранило намъ первую проповѣдь Апостола Петра,

(Дѣян. II, 14—47), сущность которой заключается въ словахъ: „Тотъ, котораго вы убили—Богъ“. Три тысячи человѣкъ увѣровавшихъ крестились, и Церковь вышла на жизненный путь.

Еслибъ на другой день случайно захватившій въ Иерусалимъ греческій философъ попросилъ одного изъ новообращенныхъ изложить ему послѣдовательно все, что содержитъ въ себѣ изреченіе „Иисусъ Христосъ есть Богъ“, то врядь ли онъ получилъ бы удовлетворительный отвѣтъ. Понятно, что съ научной точки зрѣнія слово „Богъ“ говоритъ больше уму философа, чѣмъ уму неграмотнаго человѣка, какъ слово „тѣлостроеніе“ говоритъ больше физиологу, чѣмъ необразованному человѣку, которому не извѣстны ни устройство нашего тѣла, ни законы, которыми оно управляется.

Первымъ долгомъ Церкви было благовѣствовать всюду, что Иисусъ Христосъ есть Богъ и нашъ Искупитель чрезъ вольныя страданія и смерть. Богословскіе и философскіе вопросы о томъ, въ какой формѣ лучше выразить эти догматы, могли возникнуть лишь въ послѣдствіи, когда стала угрожать опасность правильному поклоненію Господу или истинному понятію о Его Божественности и человѣчествѣ.

Предложеніе „Иисусъ Христосъ есть Богъ“, само собою было ясно сердцу первыхъ христіанъ; они не нуждались въ другомъ; какъ ребенокъ, услышавшій отъ матери своей, что такое крестъ, не требуетъ другого, чтобы проникнуться чувствомъ любви къ Спасителю и покорностью Его святой волѣ, такъ и для нихъ сначала не требовалось ничего больше.

Однако, со временемъ въ умахъ вѣрующихъ возникла потребность узнать больше о Томъ, за котораго они готовы были пожертвовать жизнью; кромѣ того, съ одной стороны уже появились лжеучители, а съ другой надо было защищаться противъ нападенія языческой философіи. Тогда Церковь принялась за болѣе подробное раскрытіе и болѣе научное изложеніе того, что заключается въ основоположномъ догматѣ, догматѣ о божественности Иисуса Христа, и такимъ образомъ ученіе о Лицѣ Спасителя постепенно развивалось,

уяснялось и опредѣлялось. Въ *этомъ смыслѣ* можно дѣйстви- тельно сказать, что во время перваго вселенскаго собора (325 г.), опредѣлившаго „единосущность Сына съ Отцемъ“, вѣрныя знали больше о Спасителѣ, чѣмъ іерусалимскіе бого- мольцы, обратившіеся къ Нему въ день пятидесятницы. Но многое въ христіанской вѣрѣ подлежало еще раскрытію. Но- выя ереси и ревность благочестивыхъ поборниковъ истины обратили вниманіе Церкви на вопросы, если не совсѣмъ обойденные, то во всякомъ случаѣ ею передъ тѣмъ еще мало изслѣдованные.

Уже за нѣсколько лѣтъ до втораго вселенскаго собора вошло въ употребленіе вѣроизложеніе болѣе полное, чѣмъ никейскій символъ, но оно еще требовало торжественнаго утвержденія Церкви. И вотъ, въ 381 г., 150 восточныхъ отцевъ собрались въ Константинополь. Ереси Евномія, Ма- кедонія, Аполлинарія и другихъ вызвали необходимость но- выхъ опредѣленій, и никейскій символъ получилъ слѣдую- щую новую и болѣе полную редакцію ¹⁾: „Вѣруемъ во еди- наго Бога Отца Вседержителя, Творца *неба и земли*, всего видимаго и невидимаго. И въ единого Господа Иисуса Христа Сына Божія едиnorodнаго, рожденнаго отъ Отца ²⁾ *прежде всѣхъ вѣковъ*, Свѣтъ отъ Свѣта, Бога истиннаго отъ Бога истиннаго, рожденнаго, не сотвореннаго, Отцу единосущ- наго, чрезъ котораго все произошло ³⁾; для насъ чело- вѣковъ и для нашего спасенія *шедшаю съ небесъ* и вопло-

¹⁾ Курсивы означаютъ дополненія константинопольскаго собора, при- чемъ мы пользовались переводомъ Дѣян. Всел. Соб. Казанской Дух. Ак. (Прим. переводчика).

²⁾ Въ никейскомъ символѣ послѣ словъ «отъ Отца» стоитъ: «*т. е. изъ сущности Отца*» (τοῦτέστιν ἐκ τῆς οὐσίας τοῦ Πατρὸς); такъ какъ за этими сло- вами слѣдуютъ равносильныя имъ «единосущнаго Отцу» (ὁμοούσιον τῷ Πατρὶ), то они константинопольскимъ соборомъ пропущены.

³⁾ Слова никейскаго символа: «*Какъ на небѣ, такъ и на землѣ*» (τὰ τε ἐν τῷ οὐρανῷ καὶ ἐπὶ τῆς γῆς) константинопольскими отцами пропущены въ виду того, что смыслъ ихъ заключается во внесенныхъ ими противъ ма- нихейскъ словыхъ: «неба и земли» (Творца неба и земли).

тившагося отъ Духа Святаго и Дѣвы Маріи и вочеговѣчившагося; распятаго за насъ при Понтіи Пилатѣ, и страдавшаго, и погребеннаго, и воскресшаго въ третій день по писаніямъ, и восшедшаго на небеса, и сѣдящаго одесную Отца, и опять имѣющаго придти со славою судить живыхъ и мертвыхъ, котораго царству не будетъ конца. И въ Духа Святаго, Господа, Животворящаго, исходящаго отъ Отца, вмѣстѣ съ Отцемъ и Сыномъ поклоняемаго и славимаго, изрекавшаго чрезъ пророковъ. Въ единую, святую, соборную ¹⁾ и Апостольскую Церковь; исповѣдуемъ одно крещеніе во отпущеніе грѣховъ. Ожидаемъ воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка“ ²⁾).

Такимъ образомъ состоялось изложеніе вѣры, извѣстное подъ именемъ „никейскаго символа“. При этомъ нельзя не замѣтить: во-первыхъ — значительныхъ дополненій, сдѣланныхъ соборомъ 381 г. къ первоначальному никейскому; во-вторыхъ того, что отцы, возсѣдавшіе на немъ, принадлежали исключительно къ восточной церкви, что числомъ они далеко не равнялись даже половинѣ ея представителей и, наконецъ, что на соборѣ не было уполномоченныхъ представителей Апостольской каѳедры. Соборъ 381 г. не представляетъ, стало быть, собой вселенской Церкви; между тѣмъ мы видимъ, насколько важны сдѣланныя имъ дополненія къ никейскому символу, и что изданное ими вѣроопредѣленіе получило вселенское значеніе.

Чѣмъ же и какимъ образомъ опредѣлилось подобное значеніе константинопольскаго собора 150 отцевъ? Когда послѣ сего собора (созваннаго въ силу посланія папы Дамаса императору Феодосію, вслѣдъ за аквилейскимъ собо-

¹⁾ «Καθολική» т. е. «Вселенскую» (Прим. перев.)

²⁾ Около 60 лѣтъ послѣ константинопольскаго собора, т. е. въ половинѣ V вѣка, возникли въ Испаніи лжеученія касательно Св. Духа; въ опроверженіе ихъ испанскіе епископы сочли нужнымъ включить въ символъ уяснительныя слова объ исхожденіи Св. Духа «и отъ Сына», которыя потомъ постепенно приняты всей западной церковью. Внесеніе этихъ словъ въ символъ «независимо отъ того, выражаютъ ли они истинный смыслъ православною ученія вѣры» ставится восточной церковью въ упрекъ западной.

ромъ, и коего вѣроопредѣленіе состоялось на основаніи „исповѣданія“, присланнаго Дамасомъ отъ римскаго собора антиохійскому епископу Павлину), первосѣдальникъ, въ виду упорства отпавшихъ епископовъ и стремясь къ умиротворенію Церкви, вызвалъ восточныхъ епископовъ на вселенскій соборъ въ Римъ, то 150 отцевъ, опасаясь оставить паствы на произволь еретиковъ, посылая свои дѣянія на утвержденіе папы, „приласившаю ихъ какъ собственныхъ членовъ“, объяснили причину, по которой не могли прибыть въ Римъ. Тогда папа Дамасъ, изслѣдовавъ дѣянія 150 отцовъ и найдя, что ими правильно выражены тѣ догматы, которые въ виду возникшихъ ересей требовали твердаго установленія и опредѣленнаго изложенія, закрѣпилъ своимъ утвержденіемъ дѣянія собора 150 отцовъ и авторитетомъ Апостольской кафедры объявилъ постановленія ихъ вселенски обязательными. Вотъ, въ силу чего первый константинопольскій соборъ признанъ вселенскимъ.

Въ глазахъ враговъ папской власти утвержденіе вѣроопредѣленія 150 отцовъ папой Дамасомъ и одобреніе, съ его стороны, сдѣланныхъ ими прибавленій къ никейскому символу можетъ не имѣть значенія: по ихъ мнѣнію папы всегда такъ любили „нововведенія“, что чуть ли не ради удовольствія вводили ихъ, но едва-ли они отнесутся такимъ образомъ къ одобренію самого автора излюбленнаго ими афоризма „*quod ubique, quod semper, quod ab omnibus*“. Одобреніе послѣдняго покажется имъ, быть можетъ, тѣмъ болѣе заслуживающимъ вниманія, что ему хорошо извѣстно было, что никейскій соборъ сдѣлалъ не мало прибавленій къ апостольскому символу, а константинопольскій, въ свою очередь, къ никейскому. Вотъ что пишетъ Викентій Лиринскій въ своемъ *Напоминаніи* о бывшихъ до него соборахъ: „Къ чему другому всегда стремилась Церковь своими соборными опредѣленіями, какъ не къ тому, чтобы принятое уже прежде сдѣлалось обязательнымъ, дабы прежде бывшее предметомъ нашего уваженія стало предметомъ вящей нашей любви?

Вотъ что Церковью совершенно противъ новшествъ еретиковъ: соборными постановленіями она утвердила для потомства издревле ею полученное отъ отцевъ однимъ преданіемъ и заключая многое въ краткихъ словахъ для болѣе удобнаго уразумѣнія древняго, она опредѣляла его новымъ и болѣе соотвѣтствующимъ именемъ. Церковь ничего другаго не сдѣлала“.

Если мы не ошибаемся, подобное объясненіе, которое влечетъ за собой безусловное одобреніе дѣйствій предъидущихъ соборовъ, служить яснымъ доказательствомъ того, что изрекшій „афоризмъ“ понималъ его въ смыслѣ полного признанія за Церковью права издавать отъ себя новыя и болѣе точныя опредѣленія догматовъ, полученныхъ ею отъ отцевъ „однимъ преданіемъ“.

Перейдемъ теперь къ разбору знаменитаго „афоризма“.

„Мы сами, говоритъ св. Викентій, состоя членами Каѳолической Церкви, обязаны строго разобрать, содержимъ ли мы то, во что вездѣ и всегда всѣ вѣровали?“. Какъ бы положительны эти слова ни были, мы все же надѣемся доказать, что нельзя ничего извлечь изъ нихъ противъ опредѣленія о неосшибочности главы Церкви въ рѣшеніи вопросовъ вѣры. Начнемъ съ кое-какихъ объясненій о личности автора *Напоминанія*, о цѣли, съ которой онъ составилъ свою книгу, и обстоятельствахъ, при которыхъ онъ ее написалъ.

Св. Викентій Лиринскій былъ простымъ іеромонахомъ. Начавши, какъ кажется, военной службой, онъ потомъ поступилъ въ монастырь и всецѣло предался подвигамъ благочестія и изученія вѣры. Онъ написалъ *Напоминаніе* вовсе не съ цѣлью изложить правила для руководства Церкви при обсужденіи вопросовъ вѣры и нравственности, но чтобы, такъ сказать, уяснить себѣ самому собственную вѣру, приводя на память, въ видѣ справочнаго указателя, поученія богоугодныхъ мужей о томъ, что дѣлать „частнымъ людямъ и простымъ вѣрующимъ“ при разрастающихся лжеученіяхъ? Вотъ собственныя его о томъ слова: „Для меня довольно

того, что я въ помощь своей памяти (или скорѣй забывчивости) составилъ настоящее руководство, которое, припоминая все, въ былое время преподанное, я съ Божіей милостью, постараюсь день за днемъ мало-по-малу *исправлять* и совершенствовать; и, думается мнѣ, я хорошо сдѣлалъ, предупредивъ объ этомъ, дабы, въ случаѣ если мое писаніе сохранится и попадетъ въ руки святыхъ мужей, они не поторопились бы осужденіемъ того, что въ немъ прочтуть, зная, что я здѣсь обѣщаюсь съ дальнѣйшими поправками приняться за лучшую и болѣе исправную отдѣлку онаго. (Quod adhuc videant promissa emendatione limandum)“.

Подобная рѣчь, конечно, не принадлежитъ человѣку, который задался мыслью учить Церковь. Стало быть, подумаетъ иной, въ случаѣ, если въ его книгѣ найдутся какія-либо выраженія, несогласныя съ ученіемъ Церкви, св. Викентій даетъ право смотрѣть на нихъ, какъ на подлежащія обѣщанному исправленію; но это не такъ: имѣя единственно въ виду дать себѣ самому возможность отличить истину отъ лжеученій еретиковъ, въ вопросахъ еще *соборне* не опредѣленныхъ, онъ не могъ говорить иначе.

Представимъ себѣ человѣка, который задался бы мыслью употреблять на данномъ языкѣ лишь слова, бывшія въ обращеніи со времени одного какого-нибудь автора, хотя бы на англійскомъ языкѣ, со времени, скажемъ, Чаусера. Онъ не увѣренъ, принадлежитъ ли къ таковымъ то слово, которое онъ намѣренъ записать. У него нѣтъ ни словаря, ни человѣка, къ кому обратиться, но передъ нимъ лежатъ образцовыя сочиненія англійской литературы со временъ Чаусера и до нашихъ дней. Онъ справляется въ нихъ, и такъ какъ искомое слово, по означенію своему, употребляется часто, то нашъ писатель встрѣчаетъ его *вездѣ*, т. е. у авторовъ жившихъ или живущихъ во всѣхъ частяхъ британской имперіи; *всегда*, т. е. начиная съ Чаусера и до нашихъ дней, и у *всѣхъ*, т. е. не у нѣкоторыхъ только авторовъ, но у всѣхъ, рѣшительно признанныхъ классическими, авторовъ англійской литера-

туры. Онъ, стало быть, имѣеть полное право считать данное слово чисто-англійскимъ, такъ какъ оно было въ обращеніи *вездѣ, всегда и у встѣхъ*.

Совершенно въ одинаковомъ положеніи съ нашимъ писателемъ находился и св. Викентій, само собою разумѣется, не по отношенію къ чистотѣ употребленныхъ имъ латинскихъ словъ, но по отношенію чистоты догматическихъ ученій, которыхъ онъ долженъ былъ держаться. Обитель, въ которой онъ жилъ, находилась на небольшомъ островѣ Средиземнаго моря ¹⁾ и славилась въ свое время благочестіемъ и ученостію своихъ иноковъ. Книгохранилище монастырское заключало, вѣроятно, не одни по нынѣ сохранившіяся творенія изъ писанныхъ до 434 г. (годъ написанія *Напоминанія*), но и многія сочиненія, упоминаемыя отцами и для насъ потерянные. За это время состоялось только три вселенскихъ собора: первый—никейскій (325 г.), второй—константинопольскій (381 г.) и третій—ефесскій (431 г.). Они не собирались съ цѣлью изложить подробно „все“, что содержится въ истинахъ божественнаго откровенія, но съ тѣмъ, чтобы уяснить и утвердить нѣкоторыя истины ввиду современныхъ ересей. Въ случаѣ сомнѣнія относительно какого-нибудь вопроса (изъ тѣхъ, разумѣется, которые не подверглись опредѣленію вышеупомянутыхъ соборовъ), св. Викентій не могъ держаться лучшаго способа, какъ прибѣгнуть къ монастырской библіотекѣ и, „согласно съ преподаннымъ“, справиться съ отеческими твореніями. Когда онъ находилъ по ихъ свидѣтельству, что Церковь держалась извѣстнаго ученія *вездѣ*, т. е. что его придерживались вѣрующіе повсюду живущіе, даже въ самыхъ отдаленныхъ предѣлахъ тогдашняго христіанскаго міра, что оно *всегда* было признаваемо Церковью, т. е. со временъ Спасителя до его времени, и *встѣми*, т. е. всѣми считавшимися истинными христіанами, св. Викентій могъ пра-

¹⁾ На недалекомъ разстояніи отъ южнаго берега Франціи, противъ нынѣшняго города Каннъ.

вильно заключить, что рассматриваемое имъ ученіе было несомнѣнно истиннымъ христіанскимъ ученіемъ, потому что *вездѣ, всегда, всѣ* его держались.

Но пойдѣмъ дальше. Изъ того, что то ученіе, въ которое *вездѣ, всегда, всѣ* вѣрили, несомнѣнно дѣйствительное ученіе Церкви, слѣдуетъ ли, что *только одни* подобныя ученія дѣйствительно христіанскія? Конечно—нѣтъ, какъ изъ того факта, что извѣстныя слова, бывшія въ употребленіи *вездѣ, всегда и у всѣхъ*, несомнѣнно принадлежатъ данному языку, не слѣдуетъ, что *только они одни* ему принадлежатъ.

Св. Викентій не только допускаетъ возможность отпаденія нѣкоторыхъ лицъ отъ правой вѣры, но, идя дальше, предполагаетъ совращеніе значительнаго большинства въ ересь и спрашиваетъ: „Что дѣлать благочестивому христіанину, если цѣлая часть Церкви отсѣчется отъ общенія вселенской вѣры? Онъ предпочтетъ здравіе всего тѣла смраду очумленнаго и гнилаго члена. Но если новый недугъ заразить уже не малую только часть Церкви, а всю Церковь—какъ ему тогда поступить? Онъ тогда обратится и прилѣпится къ прошлому, котораго не властны перемѣнить никакія ухищренія новшествъ“. Совѣтъ обратиться къ прошлому не голословное изреченіе со стороны св. Викентія, потому что, говоря объ епископахъ, которые наиболѣе ревностно боролись противъ Арія, онъ показываетъ, какъ они почти весь міръ возвратили отъ новаго лукавства къ древнему благочестію, отъ новаго безумія къ древней вѣрѣ и отъ мрака новшествъ къ спасительному ея свѣту.

Но вотъ является и такой случай: прошлое не представляетъ вселенскаго согласія относительно чего-нибудь. „Что дѣлать, пишетъ бл. отецъ, если въ самой древности и между отцами древними найдутся нѣкоторые, въ чемъ-либо не чуждые заблужденію? Или, пожалуй, не двое или трое, а цѣлый городъ, или даже область? Тогда благочестивый христіанинъ съ усердіемъ и всякимъ прилежаніемъ предпочтетъ древнія соборныя рѣшенія и толкованія, *буде таковыя имѣются, дер-*

зости и невѣжеству немногихъ. Но что дѣлать въ такомъ случаѣ, *если соборныхъ рѣшеній и толкованій нѣтъ?*“ и т. д. Спрашивается, что доказываютъ подобныя изреченія, если не то, что по мнѣнью св. Викентія ученіе можетъ быть вполне христіанскимъ, хотя бы не *вездѣ* *всѣ* его держались?

Однако мы еще не доказали нашего предложенія. Въ афоризмѣ св. Викентія есть третье слово, которое не можетъ уйти отъ вниманія противниковъ римской церкви, а именно не совсѣмъ удобное слово *всегда*. Враги Церкви не прочь допустить, что нѣкоторыя ученія могутъ быть правильны и тогда, когда они не *вездѣ* и не *всѣми* признавались, но подъ условіемъ однако, чтобы они хотя нѣкоторыми *всегда* считались правильными.

Догматъ о неосшибочности первосѣдальника выдерживаетъ ли подобную провѣрку? Не новый ли онъ догматъ? Вопросъ здѣсь тѣмъ важнѣе, что мы не прибѣгнемъ ни къ какимъ авторитетамъ или доказательствамъ въ пользу нашей темы, а будемъ придерживаться исключительно воззрѣній лиринскаго монаха, который смотрѣлъ на Церковь Христову какъ „на вѣрную и радивую оберегательницу ученій, отданныхъ ей на храненіе, въ коихъ она никогда ничего не измѣняетъ, не убавляетъ и не добавляетъ“. Какъ бы странно это ни показалось, человѣкъ, написавшій вышесказанное, все-таки такъ далекъ отъ поклоненія „*statui quo*“ въ христіанскомъ ученіи, что говоритъ о развитіи его въ выраженіяхъ не менѣе сильныхъ, чѣмъ обыкновенно приводимыя въ пользу развитія промышленности, торговли и тому подобнаго. Толкуя слова Апостола Павла: „Храни преподанное тебѣ“ ¹⁾ святой Викентій говоритъ: „Такимъ же образомъ и ты передай то, чему научился, съ тѣмъ, чтобы, поучая новымъ способомъ, не преподавать новаго“, а дальше продолжаетъ: „Но, быть можетъ, иной скажетъ: не будетъ, значить, развитія вѣры Церкви Христовой? Напротивъ, пусть получитъ она возможно большее развитіе, ибо гдѣ такой завистникъ людей

¹⁾ 1 Тим. VI, 20.

или ненавистникъ Бога, который силился бы тому противиться?“ Стоит прочесть всю главу, но мы ограничимся одной выдержкой, такъ какъ остальное болѣе или менѣе повтореніе того же. „Итакъ, продолжаетъ бл. отецъ, уму, разумѣнію и познаніямъ каждаго и всѣхъ, т. е. какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и Церкви, въ цѣломъ взятой, надлежитъ съ теченіемъ времени рости и подыматься и много и обильно развиваться; но при всемъ томъ развиваться только изъ собственной сути и природы, т. е. въ той самой вѣрѣ, въ томъ же смыслѣ и томъ же духѣ. Пусть вѣра души нашей будетъ схожа въ этомъ съ природою нашего тѣла, которое съ годами и развивається и растеть, а все таки остается однимъ и тѣмъ же тѣломъ. Великая разница между цвѣтущей молодостью и зрѣлымъ возрастомъ, а все-таки старѣютъ тѣ же люди, которые когда то были молоды; возрастъ и состояніе того же человѣка измѣнились, но остается все одна и та же сущность, все одинъ и тотъ же человѣкъ. У младенца члены малы, у юноши больше, а все-таки не другіе члены, а все тѣ же члены. Сколько суставовъ у ребенка, столько и у взрослоаго и если что у человѣка разовьется съ годами, значить, оно уже вложено было въ него при самомъ рожденіи, въ видѣ сѣмени. Итакъ: ничего нѣтъ въ старости у человѣка, что бы въ дѣтствѣ еще не лежало въ немъ сокровенно“.

Остановимся на прочитанномъ. Поле, предоставленное св. Викентіемъ для развитія христіанской вѣры, касается не только ученій, которыя въ первыхъ порахъ Церкви, подобно членамъ новорожденнаго, не представляли еще полноты развитія и совершенства сложенія, но также и догматовъ, которые сначала жили въ ней зачаточно, или, по выраженію нашего автора, находились въ ней какъ положенное сѣмя и лежали сокровенно въ младенческой Церкви. Допустимъ теперь, что раньше извѣстнаго времени мы дѣйствительно не встрѣчаемъ довольно вѣскихъ доказательствъ о вѣрѣ въ неосшибочность первосѣдальной каѳедры, но послѣ всего сказаннаго неужели самъ св. Викентій не даетъ намъ права

смотримъ на этотъ догматъ, какъ на ученіе, присущее Церкви и которое, на подобіе сѣмени, лежало въ ней сокровенно? И, пользуясь дальше сравненіемъ автора между ростомъ дерева и развитіемъ христіанской вѣры, возможно ли доказать съ одной стороны, что опредѣленіе о неошибочности *не есть развитіе той самой вѣры въ томъ же смыслѣ и духѣ*, а съ другой—что разница между сѣменемъ и деревомъ, между зародышемъ въ материнской утробѣ и взрослымъ человѣкомъ больше, чѣмъ между словами Спасителя „Ты Петръ, и на семъ камнѣ Я создамъ Церковь Мою“ и „Паси овцевъ Моихъ, паси овцезъ Моихъ“ и ученіемъ о неошибочности Петрова преемника? Если намъ возразятъ, что подобное толкованіе словъ Спасителя натянуто и не встрѣчается въ первые вѣка христіанства, то мы отвѣтимъ словами св. Викентія, обращенными имъ, въ лицѣ „Тимоѳея“, ко всѣмъ священникамъ и учителямъ Церкви Божіей: „Будь ты веселиломъ духовной кожи; будь рѣзчикомъ драгоценныхъ камней божественнаго ученія; съ радѣніемъ вставляй ихъ въ оправу и, прилежно заботясь объ ихъ убранствѣ, придавай имъ блескъ, лѣпоту и прелесть. Пусть то, чему прежде вѣрили въ потемкахъ, станетъ, изложенное тобой, болѣе яснымъ; пусть потомство возрадуется, что твоими трудами оно пришло къ познанію того, чему прежде поклонялось безъ пониманія“. Кажется, мы не обольщаемся: наше завѣреніе, что изъ „афоризма“ ничего нельзя извлечь противъ опредѣленія о „неошибочности“, нами доказано. Мы выяснили, что св. Викентій самъ допускаетъ:

1) Что ученіе можетъ быть истинно католическимъ, хотя оно не постоянно существовало *вездѣ*.

2) Что ученіе можетъ быть истинно католическимъ, хотя въ него не всегда вѣрили *всѣ*.

3) Что ученіе истинно католическое могло существовать „подобно сѣмени сокровенно“ въ младенческой Церкви и что древность могла уважать нѣкоторые изъ „драгоценныхъ камней божественнаго ученія“ (подъ коими только можно

разумѣть слова и поученія Господни), не понимая полноты смысла ихъ.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что приверженцы римской Церкви имѣютъ столько же права называть догматъ „неошибочности“ развитіемъ ученія, сокрытаго въ словахъ Спасителя, обращенныхъ къ Петру, сколько противники ихъ—обзывать этотъ догматъ перемѣной въ вѣрѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ выходитъ также, что знаменитый афоризмъ не рѣшаетъ вопроса. Къ кому же обратиться? Мы могли бы ограничиться логикой фактовъ: въ самомъ дѣлѣ—всегда признанное ученіе о непогрѣшимости Церкви такъ мало измѣнилось съ догматомъ о безошибочности первосѣдальника, что если вѣрные чада Церкви ему вѣрятъ, то именно въ силу того, что постановленіе о немъ состоялось по опредѣленію Церкви, въ непогрѣшимость которой они всегда вѣрили. Но въ виду того, что лиринскій подвижникъ, точно предугадывая настоящія пренія, самымъ яснымъ образомъ высказалъ, что онъ понимаетъ подъ „перемѣной въ вѣрѣ“, то всего лучше вернуться къ нему. Если его объясненіе окажется неприложимымъ къ нашей цѣли, то мы приведемъ другое косвенное, но вѣское доказательство того, что напрасно ссылаются на св. Викентія для опроверженія послѣдняго постановленія ватиканскаго собора.

Св. Викентій говоритъ о перемѣнѣ въ вѣрѣ въ той же главѣ, въ которой онъ такъ ясно высказывается за развитіе ея. Выслушаемъ до конца безпристрастнаго свидѣтеля. Назвавъ „завистникомъ людей и ненавистникомъ Бога“ всякаго, кто пытался бы помѣшать „самому большому развитію христіанской вѣры“, онъ продолжаетъ: „Однако надо, чтобы это совершалось такъ, чтобы послѣдовало дѣйствительно развитіе, а не измѣненіе, ибо въ томъ именно заключается суть развитія, что предметъ растетъ изъ самого себя, а суть перемѣны въ томъ, что какой-нибудь предметъ обращается изъ того, чѣмъ былъ, въ нѣчто другое, чѣмъ онъ не былъ“.

Приложимъ сказанное къ нашей темѣ. Перемѣна, объ-

ясняетъ авторъ, предполагаетъ обращеніе предмета изъ того, чѣмъ онъ былъ въ нѣчто другое, чѣмъ онъ не былъ. По отношенію къ *неошибочности*, это значило-бы обращеніе отъ положительнаго, воспринятаго вѣрой, ученія объ *ошибочности* Петрова преемника къ ученію, также вѣрой воспринятому, о его *неошибочности*. Даже ребенокъ пойметъ, что опредѣленіе ватиканскаго собора нельзя назвать „перемѣной въ вѣрѣ“, если нельзя при этомъ доказать, что раньше извѣстнаго времени вѣрующіе положительно держались *по вѣроопредѣленію*, что папа даже съ кафедры, т. е., говоря какъ учитель вселенской Церкви,—*ошибоченъ*. Спрашивается, гдѣ найдется свидѣтельство о томъ, что въ первыхъ вѣкахъ христіанства, или въ какой-либо періодъ церковной жизни, существовало положительное и *вѣрой* воспринятое ученіе объ ошибочности первосѣдальника въ отправленіи верховнаго учительства? Возраженіе наше получить большую силу, если принять во вниманіе, что по поводу вопросовъ, о коихъ не имѣется соборнаго опредѣленія, св. Викентій говоритъ: „Вѣрующій долженъ справляться съ мнѣніемъ древнихъ отцевъ, однако не всѣхъ ¹⁾, а тѣхъ, которые, живя въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ и пребывая въ общеніи и вѣрѣ единой католической Церкви, были признаны надежными руководителями и учителями; чего они держались, не одинъ или двое изъ нихъ, но всѣ совокупно, единогласно и постоянно, — о чемъ они писали и чему наставляли — пусть то вѣрующій усвоитъ себѣ безъ позыбаній или сомнѣній“. Когда, спрашивается, „признанные учителя совокупно, единогласно и постоянно держались“ ученія объ ошибочности первосѣдальника или писали и учили, что онъ *ошибоченъ*, въ смыслѣ рѣшающаго голоса непогрѣшимаго учительства, т. е. что онъ *ошибоченъ* именно въ томъ смыслѣ, въ которомъ согласно опредѣленію ватиканскаго собора онъ *неошибоченъ*?

Иной, быть можетъ, скажетъ, что мы играемъ выразе-

¹⁾ Опять исключеніе изъ правила «*ab omnibus*».

ніемъ „перемѣна въ вѣрѣ“ и возразить, что противники римской Церкви именно и видятъ „перемѣну въ вѣрѣ“ въ томъ, что обыкновенно называется „новымъ догматомъ“. Если бы намъ дано было убѣдить всѣхъ интересующихся вопросомъ отказаться разъ на всегда не только отъ непримѣнимаго къ ихъ цѣли „афоризма“, но также отъ не болѣе примѣнимаго выраженія „перемѣна въ вѣрѣ“, то мы сочли бы себя вознагражденными выше надеждъ за трудъ, нами предпринятый въ настоящемъ очеркѣ. Поэтому мы охотно покоряемся замѣчанію, принимаемъ его не споря и вмѣсто возраженій справимся съ мнѣніемъ св. Викентія о „новыхъ догматахъ“. Авторъ *Напоминанія*, какъ извѣстно, положительный врагъ того, что Апостоль Павелъ называетъ „обольщеніемъ суетныхъ словъ“, и самъ объясняетъ, что онъ подъ этимъ выраженіемъ понимаетъ: „Обольщеніе суетныхъ словъ, говоритъ онъ,—новшества въ ученіи и предметахъ вѣры, мнѣнія, противныя древнему благочестію и старинѣ и отъ которыхъ, если бы мы ихъ приняли, святая вѣра блаженныхъ нашихъ отцевъ поневолѣ большей частью, а пожалуй и всецѣло, погибла бы. И о вѣрующихъ всѣхъ лѣтъ и временъ, о святыхъ всѣхъ, о воздерженникахъ, о дѣвственникахъ, дѣвахъ, о всемъ клирѣ, діаконахъ, пресвитерахъ, о столькихъ тысячахъ исповѣдниковъ, о великомъ воинствѣ мучениковъ, о столькихъ знаменитыхъ и многолюдныхъ городахъ и государствахъ, островахъ и областяхъ и о столь великомъ числѣ царей, племенъ и народовъ, однимъ словомъ о всей почти вселенной, объединенной святой католической вѣрой Христа, Главы ея, о нихъ всѣхъ въ такомъ случаѣ пришлось бы сказать, что они цѣлыя сотни лѣтъ жили въ невѣжествѣ и заблужденіи, *хулили вѣру* и вѣрили, не вѣдая сами чему“.

Это мѣсто, подобно афоризму „*quod ubique, quod semper, quod ab omnibus*“, имѣетъ преимущество удовлетворять обѣ стороны. Противники *неошибочности* съ торжествомъ указываютъ на слова: „цѣлыя сотни лѣтъ жили въ невѣжествѣ, заблуждались... вѣрили, не вѣдая сами чему“; по ихъ мнѣнію то,

что предусматрѣно въ этихъ словахъ, то именно и случилось въ Церкви съ провозглашеніемъ *неошибочности*; вѣрующіе въ нее, съ своей стороны, указываютъ не съ меньшимъ удовольствіемъ на слова „*мнѣнія, противныя древнему благочестію и старинѣ... и хулили въру*“. То, что противно чему-нибудь, предполагаетъ существованіе *до себя* того самого, чему оно противорѣчитъ, а не одно свое *несуществованіе*; то, что „*хулятъ*“, есть *нѣчто положительное*, а не только неизвѣстное или незамѣченное. Изъ этого слѣдуетъ, что ученіе о *неошибочности* никоимъ образомъ не могло быть „хулимо“ и не можетъ быть „противнымъ древнему благочестію и старинѣ“,—развѣ будетъ доказано, что въ старину всѣ, или, по крайней мѣрѣ, тѣ, которыхъ св. Викентій называетъ „признанными руководителями и учителями“, положительно отвергали *неошибочность* *первосѣдальника* въ рѣшеніи вопросовъ вѣры и нравственности, т. е. при исполненіи своего служенія, какъ вселенскаго пастыря и учителя. Кроме того, что касается словъ: „они вѣрили, не вѣдая сами чему“, то не надо терять изъ виду, что св. Викентій допускаетъ возможность почитанія „нѣкоторыхъ изъ драгоценныхъ камней божественнаго ученія“, хотя бы пониманіе о нихъ было тускло. Очевидно, что если приведенное мѣсто не говоритъ прямо въ пользу поборниковъ *неошибочности*, оно во всякомъ случаѣ не болѣе противъ нихъ, чѣмъ противъ порицателей ея.

Посмотримъ, не говоритъ ли нашъ авторъ яснѣе о новыхъ догматахъ въ слѣдующихъ строкахъ: „Никогда не было обычно Церкви принимать или держаться *обольщенія суетныхъ словъ*, противъ коихъ предостерегаетъ насъ Апостолъ Павелъ, но это всегда свойственно еретикамъ. Въ самомъ дѣлѣ: развѣ когда-либо какая ересь возникала не подъ именемъ одного лица, въ какомъ-нибудь извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстное время? И гдѣ виновникъ ереси, который не началъ бы съ того, что отдѣлился отъ вселенскаго и древняго согласія *каѳолической Церкви*?“ Итакъ, „*обольщеніе сует-*

ныхъ словъ“ или, какъ св. Викентій ихъ называетъ, „новшествовъ въ ученіи“, по его мнѣнію, ничто иное, какъ „ереси“. Пусть же скажутъ по совѣсти, примѣнимо ли его опредѣленіе о ереси къ данному вопросу? Подъ чьимъ именемъ возникло такъ называемое „новшество“ (или „ересь“) о „неошибочности“ первосѣдальной каѳедры? Гдѣ и въ какое опредѣленное время появилось оно впервые, и кто изобрѣтатель этой ереси, начавшій съ того, что отдѣлился ради нея отъ вселенскаго и древняго согласія и авторитета каѳолической Церкви? Передъ нами историческій фактъ, котораго отрицать нельзя: никогда поборникъ „неошибочности“ никѣмъ не считался еретикомъ, никогда вѣра въ „неошибочность“ ничѣмъ не употреблялась ереси. Фактъ еще болѣе знаменателенъ, если принять во вниманіе положеніе дѣла во время флорентинскаго собора (1439 года). Восточные епископы, возсѣдавшіе на немъ, знали, что большое число западныхъ епископовъ, богослововъ и простыхъ вѣрующихъ держались ученія о неошибочности, между тѣмъ они въ этомъ отношеніи не произнесли ни единого слова порицанія противъ нихъ. Допустимъ, что восточные, подписывая *актъ возсоединенія*, не имѣли въ виду закрѣпить ученіе о неошибочности, но тѣмъ не менѣе во всѣхъ дѣянiяхъ флорентинскаго собора нѣтъ ни одного извѣстія объ осужденіи, съ ихъ стороны, приверженцевъ „неошибочности“. Подобное поведеніе восточныхъ епископовъ отнимаетъ послѣднюю возможность подвести ученіе о неошибочности подъ толкованіе св. Викентія о „суетныхъ словахъ“ и „новшествахъ“ 1).

Слѣдуетъ также обратить вниманіе на фактъ, который

1) Напомнимъ, съ своей стороны, что еще полтора столѣтія лѣтъ *послѣ* флорентинскаго собора ученіе «о неошибочности Петрова преемника» не мѣшаетъ константинопольскому патріарху Іереміи, въ отвѣтъ своемъ протестантамъ, удивляться тому, что они, несогласные между собой и раздѣленные на безчисленное множество толковъ, воображаютъ себя мудрѣе и умнѣе отцевъ Церкви и Церквей «древняго» и «новаго» Рима. Ссылка на авторитетъ *церкви древняго Рима* не совмѣстима съ подозрѣніемъ въ ереси. (Прим. переводчика).

слишкомъ упускается изъ виду протестантскими толкователями *Напоминанія*, а именно: съ одной стороны авторъ возстаетъ противъ всякихъ новшествъ, а съ другой (и не съ меньшей силой) — противъ всякаго, даже малѣйшаго, нарушенія неприкосновенности „вклада“, отданнаго Церкви на храненіе; на примѣръ: „Христіанская вѣра, пишетъ онъ, не допускаетъ ни измѣненій, ни растраты имущества, ни отъѣны своихъ опредѣленій“ ¹⁾, и дальше: „Законно, конечно, чтобы древнія поученія божественной мудрости съ теченіемъ времени подверглись отдѣлкѣ, но не законно искажать ихъ или искалѣчивать“. А въ томъ мѣстѣ, которое какъ разъ считается „рѣшающимъ“ противъ римской церкви, читается: „Церковь Христова—бережная и ревнивая блюстительница догматовъ, препорученныхъ ей храненію; она никогда въ нихъ ничего не измѣняетъ, не убавляетъ, не прибавляетъ; нужнаго она не отсѣкаетъ, ненужнаго не прилагаетъ и собственнаго не теряетъ“.

Итакъ, согласно св. Викентію, Церковь должна не только противиться новшествамъ въ ученіи, но также бдительно слѣдить за тѣмъ, чтобы ничего не утратилось, не исказилось или искалѣчилось изъ ей принадлежащаго, изъ того, что составляетъ „ея имущество“. Не забудемъ, что часть этого имущества, этой неприкосновенной собственности Церкви—*„догматы лишь намѣченные и еще въ зачаткѣ“*,—это сказано не нами, но тѣмъ, котораго намъ противопоставляютъ. Вотъ его слова: „У Церкви одна забота—благочестивымъ и осторожнымъ охраненіемъ старины совершенствовать и довершать, что прошлымъ намѣчено и начато; что выражено и объяснено—то утверждать и опредѣлять, а что уже опредѣлено и утверждено—то соблюдать“.

Приведенныя слова служатъ объясненіемъ историческаго развитія догматовъ, коихъ опредѣленіе состоялось въ предшествовавшее св. Викентію время, и вмѣстѣ съ тѣмъ—пред-

¹⁾ Объясненіе сему см. въ концѣ.

сказаніемъ о вѣхъ послѣдовать имѣющихъ. Не инымъ путемъ состоялось и опредѣленіе о неосшибочности первосѣдальника въ рѣшеніи вопросовъ вѣры.

Пусть всѣ, законно и правильно стоящіе за то, чтобы Церковь исполняла свою обязанность „отмѣчать новшества“, не теряли бы также изъ виду равносильной обязанности ея „не терять ничего своего“ и имѣть попеченіе „о большемъ развитіи вѣры“ и пусть толкователи св. Викентія не разрываютъ того, что имъ связано во едино.

До сихъ поръ мы разбирали отрицательную сторону вопроса, стараясь выяснить, что ни „афоризма“ *quod ubique, quod semper, quod ab omnibus*, ни тѣхъ мѣстъ, въ коихъ св. Викентій говоритъ о перемѣнѣ въ вѣрѣ и о новыхъ догматахъ (и на которыя, по содержанію ихъ, надо смотрѣть какъ на лучшія толкованія афоризма), нельзя выставлять доказательствомъ противъ „догмата о неосшибочности“. Но этого мало: намъ остается доказать, что признаніе этого догмата не только не противорѣчитъ, но напротивъ, согласуется съ началами, выраженными св. Викентіемъ. Если мы въ этомъ успѣемъ, то шумъ, поднятый во имя „афоризма“, обратится въ нашу пользу и основанныя на немъ сужденія нашихъ противниковъ разрушатся. Пусть читатель познакомится съ ихъ доводами.

Нами уже сказано, что если мы вѣримъ согласно послѣднему опредѣленію ватиканскаго собора, то это въ силу того, что оно произнесено вселенской Церковью, въ непогрѣшимость которой всегда вѣрили. Пока папа говорилъ одинъ (какъ будто за себя) или только извѣстное (хотя бы и значительное) число епископовъ и богослововъ защищали ученіе о неосшибочности, вопросъ не могъ считаться рѣшеннымъ, даже для самыхъ ревностныхъ католиковъ, уже по той причинѣ, что тогда никто изъ непризнающихъ ее не могъ законно считаться погрѣшающимъ въ вѣрѣ. Сказанное исполнѣ подтверждается тѣмъ, что лица, открыто высказывавшіяся противъ ученія о неосшибочности, все-таки посвя-

щались въ епископы. Человѣкъ — не потому вѣрный сынъ Церкви, что на томъ или другомъ основаніи признаетъ догматы ея, но по внутренней всецѣлой покорности всему тому, что она изрекла или изречетъ, что ея уже опредѣлено или опредѣлено будетъ. Вѣрующій долженъ быть по отношенію къ Церкви въ томъ же положеніи, въ которомъ ребенокъ находится „*de facto*“ по отношенію къ своему преподавателю, который для него непогрѣшимъ. Тому, что онъ уже съ нимъ прошелъ, ребенокъ вѣритъ вѣрой исполненной, тому, что остается еще пройти—вѣрой уповаемой. Если ребенокъ чего не понимаетъ, онъ все-таки на вѣру принимаетъ преподаваемое и, въ случаѣ спора о данномъ вопросѣ, заранѣе, каково бы ни было его воззрѣніе, подчиняется окончательному рѣшенію учителя.

Таково точно положеніе сыновъ Церкви по отношенію къ вѣроопредѣленіямъ, и наше сравненіе находитъ знаменательное подтвержденіе въ образѣ дѣйствій тѣхъ епископовъ ватиканскаго собора, которые въ качествѣ призванныхъ судей, высказавъ по долгу и совѣсти собственное мнѣніе о догматѣ (по ихъ разумѣнію недостаточно доказанномъ), послѣ соборнаго о немъ постановленія искренно ему подчинились. Въ нашихъ глазахъ они этимъ не только удостоились похвалы, согласно св. Писанію: *Владѣющій собою лучше завоевателя города* ¹⁾, но, кромѣ того, показали себя совершенно послѣдовательными съ правилами Церкви, которой не переставали быть вѣрными и тогда, когда самымъ сильнымъ образомъ высказывались противъ предстоявшаго опредѣленія. Кстати будь сказано: поведеніе ихъ оказывается во всемъ согласнымъ съ примѣромъ, даннымъ святымъ Викентіемъ, который, какъ ни кажется увѣреннымъ въ собственныхъ словахъ и привязаннымъ къ личному своему мнѣнію, въ концѣ *Напоминанія* дѣлаетъ неожиданно слѣдующее заявленіе: „Дабы не подумали, что мы говоримъ болѣе по

¹⁾ Притч. Сол. XVI, 32.

своему разумѣнію, чѣмъ въ силу авторитета Церкви, мы привели примѣръ изъ ефесскаго собора“. Нѣтъ! лиринскій монахъ не союзникъ для поборниковъ свободнаго толкованія вопросовъ вѣры и нравственности!

Распростившись съ нимъ въ качествѣ таковаго, посмотримъ, не дѣлаеть ли онъ однако исключенія въ пользу личнаго мнѣнія въ тѣхъ случаяхъ, когда оно находитъ себѣ подтвержденіе въ св. Писаніи. „Стремясь узнать, говоритъ онъ, какимъ способомъ, по общему правилу, отличить истинную католическую вѣру отъ лжеученій и пагубныхъ ересей, я часто спрашивалъ объ этомъ у опытныхъ, святыхъ и ученыхъ мужей и обыкновенно получалъ отъ нихъ слѣдующій отвѣтъ: если я, или кто другой, хочетъ уличить обманъ еретиковъ и избѣжать ихъ козней, дабы самому пребывать твердымъ въ правой вѣрѣ, на то имѣется съ Божьей помощью два способа: первый—св. Писаніе, второй—преданіе католической Церкви. Тутъ иной, быть можетъ, скажетъ: такъ какъ св. Писаніе совершенно и само по себѣ во всемъ достаточно, какая надобность прибавлять еще къ нему авторитетъ и преданіе Церкви? А вотъ почему: Писаніе такъ глубоко, что не всѣ понимаютъ его въ одномъ и томъ же смыслѣ; разными оно различно понимается; каждый излагаетъ и толкуетъ Писаніе по своему и можно сказать: сколько людей, столько и мнѣній“. И, распространяясь объ этомъ, св. Викентій не упускаетъ изъ виду, что диаволь, искушая Спасителя, прибѣгъ къ Св. Писанію ¹⁾ Трудно выразиться рѣшительнѣе противъ личнаго толкованія вѣры. И, поступая такимъ образомъ, нашъ авторъ является отголоскомъ всемірно-извѣстнаго изреченія бл. Августина: „Я бы въ Евангеліе не вѣрилъ, еслибъ авторитетъ Католической Церкви меня къ тому не побуждалъ“ ²⁾.

¹⁾ Примѣръ этотъ часто приводится въ отеческихъ твореніяхъ (*Прим. переводчика*).

²⁾ Бл. Августинъ, Противъ Манихейнъ.

Но въ чемъ однако полагаетъ св. Викентій непогрѣшимость Церкви?

Кто знакомъ съ *Напоминаніемъ*, тому извѣстно, что вселенскіе соборы для лиринскаго подвижника безусловно непогрѣшимы. Онъ часто настаиваетъ на этомъ, и даже знаменитый его „афоризмъ“ имѣетъ въ виду только тѣ вопросы, коихъ разрѣшеніе представляется затруднительнымъ именно за неимѣніемъ о нихъ соборнаго опредѣленія. Вотъ собственныя его выраженія: „Въ самой старинѣ надлежитъ принимать во вниманіе двѣ вещи, которыя всякій, не желающій попасть въ ересь, долженъ непремѣнно соблюдать. Первая—держаться того, что опредѣлено было всѣми священниками католической Церкви властью вселенскаго собора; вторая—въ случаѣ возникновенія новаго вопроса, о которомъ нѣтъ такого опредѣленія, обращаться къ изреченіямъ отцевъ“ и т. д. Слѣдовательно: подъ „непогрѣшимой Церковью“ разумѣется здѣсь Церковь, сошедшаяся на вселенскомъ соборѣ. Не сошлась ли Церковь на вселенскомъ соборѣ въ 1870 г. и ватиканскій соборъ не былъ ли вселенскимъ? Святой Викентій, при всемъ своемъ уваженіи къ старинѣ, такъ далекъ отъ мысли считать число вселенскихъ соборовъ ограниченымъ какой-либо предопредѣленной цифрой, что въ подтвержденіе своего мнѣнія онъ приводитъ наравнѣ съ древними свидѣтельствами свидѣтельство ефесскаго собора, бывшаго въ 431 г., т. е. всего за три года до составленія *Напоминанія*. Неужели, послѣ этого, христіане западнаго благочестія расходятся съ воззрѣніями св. Викентія, принимая на вѣру то, что преподано ватиканскимъ соборомъ? Никто не потребуетъ отъ нихъ, чтобы они не признавали его вселенскимъ на томъ основаніи, что на немъ не присутствовали ни епископы восточные, ни *епископы англиканской церкви*. Что касается послѣднихъ, то остается еще отыскать, въ силу чего можно ихъ считать „*епископами*“. Трудно смотрѣть на лица, прямо отвергающія таинство священства и громко объявляющія, что они признаютъ только два таинства, какъ на осѣненныхъ

епископской властью. Что же касается восточныхъ, т. е. православныхъ епископовъ, то приглашеніе участвовать на соборѣ было имъ послано...

Но пойдѣмъ дальше. Многіе, подѣ впечатлѣніемъ отзывовъ печати о ватиканскомъ соборѣ, считаютъ труднымъ принять на вѣру опредѣленіе, состоявшееся будто бы подѣ вліяніемъ разыгравшихся страстей. И для нихъ также находится готовый отвѣтъ въ *Напоминаніи*. Авторъ, которому извѣстны были проявленія страстей на бывшихъ до него и въ его время соборахъ, не призываетъ вѣрующихъ къ обсужденію того, какимъ путемъ они доходили до вѣроопредѣленій, но къ смиренному подчиненію этимъ опредѣленіямъ, какъ изреченіямъ Св. Духа. Чудесная, божественная помощь, Церковью именуемая непогрѣшимостью, присуща соборнымъ вѣроопредѣленіямъ, а не предварительнымъ трудамъ соборовъ.

Однако, живи св. Викентій въ наше время, упрекъ въ „клерикализмъ“ не миновалъ бы его. Онъ показываетъ намъ Церковь живымъ организмомъ, тѣломъ, одареннымъ свойствомъ несокрушимости, и способной возвѣщать намъ истину и въ будущемъ и даже тогда, когда она соборне не сошлась. Толкуя слова Апостола Павла: *Храни преданное тебѣ*, бл. отецъ пишетъ: „Кто нынѣ Тимофей? Вся ли Церковь, или сонмъ святителей? Нуждающіеся сами въ основательномъ знаніи вѣры, или имѣющіе сообщать ее другимъ?“ Оставимъ лучше ватиканскій соборъ! Если вслѣдъ за св. Викентіемъ мы обратились бы къ сонму святителей, нынѣ правящихъ западной церковью, съ вопросомъ: ошибоченъ ли первосѣдальникъ, говорящій съ кафедры, или нешибоченъ? какой послѣдовалъ бы единогласный отвѣтъ?

Предложенное испытаніе окажется тѣтъ затруднительнѣе для осуждающихъ ватиканское опредѣленіе, на основаніи *будто бы* мнѣнія св. Викентія, что мы положительно получили бы единогласный отвѣтъ—„нешибоченъ“, между тѣмъ какъ св. Викентій даже отъ древности не требуетъ едино-

гласія, а лишь *согласія почти всѣхъ* (repe omnium) *признанныхъ* учителей Церкви. Опять таки, значитъ, подчиняясь опредѣленію ватиканскаго собора, мы не противорѣчимъ ученію приведеннаго противъ насъ свидѣтеля.

Но, пожалуй, заподозрять насъ въ желаніи выставить лиринскаго подвижника поборникомъ догмата о неошибочности? Нисколько, и въ доказательство того, что мы далеки отъ этого, предоставимъ ему еще одно послѣднее слово.

Подводя итогъ всему имъ изложенному, св. Викентій говоритъ: „Хотя и всего сказаннаго было достаточно для опроверженія и низложенія всѣхъ неблагочестивыхъ новшествъ, однако, дабы не отсутствовало чего-либо среди обилія нашихъ доказательствъ, мы считаемъ нужнымъ привести еще одно свидѣтельство, а именно: авторитетъ апостольскаго престола, дважды заявленный, разъ святѣйшимъ папой Сикстомъ, почтеннымъ мужемъ, нынѣ украшающимъ римскую Церковь, и другой разъ—предшественникомъ его блаженной памяти папой Келестиномъ“. Итакъ, самъ авторъ „афоризма“ признаетъ, что, пропусти онъ авторитетъ апостольскаго престола, чего-нибудь не доставало бы среди обилія его доказательствъ, и считаетъ нужнымъ привести, въ заключеніе всего имъ сказаннаго, свидѣтельство двухъ его сѣдальниковъ. Мы вовсе не намѣрены преувеличивать значеніе подобнаго заявленія, но все-таки спрашиваемъ: не обличаетъ ли оно въ св. Викентіѣ нѣкоторую наклонность къ принятію ученія о неошибочности Петровой катедры, и много ошибаемся ли мы, утверждая, что въ ученіи всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, во всѣхъ протестантскихъ разнорѣчивыхъ толкахъ есть много того, что въ младенческой Христовой Церкви лежало на подобіе сѣмени и не менѣе сокровенно, чѣмъ ученіе о неошибочности первосѣдальника, когда онъ говоритъ съ катедры?

ГЛАВА VIII.

Возраженія противъ догмата о неосшибочности первосѣдальника въ вѣрѣ.

Оцѣнка приведеннаго критическаго очерка зависитъ отъ взгляда каждаго. Иной найдетъ его строго послѣдовательнымъ, другой — ничего не доказывающимъ, а третій, быть можетъ, что при бѣгломъ обзорѣ минувшихъ вѣковъ онъ встрѣчался съ болѣе явными признаками зачатковъ догмата о неосшибочности земного главы Церкви, чѣмъ только-что приведенныя слова св. Викентія Лиринакаго. Жизнью своей Церковь, дѣйствительно, представляетъ явленія, поражающія сходствомъ своимъ съ догматомъ о неосшибочности первосѣдальника въ исполненіи своего служенія, какъ верховника Господомъ установленнаго священноначалія, которому Онъ заповѣдалъ проповѣдь и толкованіе истины. Вспомнимъ обращеніе благонамѣренныхъ коринѳянъ къ папѣ Клименту (въ 96 г.), слова современнаго ему Игнатія Богоносца, что во главѣ „Союза Любви“ стоитъ римская церковь, св. Иринея, что съ нею *должны* согласоваться всѣ церкви, просьбу св. Діонисія Великаго (въ 257 г.) Сиксту II разрѣшить его сомнѣнія, дабы не впасть ему въ ошибки.

Вспомнимъ, что какихъ-нибудь 180 лѣтъ послѣ кончины верховныхъ Апостоловъ, церковныя нестроенія приписываются съ полнымъ убѣжденіемъ тому, что не всѣ хотятъ, согласно божественному ученію, повиноваться единому судѣ

въ Церкви, Богомъ поставленному намѣстнику Христову ¹⁾ и не забудемъ, что преемникъ верховнаго Апостола, которому дается это имя, постоянно именуется началовождемъ истины, вселенскимъ епископомъ, стражемъ вѣры, окомъ, направляющимъ все тѣло Церкви, что вселенскіе отцы называютъ его своей главой, себя—его членами, что ефесскій соборъ объявляетъ, что Богъ всяческихъ показалъ правильность его вѣроизложенія тѣмъ, что оно оказалось согласнымъ съ прибывшимъ посланіемъ апостольской кафедры и, наконецъ, что вселенскіе соборы произносятъ свои приговоры согласно съ рѣшеніемъ святѣйшаго сѣдалища потому, что въ глазахъ Церкви нельзя осуждать то, что Петровымъ сѣдалищемъ признано православнымъ, и разрѣшать то, что имъ запрещено.

Все сказанное есть свидѣтельство Церкви о самой себѣ съ 90-хъ до 400-хъ годовъ: стало быть, если свидѣтельство тѣмъ сильнѣе, чѣмъ оно древнѣе, то нѣтъ болѣе вѣскаго и, если свидѣтельство Востока должно считаться выше западнаго, то приведенное нами самое высокое, потому что все сказанное—сказано восточными отцами. Въ доказательство неизмѣннаго значенія апостольскаго престола въ сознаніи Церкви изъ поученій западныхъ отцовъ нами приведено одно только слово св. Амвросія, а именно: „Гдѣ Петръ—тамъ Церковь“. Какъ оно ни сильно, оно все-таки уступаетъ изреченію Іоанна Златоуста: „Петръ—Церковь Божія!“ Возразятъ, быть можетъ, что кромѣ означенныхъ словъ св. Амвросія, мы привели слова легатовъ о власти, присущей апостольской кафедрѣ, съ коими они обращались къ вселенскимъ соборамъ ²⁾ и, наконецъ, изреченія самихъ первосвященниковъ? Не мы въ этомъ виноваты; никто не въ правѣ считать себя судьей того, чему съ уваженіемъ внимали вселенскіе соборы и ихъ дѣянія не подлежатъ ни чьей цензурѣ, но за то каждый подлежитъ ихъ приговору:

¹⁾ Киприанъ Карфагенскій, Посланіе противъ Новата.

²⁾ И къ тому еще въ подлинномъ ихъ видѣ.

„Горе душамъ тѣхъ, которые скрываютъ истину“. Вотъ почему мы ничего не скрыли изъ ихъ дѣяній.

Оставляя на время свидѣтельство Церкви о самой себѣ, посмотримъ, на какомъ основаніи отрицается власть апостольскаго престола, что приводится доказательствомъ противъ его значенія и къ какимъ средствамъ прибѣгаютъ для обличенія несостоятельности ученія о главенствѣ римскаго епископа. Говорятъ:

1) Ученіе о главенствѣ апостольскаго сѣдалища не извѣстно христіанской древности, чуждо католическому преданію, свойственно одной западной церкви;

2) Несостоятельность ученія обличается недостойнствомъ многихъ первосвященниковъ; далѣе тѣмъ, что къ возвышенію римскаго епископа послужила принадлежавшая ему свѣтская власть.

Разберемъ возраженія по очереди, начиная съ послѣдняго.

Мірское значеніе римскихъ епископовъ, не смотря на самовластное обращеніе съ ними представителей свѣтской верховной власти, выросло само собой во время византійскаго владычества, благодаря частому обращенію о заступничествѣ со стороны этой же власти, во имя духовнаго авторитета святѣйшаго сѣдалища. Собственно же свѣтская власть римскаго епископа возникла вслѣдствіе обладанія поземельной собственностью, состоявшей изъ вотчинъ, дарованныхъ императорами и частными лицами римской церкви и образовавшихъ такъ называемый „Патримоній святаго Петра“. Права церкви на Патримоній обратились постепенно, по примѣру правъ поземельной собственности на западѣ вообще, изъ частныхъ имущественныхъ правъ во владѣтельные государственныя. Таково начало римскаго церковнаго государства.

Свѣтская власть не представляетъ собой что-то присущее Церкви, либо свойство ея или признакъ. Созданная не отъ міра сего, Церковь ни на чемъ земномъ не утверждается и никакимъ обладаніемъ или лишеніемъ земнаго не держится и не умаляется. Значеніе апостольскаго престола сказывается

не менѣ ясно во времена, предшествующія свѣтской власти, чѣмъ въ теченіе 900-лѣтняго ея существованія.

Со времени кончины верховныхъ Апостоловъ до папы св. Сильвестра, при которомъ Константинъ Великій принялъ христіанство, римскіе епископы были подвержены, наравнѣ со всѣми пастырями и вѣрующими, языческому гоненію ¹⁾. Съ принятіемъ христіанства главой имперіи, положеніе римскаго епископа не обусловлено никакими договорами. Императоры, подъ вліяніемъ языческихъ понятій, по которымъ религія отождествляется съ народностью и государствомъ и уподобляется правительственнымъ законамъ (послѣ мимоходнаго признанія правъ человѣческой души и достоинства религіи указомъ Равноапостольнаго императора), относятся къ Церкви, смотря по тому, какого ученія они сами держались. Православные императоры оказывали уваженіе къ законнымъ пастырямъ Церкви; когда же власть переходила къ послѣдователямъ лжеученія, или когда нѣкоторые даже изъ православныхъ императоровъ не благоволили къ тому или другому святителю, послѣдніе подвергались гоненію, и положеніе римскаго епископа въ этомъ отношеніи ничѣмъ не отличалось отъ положенія остальныхъ. Такъ, первосвященники Юлій и Либерій подвергаются ссылкѣ аріанствующей властью, какъ Аѳанасій Великій и другіе, а папа Сильверій умираетъ въ заточеніи при Юстиніанѣ I, какъ Іоаннъ Златоустъ при Аркадіи. Во время готскаго владычества въ Италіи папа, оставаясь главой Церкви для православнаго христіанства, становится тѣмъ не менѣ подвластнымъ аріанскому царю, и папа Іоаннъ I умираетъ узникомъ Θεодорика. При императорѣ моноѳелитѣ папа Мартинъ подвергается бичеванію, пыткамъ и кандаламъ наравнѣ съ другими православными пастырями. Папа св. Григорій

¹⁾ Если существуетъ разница для нихъ въ этомъ отношеніи, то она состоитъ лишь въ томъ, что, находясь въ самомъ центрѣ враждебной власти, они, быть можетъ, чаще другихъ подвергаются преслѣдованію.

Великій встрѣчаетъ „лаураты“¹⁾ Фоки и его жены съ такимъ же почетомъ, съ какимъ константинопольскій патріархъ встрѣчалъ ихъ самихъ у притвора цареградской „великой церкви“. Юстиніанъ II²⁾ изувѣчилъ бы папу Сергія I за неподписаніе 102 трульскихъ правилъ не меньше, чѣмъ изувѣчилъ, подстрекаемый ненавистью, патріарха Каллиника, еслибъ посланный съ тѣмъ порученіемъ протоспаѳарій не испугался гнѣва римскихъ жителей. Говорить о римскихъ епископахъ, какъ о независимыхъ государяхъ до XI вѣка, такъ же невозможно порицателямъ, какъ и защитникамъ свѣтской власти. Отыскивать начало этой власти въ IV вѣкѣ съ цѣлью ея освященія такъ же невозможно, какъ и объяснять ею духовную верховную власть Петрова сѣдалища.

Начиная съ Константина Великаго православные императоры³⁾ щедро надѣляли римскую церковь поземельной собственностью. Вотчины ея къ концу X вѣка простирались приблизительно отъ средняго теченія Тибра до Беневента, не считая обширныхъ владѣній въ Сициліи. Въ силу превращенія частныхъ имущественныхъ правъ въ государственныя, римскій епископъ, какъ выше сказано, оказался со временемъ государемъ „Патримонія“. Но въ тѣ времена, когда внукъ Θεодосія Великаго, императоръ Валентиніанъ III, возлагалъ на папу Льва Великаго порученіе остановить Аттилу авторитетомъ своего слова, или когда папа Пелагій I поручалъ апокрисіарію⁴⁾ сообщить двору о безвыходномъ по-

¹⁾ Лаураты — окруженныя лаврами изображенія императоровъ; эта встрѣча ставится въ упрекъ великому мужу; а еслибъ онъ не отдалъ чести лауратамъ, что бы мы тогда слышали?

²⁾ Или *клятвеннопреступникъ и мучитель Римонетъ*, какъ принято церковными повѣствователями называть ревнителя трульскихъ правилъ.

³⁾ Иногда даже неправославные самодержцы, какъ напримѣръ императоръ Копронимъ, даровавшій римской церкви, за ходатайство папы Захаріи передъ лонгобардами, города Нимфу и Норму.

⁴⁾ Коемъ тогда былъ кардиналь-діаконъ изъ дома Аниціевъ, вносилъ-ствіи пала Григорій I Великій.

ложеніи экзарха и безпомощности Рима и настойчиво просить помощи противъ лонгобардовъ, на что безсильная Византія, вмѣсто требуемой помощи, отвѣчала, препоручая имперію молитвамъ его святѣйшества и просьбой заступиться за нее передъ „варварами“ (коимъ именемъ остывшій старый и одряхлѣвшій новый Римъ продолжалъ называть все, что было юно и сильно), тогда не было еще ничего похожаго на зачатки свѣтской власти. Даже съ упадкомъ восточной имперской власти, папы такъ мало еще мечтаютъ о независимой свѣтской власти, что сами, подобно всему современному міру, не допускаютъ возможности упраздненія императорской власти въ Италіи и возстановляютъ ее въ лицѣ западнаго богатыря.

Если тщетно искать свѣтскую власть римскаго епископа въ длинномъ періодѣ, предшествовавшемъ обращенію „патримонія“ въ государство, то съ другой стороны требованія самого церковнаго управленія развили, съ раннихъ временъ, административный строй, оказавшійся готовой рамкой для учрежденій по государственному управленію. Недавнее паденіе свѣтской власти папы повлекло за собой упраздненіе всѣхъ частей гражданской администраціи, оставляя неприкосновенными учрежденія по церковному управленію. Изъ нихъ нѣкоторыя ведутъ начало съ II вѣка ¹⁾, другія—съ IV и нѣтъ почти учрежденія или должности, изъ нынѣ существующихъ, которыя не были бы установлены уже въ VI вѣкѣ ²⁾.

¹⁾ Или даже съ I вѣка, какъ напримѣръ должность семи діаконовъ-надсмотрщиковъ и семи скорописцевъ, между которыхъ папа Климентъ раздѣлилъ городъ. Первая была учреждена для нуждъ администраціи, вторая — для записыванія Дѣяній св. мучениковъ, что положило начало римскому «Мученикослову».

²⁾ Прослѣдить образованіе и развитіе учрежденій центрального церковнаго управленія не входитъ въ предположенныя границы простого очерка. Для ознакомленія съ ними укажемъ, между прочимъ, на сочиненіе Грегоровіуса: «Исторія города Рима», которое не подлежитъ никакому заподозрѣнію въ «клерикализмъ», какъ по чисто научнымъ цѣлямъ, такъ и по строго протестантскимъ воззрѣніямъ автора.

Упраздненіе свѣтской власти совершилось на нашихъ глазахъ. Воображавшіе себя ревностными католиками пришли въ уныніе, враги „папства“—въ восторгъ. Какъ опасенія, такъ и надежды не оправдались. *Ревностные* католики доказали своимъ уныніемъ, что заботы ихъ ничего общаго не имѣютъ съ ревностью къ Церкви ¹⁾; *враги* папства доказали своими ожиданіями полное забвеніе прошлаго Церкви.

Ярвы обвиненія, произносимыя противъ свѣтской власти папъ, похожи на негодованіе противъ феодальнаго строя, причемъ теряется изъ виду, что ни одинъ данный строй не былъ случайной умозрительной системой, насильственно проводимой въ жизнь, но что всѣ по очереди установившіея порядки образовались по потребностямъ жизни, которая немислима внѣ какого-либо строя, и что общій ходъ развитія ведетъ отъ безвидности къ простотѣ чрезъ сложность. Ратованіе противъ прошлаго во имя сложившихся новыхъ началъ, или сожалѣніе о безвозвратномъ во имя исчезнувшихъ условій—одинако бесполезная трата силъ, только способствующая поддержанію предразсудковъ обострѣніемъ страстей. О свѣтской власти римскаго епископа можно сказать лишь одно: „Когда по слову Господа ничего не дѣлается безъ воли Божіей, то ужели кто-нибудь подумаетъ, чтобы важное дѣлалось въ Церкви Божіей безъ Его воли? ²⁾ Это значитъ не имѣть вѣры, которой мы живемъ“ ³⁾.

Во всякомъ случаѣ не духовная власть римскаго епи-

¹⁾ Мнѣніе о *моральной* необходимости независимой территоріи для папы въ цѣляхъ болѣе свободнаго управленія *церковными* дѣлами не есть отличительное мнѣніе однихъ «ревностныхъ», но оно высказывается и самими папами и всѣми католическими писателями и оправдывается болѣе чѣмъ достаточно всей исторіей римскихъ отношеній послѣ 1870 года. (*Примѣчаніе издателя*).

²⁾ Да; но иногда волю Божію называютъ «попущеніемъ» Божіимъ, а тогда не грѣхъ бороться съ результатами такого попущенія. (*Примѣчаніе издателя*).

³⁾ *Кириль Кароленскій*, Посланіе къ Корнилію о Фортунатѣ и Фелиссимѣ. (Migne P. L. III, 803).

скопа выросла вслѣдствіе его свѣтской власти, но *мірское* его значеніе опредѣлилось въ силу *міровой* значенія преемника верховнаго Апостола, какъ вселенскаго епископа, учителя и главы Церкви.

Изъ числа 260 первосвѣдальниковъ (считая отъ св. Лина до нынѣ правящаго Льва XIII) ¹⁾ не особенно многихъ можно назвать недостойными, что вовсе не значитъ, чтобы между ними не было дѣйствительно позорныхъ пастырей. Никто не возмется облѣить память Вигилія, клеветника св. Сильверія, распутной жизни ставленниковъ тускуланскихъ владѣтелей, или оправдывать Стефана VI за соборъ, извѣстный подъ именемъ „*sinoda horrenda*“, на которомъ полусгнившій трупъ Формоза, выставленный въ полномъ облаченіи, со скамьи подсудимыхъ приводилъ въ ужасъ самихъ судей, или Григорія V—за жестокую казнь Филагата. Никто не скажетъ, что Борджіа не былъ убійцей и преступникомъ, дошедшимъ до крайнихъ предѣловъ разврата ²⁾, или что Левъ X не прибѣгалъ къ незаконному добыванію денегъ изъ любви къ роскоши и великолѣпію и для покровительства искусствамъ и наукамъ, которыя были ему дороже блага Церкви. Но кто же скажетъ, что александрійскіе Теофилъ, Діоскоръ, Тимофей Элуръ, Петръ Монгъ, Киръ, не были также разбойниками и убійцами, или что константинопольскіе Македоній, Несторій, Акакій, Пиръ, Павелъ, Петръ, Іоаннъ не были еретиками, чловѣкоугодниками и симоніаками, которымъ не чужды были и ядъ и насиліе? Съ какихъ поръ однако принципъ власти зависитъ отъ личныхъ качествъ правителей? Какія преступленія съ ихъ стороны должны считаться законнымъ основаніемъ къ уничтоженію этого принципа? Развѣ заповѣдь отдавать ке-

¹⁾ Писано въ 1888 г.

²⁾ Хотя безпристрастная историческая наука доказываетъ, что въ обвиненіяхъ возводимыхъ на «Борджію» есть много преувеличеній. (*Прим. издателя*).

сарю кесарево уничтожаютъ тѣ сто тысячъ вѣрно-подданныхъ ни въ чемъ не повинныхъ, кромѣ желанія жить и воспитывать своихъ дѣтей согласно своимъ религіознымъ убѣжденіямъ, которые умерщвлены были императрицей Θεодорой, или тѣ жертвы, которыя пали по той же причинѣ по повелѣнію Алексѣя Комнина или Филиппа II? А предпринятое Людовикомъ XIV обращеніе своихъ протестантскихъ подданныхъ, причемъ лица, скромно возражавшія, что признаніе истинъ вѣры не налагается какъ повинность и не взимается какъ подать, потому что человѣческая душа не государственное наслѣдіе, но Божье достояніе, подвергались опалѣ? Развѣ все это упраздняетъ самый принципъ власти? Въ какое время было написано Апостоломъ, что прямая обязанность и священный долгъ христіанина повиноваться власти потому, что она Богомъ установлена? Не тогда ли когда еще свѣжа была память Тиверія и когда Неронъ готовился, въ чудовищныхъ оргіяхъ, къ пролітію христіанской крови? Развѣ жестокость отца-изувѣра, преступленія матери уничтожаютъ заповѣдь чтить отца и мать? Ставить признаніе власти въ зависимость отъ достоинства лицъ равняется уничтоженію самого принципа власти. Церковь въ этомъ отношеніи не составляетъ исключенія изъ общаго закона и сама никогда не ставила почитаніе, должное ей, въ зависимость отъ личности пастырей. Извѣстно, что бл. Иеронимъ, высказавшійся въ порывѣ негодованія противъ испорченности клира въ противномъ смыслѣ, строго за то порицается. Церковь всегда держалась ученія, что она не перестаетъ быть святой и освящающей, даже если имѣетъ недостойныхъ служителей, которые, хотя бы и сами не были святыми, не перестаютъ быть орудіемъ благодати. По ученію вѣры намъ не должно отступать отъ Церкви изъ-за того, что усматриваемъ въ ней плевелы: они не должны составлять препятствія для нашей вѣры и любви къ Церкви, недостойные служители которой за свои грѣхи сами дадутъ отвѣтъ. Какъ не на людей должна быть воз-

лагаема надежда Церкви, если они хороши, такъ и не должна она быть осуждаема на погибель, если они худы ¹⁾.

Итакъ, если Церковь не ставитъ себя исключеніемъ относительно принципа власти, то понятно, что въ ней самой Петрова кафедра не можетъ явиться исключеніемъ, и если порочность ея служителей вообще не лишаетъ Церковь святости и не мѣшаетъ ей быть орудіемъ благодати, то не можетъ быть исключенія въ этомъ отношеніи и для „Раба рабовъ Божіихъ“. Если по здравому ученію недостойные пастыри не должны составлять препятствія для нашей вѣры и любви къ Церкви, то всякое разсужденіе противъ власти апостольской кафедры, основанное на недостаткѣ первосѣдальниковъ, падаетъ само собой, какъ противорѣчащее здравому ученію и нарушающее основной принципъ Церкви.

Въ одномъ однако Церковь представляется исключеніемъ среди всего земного: она одна изъята изъ тяготѣющаго надъ всѣмъ закона разрушенія. Вотъ почему, между тѣмъ какъ личность правителей такъ сильно вліяетъ на долговѣчность установленныхъ порядковъ, порядокъ церковнаго управленія и строя, установленный по домостроительству Божественнаго Промысла, остается неизмѣннымъ вопреки недостойнымъ пастырямъ; ибо ничто брѣнное не можетъ поколебать то зданіе, о коемъ сказано, что врата ада его не одолѣють.

Согласно ученію о главенствѣ апостольскаго сѣдалища, власть римскаго епископа вытекаетъ изъ главенства Апостола Петра. Изъ этого слѣдуетъ, что для опроверженія власти его кафедры надлежитъ или отрицать самое главенство Петра или опровергнуть преданіе, согласно которому римскій епископъ занимаетъ, по преемству въ епископскомъ сонмѣ, мѣсто Петра въ апостольскомъ ликѣ.

¹⁾ См. *Киир. Каро.*, Отвѣтъ римскимъ исповѣдникамъ, и *Бл. Августинь*, Противъ Парменіана II, 6, 8, 9, 20; III, 4, 5.

Отрицать главенство св. Петра у насъ не рѣшаются, и на прямой вопросъ, считается ли онъ „главой апостоловъ; твердыней Церкви и непоколебимой основой догмата“, врядь ли кто отвѣтитъ прямымъ отрицаніемъ. Остается, стало быть, держаться мнѣнія, что все, заявленное Церковью о главенствѣ Петрова престола, не имѣло въ ея глазахъ ни смысла, ни значенія и что все, сказанное Господомъ верховному Апостолу, относится исключительно *къ нему лично*, иначе сказать—руководиться мнѣніемъ „Регламента Духовной Коллеги“, а именно: „Многожды бо лгутъ господа оныя (латиняне) буде здѣ едино на примѣръ—слово Господне къ Петру: *Азъ молихся о тебѣ, да не оскудѣетъ вѣра твоя*, рѣчено о Петрѣ *персонально*, а латиняне влекутъ оное къ папѣ своему, наводя отъ того, что папа не можетъ погрѣшитель въ вѣрѣ, хотя бы и хотѣлъ“ ¹⁾.

Ограничиться голымъ заявленіемъ, что рѣченное Господомъ относится персонально къ Петру, нельзя. Надо доказать на основаніи положительныхъ данныхъ, что Церковь *несомнѣнно* такъ учила, т. е. доказать на основаніи церковнаго преданія, что ученіе о главенствѣ апостольскаго сѣдалища чуждо этому преданію и неизвѣстно христіанской древности. Но Церковь жизнью своей свидѣтельствуетъ, что она понимала слова, рѣченныя Господомъ Симону, именно не въ „персональномъ“, но положительно въ другомъ смыслѣ. И вотъ водворилось церковное преподаваніе, благодаря которому нѣтъ историческаго событія, которое представлялось бы въ цѣломъ видѣ, нѣтъ отеческаго творенія, которое не было бы „исправлено“,—все съ одной лишь цѣлью: скрыть власть апостольской кафедры. Но признаки этой власти слишкомъ очевидны. Они подчасъ ничѣмъ не могутъ быть скрыты: поэтому, при каждомъ слишкомъ явномъ ихъ проявленіи, прибѣгаютъ въ подмогу

¹⁾ «Регламентъ Духовной Коллеги», 7 регула по церковному обученію. 3-ье изд., Москва, 1883 г., стр. 50.

къ скриванію, въ виду отчужденія отъ Петрова престола, къ возбужденію презрѣнія и ненависти, выставляя дѣйствія первосѣдальниковъ. Церкви Божіей съ древнѣйшихъ временъ незаконнымъ притязаніемъ властолюбія.

Съ этой цѣлью преподается, что нечестіе римскихъ епископовъ было замѣчено даже „почтеннымъ“ язычникомъ Амміаномъ Марцеллиномъ, „во время котораго папскія притязанія уже приводили въ негодованіе православныхъ императоровъ и восточныхъ патріарховъ“. На подобномъ заявленіи стоитъ остановиться.

Амміанъ Марцеллинъ родился въ 320 г., т. е. на шестомъ году первосвященства св. Сильвестра, послѣ котораго заняли кафедру Маркъ, Юлій I, Ливерій, Феликсъ II, Дамась и Сирицій. При послѣднемъ, въ 390 г., ревнитель церковнаго благоустройства и христіанской нравственности, отошелъ *ad patres*. Всѣ современные ему первосѣдальники причтены къ лику святыхъ, чѣмъ нѣсколько ослабляется приведенный противъ нихъ авторитетъ Марцеллина. Но, быть можетъ, справедливое негодованіе „почтеннаго“ автора относилось не къ нимъ, а къ ихъ предшественникамъ? Съ 314 г., года возведенія на кафедру св. Сильвестра, открывается восходящимъ порядкомъ тотъ рядъ священномучениковъ, о коихъ сказано, „что они возводились на первосвятительскій престолъ, яко на смерть извѣстную, ибо въ тѣ дни чаша страданія рѣдко миновала кого изъ папъ“¹⁾. Посмотримъ теперь, какіе были современные Марцеллину императоры и патріархи, которыхъ будто бы папское властолюбіе приводило въ негодованіе. Равноапостольнаго императора нельзя причислить къ негодующимъ: онъ принялъ крещеніе отъ св. Сильвестра²⁾. Уваженіе, имъ оказываемое послѣднему,

1) Чет.-Мин. 10 авг., Страданія св. Сикста папы и прочихъ съ нимъ.

2) Если не считать, что онъ крещенъ передъ самой смертью Евсевіемъ, арианствующимъ епископомъ Никомедіи, т. е. не лишая его «Равноапостольства».

и щедрость его къ римской церкви хорошо извѣстны ¹⁾. Кого считать православными изъ другихъ императоровъ, благочестивыхъ ли Граціана, Валентиніана I и Θεодосія Великаго, которые были въ общеніи и согласіи съ римскимъ епископомъ, или „нечестиваго“ Констанція потому только, что онъ преслѣдовалъ Юлія и Ливерія? Но онъ же преслѣдовалъ также и Аѳанасія Великаго и многихъ другихъ православныхъ пастырей. Или, быть можетъ, аrianствующихъ Валентиніана II и мать его Юстинію? Что касается восточныхъ святителей четвертаго вѣка, то называть бывшихъ въ общеніи съ апостольскимъ сѣдалищемъ значить называть весь сонмъ вселенскихъ учителей, какъ и перечислять негодовавшихъ на него значить называть все погибельное сборище лжеучителей... Намъ кажется, что нельзя приводить въ пользу своихъ воззрѣній объясненія, которыя разбиваются хронологической таблицей ²⁾.

Кто слѣдитъ за церковнымъ преподаваніемъ у насъ, не можетъ не согласиться, что въ ненависти къ святѣйшему сѣдалищу мы дошли не только до искаженія исторической правды, но до разрушенія всякаго понятія о Церкви и до нарушенія здраваго ученія. Смыслъ послѣдняго такъ тѣсно связанъ съ историческими явленіями, что искаженіе или скрываніе чего-либо въ той или другой области неминуемо отражается на цѣльности представленія о Церкви и на неприкосновенности ученія. Не находя въ православномъ ученіи законныхъ причинъ къ разобщенію съ апостольскимъ престоломъ, а напротивъ—доказательства незаконности такого разобщенія, приходится прибѣгать къ толкованіямъ, чуждымъ православію, которыя выдаются за ученіе Церкви,

¹⁾ Несмотря на его щедрость къ ней, Константинъ римской церковью причтенъ не къ святымъ, а только къ лику «блаженныхъ».

²⁾ Кромѣ того, замѣтимъ, что объявленіе Амміана Марцеллина язычникомъ безъ дальнѣйшихъ объясненій нѣсколько произвольно; по сочиненіямъ его остается неяснымъ, какую онъ религію исповѣдывалъ, и вопросъ о томъ считается (если не ошибаемся) нерѣшеннымъ.

причемъ забываютъ, что подобный образъ дѣйствій мало чѣмъ отличается отъ лжесвидѣтельствванія ея именемъ. Въ доказательство того, что мы ничего не преувеличиваемъ, говоря, что неправильнымъ преподаваніемъ церковнаго прошлаго мы дошли до помраченія въ понятіи о Церкви, угрожающаго смыслу ученія,—приведемъ нѣсколько примѣровъ.

По нашей вѣрѣ, Церковь столпъ и утверженіе истины, сама утверждается въ своемъ ученіи на вселенскихъ соборахъ, которымъ мы обязаны повиноваться. Изъ этого слѣдуетъ, что мы должны по меньшей мѣрѣ знать, что такое вселенскій соборъ. Между тѣмъ, спросите у обученныхъ по принятой у насъ системѣ: что такое вселенскій соборъ, чѣмъ обусловливается вселенское его значеніе, законное созваніе, въ чемъ состоитъ его составъ, порядокъ разсужденій, все вообще соборное дѣлопроизводство? Никто не отвѣтитъ и отвѣчать не можетъ, по простой причинѣ: все это заботливо скрывается. Скрывается же потому, что не хотять доводить до всеобщаго свѣдѣнія, что соборы созывались не иначе, какъ по почину апостольскаго престола или свѣтской верховной власти по предварительному соглашенію съ нимъ, что соборы руководились указаніями папъ, объявляли ихъ рѣшенія и что неотмѣняемость соборныхъ постановленій зависитъ отъ утвержденія святѣйшаго сѣдалища. Благодаря такому пробѣлу, представленіе о вселенскихъ соборахъ—самое туманное и объясненія, помѣщенные въ нашихъ переводахъ соборныхъ дѣяній (не считая неточностей самого текста), настолько своеобразны, что они нисколько не способствуютъ къ разсѣянію этого тумана. Напримѣръ: вслѣдъ за предисловіемъ Анастасія Библиотекаря къ трулльскому собору, въ коемъ сказано, что онъ не былъ продолженіемъ шестого вселенскаго и что на послѣднемъ было 170 отцевъ, а на трулльскомъ 227, читается слѣдующее примѣчаніе: „Что изъ этого? ужели непременно было нужно, чтобы присутствовали одни только тѣ святые отцы, которые были на

предыдущемъ соборѣ? притомъ, *если большимъ числомъ епископовъ* были составлены эти (102) правила—тѣмъ лучше; это даетъ имъ большее значеніе. *Редакція*“.

Редакція здѣсь ничто иное какъ сама Казанская Духовная Академія; заподозрить Академію въ непониманіи несостоятельности своего примѣчанія—невозможно. Между тѣмъ, каждый долженъ изъ него заключить, что догматами вѣры мы обязаны собраніямъ, гдѣ вопросы рѣшались по большинству голосовъ. По нашему крайнему разумѣнію принципъ большинства голосовъ—вообще довольно сомнительный критерій правды, и давно выражено было сожалѣніе, что провѣрка голосовъ производится счетомъ, а не вѣсомъ.

Спрашивается: возможно ли внушить должное уваженіе къ догматамъ, когда значеніе соборовъ объясняется численностью? На такомъ основаніи не одно православное опредѣленіе могло бы считаться еретическимъ, а еретическое—православнымъ. Кромѣ того, сила постановленій въ какой-либо области зависитъ отъ законности издававшей ихъ власти. Когда призванная законодательная власть представляется собирательнымъ учрежденіемъ, дѣйствительность ихъ зависитъ отъ правильнаго состава послѣдняго. Соборное же положеніе ставить условіемъ законности соборовъ—созваніе ихъ надлежащей властью, т. е. апостольской кафедрой, присутствіе на нихъ уполномоченныхъ представителей этой власти и т. д., но нигдѣ не опредѣляется число, безъ котораго соборъ—не соборъ, и численность не ставится условіемъ дѣйствительности соборныхъ постановленій. Напротивъ того, Церковь говоритъ, что какое бы число епископовъ ни опредѣлило противное вѣрѣ и противорѣчащее канонамъ—постановленіе ихъ будетъ недѣйствительнымъ. Во время моноелитской бури папа Мартинъ объявляетъ, что, если бы и всѣ поддались заблужденію, онъ одинъ останется непоколебимымъ, а во время иконоборства св. Ѳеодоръ Студитъ пишетъ изъ заточенія: „Не будемъ подавать соблазна Церкви Божіей, которая можетъ состоять и изъ троихъ православныхъ, по

опредѣленію святыхъ“. Коль скоро число не принято во вниманіе въ соборномъ положеніи, то понятно, что оно не можетъ имѣть значенія въ оцѣнкѣ соборныхъ постановленій. Замѣтимъ также, что въ приведенномъ примѣчаніи говорится: „Ужели непременно было нужно, чтобы присутствовали одни только тѣ же епископы, которые были на предъидущемъ соборѣ?“ Но не объясняется при этомъ, что перемѣна личнаго состава не мѣшаетъ собору быть продолженіемъ предъидущаго *только* и подъ *непременнымъ* условіемъ: во-первыхъ, чтобы присутствующіе епископы были сѣдальниками тѣхъ же кафедръ; во-вторыхъ, чтобы предшествовавшій ему соборъ не былъ закрытымъ, а лишь отсроченнымъ соборомъ. Наконецъ, съ допущеніемъ начала большинства голосовъ въ опредѣленіи вѣры богодухновенность соборовъ исчезаетъ, а съ ней и непогрѣшимость Церкви, которая обращается изъ богооснованной въ земное учрежденіе, и слова Апостола: „Церковь—столпъ и утвержденіе истины“ утрачиваютъ тотъ смыслъ, который они по православному ученію имѣютъ. Утрата этого смысла нами, впрочемъ, уже достигнута. Дѣло не касается тѣхъ, которые ничему не вѣрятъ или хотятъ вѣрить по личному усмотрѣнію (*что составляетъ неотъемлемое право каждаго человека*), а тѣхъ, которые содержатъ правую вѣру и хотятъ знать, что такое Церковь, опредѣлившая эту вѣру, согласно которой она должна быть присно-видимо неизмѣнно живой и которую они всюду ищутъ и нигдѣ не видятъ! И, какъ вѣрить по самовластной своей волѣ — право каждаго человѣка, такъ знать, что такое Церковь—обязанность каждаго въ Церковь вѣрующаго, а видѣть ее воочію вселенской и единой—его право. Но вотъ преподанное до того не ясно, не твердо и неопредѣленно, что иные считаютъ Церковь чѣмъ-то „идеальнымъ“, имѣющимъ быть явнымъ на небесахъ, а пока существующимъ невидимо, т. е. вѣрятъ въ торжествующую Церковь, а въ земную воинствующую, о которой говорятъ, по ея опредѣленію, „вѣрую во единую святую, соборную и

апостольскую Церковь“ — не вѣрять. Другіе — что она состоитъ изъ совокупности вѣрующихъ; но въ чемъ заключается церковное единство, въ чемъ состоитъ связующее начало ея вселенскаго тѣла,—этого никто не скажетъ. Насколько понятія о невидимой Церкви, или о Церкви, состоящей не изъ чего больше, какъ изъ „массы“ вѣрующихъ, соотвѣтствуютъ здоровому ученію и требованіямъ вѣры—не чего распространяться. Въ томъ и другомъ случаѣ, несокрушимое вселенское Христово зданіе перестаетъ существовать. Творческая сила церковозидательныхъ словъ Спасителя, непреложность Божіихъ обѣтованій и исполненіе какъ общепапостольскаго служенія: *Идите научите вся языки*, такъ и особеннаго служенія Петра: *Утверди братьевъ твоихъ*—все это упраздняется, и живая дѣйствительность Церкви, какъ органическаго цѣлаго, исчезаетъ въ области произвольной мечты. Вотъ, однако, къ чему доводитъ скриваніе средоточія церковнаго зданія и связующаго начала ея вселенскаго единства! Иначе быть не можетъ, потому что при послѣдовательности православнаго ученія, всякое нарушеніе правды въ какой-либо его части отзывается на неприкосновенности цѣлаго, какъ въ живомъ организмѣ недугъ какой-либо части отзывается ущербомъ цѣлаго. Скрывать то самое, въ чемъ Церковь видѣла средоточіе „высокаго и божественнаго права своего самоуправленія“ и рѣшающую власть своего непогрѣшимаго учительства, мыслимо только при присвоеніи себѣ права распоряжаться свидѣтельствомъ и ученіемъ Церкви по произволу, т. е. съ отреченіемъ отъ православнаго ученія. Согласно съ этимъ ученіемъ никто не вправе распоряжаться свидѣтельствомъ Церкви „по выбору“, потому что въ глазахъ Церкви именно въ этомъ, въ „выборѣ“, и заключается лжеученіе, т. е. *ересь*; ἄριστος—выборъ.

Однако пойдѣмъ дальше въ разборъ нашихъ дидактическихъ пріемовъ.

Не безъ радости сообщается намъ, что въ шестомъ вѣкѣ, не смотря на „домогательства папы“, многіе даже на западѣ

все еще не хотѣли подчиняться воскресному празднованію пасхи, что имъ и ставится въ заслугу. Забывается при этомъ, что домогавшимся въ данномъ случаѣ былъ св. Григорій Великій и что онъ домогался исполненія никейскаго постановленія. Послеъ этого не было ли лучше всѣмъ не подчиняться рѣшенію 318 отцевъ, которые, быть можетъ, сами напрасно издали свое постановленіе, потому что издали его согласно рѣшенію папы Виктора? Но тогда почему же Церковь обособила не принявшихъ его рѣшенія, еще за долго до никейскаго собора, именемъ „четырехдесятниковъ“, считая ихъ, ни въ чемъ не повинныхъ въ вѣрѣ, еретиками только за неповиновеніе постановленію о пасхѣ, состоявшемуся не по соборному опредѣленію, а по рѣшенію апостольской кафедры? Зачѣмъ также въ спорѣ о перекрещиваніи еретиковъ—необузданная радость, что не всѣ хотѣли принимать рѣшеніе папы Стефана и что второй вселенскій соборъ постановилъ „средней мѣрой“ между его мнѣніемъ и мнѣніемъ африканскихъ церквей? Соборъ постановилъ принять евноміанъ, монтанистовъ, савелліанъ и имъ подобныхъ, у коихъ не оставалось почти ничего христіанскаго, не иначе, какъ съ перекрещеніемъ, а другихъ еретиковъ чрезъ одно муропомазаніе, т. е. рѣшилъ именно согласно мнѣнію папы Стефана. Чѣмъ и какъ оправдываются выраженія, подобныя слѣдующимъ: „На халкидонскомъ, какъ на ефесскомъ соборахъ всѣмъ орудовала римская *шдра*?“ Спрашивается, чѣмъ же были 270 и 630 отцевъ, что они представляли орудовать всѣмъ „гидрѣ“? Не мѣшаетъ и напомнить, что „гидра“, современная ефесскому собору, Церковью именуется „св. Келестиномъ“, что Церковь обращается къ ней, глаголя: „Архіерейскаго сподобися первопрестолія и отъ апостольскаго преданія вся глаголя и творя, низложи злочестиваго Несторія, хулу его изобличивъ“ и что она о ней же повѣствуетъ, что „онъ житіемъ и словомъ былъ добрѣ совершенъ, того ради и сподобися первопрестолія; Зосимѣ папѣ отъ житія отшедшу и бл. Бонифатію Великому вос-

пріемшу Иннокентія; Келестинъ же отъ апостольскихъ преданій вся глаголя и творя, низложи злочестиваго Несторія епистолиями (своими) богомерзкія его хулы изобличивъ, иже блаженнаго Кирилла способника на изверженіе его имѣя. Многое же и на исправленія словесныя и памяти достойная содѣлавъ, съ миромъ отъ здѣшнихъ изыдѣ и къ нестарѣющему и блаженному приложися животу, съ лики апостольскими и отеческими веселися¹⁾. Все творившій и все глаголавшій согласно апостольскому преданію „гидрой“ быть не можетъ. Современная же халкидонскому собору „гибра“ называется св. Львомъ Великимъ. Какъ онъ Церковью почитается и что исторія за нимъ признаетъ — извѣстно. О томъ же, какъ Церковь его до нынѣ величаетъ, увидимъ дальше.

Чѣмъ объяснить, при каждомъ ничѣмъ не скрываеомомъ дѣйствиі апостольскаго престола, неизбѣжное объявленіе, что рѣшеніе папы далеко не всѣмъ нравилось? Ничто никогда не нравится всѣмъ; но во всемъ надо знать, кому что не нравится; такъ и въ данномъ случаѣ надо знать, кто возставалъ противъ святѣйшаго сѣдалища и кто ему повиновался. Начиная съ зари христіанства, когда „благодѣтельные“ Коринѳяне оказывали ему уваженіе, неизмѣнно остаются ему вѣрны *благодѣтельные* христіане, а возстаютъ *зломысленные*. Не возстаютъ Аѳанасій Великій, Павелъ Исповѣдникъ, маститый патріархъ соборныхъ предсѣдалелей Осія, не возстаютъ Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, Флавіанъ, Прокль, ни многострадательные Германъ, Игнатій и Меводій, а негодуютъ Новатъ, Урсакій, Македоній, Несторій, Диоскоръ, Евтихій и всѣ поочереди отступившіе отъ

¹⁾ Прологъ I, 8 апрѣля.—Въ болѣе серьезныхъ сочиненіяхъ у насъ конечно, говорится, что Кириллъ предсѣдательствовалъ отъ имени Келестина, но въ учебникахъ это заботливо скрывается и въ нихъ стоитъ, что на 3-мъ вселенскомъ соборѣ «предсѣдателями *были* Кириллъ и Келестинъ». Нельзя не удивляться, почему именно уполномочивавшій и пославшій ставится ниже уполномоченнаго и посланнаго?

вселенскаго единства, послѣдователи коихъ Церковью отмѣнены клеймомъ обособленнаго имени. Какая цѣль выставить неповиновеніе апостольскому престолу какимъ-то подвигомъ благочестія? Хотятъ ли этимъ доказать, что власть апостольской кафедры неизвѣстна христіанской древности? Какъ ни восхвалять крамолу, фактъ крамолы не опровергаетъ, а подтверждаетъ существованіе власти, ибо возстаніе мыслимо только противъ существующей власти. Считать же власть апостольскаго престола самозванной властью—невозможно, потому что Церковь не могла, въ цѣломъ взятая, погрѣшать признаніемъ надъ собой не Богомъ установленной власти. Если же похвалой всякаго неповиновенія римскому епископу проводится мысль, что Церковь—одно, а апостольскій престолъ—другое, то цѣль не достигается, потому что для этого надлежитъ прежде всего доказать существованіе вселенской Церкви независимо отъ вселенской кафедры и указать на ту законную въ ней власть, передъ которой власть апостольскаго престола является самозванной, внѣ преданія выросшей, властью.

Первопрестоліе никогда ни отъ кого не зависимо и ни отъ чего не отступило, но всѣ, отъ Церкви отступавшіе, тѣмъ самымъ отступали и отъ апостольской кафедры, ибо она одна—то средоточіе Церкви, въ коемъ кроется единство управленія, священства и учительства, потому что она—кафедра Петра, „который нареченъ *камнемъ* и о которомъ Великій Пастырь засвидѣтельствовалъ: на семъ камени созижду Церковь Мою“ ¹⁾. Радость при каждомъ признакъ неповиновенія Петрову преемнику слишкомъ напоминаетъ суетливое отыскиваніе себѣ союзниковъ въ рядахъ отдѣлившихся отъ вселенскаго тѣла Церкви, черту—свою—свойственную всѣмъ христіанскимъ сообществамъ, внѣ Церкви существующимъ.

Кажется, что какъ доказательства, приводимыя противъ

¹⁾ Св. Ефремъ Сиринъ, 57 Слово о священствѣ.

ученія о главенствѣ апостольскаго престола несостоятельны, такъ и средства, употребляемая въ борьбѣ противъ него— по меньшей мѣрѣ ненадежны.

Намъ остается разобрать послѣднее возраженіе противъ ученія о главенствѣ римскаго епископа, то самое, которое служить основаніемъ всѣмъ остальнымъ, а именно: „Слова, Господомъ сказанныя Петру, относятся исключительно къ нему лично“. Мы для этого начнемъ съ новѣйшаго времени и дойдемъ восходящимъ порядкомъ до древнѣйшихъ свидѣтельствъ преданія.

Въ изданіи, вышедшемъ два года тому назадъ ¹⁾, дѣлается разборъ послѣднему окружному посланію нынѣ правящаго первосѣдальника Льва XIII. Авторъ „критической статьи“, помѣщенной въ этомъ изданіи, заявляетъ, что имъ подчеркнуты всѣ тѣ мѣста посланія, которыя противны церковному преданію и здравому ученію. Подчеркнутыми являются исключительно выраженія, подобныя слѣдующимъ: „апостольская кафедра“, „первосвященникъ Церкви Божіей“, „учительская власть Петрова преемника, которой должны повиноваться всѣ вѣрныя чада Каѳолической Церкви“ или мѣста, имъ соотвѣтствующія по смыслу. Вопреки завѣреніямъ критической статьи, намъ показалось, что окружное посланіе святѣйшаго Отца ²⁾ (хотя оно и уступаетъ властью тѣмъ грамотамъ, коими руководились вселенскіе соборы), не только не противорѣчитъ преданію, но напротивъ поражаетъ непреклонностью въ преданіи, и въ немъ ясно отражаются присущія Церкви свойства, а именно: неизмѣнность и жизнь. Окружное посланіе—не археологическая справка, но живой голосъ никогда не умолкавшаго учительства, преподающаго, что нужно данному времени въ духѣ и согласно смыслу непрерывнаго преданія и не-

¹⁾ Писано въ 1888 г.

²⁾ Вселенскіе отцы не иначе называли преемника верховнаго Апостола, какъ «своимъ послѣ Богомъ отцемъ»; трудно, стало быть, простымъ мірянамъ называть его иначе.

измѣннаго ученія;—вѣщаніе Церкви, ни передъ чѣмъ не робѣющей и не отсталой и никакому развитію не чуждой, потому что она сама обладаетъ полнотою свѣта и разума, ибо въ ней всецѣлость восполненія человѣческихъ познаній—полнота вѣры.

Если однако окружное посланіе Льва XIII должно считаться несогласнымъ съ церковнымъ преданіемъ и здравымъ ученіемъ, то что же сказать о слѣдующихъ заявленіяхъ: „Римская церковь, кафедра Апостола Петра, сохранила его твердость въ вѣрѣ. Эта твердость въ вѣрѣ, которая восхваляется въ князѣ апостоловъ—вѣчна. И какъ пребываетъ то, что Петръ повѣрилъ о Христѣ, такъ пребываетъ и то, что Христосъ основалъ на Петрѣ, въ каѳедрѣ коего жива его власть и ею, этой властью, она ереси не доступна. Римъ—каѳедра Петра; въ силу сею онъ стоитъ во главѣ священства во всей вселенной; чрезъ блаженнѣйшаго князя Апостоловъ римская церковь властвуетъ надъ всѣми церквами во всемъ мірѣ. Ради вѣры Петра, Христосъ приобщилъ его къ Своему неприкосновенному единству и благоволилъ, чтобы онъ назывался подобно Ему Самому (камнемъ, твердыней) ¹⁾, дабы построеніе вѣчнаго храма, по чудесному дару благодати, утверждалось на непоколебимости Петра и чтобы ни безуміе людей, ни врата ада ничего не могли противъ него. Петръ былъ настолько преисполненъ благодати, что не смотря на то, что онъ многое получилъ одинъ, ничего однако не получено кѣмъ либо изъ другихъ Апостоловъ, чтобы и онъ не былъ участникомъ того же; онъ выше всѣхъ начальствующихъ—онъ глава. Во всемъ мірѣ Петръ исключительный избранникъ и, хотя въ народѣ Божиѣмъ много священниковъ и пастырей, Петръ нѣкоторымъ образомъ управляетъ ими всѣми, коими въ общемъ управляетъ самъ Иисусъ Христосъ. И такъ какъ Петръ—глава другихъ Апо-

¹⁾ Одному Петру дано имя «пѣтра», т. е. «твердыня», другимъ апостоламъ усвоено именованіе «λίθος», «камень», въ смыслѣ малаго камня.

столовъ, то всѣ зависятъ отъ него по должности и всѣ въ немъ спасены. Поэтому Господь особенно и молился о его вѣрѣ, какъ будто состояніе другихъ будетъ надежнѣе, когда душа главы пребудетъ несокрушимой. Если Христосъ—краугольный камень Церкви, то Петръ тѣмъ не менѣе (ея) твердыня въ силу того участія, къ которому Христосъ призвалъ его; въ немъ и чрезъ него Христосъ дѣйствуетъ въ Церкви своей. *И какъ Христосъ въ Петрѣ, такъ Петръ въ своихъ преемникахъ; въ нихъ онъ говоритъ и вѣщаетъ, о нихъ онъ молится, чрезъ нихъ онъ непрерывно продолжаетъ свое служеніе, исполняя повелѣніе Господне: „Паси овецъ Моихъ“.* Если, взирая на собственное недостойство, мнѣ надлежитъ содрогаться, то созерцая милость, мнѣ подобаешь возрадоваться, ибо Тотъ, который даровалъ мнѣ высокую честь, Тотъ Самый поможетъ мнѣ въ исполненіи служенія, дабы я, немощный, не изнемогъ подъ бременемъ чести... Господь, препоручая овецъ пастырямъ, не отказался стеречь возлюбленное стадо“¹⁾.

Чьи эти слова? Они принадлежать тому первосѣдальнику, къ которому Церковь взываетъ: „Что ты именуемъ, Богодухновенный? Главу ли православной Церкви Христовой, проповѣдника или истины основаніе твердое? Старѣйшаго верховнаго собора честнаго правила ученія извѣстно, православія наставникъ, архіереевъ одобреніе, Петра верховнаго престола наслѣдникъ, столпъ православія Христовой Церкви ты возстановилъ еси, Петра преемникъ и сею начальствомъ обоятився, уста заградилъ еретикамъ, Несторіево безуміе низложилъ. Идеже нынѣ патріарховъ предсѣданія и престолы и чины, Льве всеблаженне ты достойно, отче, вселися еси, яко патріархъ истиненъ“²⁾.

Если Левъ Великій, говорившій не иначе чѣмъ Левъ XIII, восхваляется Церковью, почему же порицается Левъ XIII

¹⁾ См. *Левъ Великій*, Слова въ годовщину поставленія и разныя Посланія (Migne, P. L. LIV, 141—156, 422—432, 615, 629, 646 etc).

²⁾ Мѣсячная Минея, Москва, 1805 г., листъ 197.

за то, что онъ говоритъ такъ, какъ Левъ Великій? Однако, что означаютъ слова: „Обоготився *начальствомъ Петра*, уста заградилъ еретикамъ“, если не то, что права верховнаго пастырства, учительская *власть* Петра, власть ключей, принадлежитъ его преемникамъ,—а тогда, кто правъ въ оцѣнкѣ тождественныхъ рѣчей того и другого первосѣдальника (Льва I и Льва XIII), авторъ ли „критической статьи“, или сама Церковь Божія, Христомъ на Петрѣ основанная? О происхожденіи „папской власти“, что оказывается согласнѣе съ преданіемъ: поученія ли началовождя истины халкидонскаго собора, писавшаго свои наставленія „яко отъ устъ Божіихъ“ и низложившаго шатанія земныхъ мудрованій, или толкованія, основанныя на этихъ же мудрованіяхъ, идущихъ въ разрѣзъ съ свидѣтельствомъ прожитой Церковью дѣйствительности? А о смыслѣ молитвы Христовой „да не оскудѣетъ вѣра Петра“ кому вѣрить: „истины ли основанію твердому и наставнику православія“ или Регламенту Духовной Коллегіи?

Но, быть можетъ, вопросъ неудоборазрѣшимъ. Въ такомъ случаѣ спросимъ: что означаетъ изреченіе: „Властью Апостола Петра, каѳедра его ереси не доступна“ ¹⁾, если не то самое ученіе, коего признаки встрѣчаются съ древнѣйшихъ временъ, существованіе котораго сказывается въ III вѣкѣ, ясно выражено отцами послѣдующихъ вѣковъ, объяснено постановленіемъ константинопольскаго собора 870 г., и утверждено опредѣленіемъ ватиканскаго собора 1870 года?

Если это ученіе,—ученіе о нешибочности первосѣдальника въ вѣрѣ,—чуждо преданію и противорѣчитъ здравому ученію, то какимъ образомъ можетъ Церковь считать Льва Великаго (который прямо и ясно свидѣтельствуетъ о признаніи съ своей стороны этого ученія, будто бы православію чуждаго) „столпомъ православія“? Коль скоро,—чего и отри-

¹⁾ Въ 250 г. то же самое заявлено Кипріаномъ Карфагенскимъ, въ тѣхъ же выраженіяхъ.

цать нельзя, ибо слова его, въ этомъ отношеніи, слишкомъ положительны ¹⁾, — Левъ I держался того же самаго „лжеученія“, при догматическомъ опредѣленіи коего опирались на его же изреченіи, — онъ въ такомъ случаѣ — не твердое основаніе истины, но камень соблазна и преткновенія; онъ не православія наставникъ и не архіереевъ одобреніе, но учитель зломыслия и заблудшихся овецъ слѣпой наставникъ и пастырь! Средины тутъ нѣтъ: или, держась ученія о недоступности Петровой кафедры всякой ереси, Левъ Великій держался присущаго Церкви ученія, и тогда все, сказанное о немъ Церковью, законно и правильно и самое ученіе о нешибочности первосѣдальника въ вѣрѣ — непреложная истина; или же вѣрить въ недоступность Петровой кафедры всякой ереси — „нечестіе“, и тогда Церковь, выставляя Льва „столпомъ и наставникомъ православія“, писавшаго свои наставленія „яко отъ устъ Божіихъ“, обличаетъ собственную несостоятельность.

Но возвратимся къ окружному посланію Льва XIII. Если это посланіе Святѣйшаго Отца, во всемъ сходное съ грамотами, которыя первосѣдальники посылали „церквямъ вселенной“ съ древнѣйшихъ временъ, дѣйствительно противно церковному преданію и здравому ученію, то надо сознаться, что непогрѣшимая и ничѣмъ не сокрушимая Церковь, съ перваго же вѣка согрѣшила отступленіемъ отъ своего преданія и ученія подъ вліяніемъ роковой силы. Въ такомъ случаѣ, во-первыхъ, нарушается неприкосновенность Божьяго обѣтованія, а во-вторыхъ возникаетъ вопросъ: къ какому времени отнести тотъ золотой вѣкъ Церкви, въ теченіе коего она была свободна отъ вліянія этой силы, и насколько продолжителенъ былъ тотъ періодъ времени, въ который успѣло опредѣлиться то здоровое ученіе и утвердиться то

¹⁾ Напомнимъ другое изреченіе Льва Великаго: *«престолъ Апостола Петра — тотъ престолъ, утвержденія коего нельзя отменить безъ ниспроверженія чего-либо изъ божескаго закона»*. Кажется ясно!

преданіе, которымъ, по смыслу или выраженію, противорѣчить окружное посланіе Льва XIII? Намъ не извѣстно, къ какому времени наши должностные поборники здраваго ученія относятъ золотой вѣкъ Церкви; знаемъ только, что иные протестантскіе толковники причисляютъ къ нему еще халкидонскій соборъ, другіе отчисляютъ уже никейскій. Но по православному ученію, золотого вѣка Церкви въ этомъ смыслѣ не было, потому что блистаніе истины свѣтозарнаго столба Новаго Завета никогда не меркло и померкнуть не можетъ, ибо Церковь отъ своего преданія не уходитъ и отъ смысла своего ученія не отступаетъ.

Въ виду того, однако, что согласно православному ученію вѣры мы не должны говорить о Церкви иначе, какъ подтверждая свое мнѣніе ея свидѣтельствомъ, дабы видно было, что мы не своего мнѣнія держимся, но содержимъ одну съ ней истину,—намъ пора возвратиться къ тому, что сама Церковь гласитъ о первопрестольной кафедрѣ устами отцевъ и признанныхъ ею учителей, и къ свидѣтельству церковнаго преданія.

Но прежде скажемъ нѣсколько словъ о значеніи самого преданія, котораго, по словамъ отцевъ, нельзя отвергать безъ того, чтобы (хотя и непримѣтнымъ сначала образомъ) не исказилось мало-по-малу и самое главное въ Евангеліи, т. е. не утратилось бы въ жизни что-либо изъ смысла Писанія, не перестало бы осуществляться въ дѣйствительности что-либо изъ реченнаго.

Значеніе и святость преданія имѣютъ основаніемъ своимъ евангельскія слова: *„Многое и другое сотворилъ Иисусъ; но если бы писать о томъ подробно, то думаю и самому міру не вмѣститъ бы писанныхъ книгъ“* ¹⁾. Съ этихъ послѣднихъ словъ Евангельскаго повѣствованія начинается дѣйствіе учительской власти Церкви.

Свидѣтели смысла церковнаго ученія и преданія—отцы

¹⁾ Іоаннъ XXI, 25.

Церкви. „Кто удаляется отъ единогласнаго свидѣтельства отцевъ, говоритъ бл. Августинъ, тотъ уходитъ отъ вселенской Церкви“. Стало быть, какъ о смыслѣ преданія, такъ и о самомъ значеніи преданія, надо выслушать самихъ отцевъ. „Я считаю, говоритъ св. Василій Великій, согласнымъ съ апостольскимъ ученіемъ держаться преданій, не включенныхъ въ Писаніи, чему апостоль Павелъ самъ насъ учить; изъ догматовъ и ученія, которые Церковью хранятся, иные дошли до насъ письменно, другіе мы приняли таинственно отъ апостольскаго преданія. И тѣ и другіе одинаково важны для благочестія, и кто знакомъ съ достроительствомъ Церкви, тотъ не станетъ объ этомъ противорѣчить“¹⁾. По поводу словъ апостола Павла: *„Итакъ, братіе, стойте и держите преданія, которымъ вы научены или словомъ, или посланіемъ нашимъ“* (Фессал. II, 15), Іоаннъ Златоустъ говоритъ: *„Изъ этого ясно, что апостолы не все предали письменно“*. Вообще же, по свидѣтельству отцевъ, *что находится всюду безъ вѣдомаго начала, то идетъ отъ апостольскаго постановленія*. Въ каждомъ ученіи, стало быть, важно прежде всего прослѣдить, имѣетъ ли оно именемъ и годомъ отмѣченное начало, должно ли оно, слѣдовательно, считаться возникшимъ внѣ преданія, или, напротивъ, изошло оно безъ вѣдомаго начала изъ самаго смысла, божественному ученію присущаго и сокрытаго въ немъ, какъ сила прозябанія въ зернѣ, т. е. принадлежитъ преданію, Церковью почитаемому апостольскаго происхожденія, и выросло изъ него по естественному закону развитія. Посмотримъ же, можетъ ли ученіе о преемственномъ главенствѣ римскаго епископа передъ свидѣтельствомъ жизни, преданія и ученія Церкви считаться явленіемъ отмѣченнымъ годомъ и именемъ или оно должно быть признано неимѣющимъ вѣдомаго человѣческаго начала, выросшимъ изъ смысла божественнаго ученія по естественному закону развитія, т. е. почитаться апостольскаго происхожденія.

¹⁾ *Василій Вел.*, о Святомъ Духѣ, гл. 27.

Исключеніе изъ общаго порядка, установленнаго въ какой-либо области, указываетъ на исключительное положеніе того, кому усвоено право дѣйствовать внѣ правилъ, обязывающихъ и связующихъ другихъ представителей власти того же общества или учрежденія. Отношенія первыхъ Петровыхъ преемниковъ къ другимъ епископамъ доказываютъ, что съ самаго начала христіанской проповѣди преемникъ верховнаго Апостола считается руководящей властью Церкви, потому что кругъ дѣйствій его не ограниченъ чертой его церкви, ни какой либо другой, что уже составляетъ прямое исключеніе изъ основныхъ началъ церковнаго управленія. На подобное право римскаго епископа — распространять свою власть за предѣлы своей церкви — находимъ указаніе въ одномъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ первенствующей Церкви, а именно: въ книгѣ „Пастырь“. Составитель ея, Ерма, пишетъ, влагая слова въ уста самой Церкви, явившейся ему подъ образомъ женщины съ таинственной книгой: „Съ этой книги ты сдѣлаешь два списка; одинъ отдашь Клименту, другой Граптѣ (діакониссѣ). Климентъ пошлетъ въ другіе города, ибо сіе входитъ въ его служеніе. Грапта же пусть назидаетъ вдовъ и сиротъ“¹⁾. Личность автора и

¹⁾ „Пастырь“ Ермы, книга I, видѣніе II, 4. — Замѣчательно примѣчаніе къ данному мѣсту въ русскомъ переводѣ „Пастыря“: *«Подъ Климентомъ разумѣется знаменитый епископъ римской церкви, который отъ прочихъ предстоятелей этой церкви здѣсь отличается предоставленнымъ «ему» правомъ сноситься съ другими церквами»*. Есть ли какой-либо смыслъ въ подобномъ объясненіи? *«Клименту предоставлено право»* Кѣмъ предоставлено? Гдѣ та власть, препоручившая ему сноситься съ другими церквами и давшая ему *«личное»* на то право? Такой властью могли бы быть или апостолы, или правящій сонмъ Церкви, сошедшійся на вселенскомъ соборѣ. О томъ, чтобы апостолы предоставили Клименту какія-либо *личныя* права въ отличіе отъ другихъ апостольскихъ мужей или другихъ епископовъ, нѣтъ никакихъ слѣдствій; вселенскіе же соборы — впереди. Что же остается? Предстоятели другихъ церквей, быть можетъ, вошли въ заочное соглашеніе извѣстить Климента, что они предоставляли ему право вступаться въ дѣла своихъ церквей, или наконецъ, что это право, идущее въ разрѣзъ съ общепризнаннымъ *основоположнымъ* правиломъ церковнаго управленія, «предоставлено Клименту» по мірскому приговору христіанскихъ общинъ? Никакія

годъ появленія „Пастыря“ съ точностью не извѣстны; иные предполагаютъ, что книга написана въ исходѣ перваго вѣка, т. е. дѣйствительно при жизни Климента, современникомъ котораго выдаетъ себя авторъ, другіе же относятъ ее къ сороковымъ или пятидесятымъ годамъ втораго вѣка, предполагая въ авторѣ Ерму, брата папы св. Пія I ¹⁾. Въ данномъ случаѣ вопросъ не въ пятидесяти- или шестидесятилѣтнемъ колебаніи въ опредѣленіи года появленія книги „Пастыря“, а важно засвидѣтельствованіе того, что въ сознаніи первенствующихъ христіанъ римскій епископъ служить связующимъ звеномъ между церквами, т. е. средото-

исключенія изъ установленныхъ правилъ, какъ и сами правила, никогда въ Церкви не состоялись «по мірскимъ приговорамъ». Если подь «предстоятелями» надо здѣсь разумѣть пресвитеровъ, то Климентъ, будучи епископомъ, само собой разумѣется, отличался отъ нихъ самимъ саномъ своимъ; если же подь этимъ словомъ надо разумѣть епископовъ, то Климентъ могъ отличаться своимъ правомъ отъ предстоятелей *другихъ* церквей, но никоимъ образомъ «отъ прочихъ предстоятелей» той церкви, которой онъ былъ епископомъ, потому что никогда, ни въ какой церкви не было одновременно болѣе одного епископа. Отличать же Климента I отъ соименныхъ ему римскихъ предстоятелей (даже относя «Пастыря» къ 150 г.), Ермѣ не приходилось, потому что другаго Климента не было до 1046 г. Если принять именованіе «предстоятель» въ смыслѣ «епископа» и отнести сказанное въ примѣчаніи къ послѣдующимъ римскимъ предстоятелямъ, — то Климентъ, «предоставленнымъ ему правомъ сносятся съ другими церквами вовсе отъ нихъ не отличается, потому что они всѣ пользовались тѣмъ же правомъ и, какъ самъ Климентъ, не въ силу личнаго имъ даннаго преимущества, а *«властью и силой занимаемаго ими мѣста — властью присущей Петровой каведры»*. Но не набросить покрывала на дивный признакъ *«вселенства Петровой каведры»* нельзя, не принято; надо вселенство ея чѣмъ-нибудь завѣсить, и вотъ право первосѣдальника обращается въ «личное», предоставленное Клименту, право. Но правда сквозитъ изъ подь завѣсы, благодаря несообразностямъ, къ которымъ ведетъ придуманная уловка, не считая стоящихъ на-готовѣ грядущихъ вѣковъ, которыми завѣса раздерется съ верху до низу. При встрѣчѣ на каждомъ шагѣ съ подобными «примѣчаніями» становится жаль нашихъ почтенныхъ тружениковъ, переводчиковъ церковныхъ памятниковъ и отеческихъ твореній, поставленныхъ въ необходимость прибѣгать къ несостоятельнымъ объясненіямъ и жалкимъ уловкамъ, въ виду все той же недостижимой цѣли — скрыванія правды.

¹⁾ Епископство св. Пія I, 142—157 г.

чемъ церковной жизни. Если книга „Пастырь“ появилась въ 150-хъ годахъ, то мы имѣемъ и еще болѣе древнее свидѣтельство о такомъ значеніи римскаго епископа. Игнатій Богоносецъ, ученикъ апостольскаго мужа Поликарпа, называя Церковь „Союзомъ Любви“, пишетъ, что римская церковь „предсѣдательница союза любви“ (*προκαθημένη τῆς Ἀγάπης*). Ириней въ концѣ II вѣка поучаетъ о римской церкви, что въ ней надо искать истины, ибо въ нее положили ее апостолы всецѣло, какъ богатое наслѣдіе, и что съ нею *должны* согласоваться всѣ церкви по высокой и преимущественной важности ея и потому, что въ ней всѣми вѣрующими всюду сохранялось преданіе, отъ апостоловъ исшедшее ¹⁾. *Съ римской церковью должны согласоваться всѣ церкви.* Въ этомъ сознаніи Церкви, что въ силу апостольскаго преемства власть верховнаго пастырства пребываетъ всецѣло въ преемникѣ верховнаго апостола, кроется объясненіе безъ этого необъяснимаго факта, а именно: обращеній всѣхъ епископовъ къ римскому епископу, какъ къ верховному судѣ, пастырю и учителю. Въ силу того, что онъ преемникъ верховнаго Апостола, отовсюду, куда только проникла евангельская проповѣдь, просятъ римскаго епископа разрѣшить сомнѣнія, дабы его совѣтами оградиться отъ ошибки!

Въ силу того, что римская каѳедра—каѳедра Петра, *на коемъ одномъ Господь основалъ Церковь Свою*, Киприанъ Карфагенскій говоритъ, что она ереси недоступна, и Григорій

¹⁾ Ириней, Противъ ересей кн. III, гл. III и IV. — Считаемъ долгомъ привести помѣщенное въ русскомъ изданіи твореній св. Ириней объясненіе греческому слову «ἀνάγκη» (обязательно, нужно, должно, необходимо) и латинскому «*necesse est*». «Здѣсь слово «*necesse est*» (латинскаго перевода), соотвѣтствующее греческому «ἀνάγκη», означаетъ не нравственное обязательство, а *естественную* необходимость, по которой всякая церковь, хранящая апостольское преданіе, согласуется съ тѣмъ же преданіемъ, хранящимся въ римской церкви чрезъ преемство епископовъ». Но если церкви, хранившія апостольское преданіе, *должны* были тѣмъ самимъ согласоваться съ римской *по естественной необходимости*, то почему же *нидѣ* не упоминается о такой же необходимости по отношенію другихъ всѣхъ вообще церквей, хранившихъ то же преданіе?

Богословъ поучаетъ, что римскій епископъ предсѣдательствуетъ надъ всѣмъ христіанскимъ міромъ и что въ немъ связь вселенскаго единства Церкви ¹⁾.

Въ силу того же современникъ св. Григорія Богослова св. Оптатъ, епископъ Милевы нумидійской, по словамъ бл. Августина одинъ изъ самыхъ ученыхъ святителей своего времени, стяжавшій громкую славу защитой православія противъ донатистовъ, обращается къ нимъ съ слѣдующей рѣчью: „Вы не можете отрицать того, что вамъ извѣстно, что степень святительской каѳедры дана была Риму, каѳедрѣ бл. Петра, главы апостоловъ, поэтому и называемому „каменемъ“ (тѣ Петра, твердыней). Въ этой каѳедрѣ *надлежало* ²⁾ всѣмъ вѣрующимъ соблюдать единство, дабы другіе апостолы не могли предоставить себѣ степень святительской каѳедры, дабы всякій, который воздвигъ какую-либо другую каѳедру *противъ этой одной*, считался виновнымъ и отщепенцемъ“ ³⁾.

Не иначе выражается бл. Иеронимъ: „Первенство, говоритъ онъ, принадлежитъ римской церкви, потому что она—каѳедра Петра, ковчегъ спасенія и твердыня все поддерживающая!.. Петръ особый избранникъ изъ числа двѣнадцати, дабы учрежденіемъ главы оградить (Церковь) отъ расколовъ“ ⁴⁾.

Востокъ, Западъ, Африка единогласны въ своемъ свидѣтельствѣ о томъ, что Церковь полагала основаніемъ главенства римскаго епископа главенство апостола Петра.

Отцы единогласны въ своемъ свидѣтельствѣ о божественномъ происхожденіи власти Петрова преемника. Если тотъ, который удаляется отъ единогласнаго свидѣтельства отцевъ, тѣмъ самымъ уходитъ отъ Вселенской Церкви, то скрываетъ

¹⁾ Киприанъ Каро., Посланіе противъ Новата и О единствѣ Церкви; Григорій Богословъ, Carmen de vita sua (Migne P. G. XXXVII, 1067).

²⁾ «Надлежало»—не «по естественной ли опять необходимости?»

³⁾ Оптатъ милевит., Противъ донатистовъ, кн. II, 2.

⁴⁾ Бл. Иеронимъ, противъ Ювиніана I, 26 и оба посланія папѣ Дамасу.

ніе этого свидѣтельства, искаженіе его смысла и жизнь, несогласная съ нимъ, не могутъ быть признаками принадлежности къ Вселенской Церкви. Пусть рѣшатъ: что ближе къ смыслу свидѣтельства отцевъ, въ чемъ сильнѣе сказывается преданіе, что согласнѣе съ неподкупнымъ голосомъ прошлаго: ученіе ли о неосшибочности въ вѣрѣ земной главы Церкви, или изреченіе „Регламента Духовной Коллегии“, что реченное Господомъ Петру „относится къ нему персонально?“ Во всякомъ случаѣ, если иные ищутъ объясненія *историческому факту* высокой власти первосѣдальника въ могуществомъ языческаго Рима, то безусловно вѣрующимъ въ основаніе Церкви самимъ Спасителемъ дозвоительно признавать источникомъ этой власти скорѣй кафедру того, кто первый произнесъ слова жизни и истины: *Ты Христосъ, Сынъ Бога живаго!* чѣмъ усматривать причину этой власти въ кострахъ римскаго форума и въ громовержиѣ, угрожавшемъ міру съ высоты семи холмовъ.

Разборъ возраженій, приводимыхъ противъ ученія о главенствѣ римскаго епископа, доказываетъ:

1) Свѣтская власть папы не обличаетъ несостоятельности ученія, потому что не она послужила къ возвышенію римской кафедры, а сама возникла вслѣдствіе вселенскаго значенія послѣдней.

2) Недостоинство первосѣдальниковъ (будь число такихъ недостойныхъ даже вдвое больше, чѣмъ оно было) не есть доказательство противъ верховныхъ правъ апостольскаго сѣдалища, потому что возраженіе, основанное на недостойствѣ пастырей, противорѣчитъ основоположному началу Церкви и тѣмъ самимъ несостоятельно, какъ всякое другое возраженіе, несогласное со здравымъ ученіемъ.

3) Ученіе о главенствѣ не чуждо преданію, потому что оно извѣстно Церкви съ самой зари христіанской проповѣди, въ силу чего оно, само по себѣ, не можетъ быть свойственно одной западной церкви.

4) Ученіе о главенствѣ извѣстно христіанской древности

согласно съ преданіемъ и не возникло внѣ Писанія, потому что главенство римскаго епископа вытекаетъ въ силу апостольскаго преемства изъ главенства апостола Петра, Господомъ установленнаго.

Главенство апостола Петра не отрицается и не отрицаемо. Если же Петръ получилъ особенную, большую противъ другихъ апостоловъ власть, если ему, по особому избранію препоручено верховное папство и дана власть утверждать братьевъ своихъ и если другими апостолами полученный даръ благодати, въ силу апостольскаго преемства, переходитъ къ епископамъ *всецѣло*, то какимъ образомъ Петромъ полученный даръ переходитъ къ его преемникамъ *не всецѣло, а лишь въ мѣрѣ*, соответствующей дару другихъ апостоловъ?

Насколько внутренній законъ, присущій *факту*, сильнѣе всѣхъ о немъ сужденій, настолько свидѣтельство Церкви, въ цѣломъ взятой, жизнью своей, преданіемъ и порученіемъ отцевъ, сильнѣе всѣхъ враждебныхъ толкованій, направленныхъ противъ верховныхъ правъ святѣйшаго сѣдалища.

Жизнью своей Церковь доказываетъ, что она считала апостольскій престолъ средоточіемъ высокаго и божественнаго права церковнаго самоуправленія, т. е. видѣла въ немъ основу вселенскаго единства своей власти, неповиновеніе которой равнялось возстанію противъ Церкви.

Преданіемъ своимъ Церковь свидѣтельствуетъ, что она признавала Петрово сѣдалище началомъ единства священства, т. е. видѣла въ немъ державную связь іерархическаго единства, общеніе или разобщеніе съ которой равнялось принадлежанію или отступленію отъ ея вселенскаго тѣла.

Поученіями отцевъ Церковь свидѣтельствуетъ, что она признавала святительскую кафедру непоколебимой основой и залогомъ единства вѣры, благодатнымъ источникомъ своего непогрѣшимаго учительства, т. е. видѣла въ ней свою верховную, рѣшающую учительскую власть, непочитаніе которой равнялось отрицанію ея учительства.

Благодатный источникъ, рѣшающей голосъ непогрѣшимаго учительства, погрѣшимымъ въ рѣшеніи вопросовъ вѣры быть не можетъ. Сказанное вытекаетъ изъ свидѣтельства Церкви, а свидѣтельствуеетъ она самою жизнью своей, въ цѣломъ взятой; и свидѣтельствомъ этимъ она сама отвѣчаетъ на вопросъ: изливаются ли дары благодати, полученные апостоломъ Петромъ, на его преемниковъ *всецѣло*, или только въ мѣрѣ, соотвѣтствующей благодати полученной другими апостолами.

Церковь видѣла въ апостольскомъ престолѣ основу, средоточіе и главу своего вселенскаго тѣла, т. е. признавала римскаго епископа въ силу того, что онъ преемникъ верховнаго Апостола, своей верховной властью, противъ которой нельзя возставать, чтобы тѣмъ самимъ не разсѣчь Церкви Божіей. Вотъ почему Діонисій Великій пишетъ Новату, возставшему противъ римскаго епископа: „Лучше было тебѣ все вытерпѣть, чѣмъ разсѣчь Церковь Божію“ ¹⁾.

Церковь Божія, то самое зданіе, которое зиждется на *камень*, который Иисусъ Христосъ положилъ основаніемъ Своего вселенскаго зданія, вѣщаетъ намъ голосомъ соборовъ, что всякій, неповинующийся апостольскому престолу, слишкомъ далекъ отъ этого зданія, т. е. отъ нея самой. Она же сама почитала преемника Петра не только основой вселенскаго Христова зданія, не только главою вселенскаго братства епископовъ и соборнаго Божьяго народа, но еще *началовождемъ истины*, потому что онъ — сѣдальникъ того престола, „утвержденія коего нельзя отмѣнить безъ ниспроверженія чего-либо изъ божественнаго закона“, и съ которымъ „всѣ церкви должны согласоваться“. Вотъ почему вселенскіе соборы руководились рѣшеніемъ Петровой кафедры, подчинялись ея приговору и объявляли ея опредѣ-

¹⁾ Въ 252 г., Посланіе Діонисія Великаго Новату. Ср. Евсевія Памф., Церковная Исторія, VI, 45.

ленія сами, утверждая на нихъ свои постановленія, которыя закрѣплялись ея властью—„властью и силой присущей каѳедрѣ Петра, князя, главы апостоловъ, твердыни каѳолической Церкви, непоколебимой основы православной вѣры“, и Церковь вѣрила, что только не желающимъ признать истину не ясно, что надо повиноваться Петрову преемнику, потому что Петръ, который живетъ и всегда жить будетъ на своемъ престолѣ, говоритъ, судить и вѣщаетъ въ своихъ преемникахъ, открывая ищущимъ истину вѣры ¹⁾).

Въ этомъ раскрытіи истины,—которое есть высшее на землѣ проявленіе, потому что оно сверхъземное,—заключается данная Петру власть ключей царства небеснаго, царства вѣчныхъ истинъ.

Въ силу убѣжденія Церкви, что верховный апостоль продолжаетъ свое служеніе въ своихъ преемникахъ, *раскрывая истину чрезъ нихъ*, сложилось въ Церкви изреченіе: „Римъ сказалъ—дѣло рѣшено!“ Оно раздается въ Церкви со временъ древнихъ, и бл. Августинъ приводитъ его аксіомой церковной жизни: *Roma locuta est—causa finita* ²⁾!). На этомъ, а не на какомъ-либо другомъ основаніи, т. е. на основаніи главенства апостола Петра, преемникъ его—глава Церкви; въ силу его главенства, а не въ силу чего-либо другого, вселенскіе соборы руководились въ своихъ разсужденіяхъ, утверждались въ своихъ постановленіяхъ и подчинялись въ своихъ рѣшеніяхъ указаніямъ, рѣшеніямъ и опредѣленіямъ апостольской каѳедры, вѣруя, что „церковь эта благодатью всеильнаго Бога никогда не уклонялась отъ стези апостольскаго преданія и не подвергалась поврежденію отъ еретическихъ новизнъ, но какъ отъ начала воспріяла христіанскую вѣру отъ своихъ основателей, верховныхъ апостоловъ Христовыхъ, такъ и пребудетъ неповрежденною до конца; по божественному обѣтованію Самого Господа Спасителя... который,

¹⁾ Дѣянія Всел. Соб. въ русск. пер., т. III, изд. 2, стр. 30.

²⁾ Бл. Августинъ, Слово 132, 10.

объщавшись сохранить неповрежденною вѣру Петра, заповѣдалъ ему утверждать своихъ братьевъ" ¹⁾).

Если, дѣйствительно, ученіе западной церкви ушло далеко отъ свидѣтельства преданія, то ужъ надо признать, что во время шестого вселенскаго собора, не менѣе чѣмъ въ предъидущіе вѣка, само преданіе заранѣе увлекло Церковь далеко отъ седьмой изъ 22 регулъ по церковному обученію „Регламента Духовной Коллегіи“.

Нѣтъ, торжественное свидѣтельство Вселенской Церкви, не по усмотрѣнію человѣческой власти учрежденной, но Богомъ основанной, сильнѣе всѣхъ о ней людскихъ сужденій и личныхъ мнѣній доказываетъ, что Церковь *вѣрила*, что молитва Искупителя „да не оскудѣетъ вѣра Петра“ не относится къ нему лично, а пребываетъ присно-дѣйственнымъ словомъ „Слова Имъ же вся быша“!

На основаніи реченнаго Господомъ Петру преемникъ его—*глава, верховная власть* Церкви. Но той власти нѣтъ, противъ которой не возставали бы, и нѣтъ того начала, котораго бы не отрицали; и власть Церкви и ученіе вѣры не изъяты изъ общаго закона, по которому истина подвергается нападеніямъ отрицанія, а власть—покушеніямъ крамолы. На возстаніе противъ себя Церковь отвѣчала утвержденіемъ своей власти, а на лжеученія—постепеннымъ уясненіемъ истинъ божественнаго откровенія. Голосомъ соборовъ Церковь говоритъ, что, если бы всѣ оставались вѣрны апостольскому преданію, не уклонялись бы отъ прямой стези, ей бы не нужно было прибѣгать къ вѣроопредѣленіямъ для утвержденія смысла благочестія. Но лжеучители отрицали учительскую власть Церкви во имя разума, а самозванные охранители преданія, претыкаясь о букву Писанія во имя старины, имъ такъ же мало извѣстной, какъ и косо понимаемой, возставали противъ ея учительства. Церковь, для

¹⁾ Посланіе папы Агаѳона. Дѣян. Всел. Соб. въ русск. пер.. т. VI, изд. 2, стр. 37.

отраженія зломислія и для огражденія вѣрующихъ, утверждала смыслъ вѣры, уясняя его постепеннымъ раскрытіемъ истинъ божественнаго ученія. Не зарываніемъ даннаго ей таланта учительства воздвигла Церковь несокрушимое зданіе православнаго ученія; но подвергая своему изслѣдованію то, чему въ данное время угрожала опасность, утвердила она свою вѣру, опредѣляя ее догматическимъ постановленіемъ.

Догматы, въ свой день и часть опредѣленные, не возникли внѣ Писанія, и Церковь не нарушила преданнаго ей на храненіе божественнаго закона. Отстаивая неприкосновенность буквы, она сохранила всецѣлость смысла откровенія и, раскрывая смыслъ, сохранила неприкосновенность буквы. Ученіе Церкви не противорѣчитъ Писанію, потому что въ изслѣдованіи сокрытаго Церковь опредѣляла „сомнительное“ на основаніи „несомнѣннаго“ и, никогда не умаляя смысла несомнѣннаго и положительнаго нереченнымъ, всегда опредѣляла на „основаніи реченнаго“.

Въ опредѣленіи христіанскаго ученія, въ раскрытіи вѣчныхъ истинъ, т. е. въ высшемъ отправленіи учительства, постоянный и неизмѣнный руководитель Церкви есть глава ея, ею признанный „началовождь истины“. Догматъ о неосшибочности началовождя истины въ рѣшеніи вопросовъ вѣры уяснился и опредѣлился не иначе, чѣмъ всѣ другіе догматы, а именно постепеннымъ подтвержденіемъ мнѣнія Церкви о данномъ ученіи по мѣрѣ нападеній.

Главенство римскаго епископа и высокая учительская власть Петрова преемника—древнѣе всѣхъ соборныхъ узаконеній. Въ то время, когда, по словамъ св. Кипріяна Карѣагенскаго, Церковь *вѣрила*, что по божественному ученію всѣ должны повиноваться намѣстнику Христову, и когда Игнатій, Иринея и Діонисій Великій, не уклоняясь отъ преданія, ими почти непосредственно отъ Апостоловъ полученнаго, поучали, что съ Петровой каѳедрой должны согласоваться всѣ вѣрующіе, и въ то время, когда иные еретики злоупотребляли именемъ Петра, а другіе искали прощенія

у преемника его, и когда Поликарпъ приходилъ совѣщаться съ Аникитой,—въ то время Церковь не сходилась еще ни на одномъ вселенскомъ соборѣ. Никейскій соборъ, первый вселенскій, нашель власть римскаго епископа существующимъ фактомъ. Діоскоръ возстаетъ противъ власти апостольскаго престола, не допускаетъ мѣстоблюстителей въ Ефесѣ къ прочтенію папскихъ грамотъ, что равняется составленію собора безъ авторитета папы, т. е. изъятію себя изъ подъ его власти: и вотъ апостольскій престолъ отвѣчаетъ утвержденіемъ своей власти, приговоромъ, что составленіе собора безъ его авторитета не законно, что этого не было и *никогда быть не должно*, а Церковь халкидонскимъ и послѣдующими соборами подтверждаетъ, что Діоскоръ осужденъ не за вѣру, но за то, что онъ дерзнулъ посягнуть на авторитетъ апостольскаго престола, составляя соборъ безъ ея участія ¹⁾. И Востокъ, до самаго разрыва съ Западомъ, держался ученія, что соборъ не долженъ состояться безъ участія святѣйшаго сѣдалища, потому что всякій соборъ, составленный безъ его участія, тѣмъ самымъ православнымъ быть не можетъ.

Такъ, напримѣръ, св. Θεодоръ Студитъ пишетъ въ 797 г. папѣ Льву III ²⁾: „Такъ какъ великому Петру Христось Богъ даровалъ вмѣстѣ съ ключами царства небснаго и достоинство пастыренаачальства, то Петру, или преемнику его,

¹⁾ Таково было ученіе Церкви, какъ во время изданія знаменитаго 28-го халкидонскаго правила, такъ и послѣ него, по простой причинѣ, что таково было ея ученіе и до изданія 28 правилъ.

²⁾ Замѣтимъ, что св. Θεодоръ обращается къ тому же Льву III, обьявившему, что онъ вѣруетъ согласно божественному ученію, что Духъ Святой исходитъ отъ Отца и отъ Сына и что, если кто иначе объ этомъ исповѣдуетъ или учитъ, то онъ его отлучаетъ. Слѣдовательно, если Θεодоръ Студитъ не мыслилъ одинаково со Львомъ, то надо допустить, что послѣдній этого не зналъ, или что св. Θεодоръ находился въ невѣдѣніи относительно образа мыслей Льва. Кстати же спросимъ: Леандръ Испалійскій и братъ его Исидоръ, православіе которыхъ никогда не подвергалось сомнѣнію, неужели они не читали символа съ уяснительными словами на толедскомъ соборѣ, какъ всѣ пастыри испанскихъ церквей?

необходимо сообщать обо всемъ нововводимомъ въ Каеолической Церкви отступающими отъ истины. Итакъ, научившись этому отъ древнихъ святыхъ отцовъ нашихъ, и мы, смиренные и нижайшіе... почли долгомъ... донести о томъ... Такъ, *божественнѣйшая глава всѣхъ главъ*, состоялось... соборище преступниковъ... Донося объ этомъ неложно, мы смиренные возносимъ хриstopодобному блаженству твоему то же званіе, которое верховный апостоль съ прочими апостолами произнесъ ко Христу, когда на морѣ поднялась буря: Спаси насъ, *архипастырь поднебесной Церкви*, погибаемъ! Поступи по примѣру учителя твоего Христа, и прости руку къ нашей церкви, какъ Онъ къ Петру... Поревнуй, просимъ тебя, соименному тебѣ папѣ (т. е. Льву I), и какъ онъ при возникновеніи тогда евтихіанской ереси возсталъ духомъ по львиному, какъ всѣмъ извѣстно, посредствомъ своихъ догматическихъ посланій, такъ и ты самъ, осмѣливаюсь сказать, согласно съ своимъ именемъ возгласи божественно, или лучше возгреми понадлежащему противъ настоящаго лжеученія. Ибо, если они, присвоивъ себѣ власть, не побоялись составить еретическій соборъ, *хотя не властны составлять и православнаго собора безъ вашею видѣнія*, по издревле принятому обычаю; то тѣмъ болѣе справедливо и необходимо было бы божественному первоначальству твоему,—напоминаемъ со страхомъ,—составить законный соборъ, чтобы православнымъ ученіемъ Церкви отразить еретическое, чтобы и твое верховное достоинство со всѣми православными не подвергалось анаѳемѣ отъ новѣхъ суеслововъ... Мы, наконецъ, просимъ святую душу твою считать насъ какъ бы собственными овцами твоими и издали освѣщать и утверждать священными молитвами, а если и наставленіями, то это было бы дѣломъ твоего божественнаго снисхожденія³⁾. Или св. Феодоръ Студитъ напрасно у насъ почи-

³⁾ Творенія преп. Феодора Студита въ русск. пер., т. II, С.-Петербургъ, 1908, стр. 265—266.—Мы осмѣлились замѣнить переводъ автора новымъ переводомъ С.-Петербургской Духовной Академіи, имѣя въ виду тѣхъ

тается, или высказанное имъ напрасно порицается. Если бы прочитанное исходило отъ какого-нибудь современнаго западнаго епископа, нѣтъ сомнѣнія, не мало упрековъ обрушилось бы на него съ нашей стороны.

Однако спрашивается: что тутъ высказываетъ Феодоръ Студитъ? Неужели личное мнѣніе? Безъ сомнѣнія, нѣтъ; онъ высказываетъ убѣжденіе Церкви. Въ силу непогрѣшимости Церкви она ни ошибаться, ни перемѣнять своихъ убѣжденій не можетъ, потому что ея убѣжденія для нея—истина. Итакъ, Церковь можетъ опредѣлить свое ученіе, но не можетъ отречься отъ него. Пусть рѣшатъ: могла ли Церковь, „столпъ и утвержденіе истины“, ошибаться, считая законность соборовъ обусловленной участіемъ апостольскаго престола? А если рѣшатъ, что Церковь, въ силу своей непогрѣшимости, *ошибаться не могла*, то пусть рѣшатъ и слѣдующій вопросъ: можетъ ли церковь, которая отрицаетъ состоятельность того убѣжденія, коего держалась Вселенская Церковь, быть Вселенской Церковью и не та ли скорѣе церковь есть „Вселенская Церковь“, которая утвердила догматическимъ опредѣленіемъ ученіе, обнаруживаемое Церковью съ древнѣйшихъ временъ?

Основной законъ соборнаго положенія—не правило благочинія, не постановленіе по церковнымъ обрядамъ или „частнымъ“ дѣламъ областнаго управленія, а принадлежитъ къ основоположнымъ, непреложнымъ началамъ церковной жизни, такъ же неотмѣняемымъ, какъ и вѣроопредѣленія, и безъ коихъ нѣтъ единой Вселенской Церкви, какъ безъ нихъ нѣтъ единой православной вѣры.

Если главенство римскаго епископа не основано на главенствѣ апостола Петра и если онъ *никогда* не былъ „началовождемъ истины“, то почему не вычеркиваются слова, коими Церковь повѣствуетъ о первосѣдальникахъ и вели-

читателей, въ глазахъ которыхъ авторитетъ такого учрежденія не оставляетъ сомнѣнія въ правильности перевода (*Примѣчаніе издателя*).

чаетъ ихъ, обращаясь къ нимъ? Приведемъ нѣсколько примѣровъ: „Скончавшуся же Петру и по немъ епископу Лину, также епископу Клиту, правяше Климентъ въ Римѣ *корабль Церкви Христовы*“¹⁾. Онъ же „новый Петръ, *Петрова престола преемникъ* показался, *просвѣщая всю тварь*“²⁾.

„Отче Святителю Сильвестре! *вѣрныя просвѣтивъ, и отиналъ еси тьму ересей*. Столпъ явился еси огнемъ священно *предводя* священный соборъ³⁾. Верховникъ явился еси священнаго собора, *священно-таинниче*, и верховника учениковъ украсилъ еси престоль; ересей Сильвестре лествь отгналъ еси, паству упаслъ еси. Изліялся бо въ устахъ твоихъ благодать Божественнаго Духа, сего ради ты священника людемъ своимъ Богъ, блаженне Отче, помаза. *Яко божественный верховникъ священныхъ отцевъ, священное ученіе утвердивъ, еретиковъ заградилъ еси уста*“⁴⁾.

Что означаетъ: „Священника людемъ своимъ Богъ ты помаза“ (*людемъ—λαός—народъ*), если не то, что преемникъ верховнаго апостола есть „епископъ народа Божія“, какъ гласить надпись первой церкви, сооруженной во имя Пресвятой Богородицы—„Ксистъ, епископъ народа Божія“, т. е. повсюду живущихъ вѣрующихъ чадъ единой матери, Вселенской Церкви? Что означаетъ: „*Яко божественный верховникъ священныхъ отецъ, святое ученіе утвердивъ*“, если не то, что Сильвестръ не по своимъ познаніямъ и не по своей святости направлялъ къ истинѣ священный сонмъ правящей Церкви, но въ силу того, что онъ былъ „верховникомъ священныхъ отецъ“, т. е. вселенскаго братства епископовъ?

Дальше: „Православныхъ ученій наставника всеславна,

¹⁾ Чет.-Мин., Москва, 1805 г.; ноябрь 25, листъ 148 на об.

²⁾ Мѣсяч. Миня, 25 ноября.

³⁾ Замѣтимъ кстати, что Сильвестръ выставляется здѣсь «Предводителемъ» никейскаго собора; по всѣмъ церковнымъ извѣстіямъ Осія кордубскій предсѣдательствовалъ на 1-мъ вселенскомъ соборѣ отъ имени папы Сильвестра. Теперь же преподають намъ, что «не извѣстно», кто былъ предсѣдателемъ на никейскомъ соборѣ!!!

⁴⁾ Мѣсяч. Мин., 2 января.

верховника священнѣхъ повелѣній *неложна*, жи истиннѣйшаго обличителя, *божественныхъ словесъ изгъвителя!* Свѣтильника яко жизни слово имуща, отъ запада убо исходяща, на востоцѣ же являющася. Существа два и двѣ воли и дѣйства сугуба носяща, единаго отъ честныя Троицы *научилъ* еси Христа присущнаго Бога и иже не тако чествующія *вся отвергъ еси*, Мартине священнѣйше. Сый исполненъ, всеблаженне, божественныя ревности собралъ еси священъ, Мартине, соборъ и церковное утвердилъ ученіе. Посреди собора отвергль еси, Пирра, Сергія и Феодора, Кира же и подобныя тѣмъ блядословящія злославныя, отче. Яко же левъ, отче, уповавъ на беззаконныя дерзостно наскочилъ еси, Феодора, Кира и Сергія и Пирра и сихъ единомышленныя отлучая Христовы святыя Церкви; украсивъ Петровъ божественный престолъ, на того камени Церковь неколеблещу соблюдь, Мартине, съ симъ прославился еси!¹⁾

Кто отвергъ, кто отлучилъ и кто научилъ? А изреченіе: „Священнѣхъ повелѣній верховникъ неложный“ что означаетъ? Если въ этихъ словахъ не ясно сказывается неопи-бочность главы Церкви, то каждый согласится, что здѣсь во всякомъ случаѣ не усматривается и „ошибочности“ Петрова преемника. Однако, обыкновенно отговариваются отвѣтомъ, что приведенныя изреченія— „*возгласы*“. На такое возраженіе мы отвѣтимъ, что „*возгласы*“ Церкви не уподобляются звуку звѣнящей мѣди, въ ней же нѣтъ ни смысла, ни жизни, и что Церковь въ „*возгласахъ*“ своихъ выражаетъ краткимъ словомъ полноту смысла своего ученія, какъ Петръ въ возгласѣ возрожденія и жизни: „Ты Христось Сынъ Бога живаго!“ соединилъ въ краткомъ словѣ полноту вѣры, и какъ самъ Господь въ творческихъ и принодѣйственныхъ словахъ, обращенныхъ къ Петру: „Ты—камень и на семъ камнѣ Я создамъ Церковь Мою“, заключилъ судьбу этой Церкви.

¹⁾ Мѣсяч. Миней, 14 апрѣля.

Значеніе Петрова преемника впервые отрицается „православнымъ“ самодержцемъ въ лицѣ императора Михаила III. Апостольскій престолъ отвѣчаетъ ему, утверждая свою власть объявленіемъ, что она не соборами установлена, но ему присуща въ силу главенства апостола Петра. Въ оправданіе своего незаконнаго возведенія на патриаршій престолъ, Фотій, въ свою очередь, отрицаетъ верховныя права римскаго епископа и, произнесеннымъ противъ него осужденіемъ, повторяетъ поступокъ Діоскора. Апостольскій престолъ отвѣчаетъ на поступокъ Фотія новымъ утвержденіемъ своей власти, и Церковь подтверждаетъ свою вѣру въ божественное происхожденіе власти первосѣдальной каѳедры опредѣленіемъ константинопольскаго собора 870 г., а именно: „Преемникъ верховнаго апостола, глава Церкви и орудіе св. Духа, соборному суду не подлежитъ“.

Прошло десять вѣковъ, въ теченіе которыхъ, всѣ отрицающіе, что первопрестоліе не подвѣдомо соборному суду, отдѣляются отъ Церкви, и всѣ, отступающіе отъ нея по той или другой причинѣ, оправдываютъ свое возстаніе противъ Церкви признаніемъ съ ея стороны главенства Петрова преемника, чѣмъ и доказывается, что Церковь соединена съ Петровой каѳедрой силой неразрывной органической связи, потому что нельзя отрицать власть послѣдней, не отступая отъ Церкви, и нельзя нарушить преданіе ея, не отрицая тѣмъ самимъ власть первопрестолія.

Въ наше время духъ отрицанія вооружается новой силой противъ преданія Церкви и ея власти; плевелы нечестія и безвѣрія растутъ, души вѣрующихъ, среди волненія умовъ и шатанія совѣсти, приходятъ въ колебаніе, и Церковь, отъ своего ученія не отрекшаяся, отъ пути преданія не уклонившаяся и ничего не утратившая изъ того, что унаслѣдовала „безъ вѣдомаго начала“, поступила — для отраженія новыхъ толкованій, чуждыхъ благочестію, и для огражденія вѣрующихъ — согласно тому, какъ она поступала со временъ древнихъ, т. е. утвердила смыслъ своего ученія, опредѣляя

его догматомъ. И Церковь, вѣруя, что римскій епископъ, „началовождь истины“, „неложный верховникъ“ священныхъ повелѣній и глава Церкви, потому что онъ преемникъ верховнаго апостола, и вѣруя согласно высказанному на вселенскихъ соборахъ, что „благодатью всесильнаго Бога каѳедра Петра никогда не уклонялась отъ стези апостольскаго преданія и, какъ отъ начала воспріяла христіанскую вѣру отъ верховнаго апостола, такъ и пребудетъ неповрежденной до конца, по обѣтованію Самого Господа Спасителя, который, обѣщавъ сохранить неповрежденною вѣру Петра, заповѣдалъ ему утверждать своихъ братьевъ“ — опредѣлила: „Преемникъ Петра, глава Церкви, въ рѣшеніи вопросовъ вѣры—неошибоченъ“.

Если находятъ опредѣленіе ватиканскаго собора несогласнымъ съ преданіемъ,—нечего отвѣчать, потому что другихъ доказательствъ въ защиту опредѣленія нѣтъ, кромѣ свидѣтельства того же преданія, на коемъ оно утверждается, и невозможности совмѣстить ошибочность въ вѣрѣ той власти, которой всегда принадлежалъ рѣшающій голосъ и рѣшеніями которой опредѣлилось ученіе вѣры,—съ безусловной непогрѣшимостью этого ученія. Если же находятъ, что Церковь не имѣетъ права издавать новые догматы, мы тогда скажемъ, что то, что „внѣшніе“ называютъ *новымъ догматомъ*, то Церковь называетъ опредѣленіемъ, соответствующимъ нападенію, и что опредѣленіе о нешибочности первоосѣдальника можетъ быть названо новымъ догматомъ развѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ внесеніе въ символъ (о Церкви) слова „*Вселенская*“ было ново въ 381 г., о чемъ отцы пишутъ: „Церковь намъ *нынѣ* преподаетъ“, или какъ было ново постановленіе усвоить Пресвятой Дѣвѣ іменованіе *Богородицы* въ 431 г., какъ вообще были новы всѣ въ свой день и часъ состоявшіяся уясненія христіанскихъ истинъ и вѣроопредѣленія (или догматы). А что касается власти Церкви и права ея пояснять ученіе и издавать вѣроопредѣленія, то скажемъ, что власть Церкви не дана ей на

время, и отвѣтимъ словами халкидонскаго собора: „Если кто хочетъ остановить свободу защиты вѣры, то пусть сперва остановить неправду!“ Но возможно ли остановить неправду, возможно ли прекратить разнорѣчіе? Въ области времени жизнь выражается чередованіемъ и превращеніемъ; въ нихъ остановка и непреложность немислимы, потому что остановка въ жизни равняется смерти, которая исключается жизнью, а непреложность равняется несокрушимости, которая исключается закономъ разрушенія. Жизнь же, выражающаяся не чередованіемъ и превращеніемъ, но неизмѣннымъ пребываніемъ и ростомъ непреложной сущности, заключается только въ томъ, что изъято отъ закона разрушенія. Таковой на землѣ является одна Церковь.

Однако, человѣкъ, какое бы ни было его званіе, и даже подѣ дѣйствіемъ призванія свыше, не перестаетъ быть (хотя бы до извѣстной степени) человѣкомъ своего времени: поэтому понятно, что духъ времени сказывается въ образѣ дѣйствій лицъ, состоящихъ членами Церкви; но онъ этимъ касается Церкви, не болѣе какъ очертанія береговъ касаются рѣки, отражаясь на поверхности водъ. Какъ неподвижно стоящіе берега отражаются въ мимо нихъ протекающей все той же рѣкѣ, такъ проходящіе вѣка касаются отблескомъ своимъ нерушимо передъ ними стоящей Церкви, но они не властны измѣнить ее и не уносятъ ее за собой въ небытіе своей скользящей тѣнью, подѣ которой Церковь пребываетъ все той же единой неизмѣнно-пребывающей и непреложно-живой. Вотъ почему, какъ присущія ей свойства не могутъ утратиться ею, потому что они—сама суть несокрушимой жизни, такъ и данныя Церкви права неотъемлемы, и власть ея неупразднима временемъ, потому что, какъ для Церкви нѣтъ грани въ пространствѣ, въ коемъ Богъ положилъ предѣлъ ея—міръ, такъ и для власти ея нѣтъ сроку во времени, въ коемъ Богъ обѣтованіемъ несокрушимости положилъ ей предѣлъ—грань временъ и лѣтъ.

Учительская власть Церкви—неотъемлемое право ея со

дня врученія ключей царства небеснаго апостолу Петру съ обѣтованіемъ о созиданіи на немъ вселенскаго Христова зданія. Вотъ почему передъ Церковью, одной изъятаой отъ чередованія и превращенія и одной на землѣ присно-живой и неизмѣнной, вѣка, мимоидущіе отъ небытія къ небытію, ничѣмъ другъ отъ друга не отличаются, и вотъ въ силу чего Церковь всецѣло обладаетъ своей непреложной властью и своими неприкосновенными правами въ XIX вѣкѣ не менѣе, чѣмъ въ предъидущіе вѣка, ибо она есть то, что была и чѣмъ пребудетъ. Кромѣ того, ученіе вѣры вселенской Церкви образовалось не сохраненіемъ преподаннаго по частямъ, что равнялось бы „выбору“, т. е. „ереси“, но, говоря словами отцевъ, — уясненіемъ, „постепенностью истины“, раскрытіемъ смысла, заключеннаго въ преданіи, соблюдаемомъ въ неприкосновенной цѣлости. Поэтому естественно представляется вопросъ: въ чемъ больше сказывается сохраненіе преданія, въ опредѣленіи ли смысла преданія, или въ лишеніи преданія всякаго смысла? Не касаясь другихъ свидѣтельствъ о томъ, что вселенская Церковь считала Петрову кафедру недоступной ереси, т. е. непогрѣшимой въ вѣрѣ, возьмемъ примѣръ Льва Великаго.

Святой Левъ Великій прямо, ясно, положительно заявляетъ, что Петрова кафедра несокрушима въ вѣрѣ. Онъ приводитъ сказанное, *не какъ свое личное мнѣніе*, но какъ общее всей Церкви воззрѣніе; стало быть, не будь заявленное Львомъ дѣйствительно воззрѣніемъ Церкви, заявленія его равнялись бы лжесвидѣтельству, что Церковью не прощается. Однако, вселенская Церковь признаетъ его наставникомъ и столпомъ православія. Спрашивается: которая изъ нынѣ существующихъ церквей—та же самая вселенская Церковь? Та ли церковь, которая считаетъ „новизной“ опредѣленіе ученія, коего Левъ Великій держался, или та церковь, которая опредѣлила догматомъ то самое ученіе, о которомъ онъ свидѣлствуетъ въ своихъ всенародныхъ поученіяхъ и окружныхъ посланіяхъ?

Предоставляемъ рѣшеніе вопроса тѣмъ, которые подчиняются очевидности.

Опредѣленіе ватиканскаго собора о недоступности Петровой кафедры всякой ереси состоялось, какъ всѣ опредѣленія всѣхъ законно состоявшихся соборовъ, не внѣ преданія и не внѣ Писанія, но на основаніи несомнѣннаго преданія, возникшаго безъ вѣдомаго начала и въ силу реченнаго, т. е. соборъ постановилъ на основаніи несомнѣннаго, положительнаго и реченнаго.

„Ты еси Петръ ¹⁾ и на семъ камнѣ Я создамъ Церковь Мою и врата ада не одолѣютъ ея. И дамъ тебѣ ключи царства небеснаго, и что ты свяжешь на земль, то будетъ связано на небесахъ, и что разрѣшишь на земль, то будетъ разрѣшено на небесахъ. Симонъ! Симонъ! се сатана просилъ, чтобы съять васъ, какъ пшеницу. Но Я молился о тебѣ, чтобы не оскудѣла вѣра твоя, и ты нѣкогда, обратившись, утверди братьевъ твоихъ“.

И Церковь, не разсѣянная и не сдвинутая съ своей основы, — какъ крѣпкій дубъ, нерасшатанный непогодой, поднимаетъ голову по мѣрѣ роста своего, — подняла голову свою.

¹⁾ Симонъ названъ «Кифой» — камнемъ.

ГЛАВА IX

Еще о догматѣ неошибочности и заключеніе.

При изученіи историческаго явленія, ходячимъ мнѣніемъ признаннаго за „фактъ“, первое дѣло — удостовѣриться въ дѣйствительности его существованія; второе — изслѣдованіемъ имѣющихся о немъ извѣстій и изученіемъ ихъ, въ связи съ условіями общества и времени, къ которому фактъ принадлежитъ, уяснить его происхожденіе; третье — изучить отношенія къ нему современниковъ, т. е. уяснить, чѣмъ онъ признавался какъ по происхожденію, такъ и по внутреннему смыслу въ той средѣ, въ которой онъ возникъ; и, наконецъ, — объяснить причины, въ силу которыхъ сложились понятія извѣстной среды по отношенію къ нему. Въ этихъ условіяхъ всякое разсужденіе о какомъ-либо историческомъ явленіи будетъ разсужденіемъ, основаннымъ на однихъ умозрѣніяхъ, и на немъ построенныя заключенія окажутся въ свою очередь безсодержательными и не соответствующими дѣйствительности. Понятно, что воззрѣнія какой-либо среды на какой-либо фактъ не связываютъ изслѣдователя; отъ него требуется одно: не выдавать своихъ объясненій о возникновеніи факта (будь они самыя неопровержимыя) за убѣжденія тѣхъ, которые признавали за нимъ другое происхожденіе, и не выставляютъ своего мнѣнія о внутреннемъ смыслѣ факта за понятія тѣхъ, которые придавали ему другой смыслъ. Развитіе историческихъ наукъ такъ же не мыслимо безъ этой свободы, какъ и безъ соблю-

денія вышесказанныхъ правилъ. Перейдемъ теперь къ вопросу о главенствѣ апостольскаго престола.

Среда, въ которой создалось это главенство, есть Церковь и свидѣтельство о томъ, чѣмъ оно считалось по происхожденію, есть свидѣтельство Церкви, доказывающее, чѣмъ она его признавала. Отсюда слѣдуетъ, что обязанность согласовать наши взгляды о немъ съ воззрѣніями Церкви зависитъ исключительно отъ того, считаемъ ли мы себя, въ силу нашей вѣры въ Церковь, связанными ея свидѣтельствомъ и примѣромъ? Въ случаѣ отрицательнаго отвѣта мы можемъ отнестись къ свидѣтельству Церкви о значеніи апостольскаго престола по нашему усмотрѣнію, потому что тогда убѣжденіе Церкви связываетъ насъ не болѣе, чѣмъ религіозныя или политическія понятія любого человѣческаго общества, и мы тогда имѣемъ полное право считать воззрѣнія Церкви несостоятельными и отнестись къ нимъ, какъ ко всякимъ другимъ воззрѣніямъ, объясняемымъ историческими, политическими и тому подобными условіями. Обязательнымъ остается одно—не скрывать доказательствъ о томъ значеніи, какое апостольскій престолъ имѣлъ въ глазахъ Церкви. Но если, въ силу нашей вѣры, свидѣтельство Церкви для насъ свято и мы въ своихъ сужденіяхъ въ церковной области связаны ея примѣромъ, тогда понятно, что не можетъ быть для насъ исключенія относительно значенія Петровой кафедры. Чѣмъ Церковь ее считала по происхожденію, тѣмъ она должна и нами признаваться, потому что воззрѣнія Церкви для насъ—не понятія того или другого общества, не *мнѣніе*, а *непреклонная истина*.

Церковь своею жизнью, преданіемъ и единогласнымъ свидѣтельствомъ отцевъ доказываетъ, что она вѣрила въ божественное происхожденіе власти Петровой кафедры и что она эту кафедру признавала недоступной ереси, т. е. непогрѣшимой въ вѣрѣ.

Невозможно отрицать, что древнѣйшіе памятники и весь

ходъ церковной жизни свидѣтельствуютъ о такомъ убѣжденіи Церкви; стало быть, чтобы не раздѣлять взгляда Церкви на апостольскій престоль, надо или изъять себя изъ подчиненія Церкви, съ отреченіемъ отъ вѣры въ нее, или скрывать ея свидѣтельство, дабы тѣмъ самимъ скрыть свое противорѣчіе съ ней. Протестанты изъяли себя изъ подчиненія Церкви, и, не считая себя обязанными вѣрить, какъ Церковь вѣрила, они съ тѣхъ поръ, какъ улеглась вѣроисповѣдная вражда, не скрываютъ больше свидѣтельства Церкви; намъ же, не отрекшимся отъ Церкви, въ виду противорѣчія между нашими толкованіями и ея свидѣтельствомъ, приходится скрывать дѣйствительность въ ущербъ вѣрѣ и самой совѣсти. Говоримъ—самой совѣсти, потому что и въ обществѣ, не связанномъ божественнымъ откровеніемъ, въ силу присущаго человѣку сознанія добра и зла, остается непреложнымъ нравственнымъ закономъ — поступать согласно сему сознанію. Признанный нами критерій есть Церковь; можемъ ли мы, не отрекаясь отъ естественнаго закона совѣсти, противорѣчить Церкви?

Согласно же ученію нашей вѣры, Церковь, Богомъ основанная есть „столпъ и утвержденіе истины“. Можемъ ли мы, вѣрой связанные съ ея примѣромъ, не признавать того, что ею признано святымъ? Намъ кажется, что тѣ, которые именуютъ себя православными, не могутъ по ученію вѣры и по закону совѣсти, отрицать власть, которую Церковь признала святой.

Чтобы отрицать свидѣтельство Церкви о томъ, что она вѣрила въ божественное начало власти своей первосѣдальной кафедры и въ недоступность ея ереси, приходится слишкомъ многое скрывать, слишкомъ часто ронять высокое, возвышать недостойное и забывать, что Церковь не—область утвержденія личныхъ воззрѣній, а область просвѣщенія ума и сердца чрезъ сообщеніе даровъ благодати; не—ристалище для состязанія народовъ, а мѣсто освященія народныхъ силъ и дарованій; не—палата для узаконенія земныхъ страстей и

мудрованій, но судилище покаянія для разрѣшенія людскихъ грѣховъ и беззаконій и святилище для приношенія себя въ жертву Богу и для преклоненія передъ Его святой волей.

Изъять изъ церковнаго преподаванія „фактъ“ высокаго значенія святѣйшаго сѣдалища значитъ образовать въ исторіи и въ понятіи о Церкви ничѣмъ не восполнимый пробѣлъ. Уйти отъ этого факта никакими ухищреніями нельзя; укрыться отъ его преслѣдованія невозможно, потому что о немъ свидѣтельствуемъ исторія, гласитъ преданіе, вѣщаетъ Церковь; отрицать его можно только, не внимая этому вѣщанію, заглушая голосъ преданія, скрывая свидѣтельство исторіи, другими словами—оставаясь глухимъ къ истинѣ, слѣпымъ передъ очевидностью. Вся шаткость представленія о Церкви у насъ происходитъ отъ пробѣловъ нашего церковнаго преподаванія, которые то пробѣлы не имѣютъ сами другой причины, кромѣ ненависти къ апостольскому престолу. Отсюда искаженіе исторіи при каждомъ проявленіи этой власти, которой ничѣмъ скрыть нельзя, отступленія отъ истины и произвольное обращеніе съ свидѣтельствомъ Церкви, которая, если мы въ нее вѣруемъ, связываетъ насъ примѣромъ жизни своей, преданіемъ и ученіемъ. Упомянуть о преданіи и прерывать нить преданія, говорить о подчиненіи Церкви и не подчиняться ея свидѣтельству, проповѣдывать уваженіе къ ея ученію и не внимать ея голосу, когда она говоритъ о власти, руководившей ею въ опредѣленіи ученія, имѣть на устахъ правила вселенскихъ соборовъ и жить внѣ смысла ихъ дѣяній, призывать имя отцевъ и издѣваться надъ отеческой властью ими признаваемой,—значитъ набросить на Церковь завѣсу, сотканную на станкѣ, сколоченномъ по нужнымъ намъ узорамъ, а твердить объ истинѣ и бояться правды значитъ обличать собственную неискренность и подложность того, что выставляется за истину. При такихъ условіяхъ можно принадлежать къ чему угодно, но не къ тому, чему по православному ученію принадлежать *должно*; при такихъ условіяхъ можно состоять

членомъ человѣческаго учрежденія, но нельзя быть общникомъ Вселенской Церкви. Преподаваніе, подобное нашему, можетъ родить предубѣжденіе, но безсильно вселить убѣжденіе, потому что оно поставлено въ необходимость возводить предрѣшенные осужденія въ аксіомы; но такъ какъ они аксіомой (т. е. истиной, не требующей доказательства) все-таки стать не могутъ, то и приходится прибѣгать къ средствамъ, недостойнымъ науки и разрушительнымъ для нашей вѣры. Издѣвательство надъ властью, вселенской Церковью признанной божественной, нельзя назвать иначе, какъ разрушительнымъ средствомъ. Вѣроисповѣдная вражда можетъ доводить до клеветы. Какъ это ни прискорбно, оно понятно, когда страсти возбуждены. Но прибѣгать для защиты того, что считается истиной, къ искаженію той же истины, нарушать изъ ненависти къ противнику то же самое, поборникомъ чего себя ставишь, и скрывать свидѣтельство того преданія, въ измѣнѣ которому упрекаешь врага, не только не находить себѣ оправданія передъ вѣрой, но не находить даже объясненія передъ здравымъ смысломъ.

Здравый смыслъ и благочестіе одинаково требуютъ уяснить то, чѣмъ мы дорожимъ: православнымъ ли исповѣданіемъ вѣры, или разрывомъ съ Римомъ. Умалчивать въ церковномъ преподаваніи о вселенскомъ средоточіи Церкви также немислимо, какъ умалчивать въ преподаваніи исторіи Россіи о верховной власти и въ изученіи всякаго предмета умалчивать объ основныхъ его началахъ. Тутъ не будетъ ни точнаго представленія о данномъ предметѣ, ни прочнаго знанія. Подобное преподаваніе, рождающее полужнаніе, хуже всякаго незнанія. Родитъ подобное зло намѣренно, еще въ области вѣры и совѣсти, есть посягательство на вѣру и грѣховное пренебреженіе къ требованіямъ души. Издѣваться надъ верховной властью Церкви, ронять то, чему вселенскіе соборы внимали, не совмѣстно съ уваженіемъ къ нимъ, съ уваженіемъ подобающимъ предмету нашей вѣры.

Благодаря несообразностямъ нашего церковнаго преподаванія, обусловленнымъ необходимостью ронять значеніе апостольской кафедры, Церковь представляется намъ зданіемъ, лишеннымъ основанія. Отъ зданія, лишеннаго основанія, нельзя ждать прочности; къ зданію расшатанному нельзя требовать довѣрія. Повторяемъ: здравый смыслъ и благочестіе одинаково требуютъ уяснить, чѣмъ мы дорожимъ: православнымъ ли исповѣданіемъ вѣры, или разрывомъ съ Римомъ, онъ же для Церкви не Римъ, а та главная кафедра, которой усвоено было имя „святительской“, въ ознаменованіе того, что она источникъ священства, что іерархическое единство нераздѣльно съ нею связано, и которая, въ силу того, что она во главѣ непогрѣшимаго учительства, признавалась недоступной ереси. Врядъ ли кто скажетъ (по крайней мѣрѣ открыто), что намъ дорогъ именно разрывъ съ апостольскимъ престоломъ, неповиновеніе которому названо отцами постыднымъ поступкомъ. Если же намъ дорого православное исповѣданіе вѣры, то понятно, что мы не должны удаляться отъ западной церкви дальше, чѣмъ она сейчасъ стоитъ отъ насъ, потому что уйти дальше значитъ уже не уходить отъ нея, но отъ „столпа истины“, и если западная церковь отступила отъ него, а мы сами у него стоимъ, то прибѣгать къ лжесвидѣтельству намъ *не нужно и не должно*. Пусть докажутъ, не предрѣшеннымъ осужденіемъ, а разоблаченіемъ истины чрезъ правдивое изслѣдованіе, что западная церковь отступила отъ здраваго ученія и что апостольскій престолъ, благодаря своимъ заблужденіямъ, утратилъ свои права; тогда, на какой бы сторонѣ ни была правда, не утратилось бы сознаніе о бывшемъ единствѣ и о возможномъ возвращеніи къ Вселенской Церкви тѣхъ, которые отъ нея отступили, а вмѣстѣ съ этимъ и о возможномъ восстановленіи единства. Неужели теперь задались искаженіемъ облика Церкви именно съ цѣлью уничтожить сознаніе о бывшемъ единствѣ, чтобы тѣмъ разрушить всякую надежду на воссоединеніе церквей? Въ такомъ случаѣ

болѣ крайняго отступленія отъ церковнаго преданія и смысла благочестія быть не можетъ, потому что истинному христіанину свойственно не поддерживать церковныя нестроенія, а скорбѣть о церковномъ расторженіи, отцами именуемомъ расторженіемъ единства Христова.

Сохранить живую вѣру въ Церковь, при искаженномъ представленіи о ней, возможно только окружившись непрогляднымъ мракомъ ¹⁾. При полумракѣ нашего церковнаго преподаванія, вѣра въ Церковь исчезаетъ, потому что въ немъ, благодаря остаткамъ свѣта, проглядываетъ несостоятельность того, что предлагается взамѣнъ Вселенской Церкви, а отъ недостатка свѣта, всетаки не уясняется ея настоящій образъ. Отъ искаженного облика призрачной Церкви отворачиваются, дѣйствительнаго не видятъ и рѣшаютъ, что на землѣ нѣтъ Вселенской Церкви Божіей ²⁾. Лучше бы разъ

¹⁾ Во всякомъ случаѣ мракомъ незнанія пріобрѣтается изъ всѣхъ смягчающихъ вину обстоятельствъ самое сильное, т. е. *невмѣняемость*. Сказанное вполне подтверждается отмѣненіемъ обязательнаго преподаванія греческаго языка въ духовныхъ семинаріяхъ, трехъ древнихъ языковъ (еврейскаго, греческаго и латинскаго) въ духовныхъ академіяхъ, распоряженіемъ больше не печатать лучшихъ диссертаций (въ числѣ коихъ, будь тутъ сказано, за послѣдніе годы появились нѣкоторыя весьма достойныя похвалы) и тому подобными мѣропріятіями по духовному вѣдомству, въ коихъ, спѣшимъ прибавить, никоимъ образомъ нельзя винить правящій сонмъ російской православной церкви. — «Какъ тѣламъ мягкимъ и удобоподвижнымъ, пишетъ св. Василій Великій, невозможно нанести крѣпкаго удара по тому самому, что они не имѣютъ упорства, такъ и явно безумствующимъ невозможно сдѣлать сильнаго обличенія». (Василій Великій «О св. Духѣ» къ Амфилохію иконійскому, глава XVII). Съ своей стороны скажемъ, вслѣдъ за блаженнымъ отцемъ: какъ безумствующіе самими безуміемъ своимъ пріобрѣтаютъ нѣкоторую выгоду, такъ и незнающіе самими незнаніемъ своимъ обогащаются неотвѣтственностью.

²⁾ Церкви, упрекающія западную въ отступленіи отъ Вселенской Церкви, всѣ безъ исключенія опасаются ея «вселенства», т. е. того самого, что составляетъ признакъ Вселенской Церкви и чего имъ недостаетъ, того самого, что православными самодержцами называется «вѣчнымъ общеніемъ, которое владычествомъ своей силы наполняетъ міръ» и что, по словамъ отцевъ, именно и есть то присущее свойство и тотъ обязательный признакъ, которымъ узнается истинная Церковь, которая должна осуществлять собой неприкосновенное Единое, могущее дѣйствовать во всей вселенной, потому что, какъ

на всегда порвать съ Церковью, смотрѣть на нее не какъ на зданіе, Спасителемъ основанное, но какъ на человѣческое учрежденіе, преданіе и дѣйствія котораго насъ ничѣмъ не связываютъ и ни къ чему не обязываютъ. Подобная постановка дѣла имѣетъ то преимущество, что при этомъ не искажается хоть внѣшняя историческая правда; съ представленіемъ Церкви и всего, что до нея касается, свободному изслѣдованію, не преграждается путь къ развитію науки и къ обогащенію познаній; не нарушается право всесторонности умственного труда, а это драгоцѣнное право ума вращаться безпрепятственно по всему простору міровыхъ явленій, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть вѣрный залогъ возвращенія къ живой вѣрѣ чрезъ уясненіе истины.

Нечего указывать, ради собственнаго оправданія, на безвѣріе Запада: дѣло не въ отрекшихся отъ Бога, а въ положеніи тѣхъ, которые хотягъ оставаться Ему вѣрными, и въ прочности, которую они, всюду составляющіе искупающее меньшинство, находятъ въ своемъ оплотѣ противъ разрушительныхъ началъ ¹⁾. Не надо забывать, что неправда можетъ служить наступательнымъ оружіемъ, но что въ качествѣ оборонительнаго она не пригодна. Защищаться можно только вооружившись свѣтозарной броней правды.

Исконный врагъ ходитъ по землѣ; не справляясь съ градусами широты, и первая ступень, которую онъ всюду ставитъ своему владычеству (коего полное выраженіе—без-

Богъ вездѣсущій одинъ, такъ и Церковь Его должна обладать свойствомъ единства, которое не можетъ нарушаться распространеніемъ. Ничего подобнаго (безъ чего Церковь не есть Вселенская Церковь) никакой церковью, не живущей самостоятельной жизнью, внѣ всякихъ граней обособленій, не достижимо и не осуществимо, какъ въ силу непреложныхъ законовъ природы, такъ и въ силу изъ нихъ же вытекающихъ государственныхъ и международныхъ правъ.

¹⁾ Кромѣ того, надо принять во вниманіе, что западный міръ дѣлится между римскою Церковью и протестантствомъ и что, благодаря отрицанію божественности Церкви и учительской ея власти, въ нѣдрахъ протестантизма появилось богословское ученіе, по естественному наклону уже приближающееся къ отрицанію божественности Иисуса Христа.

вѣрїе), есть ненависть къ Церкви. Отсюда слѣдуетъ, что сила сопротивленія злу кроется въ живой вѣрѣ и любви къ Церкви. Какой отпоръ безвѣрїю возможенъ со стороны не имѣющихъ даже довѣрїя къ собственному оплоту и источнику ученія и началъ, которыя они защищаютъ? Можетъ ли голосъ неубѣжденнаго звучать силой убѣжденія? Защита по должности никогда не замѣнитъ защиту по внутреннему побужденію, по непоборимой потребности души. Повторяемъ: дѣло не въ томъ, какъ мыслятъ тѣ, которые за земнымъ ничего не признаютъ, а въ томъ, какъ вѣрятъ въ сверхземное говорящіе о небесномъ. Въ этомъ отношеніи разница между нами и Западомъ поразительна. Никогда, быть можетъ, не было съ одной стороны болѣе живой и убѣжденной борьбы съ духомъ безвѣрїя, а съ другой—болѣе бездушной и холодной.

Однако, въ самомъ фактѣ обладанія православной вѣрой заключается такая сокровенная сила, что полное забвеніе церковнаго прошлаго и сгущеніе мрака до непроглядности не мыслимы. У вѣрующихъ проявляется потребность узнать воочию свою мать—Вселенскую Церковь и обладать радостію ученія безъ противорѣчїя.

Ученіе безъ противорѣчїя, т. е. соотвѣтствующее всецѣло смыслу вѣры, согласное съ дѣйствительностью фактовъ и свободное отъ колебаній мнѣнія, есть свойство Вселенской Церкви. По словамъ св. Климента Александрійскаго, одна Вселенская Церковь имѣетъ твердое, на преданіи основанное ученіе; еретики же имѣютъ одни *мнѣнія*. „Не принадлежащіе къ Церкви, говоритъ св. Иринея, шатаются и никогда не могутъ выразить непоколебимаго ученія“. Выражать непоколебимое ученіе, обладать радостію ученія безъ противорѣчїя свойственно одной Вселенской Церкви, потому что Господь установилъ въ ней одной учительскую власть, даровавъ главѣ ея власть ключей царства небеснаго. Власть ключей—не благодать священства, не благодать, ниспосылаемая по испытанію нашей соотвѣтственности съ полученной, а

особый „даръ“ Божій, изливаемый на Церковь въ лицѣ главы ея. Какъ вселенское единство священства не мыслимо безъ іерархической связи и какъ единство управленія не возможно безъ вселенскаго средоточія, такъ и единство ученія безъ противорѣчія мыслимо только при живой руководящей учительской власти съ рѣшающимъ голосомъ.

Спросимъ еще разъ у самой Церкви, какъ при началѣ нашего изслѣдованія: чѣмъ должна быть Церковь и каковы ея отличительные признаки?

Истинная Церковь, (гласитъ она сама), *есть* вселенскій „союзъ любви“, во главѣ котораго стоитъ римская церковь, потому что она—каедрa апостола Петра, главы апостоловъ. Истинная Церковь—вселенска и едина, какъ Богъ единъ. Имя „вселенская“ есть отличительное ея имя, потому что она имѣетъ неограниченную предѣлами силу въ цѣлой вселенной. Она—отъ предѣла до предѣловъ земли, потому что Богъ положилъ предѣлы ея—мїръ! Истинная Церковь—древнѣйшая; она предшествовала всѣмъ ересямъ (т. е. какъ по времени, такъ и по послѣдовательности ученія, основаннаго на непрерывающемся преданіи).

Она называется „вселенскою“ (по внѣшнему проявленію), потому что она во всемъ мїрѣ; она „вселенска“ (по ученію, заключающему полноту смысла вѣры), потому что въ ней—все, что должно входить въ составъ человѣческаго вѣдѣнія. Истинная Церковь—та, которая обладаетъ святительской каедрой, отъ которой исходитъ единство священства, внѣ связующаго начала котораго нѣтъ Вселенской Церкви ¹⁾.

Какъ ни одинъ предметъ не существуетъ безъ присущихъ ему свойствъ, такъ и Церковь не можетъ не обладать присущими ей свойствами, не переставая быть тѣмъ, что она есть. Какъ во всемъ живомъ признаки свойствъ становятся явственнѣе по мѣрѣ развитія и слабѣе по мѣрѣ оску-

¹⁾ См. Игнатій Богоносецъ, св. Иринея, Кириллъ іерусалимскій, Кипріанъ карфагенскій и др.

дѣнія жизненныхъ силъ, такъ и въ Церкви, созданной согласно законамъ развитія, признаки ея свойствъ должны становиться явственнѣе по мѣрѣ собственнаго ея роста. Въ силу же того, что среди всего подверженнаго закону разрушенія она одна изъята отъ сокрушенія, она не можетъ потерпѣть ущерба въ свойствахъ своихъ, признаки которыхъ поэтому не только не могутъ слабѣть, но должны напротивъ проявляться все яснѣе. Вотъ почему отцы такъ настаиваютъ на признакахъ, по которымъ Церковь должна до скончанія вѣковъ быть узнаваемой: они естественное послѣдствіе присущихъ ей свойствъ, и гдѣ ихъ нѣтъ, нѣтъ и послѣднихъ, безъ коихъ нѣтъ и Церкви.

Единство и вселенство — присущія свойства Церкви, безъ коихъ перестаетъ быть единой и вселенской, ибо лишеніе свойствъ равняется измѣненію самой сущности предмета; безъ нихъ онъ перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ и обращается въ нѣчто другое, чѣмъ онъ не былъ. Церкви же обѣщана несокрушимость; она недоступна лишенію свойствъ.

Церковь—*едина*, потому что Господь создалъ Свое зданіе согласно закону совершенства. Совершенство сложности не терпитъ: ему присуща простота единства.

Церковь основана *видимой*, потому что Господь создалъ ее согласно закону творенія, по которому Духъ Божій знаменаніемъ безвиднаго мѣрой и строемъ приводитъ безвидное въ образъ.

Церковь основана не внѣ предусмотрѣннаго порядка, но согласно закону, по которому ей предначертанъ путь, дабы она въ своемъ развитіи не была подвержена измѣненію.

Церковь не создана безжизненной, но съ сокровенной силой жизни, которой Господь предназначилъ ей развитіе, дабы неизмѣнность ея не была неподвижностью смерти, но пребываніемъ жизни.

Господь основалъ Церковь единою, потому что она должна быть *вселенской*: ничто же раздробленное вселенскимъ быть не можетъ. Господь хочетъ, чтобы она была вселенской,

потому что она Его Церковь, Церковь Жертвы всемірнаго искупленія. Она должна быть вселенской, потому что она Церковь Бога всяческихъ, и потому что съ тѣхъ поръ, какъ Господь воскресъ, „боги языковъ“ сокрушены, и настало исполненіе слова „*Да будетъ Богъ всяческихъ во всѣхъ*“; и какъ Одинъ Господь Богъ во всѣхъ, такъ Церковь Его должна быть единой для всѣхъ. И Господь нашъ, не призрачный Спаситель, *но Слово еже стало плотию*, основалъ Церковь свою не призрачной, но видимо вселенской и единой и чтобы она была всѣмъ воочію вселенской и единой, то, какъ Богъ Отецъ основалъ ветхозавѣтную Церковь на горѣ высокой—на Моисеѣ, такъ Сынъ Божій основалъ новозавѣтную, въ которой Духъ Божій пребудетъ до скончанія вѣковъ, на горѣ высокой — на Петрѣ, на горѣ, поставленной во главу горъ, къ ней же потекутъ всѣ народы! И по словамъ отцевъ Господь основалъ Церковь на Петрѣ, *на немъ одномъ*, дабы учрежденіемъ единой главы она была всѣмъ явственно единой и дабы не нарушилось въ ней единство священства, управленія и учительства, въ ветхозавѣтной Церкви дарованныя Моисею и Аарону, въ новозавѣтной—соединенныя въ лицѣ Петра, когда Христосъ, ввѣряя ему новую Церковь и истинное священство, поставилъ его по Себѣ пастыремъ Своей Церкви ¹⁾.

Главенство апостола Петра неотрицаемо; этому главенству присуща верховная учительская власть; въ силу апостольскаго преемства главенство апостола Петра принадлежитъ его преемнику всецѣло; ему, стало быть, присуща верховная учительская власть; Церковь въ своемъ учительствѣ непогрѣшима; рѣшающій голосъ непогрѣшимаго учительства погрѣшимымъ въ вѣрѣ быть не можетъ.

Допустимъ, однако, что римскій епископъ лишился своихъ правъ въ силу многихъ погрѣшностей въ вѣрѣ, или даже

¹⁾ Св. Василій Вел., преп. Макарій Егип., св. Опатъ милев., бл. Иеронимъ, св. Левъ Вел., св. Іоаннъ Зл., св. Григорій Вел., св. Григорій нисскій и др.

какой-либо одной, ибо сего довольно, чтобы опроверглись всѣ завѣренія Церкви о несокрушимости первосѣдальной кафедрѣ,—и посмотримъ, къ чему это насъ приведетъ. Голосомъ соборовъ Церковь завѣряетъ, что только для нежелающихъ повиноваться истинѣ не ясно, что высшая учительская власть ея кроется въ ея первосѣдальникѣ, началовождѣ истины, потому что онъ преемникъ Петра. И вотъ, этотъ началовождъ истины, око, направляющее вселенское тѣло Церкви—лишился своихъ верховныхъ правъ, заставляя своими заблужденіями восточную часть Церкви прервать общеніе съ нимъ; другими словами, заставилъ ее, ради спасенія вѣры, прибѣгнуть къ тому, что считалось причиной церковныхъ нестроений, а именно: къ неповиновенію намѣстнику Христову. Церковь считала намѣстника Христова по кафедрѣ недоступнымъ ереси, но онъ все таки отступилъ отъ здраваго ученія! Церковь значитъ ошибалась и она, на ряду со всѣмъ земнымъ, подвержена заблужденію, обольщенію и противорѣчію, т. е. сама погрѣшила.

Съ разрушеніемъ непогрѣшимости Церкви, основоположнаго принципа православнаго ученія вѣры, рушится все зданіе этого ученія. Мы не можемъ допустить, чтобы Церковь ошибалась; слѣдовательно, чтобы допустить погрѣшимость первосѣдальнаго престола, въ виду того, что она противорѣчитъ завѣреніямъ Церкви, остается одинъ исходъ: доказать совокупностью фактовъ, общимъ ходомъ жизни Церкви, преданіемъ и поученіями отцевъ, что преемникъ Петра *никогда никакой* властью не обладалъ, что Церковь его *никогда* своей главой не признавала, и тѣмъ самымъ—что она никогда самобытной вселенской жизни не имѣла, такъ какъ послѣдняя рѣшительно невозможна безъ общаго всѣмъ церквамъ средоточія. Но чѣмъ же объяснить тогда все, сказанное Церковью о значеніи Петровой кафедрѣ, неужели западнымъ властолюбіемъ или восточнымъ раболепствомъ? Завѣренія отцевъ о томъ, что римская кафедра

не доступна ереси въ силу того, что она каеэдра Петра, относятся ко времени, когда у Церкви не было другого властолюбія, развѣ улавливать души въ апостольскія мрежи, и не было другого раболѣпства, развѣ не отступать отъ апостольскаго преданія ¹⁾).

Доказать, что Церковь не признавала преемника Петра своимъ главой, не вѣрила, что молитва Господа — да не оскудѣетъ вѣра его, относится такъ же къ преемникамъ Петровымъ, какъ относилась и къ нему самому,—такъ же невозможно, какъ вычеркнуть изъ Евангелія слова, реченныя Петру Господомъ. Если же вѣра Церкви въ несокрушимость апостольскаго престола—неопровержимый фактъ и если сама Церковь непогрѣшима, то надо заключить, что преемникъ Петра въ вѣрѣ непогрѣшимъ, отъ здраваго ученія не ушелъ и верховныхъ правъ, присущихъ ему въ силу апостольскаго преемства, не утратилъ.

Почему Господь, благоволивъ родиться и воскреснуть на востокѣ, не установилъ на востокѣ же средоточія Своего вселенскаго зданія, объ этомъ такъ же невозможно спрашивать, какъ спрашивать, почему Онъ не воздвигъ на востокѣ ту державу, которая политическимъ объединеніемъ тогдашняго просвѣщеннаго міра уготовила путь къ распространенію христіанства, вопреки своей слѣпой къ нему вражды, какъ греческій языкъ уготовилъ собой орудіе для созиданія христіанскаго ученія.

Итакъ, Петръ, „Церковь Божія“ (по выраженію Златоуста), дѣйствительно такъ неразрывно связанъ съ ней, и она дѣйствительно такъ зиждется на немъ, и обѣтованія Господни такъ непреложны, что отрицаніе непогрѣшимости его каеэдры равняется отрицанію непогрѣшимости Церкви и крушеніе ея—крушенію вселенскаго Христова зданія.

¹⁾ «Западное властолюбіе», будь мимоходомъ сказано, относится все дальше восходящимъ порядкомъ, и теперь уже усматривается въ апостольскихъ временахъ, причѣмъ теряется изъ виду, что этимъ только доказывается апостольское происхожденіе главенства Петровой каеэдры.

Вселенское значеніе первосѣдальной каѳедры доказы-
 вается тѣмъ, что дѣятельность ея съ первыхъ же временъ про-
 стиралась одинаково на всѣ церкви и что она считалась
 недоступной ереси, т. е. непогрѣшимой въ вѣрѣ, что въ свою
 очередь доказывается тѣмъ, что всѣ обращались къ ней
 одной на томъ основаніи, „что она каѳедра Петра“. О томъ
 же свидѣтельствуесть соборное законоположеніе, согласно
 которому соборъ не можетъ состояться безъ благословенія
 апостольскаго престола и не можетъ даже быть православ-
 нымъ безъ его участія. Церковь считала святѣйшее сѣда-
 лище источникомъ своего непогрѣшимаго учительства, зало-
 гомъ своей неотступности отъ апостольской стези. Сказанное
 слѣдуетъ изъ дѣйствительности фактовъ, порядковъ церков-
 наго управленія, правилъ церковнаго дѣлопроизводства. Тѣ
 и другіе, по древнѣйшимъ о нихъ извѣстіямъ, установились
 въ силу обычая, чѣмъ доказывается существованіе дѣйстви-
 тельности, имъ предшествовавшей. Внѣшній порядокъ и
 формы могутъ пережить ту дѣйствительность, въ силу кото-
 рой они установились, но никоимъ образомъ не могутъ ей
 предшествовать; порядки судопроизводства вырабатываются
 вслѣдствіе существующихъ законовъ, какъ послѣдніе утвер-
 ждаются въ силу существующихъ правовыхъ понятій; при-
 дворное чиноположеніе не возникаетъ тамъ, гдѣ нѣтъ двора,
 а дворъ, какъ всякая вообще обстановка власти, не предше-
 ствуетъ послѣдней, а устанавливается въ силу власти уже
 существующей. Новая власть можетъ наслѣдовать обстановку
 предъидущей; жизнь можетъ вносить въ формы отжившихъ
 понятій новое содержаніе, пользуясь уцѣлѣвшими рамками
 прошлаго, но этимъ не опровергается, а подтверждается
 существованіе въ прошломъ той дѣйствительности, формы
 которой уцѣлѣли. Въ церковной же области рамки прошлаго
 не только служатъ подтвержденіемъ вызвавшей ихъ дѣй-
 ствительности, но еще свидѣтельствомъ того, чѣмъ Церковь
 должна быть, потому что она никогда не могла быть иной,
 чѣмъ должна, такъ какъ никакія превращенія въ Церкви не

мыслимы. Въ ней власть не замѣняема и строй не измѣняется, ибо въ силу ея несокрушимости въ ней нѣтъ чередованія, а одно пребываніе, какъ и въ силу ея непогрѣшимости въ ней не можетъ ни утратиться древній смыслъ ученія или преданія, ни явиться новый. Какъ смыслъ преданія неизмѣненъ, такъ и сущность церковныхъ порядковъ неизмѣнна. Въ силу законовъ неизмѣнности и жизни, согласно которымъ она создана, Церковь должна опредѣлять ученіе вѣры, уяснять свои понятія, но не можетъ ихъ утратить или отречься отъ нихъ, что равнялось бы отступленію отъ самой себя. Вотъ почему, между тѣмъ какъ во всякой другой области пониманіе смысла явленій и точное представленіе событій даннаго времени требуютъ отреченія отъ понятій другого времени, настоящій смыслъ явленій церковной жизни требуетъ, наоборотъ, не только ознакомленія съ домостроительствомъ Церкви и посвященія въ смыслъ преданія, но еще сохраненія этого смысла.

Неуклонность Церкви въ шествиі по жизненному пути ускользаетъ отъ тѣхъ, которые не знакомы съ основоположными началами этой жизни и не проникнуты духомъ преданія: этимъ и объясняется, почему отцы такъ строго порицаютъ незнаніе церковнаго прошлаго и говорятъ, что непосвященные въ преданіе искажаютъ смыслъ ученія и незнакомые съ домостроительствомъ Церкви превратно судятъ о ней. Та дѣйствительность, стало быть, въ силу которой установились формы церковной жизни, не можетъ быть чуждой Церкви, но представляетъ, напротивъ, самую сущность того, чѣмъ Церковь была и чѣмъ *должна быть*, потому что она не можетъ быть ничѣмъ инымъ, чѣмъ она есть и не иной, чѣмъ она была.

Наконецъ, возможно ли допустить, что заявленія Церкви о главенствѣ и несокрушимости Петровой каѳедры были безсодержательными формулами, придуманными ради чести, подобающей каѳедрѣ царственнаго города? Неужели среди гоненій II и III вѣковъ Церковь, проникнутая уваженіемъ

къ языческому величію Рима, заботилась объ установленіи „преимуществовъ чести“ своихъ епископовъ, смотря по мѣсту, занимаемому городами на спискахъ римской администраціи ¹⁾?

Что же остается: считать неизмѣнно повторяющееся явленіе — явленіемъ вызваннымъ случайностью? Неизмѣннымъ повтореніемъ доказывается не случайность, а законъ. Считать ли, наконецъ, все сказанное отцами о римской каѳедрѣ „личнымъ мнѣніемъ“? Но, во-первыхъ, заявленіе, доказывающее существованіе *факта*, не есть разсужденіе о немъ и не подходитъ подъ понятіе *мнѣнія*; во-вторыхъ, по ученію Церкви то, что всегда всѣми заявляется, не есть личное мнѣніе кого-либо изъ заявляющихъ, но свидѣтельство того, что Церковью признано. Если же свидѣтельства Церкви о самой себѣ не достаточно, и требуется еще удостовѣреніе свѣтской власти, то относительно значенія апостольскаго престола свѣтская власть, до императора Михаила III, гласитъ неизмѣнно, что „первенство священства принадлежитъ римскому епископу, что всѣ церковныя дѣла должны быть отправляемы на судъ апостольской каѳедры, на которой держитъ начальство надъ священствомъ самъ Петръ, что *должно* отдавать во всемъ первенство безсмертному общенію, которое, владычествомъ своей силы, наполняетъ міръ, что, согласно соборному законоположенію, соборы должны выслушивать посланія апостольской каѳедры въ молчаніи и съ должнымъ вниманіемъ, ибо, какъ Петръ исповѣдалъ въ краткомъ словѣ полноту домостроительства спасенія, такъ и преемникъ его, началовождь истины, про-

¹⁾ Выраженіе «древній Римъ», установившееся послѣ основанія «новаго Рима», не имѣетъ большаго значенія по отношенію къ римскому епископу; чѣмъ именованіе «первосвященникъ», сохранившееся въ императорскомъ титулѣ до Аркадія и Гонорія и которое не обращало христіанскихъ императоровъ ни въ жрецовъ, ни въ священниковъ. Римскій епископъ считался «вселенскимъ», не потому, что онъ былъ епископомъ древняго Рима, но по силѣ и власти, присущей святительской каѳедрѣ.

свѣщаетъ вѣрующихъ“ и т. д. ¹⁾). Отрицать, что въ глазахъ Церкви главенство святѣйшаго сѣдалища основано на главенствѣ апостола Петра, возможно только подъ условіемъ относиться къ Церкви согласно тому, что Тертуллианъ говоритъ объ отношеніи современнаго ему общества къ христіанству, а именно: „Любознательность исчезаетъ только, когда идетъ рѣчь о христіанствѣ“. Дѣйствительно, чтобы не признавать главенства, присущаго Петровой каедрѣ, надо не знать ни исторіи, ни преданія и не быть знакомымъ съ домостроительствомъ Церкви, что чуждо духу Церкви, которая не окружается мракомъ, но вносить свѣтъ во тьму и ставить въ обязанность провѣрять, дѣйствительно ли принадлежитъ ей то, что ставится подъ ея имя, и порицаетъ незнаніе церковнаго прошлаго, какъ одну изъ причинъ, порождающихъ превратныя мнѣнія. Дѣйствительно, незнаніе церковнаго прошлаго — отличительная черта всѣхъ внѣ Церкви стоящихъ поборниковъ мнимой старины. Какой-то потаенный страхъ передъ посвященіемъ въ истину уже замѣченъ въ нихъ св. Иринеємъ, который говоритъ: „Гдѣ Церковь, тамъ и Духъ Божій“ и прибавляетъ, что удаляющіеся отъ вѣры Церкви отвергають Духа, „чтобы не вразумиться“.

Рѣшеніе великаго спора и величайшаго бѣдствія христіанства зависитъ отъ уясненія четырехъ вопросовъ. Во-первыхъ, вѣрятъ ли въ Богомъ основанную и по Его обѣтованію несокрушимую Вселенскую Церковь и въ существованіе когда-либо этой Церкви? Во-вторыхъ, чѣмъ должна быть эта Церковь, другими словами, чѣмъ она была (ибо истинная Церковь не можетъ быть иной, чѣмъ она должна быть)? Въ-третьихъ, которая изъ церквей обладаетъ свойствами, присущими Церкви, и обнаруживаетъ вѣрные признаки этихъ свойствъ? И, наконецъ, въ силу того, что ничто

¹⁾ См. Высочайшіе указы и посланія императора Валентиніана III, императрицы Галлы-Плакидіи, Пульхеріи, императоровъ Маркіана, Константина IV, Константина VI и др.

не осуществимо внѣ условій, требующихся для осуществленія въ дѣйствительности,—которая изъ церквей находится въ условіяхъ, позволяющихъ Церкви быть тѣмъ, чѣмъ она должна быть, т. е. единой и вселенской?

Истинная Церковь,—раздается собственный ея голосъ,—та, которая строимъ и ученіемъ предшествовала всѣмъ другимъ, которая ничего не утратила изъ того, что ей принадлежитъ безъ вѣдомаго начала и, обладая всѣми Церкви присущими свойствами, обнаруживаетъ ихъ явными, не оставляющими сомнѣнія признаками, ученіе которой опредѣлилось въ своихъ очертаніяхъ естественнымъ ходомъ развитія; Церковь, которая, распространяясь, остается объединенной іерархической связью, уподобляясь въ ростѣ дереву, растущему изъ своихъ корней, развитіемъ вѣтвей изъ неподвижнаго ствола. Истинною Церковью должна быть та, единство и вселенство которой для всѣхъ очевидны и осязаемы, какъ челоуѣчество Спасителя, коего она вселенское тѣло, дабы она могла сама обращаться къ невѣрующимъ со словами Спасителя: „подай руку твою и вложи въ ребра Мои“ ¹⁾. Истинная Церковь должна управляться, какъ во дни оны, членами единой главы, вселенскимъ братствомъ епископовъ; обладать тѣмъ видимымъ средоточіемъ священства, которое Господь установилъ, дабы Церковь Его не распалась, не была, на подобіе погибельнаго дома, раздѣлена въ самой себѣ, и дабы всякія грани челоуѣческихъ обособленій были чужды Его вселенскому зданію; она должна обладать живымъ и ничѣмъ не заглушаемымъ голосомъ учительства, дабы ученіе вѣры не обратилось въ немногимъ доступное книжное сокровище, но оставалось неотступнымъ вѣщаніемъ присноживаго преданія. Истинная Церковь должна быть та, которая, согласно тому, что Церковь говоритъ о себѣ, не держитъ свѣтъ подъ спудомъ, но преподаетъ все, что входитъ въ вѣдѣніе челоуѣческаго знанія, и о которой

¹⁾ Іоаннъ XX, 27.

можно сказать, что она продолжаетъ апостольское служеніе, ибо во всемъ мірѣ вѣщаніе ея и до концевъ земли глаголы ея!

Если кто скажетъ, что, проявляя всѣ признаки вселенской Церкви, западная церковь все таки не истинная Церковь, потому что ученіе о главенствѣ и истекающей изъ него неошибочности первосѣдальной кафедры чужды христіанской древности, то мы отвѣтимъ, что если оно чуждо древности, то развѣ въ томъ смыслѣ, что оно преданіемъ не отмѣчено ни годомъ, ни числомъ, годъ же начала отрицанія главенства Востокомъ—извѣстенъ; что время установленія связи іерархическаго единства въ лицѣ Петрова преемника — неизвѣстно, образованіе же каждой, отдѣлившейся отъ единства, церковной единицы отмѣчено годомъ и числомъ; и, наконецъ, что опредѣленіе ученія, неимѣющаго вѣдомаго начала и преданіемъ преподаннаго, болѣе соотвѣтствуетъ духу Церкви, чѣмъ обращеніе соборныхъ изреченій о недоступности апостольскаго престола всякой ереси до скончанія вѣковъ въ лишенныя содержанія формулы. Последнее предвидѣно седьмымъ вселенскимъ соборомъ. На пятомъ его дѣяніи принесли книгу, въ которой говорилось о честныхъ иконахъ; книга была въ серебрянныхъ доскахъ и съ обѣихъ сторонъ украшена иконами святыхъ; иконоборцы вырѣзали изъ книги все, что въ ней говорилось объ иконахъ; но самыя иконы оставили; были принесены и другія книги, въ которыхъ также листы, гдѣ говорилось о св. иконахъ, были вырѣзаны. Иконоборцы хотѣли уничтожить свидѣтельство Церкви относительно иконъ, но самое дѣло рукъ ихъ (книги съ вырѣзанными листами) послужило доказательствомъ тому, что смыслъ преданія не былъ согласенъ съ ихъ ученіемъ, и соборъ, при видѣ завѣдомаго укрывательства иконоборцевъ, намѣренія ихъ обратить свидѣтельство Церкви въ лишенный содержанія призракъ, — изрекъ противъ всѣхъ скрывающихъ что либо изъ смысла преданій и свидѣтельства Церкви: *„Горе душамъ тѣхъ, которые скрываютъ истину!“*

Скрываніе свидѣтельства Церкви о главенствѣ и несокрушимости первосѣдальной каѳедры и обращеніе всякаго о томъ доказательства въ лишенныя содержанія формулы,— свидѣтельствуя, какъ вырванные изъ книгъ листы, о жизни внѣ смысла преданія, несогласной съ той дѣйствительностью, выраженіемъ которой она служитъ. Догматическое опредѣленіе ученія, которое не чуждо древности, во всякомъ случаѣ лучший признакъ неотступленія отъ преданія, чѣмъ отрицаніе того же ученія, потому что неотступность выражается не отрицаніемъ, но сохраненіемъ.

Истинной Церкви свойственно не терять ничего изъ своего наслѣдія, но уяснять, утверждать и опредѣлять преподаданное преданіемъ, не ронять въ глазахъ міра то, чему она преклонялась, но требовать уваженія къ тому, что она сама уважала.

Та-ли Церковь ближе къ преданію, которая опредѣлила то, что по единогласному свидѣтельству отцевъ было общимъ всей Церкви воззрѣніемъ, или тѣ люди, которые съ цѣлью ослабить значеніе этого свидѣтельства, прибѣгають къ восхваленію всякаго церковнаго несогласія? Та-ли Церковь держится преданія, которая, ничего не скрывая изъ свидѣтельства отцевъ, опирается на немъ, или тѣ, которые съ цѣлью умалить значеніе отеческаго свидѣтельства о данномъ вопросѣ, роняють авторитетъ отцевъ, выставляя погрѣшности ихъ „личныхъ мнѣній“? Не къ нимъ ли относятся слова св. Викентія Лиринскаго: „По истинѣ достойны сожалѣнія тѣ, которые *намыренно* собирають разныя ненамыренныя погрѣшности знаменитыхъ пастырей и отцевъ Церкви?“ Кто ближе къ древности: тѣ-ли пастыри, которые повторяють неизмѣнно, что обрядовыя особенности не нарушаютъ каѳолическаго единства, или тѣ, которые съ каѳедры называютъ крестъ именемъ, роняющимъ для слушателей достоинство креста, потому что онъ не осьмиконечный? Кто дѣйствуетъ согласнѣе смыслу благочестія, та-ли власть, которая учреждаетъ во всемъ мірѣ братства для

приношенія молитвъ о воссоединеніи церквей, или то начальство, которое внушаетъ, что не слѣдуетъ придавать молитвѣ, глаголемой восточной церковью о соединеніи церквей, смысла молитвы о возстановленіи единства? Кто ближе преданію, тѣ-ли, которые, радуясь каждому возстанію противъ власти, олицетворяющей собой вселенское единство Церкви, ищутъ союзниковъ противъ этой власти, въ древности признаваемой средоточіемъ католическаго единства, а ими прозванной *общимъ врагомъ*, и которые, въ ослѣпленіи вражды и ненависти не различая больше заблужденія отъ заблужденія, не принимаютъ даже во вниманіе, нарушается ли ихъ союзниками собственное ученіе ¹⁾—или та церковь, которая неотступно держится соборнаго правила, что никакое заблужденіе не оправдывается тѣмъ, что оно противорѣчитъ другому заблужденію, и которая, утверждаясь въ своемъ осязаемомъ, очевидномъ и несомнѣнномъ вселенскомъ единствѣ на твердынѣ истины, сама себѣ довлѣетъ?

¹⁾ Такъ, напр., по рѣшенію раскольниковъ, смѣльчаковъ казацкой вольницы, абиссинскіе христіане причисляются къ православно исповѣдующимъ вѣру. И среди всей православной іерархіи, вотъ уже два года, ни одинъ голосъ не возвышается, чтобы разсѣять недоразумѣніе, возстановить истину, напомнить, что евтихіане четырнадцать съ половиной вѣковъ отлучены отъ общенія и находятся съ ересеначальникомъ своимъ подъ анаемой Церкви! Неужели разобненіе съ апостольскимъ престоломъ, даже при разобненіи съ восточною церковью, само собой смываетъ клеймо, наложенное Церковью, уничтожаетъ ея вселенскій приговоръ и достаточно для обращенія ереси въ здоровое ученіе? Если такъ, тогда не требуется дальнѣйшихъ разсужденій для рѣшенія, съ чьей стороны Вселенская Церковь. Скажемъ еще кстати, что въ прошломъ году бѣглый понѣ, явившійся изъ Франціи въ Киевскую обитель, съ французскимъ нахальствомъ, доходящимъ до наивности, «удостоилъ» насъ заявленіемъ, «что Фотій признанъ гениальнымъ человѣкомъ *самимъ* Вольтеромъ!» Извѣстіе было съ поспѣшностью подхвачено нашей правовѣрной печатью, и никто не возмущился, никто ничего не возразилъ, никто не нашелся отвѣтить, что восточное христіанство не нуждается въ одобреніи *фернейскаго патріарха*. А что, если оно дѣйствительно не оскорблено неприличной похвалою, если чувство достоинства Церкви и величія православнаго ученія вѣры до того въ немъ утратилось, что даже быть приуроченнымъ къ человѣческому имени никого изъ его среды уже не приводитъ въ негодованіе?

Если послѣ всего сказаннаго все еще будутъ возражать, что западная церковь не осуществляетъ того, чѣмъ Церковь была, должна быть, есть и пребудетъ, мы тогда отвѣтимъ, что блистаніе дня показывается, но не доказывается...

Однако допустимъ, что западная церковь заблуждается опредѣленіемъ объ исхожденіи Святаго Духа по существу и отъ Сына и опредѣленіемъ догмата о нешибочности первосѣдальной катедры. Для всякаго, признающаго, что Церковь создана Спасителемъ, и для всякаго, вѣрующаго въ силу слова Божія въ непогрѣшимость Церкви, Востокъ не могъ оставаться пятьсотъ лѣтъ въ общеніи съ церковью, вѣрующей согласно смыслу уяснительныхъ словъ объ исхожденіи Св. Духа, если только этотъ смыслъ нарушаетъ чистоту ученія, и Западъ не могъ оставаться въ общеніи съ Востокомъ, если послѣдній дѣйствительно не включалъ уяснительныхъ словъ въ символъ по причинѣ отвергаемаго смысла, потому что въ противномъ случаѣ, съ чьей бы стороны ни было здоровое ученіе, обѣ оказались бы одинаково преступными и тогда выходить, что со дня чтенія символа, во всеуслышаніе Церкви, съ уяснительными словами, несокрушимой Церкви Божіей на землѣ нѣтъ. Стало быть: чтобы не нарушилась неприкосновенность вѣры въ непреложность Божіихъ обѣтованій, остается или доказать, что Церковь *никогда* не вѣрила въ исхожденіе Св. Духа отъ Отца и Сына и *опредѣлила исключительное исхожденіе по существу отъ Отца*, или, если этого доказать нельзя, то допустить, что западная церковь не отступила отъ преданія, не исказила здраваго ученія и опредѣлила согласно православному смыслу вѣры.

Возможно ли доказать, что Церковь никогда не допускала исхожденія Св. Духа по существу отъ Отца и Сына, но всегда держалась исключительнаго исхожденія Его отъ Отца, а также, что она когда-либо опредѣлила ученіе свое въ смыслѣ исключительнаго исхожденія отъ Отца?

Перейдемъ къ опредѣленію нешибочности первосѣдаль-

ной каѳедры. Священное преданіе не возникло внѣ Писанія; истинная Церковь не опредѣляетъ внѣ преданія; истинная Церковь также ничего изъ своего апостольскаго наслѣдія никогда не теряетъ. Вѣра Церкви въ несокрушимость Петровой каѳедры—неопровержимый *фактъ*. Фактъ этотъ не могъ установиться внѣ преданія, которое не могло возникнуть внѣ Писанія. Но вотъ восточная церковь отрицаетъ несокрушимость первосѣдальной каѳедры и лишаетъ свидѣтельство Церкви о главенствѣ ея всякаго смысла и содержанія; западная церковь отвѣчаетъ на отрицаніе главенства согласно постановленію константинопольскаго собора 870 г., Востокомъ отвергаемаго съ 1054 г., а Западомъ подтвержденнаго опредѣленіемъ собора 1870 г. Если это опредѣленіе противорѣчитъ свидѣтельству Церкви, то западная церковь исказила смыслъ преданія, который является такимъ образомъ съ одной стороны *утраченнымъ*, съ другой *искаженнымъ*. Гдѣ же искать Христово вселенское зданіе, благодатный сосудъ, который ничего изъ своего апостольскаго наслѣдія не теряетъ и ничего своего не искажаетъ?

Если Востокъ поступилъ согласно здравому ученію въ 860 г., отвергая главенство, а затѣмъ вступилъ въ общеніе съ апостольскимъ престоломъ, не смотря на постановленіе о главенствѣ собора 870 г., то выходитъ, что несокрушимой Церкви Божіей на землѣ нѣтъ, ибо несокрушимая Церковь не шатается, не переходитъ отъ одного начала къ другому и не подвержена противорѣчію. Стало быть, чтобы не нарушилась неприкосновенность вѣры въ непреложность Божіихъ обѣтованій, остается не только доказать, что Церковь ничѣмъ не свидѣтельствуетъ о несокрушимости Петровой каѳедры, но еще объяснить, какимъ образомъ Востокъ не нарушилъ здраваго ученія, вступая вновь въ общеніе съ Западомъ, послѣ постановленія константинопольскаго собора 870 г., вызваннаго недавнимъ отрицаніемъ главенства со стороны Фотія (если только Фотій былъ правъ въ своемъ опроверженіи главенства) и, кромѣ того, доказать, что Цер-

ковъ вселенскимъ приговоромъ опредѣлила сокрушимость своей первосѣдальной каѳедры. Если же ничего этого нельзя ни объяснить, ни доказать, то надо допустить, что западная церковь не отступила отъ здраваго ученія и опредѣлила согласно православному смыслу вѣры. Спрашивается, возможно ли доказать, что соборъ 870 г. не издалъ постановленія, которое свидѣтельствуеетъ о томъ, что Церковь всегда вѣрила въ божественное начало власти Петровой каѳедры, и, если только Фотій былъ правъ, отвергая главенство апостольскаго престола, то возможно ли объяснить, какимъ образомъ онъ не противорѣчилъ самому себѣ и не нарушилъ здраваго ученія (а вслѣдъ за нимъ и весь Востокъ), возстановляя общеніе съ апостольскимъ престоломъ и признавая его главенство? И, наконецъ, возможно ли доказать, что Церковь никогда не вѣрила въ недоступность Петровой каѳедры всякой ереси до скончанія вѣковъ и когда-либо вселенскимъ приговоромъ опредѣлила, что она, эта каѳедра, не есть непоколебимая основа, несокрушимая твердыня и глава Церкви?

Повторяемъ еще разъ: обѣтованія Господни такъ непреложны, Церковь до того дѣйствительно зиждется на Петрѣ и онъ такъ нераздѣльно съ нею связанъ, что съ сокрушеніемъ его каѳедры сокрушается сама Церковь. И, чтобы отрицать послѣдовательность ученія о главенствѣ и присущей Петрову сѣдалищу власти, надо, чтобы „всякая любознательность продолжала исчезать, какъ только идетъ рѣчь о Церкви“. Подобное равнодушіе къ ней со стороны повторяющихъ: „Вѣрую во единую, святую, соборную и апостольскую Церковь“—поголовно не мыслимо, и, вѣроятно, не одинъ вѣрующій призадумается при чтеніи словъ, коими бл. Августинъ изливаетъ свою любовь къ Вселенской Церкви: „Въ ней, пишетъ бл. отецъ, не говоря уже о глубокой мудрости и многомъ другомъ, что меня привязываетъ къ ея лону, привязываетъ меня могущество, чудесами установленное, надеждою взрощенное, милостію умноженное,

древностию утвержденное, привязываетъ меня преемство Петрова престола отъ Петра и до настоящаго епископства, привязываетъ меня и самое имя „вселенская“, которое она одна среди всѣхъ заслуживаетъ и носить“. О которой церкви можно сказать донинѣ, что она одна носить и одна заслуживаетъ имя, подобающее Церкви Бога всяческихъ—имя *вселенской*, и что она сохранила преемство Петрова престола отъ Петра и до настоящаго епископства?

Не говоря о невозможности создать вторую вселенскую церковь, ибо Церковь одна, какъ Богъ одинъ, и о невозможности создать ей давность, принадлежащую первой, посмотримъ, имѣется ли въ восточномъ христіанствѣ что-либо похожее на строй и составъ, необходимо нужные для того, чтобы Церковь отвѣчала своему вселенскому значенію и призванію.

Исповѣданіе одной вѣры разными и между собой не связанными церковными единицами достаточно ли само по себѣ для образованія органически-самобытно живущаго вселенскаго тѣла? Заключается ли въ немъ связь іерархическаго единства и единства управленія и образуется ли имъ общее всему міру вселенское церковное зданіе?

Все на землѣ служить къ разобщенію людей—и зло и добро, первое — нарушеніемъ, второе — охраненіемъ правъ личнаго и народнаго существованія. Надо человѣку хоть въ Церкви не встрѣчаться съ началами разобщенія, а лишь съ неограниченнымъ величіемъ вѣчныхъ истинъ и съ всеобъемлющей любовью Искупителя. Для этого Господь и основалъ Церковь свою *вселенской*. И въ силу этого человѣку нужно видѣть ее въ дѣйствительности, воочию вселенской, чувствовать надъ собой ея вселенскую духовную власть и своимъ принадлежаніемъ къ ней признавать самого себя членомъ народа Божія. Кивотъ завѣта новаго обѣтованія, ковчегъ спасенія всѣхъ долженъ быть изъятъ изъ земныхъ обособленій. Сами по себѣ эти обособленія святы, потому что они существуютъ въ силу непреложныхъ законовъ

природы и неотъемлемыхъ человѣческихъ правъ и представляютъ собой, какъ послѣдствіе подвиговъ прошлаго, такъ и залогъ будущаго развитія законныхъ и драгоценныхъ благъ народной жизни. Вотъ почему, въ силу именно съ одной стороны законности обособленій, а съ другой— всемірнаго значенія христіанства, высшимъ выраженіемъ христіанскихъ началъ является Церковь, собирающая народъ Божій со всѣхъ концовъ земли, призывая людей ко спасенію, при полномъ охраненіи личныхъ и національныхъ правъ; а крайнимъ отрицаніемъ христіанскихъ началъ является международное сообщество, призывающее людей, во имя безбожія, къ разрушенію всякихъ правъ, какъ личной, такъ и національной жизни.

Присматриваясь къ тому, что представляетъ собой восточное христіанство, можно бызаключить, что призваніе Церкви— не собирать, а разобщать людей, замыкать народы, каждый въ самомъ себѣ, не для развитія своихъ природныхъ силъ, а на оскудѣніе духовныхъ дарованій въ гнѣвномъ отчужденіи другъ отъ друга. Неистовые вопли: „Востокъ, Востокъ!“, приводившіе въ негодованіе св. Григорія Богослова и Максима Исповѣдника, явились бы теперь воскреснымъ восклицаніемъ въ сравненіи съ требованіями „филетизма“, среди которыхъ понятіе о Церкви дошло до низведенія ея на степень одной изъ сотенъ земныхъ пружинъ. Церкви, которымъ отведено подобное мѣсто, могутъ, смотря по надобности, приводить въ движеніе страсти, то поддерживая вражду ко всему не своему во имя вѣроисповѣдной розни, то возбуждая ненависть къ другимъ исповѣданіямъ во имя всего своего, но онѣ безсильны возбудить любовь къ себѣ, потому что любовь къ Церкви мыслима только при живой вѣрѣ въ нее. Всѣ же восточныя церкви приываютъ къ вѣрѣ въ „единую, соборную и апостольскую Церковь“, но ни одна изъ нихъ не осуществляетъ ее и всѣ, вмѣстѣ взятыя, не составляютъ ея, потому что совокупность ихъ лишена средоточія, въ силу котораго части образуютъ цѣлое и въ которомъ заключается

связующее начало единства. Повторяющимъ, что они вѣрятъ въ единую Вселенскую Церковь, приходится вѣрить въ нѣчто земное, несуществующее. Относиться съ вѣрой можно только къ небесному, существующему невидимо для насъ, или къ земному, Богомъ освященному и видимо существующему. Намъ же, восточнымъ христіанамъ, приходится вѣрить въ призракъ. Отсюда наше равнодушіе и отсутствіе живой любви и уваженія къ Церкви. Виноваты ли мы въ нашей холодности къ Церкви, которая налагаетъ свою печать на весь нашъ нравственный обликъ, суживая наше міровоззрѣніе? Не страдаемъ ли мы отъ этого? Возможно ли оказывать должное почитаніе учительству церквей, которымъ приходится прерывать нить преданія? Возможно ли внимать ихъ вѣщанію, когда въ самомъ ихъ преподаваніи о Церкви заслоняется правда, потому что она облегчаетъ ихъ несостоятельность передъ собственнымъ ученіемъ? Сдвинутыя съ одной церковной основы и оторванныя отъ церковнаго средоточія, восточныя церкви безсильны, и никакіе подмошки отъ міра сего не въ состояніи возвысить ихъ значеніе и упрочить ихъ существованіе, потому что ничто временное не можетъ создать несокрушимаго. Церковь можетъ утвердиться въ мірѣ лишь на своей основѣ и лишь собственнымъ ростомъ и развитіемъ подняться надъ нимъ. Нагроможденіемъ всего земнаго не замѣнитъ камня божественнаго строительства, потому что Церковь, какъ истина, не отъ человѣческаго желанія получаетъ силу и не человѣческимъ хотѣніемъ управляется, а беретъ силу отъ домостроительства непостижимаго промысла.

Мы прослѣдили жизнь Церкви подъ дѣйствіемъ сего промысла со дня основанія ея безъ утаекъ и натяжекъ свойственныхъ сомнѣнію и лицемѣрію. При благочестивомъ изслѣдованіи церковнаго прошлаго часто приходится слышать: „Какъ мы далеко ушли отъ этого!“ Отъ чего же, однако, ушли мы, отъ чего отстали? Мы православно исповѣдуемъ вѣру, не отвергаемъ преданія, не отрицаемъ тайны

апостольскаго преемства, что же то „это“, отъ коего мы отстали? — Отъ средоточія Вселенской Церкви мы ушли, отъ ея жизни мы отстали. Со времени разобщенія Востока съ апостольскимъ престоломъ, съ кафедръ восточной церкви не раздается больше учительскаго голоса; изъ обитателей ея не выносятся свѣтъ міру, среди движенія міровой жизни и развитія она остается имъ чуждой, замыкаясь въ могильномъ мракѣ бесплодія, и ученіе ея, твердое и ясное во всемъ уясненномъ до раздѣленія церквей, со времени разобщенія Востока съ верховной учительской властью—безжизненно и неопредѣленно. Но неужели кафедры восточныхъ вселенскихъ учителей на вѣки обречены на безмолвіе, и восточное христіанство—на погибель? Церковь, сохранившая въ цѣлости сокровище православнаго ученія вѣры, хотя и зарыла свой талантъ въ землю,—пока не пробилъ послѣдній часъ, можетъ воскреснуть во всемъ своемъ величій и снова стать частью того, чѣмъ она себя именуетъ, т. е. частью Вселенской Церкви. И это возможно при условіи возстановленія общенія съ той кафедрой, главенство которой она десять вѣковъ признавала, подъ сѣнью которой покоится искавшій въ ней одной защиты многострадальный поборникъ восточной церкви Іоаннъ Златоустъ, и съ высоты которой раздается голосъ, призывающій Востокъ къ общенію любви во имя неутраченнаго единства вѣры и имѣющей одной надежды.

Потребность возвратиться къ единству Христову даетъ себя чувствовать. Сказано: „Если что попросите во имя Мое—Я то сдѣлаю“ ¹⁾. Можетъ ли быть молитва болѣе во имя Господне, чѣмъ молитва о возстановленіи церковнаго единства и христіанскаго мира и согласія? И у насъ—два неотъемлемыхъ залога воссоединенія церквей: совершеніе таинства Евхаристіи и поклоненіе Пресвятой Богородицѣ. Не можетъ быть, чтобы отъ возношенія Жертвы Любви

¹⁾ Іоаннъ XIV, 14.

не загорѣлась въ искренно- и пламенно-вѣрующихъ душахъ потребность въ общеніи любви; не можетъ быть, чтобы „Мать, начало всякой тишины родная“, не собрала воедино подъ свой омофоръ всѣхъ съ Востока и Запада ее съ вѣрой призывающихъ. По Божіимъ неисповѣдимымъ путямъ часть вселенскаго братства разошлась, разсѣялась; но молитва Спасителя о Симонѣ, *да утвердитъ онъ братьевъ своихъ*, — присно-жива; и сказано: *„Гдѣ двое или трое собраны во имя Мое, тамъ Я посреди нихъ“*, и *„Если что попросите у Отца во Имя Мое, то соделаю, да прославится Отецъ въ Сына“* ¹⁾. Молитвающихся о воссоединеніи церквей не двое уже или трое и не одна сотня, и молитва ихъ сопровождается Его же молитвой, потому что молитва о восстановленіи единства Христова — молитва во имя Его. Молитва Спасителя о Церкви своей, молитва Бога къ Богу — оставаться всеу не можетъ.

Господь ходитъ выше всѣхъ земныхъ преградъ, глубже всѣхъ раздѣльныхъ граней и нудитъ души къ восстановленію единства, воскрешая въ нихъ вѣру „во единую, святую, соборную и апостольскую Церковь“.

¹⁾ Матѣ. XVIII, 20.—Иоаннъ XIV, 13.